

ISSN 2409-1073

DOI: 10.24151/2409-1073

МИЭТ

Национальный
исследовательский
университет

*Экономические и
Социально-
Гуманитарные
Исследования*

3(39)/2023

МИЭТ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

Экономические и социально-гуманитарные исследования *Научный журнал*

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации:
ПИ № ФС77-69191 от 24 марта 2017 г.
Распространяется по подписке
Подписной индекс
в ООО Агентство «Книга-Сервис»:
80114

№ 3(39)
Июль — сентябрь 2023 г.

ISSN 2409-1073

Издается с июня 2014 г. Выходит 4 раза в год

Включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Включен в Российский индекс научного цитирования.

MIET

NATIONAL RESEARCH
UNIVERSITY OF ELECTRONIC
TECHNOLOGY

Economic and Social Research *Scientific Journal*

Certificate of the journal registration
PI No. FS77-69191 was issued on 24 March 2017
The journal is distributed by subscription
Subscription index of LLC Agency "Book-Service":
80114

No. 3(39)
2023 July — September

ISSN 2409-1073

Published since 2014. Quarterly (4 issues per year)

ESGI journal is included into the List of periodicals recommended for publishing doctoral research results by the Higher Attestation Commission.

ESGI journal is included in Russian Science Citation Index.

© «Экономические и социально-гуманитарные исследования», 2023
© МИЭТ, 2023

© "Economic and Social Research", 2023
© MIET, 2023

Главный редактор
Растимешина Т. В., доктор политических наук, доцент

Редакционный совет

Председатель редсовета

**Анискин Ю. П., доктор экономических наук,
профессор, профессор НИУ МИЭТ**

Сопредседатель редсовета

**Чумаков А. Н., доктор философских наук, профессор,
ведущий научный сотрудник ИФ РАН**

Агапов В. С., д. психол. н., проф., РосНОУ

Андрюченко Е. В., д. филос. н., проф., РГСУ

**Бертош Е. В., к. э. н., доц., зав. кафедрой, БНТУ
(Республика Беларусь)**

Бондарева Я. В., д. филос. н., проф., МГОУ

Гагарин А. В., д. пед. н., проф., РАНХиГС

Гладков И. С., д. э. н., проф., гл. науч. сотр., ИДВ РАН

**Данильченко А. В., д. э. н., проф., декан, БНТУ
(Республика Беларусь)**

**Зазыкин В. Г., д. психол. н., проф., ст. науч. сотр.,
ПИ РАО**

**Захлебный А. Н., д. пед. н., проф., академик РАО,
Ин-т стратегии развития образования РАО**

**Инфанте Д., Dr. Sci. (Polit. Econ.), проф.,
Университет Калабрии (Италия)**

Князев В. Н., д. филос. н., проф., МПГУ

Лаце Н., Dr. Sci. (Econ.), проф.,

Рижский университет (Латвия)

Лобастов Г. В., д. филос. н., проф., МАИ

**Михалкин Н. В., д. филос. н., проф., зав. кафедрой,
МГППУ**

**Моисеева Н. К., д. э. н., проф.,
проф.-конс., НИУ МИЭТ**

Мрочко Л. В., д. филос. н., проф., МосГУ

Пирогов А. И., д. филос. н., проф., НИУ МИЭТ

**Пылаева Т., Dr. Sci. (Econ.), проф., Евроакадемия
(Эстония)**

**Смирнова Ж. Вяч., PhD (Econ.), доц.,
Университет Калабрии (Италия)**

Редакционная коллегия

Заместитель главного редактора

**Пирогов А. И., доктор философских наук, профессор,
профессор НИУ МИЭТ**

Алексеев С. В., д. пед. н., проф., СПб АППО

**Алексеева И. Ю., д. филос. н., проф., вед. науч. сотр.,
ИФ РАН**

Гуськова Н. Д., д. э. н., проф., МГУ им. Н. П. Огарева

Даниелян Н. В., д. филос. н., доц., проф., НИУ МИЭТ

Евдокимова М. Г., д. пед. н., доц.,

директор Ин-та ЛПО, НИУ МИЭТ

Еленева Ю. Я., д. э. н., проф., зав. кафедрой,

МГТУ «СТАНКИН»

Емец В. С., д. полит. н., проф., РЭУ им. Г. В. Плеханова

Иванова Г. П., д. пед. н., проф., МГОУ

Ильин В. В., д. филос. н., проф.,

КФ МГТУ им. Н. Э. Баумана

Кальней В. А., д. пед. н., проф.,

МГУТУ им. К. Г. Разумовского (ПКУ)

Лукичева Л. И., д. э. н., проф., НИУ МИЭТ

Мамедов Н. М., д. филос. н., проф., РАНХиГС

**Мушта А. А., к. филос. н., доц., вед. спец., Акад. управ-
ления при Президенте РБ (Республика Беларусь)**

Панов А. И., д. полит. н., проф., МГОУ

Прокофьев А. А., д. пед. н., к. ф.-м. н., доц.,

зав. кафедрой, НИУ МИЭТ

Родин В. Ф., д. пед. н., проф., Моск. ун-т МВД РФ

им. В. Я. Кикотя

Салимова Т. А., д. э. н., проф.,

декан, МГУ им. Н. П. Огарева

**Смирнова Ж. Вен., к. пед. н., доц., зам. зав. кафедрой,
НГПУ им. Козьмы Пруткова**

Степанов С. А., д. пед. н., проф., проф., МНЭПУ

Стуканова С. С., д. э. н., доц., НИУ МИЭТ

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникации (Роскомнадзор) 24 мая 2017 года.

Учредитель и издатель: федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский университет «Московский институт электронной техники» (НИУ МИЭТ), 124498, Москва, Зеленоград, пл. Шокина, д. 1.

Заведующий редакцией — **А. И. Пирогов**
Научный редактор — **Т. В. Растимешина**
Выпускающий редактор — **Ю. В. Лункина**
Компьютерная верстка — **С. О. Брылев**

Ведущий редактор — **Т. В. Растимешина**
Редакторы — **Е. В. Малинкина, А. В. Лобанова**
Дизайнер обложки — **С. Ю. Рыжков**

Адрес редакции: 124498, Москва, Зеленоград, пл. Шокина, д. 1, МИЭТ.

Тел.: 8-499-729-76-02

E-mail: esgi.miet@yandex.ru **Сайт:** <http://esgi-miet.ru>

Подписано в печать 20.09.2023. Формат бумаги 60×84 1/8. Цифровая печать.

Объем 26,04 усл. печ. л., 15,27 уч.-изд. л. Заказ № 19.

Отпечатано в типографии ИПК МИЭТ: 124498, Москва, Зеленоград, пл. Шокина, д. 1, МИЭТ.

Editor-in-Chief
Rastimeshina T. V., *Dr. Sci. (Polit.)*, Assoc. Prof.

Editorial Board

Chairman

Aniskin Yu. P., *Dr. Sci. (Econ.)*, Prof., MIET

Vice Chairperson

Chumakov A. N., *Dr. Sci. (Philos.)*, Prof., Acad. of REA,
Lead. Res., Institute of Philosophy of RAS

Agapov V. S., *Dr. Sci. (Psy.)*, Prof., Russian New University

Andriyenko E. V., *Dr. Sci. (Philos.)*, Prof., RSSU

Bertosh E. V., *Cand. Sci. (Econ.)*, Assoc. Prof., BNTU
(Republic of Belarus)

Bondareva Ya. V., *Dr. Sci. (Philos.)*, Prof., MRSU

Gagarin A. V., *Dr. Sci. (Ped.)*, Prof., RANEPa

Gladkov I. S., *Dr. Sci. (Econ.)*, Prof.,
Institute of Far Eastern Studies of RAS

Danilchenko A. V., *Dr. Sci. (Econ.)*, Prof., BNTU
(Republic of Belarus)

Zazykin V. G., *Dr. Sci. (Psy.)*, Prof.,
Senior Fellow, PI RAE

Zakhlebny A. N., *Dr. Sci. (Ped.)*, Prof., Acad. of RAE,
Institute of Education Development Strategy of RAE

Infante D., *Dr. Sci. (Polit. Econ.)*, Prof.,
University of Calabria (Italy)

Knyazev V. N., *Dr. Sci. (Philos.)*, Prof., MGPU

Lace N., *Dr. Sci. (Econ.)*, Prof., Riga Technical University
(Latvia)

Lobastov G. V., *Dr. Sci. (Philos.)*, Prof., MAI

Mikhalkin N. V., *Dr. Sci. (Philos.)*, Prof., MSPPU

Moiseeva N. K., *Dr. Sci. (Econ.)*, Prof., Visit. Prof., MIET

Mrochko L. V., *Dr. Sci. (Philos.)*, Prof., MosUH

Pirogov A. I., *Dr. Sci. (Philos.)*, Prof., MIET

Põlajeva T., *Dr. Sci. (Econ.)*, Prof., Euroacademy
(Estonia)

Smirnova J. V., *PhD (Econ.)*, Prof., University of Calabria
(Italy)

Publishing Board

Deputy Editor-in-Chief

Pirogov A. I., *Dr. Sci. (Philos.)*, Prof., MIET

Alekseev S. V., *Dr. Sci. (Ped.)*, Prof., SPb APPO

Alekseeva I. Yu., *Dr. Sci. (Philos.)*, Prof.,
Institute of Philosophy of RAS

Guskova N. D., *Dr. Sci. (Econ.)*, Prof.,
Ogarev Mordovia State University

Danielyan N. V., *Dr. Sci. (Philos.)*, Assoc. Prof., MIET

Evdokimova M. G., *Dr. Sci. (Ped.)*, Assoc. Prof., Director
of Institute of Linguistic and Pedagogical Education,
MIET

Eleneva J. Ya., *Dr. Sci. (Econ.)*, Prof., STANKIN

Emets V. S., *Dr. Sci. (Polit.)*, Prof., PRUE

Ivanova G. P., *Dr. Sci. (Ped.)*, Prof., MRSU

Ilyin V. V., *Dr. Sci. (Philos.)*, Prof.,
Kaluga Branch of BMSTU

Kalney V. A., *Dr. Sci. (Ped.)*, Prof., MSUTM

Lukicheva L. I., *Dr. Sci. (Econ.)*, Prof., MIET

Mamedov N. M., *Dr. Sci. (Philos.)*, Prof., RANEPa

Mushta A. A., *Cand. Sci. (Philos.)*, Assoc. Prof.,
Lead. Analyst, APA RB (Republic of Belarus)

Panov A. I., *Dr. Sci. (Polit.)*, Prof., MRSU

Prokofyev A. A., *Dr. Sci. (Ped.)*, *Cand. Sci. (Phys.-Math.)*,
Assoc. Prof., MIET

Rodin V. F., *Dr. Sci. (Ped.)*, Prof., Kikot Moscow University
of the Ministry of the Interior of Russia

Salimova T. A., *Dr. Sci. (Econ.)*, Prof.,
Ogarev Mordovia State University

Smirnova Zh. V., *Cand. Sci. (Ped.)*, Assoc. Prof.,
Minin University

Stepanov S. A., *Dr. Sci. (Ped.)*, Prof., IIUEPS/MNEPU

Stukanova S. S., *Dr. Sci. (Econ.)*, Assoc. Prof., MIET

ESGI is a peer-reviewed scholarly journal registered by the Federal Agency on Press and Mass Communications of the Russian Federation on March 24, 2017.

Founder and publisher: National Research University of Electronic Technology (MIET), 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin square, Bld. 1.

Managing editor — **A. I. Pirogov**

Science editor — **T. V. Rastimeshina**

Executive editor — **Yu. V. Lunkina**

Digital page makeup — **S. O. Brylev**

Senior editor — **T. V. Rastimeshina**

Editors — **E. V. Malinkina, A. V. Lobanova**

Cover designer — **S. Yu. Ryzhkov**

Address: Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin square, Bld. 1, MIET.

Tel.: +7-499-729-76-02

E-mail: esgi.miet@yandex.ru **Web:** <http://esgi-miet.ru>

Signed to print 20.09.2023. Sheet size 60×84 1/8. Digital printing.

Conventional printed sheets: 26.04. Published sheets: 15.27. Order No. 19.

Printed at MIET printing workshop: 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin square, Bld. 1, MIET.

СОДЕРЖАНИЕ

Экономика инновационного развития: теория и практика

<i>Глезман Л. В.</i> Оценка сбалансированности процессов технологизации в отдельных субъектах Российской Федерации в контексте достижения технологического суверенитета	6
<i>Гневашева В. А.</i> Трудовое поведение населения Республики Татарстан (по данным Всероссийской переписи населения 2002, 2010 и 2020 гг.)	15
<i>Грибков А. А., Зеленский А. А.</i> Определение направлений обеспечения устойчивости и развития микроэлектронного производства на основе общей теории систем	23
<i>Грицевич Л. В.</i> Влияние цифровых технологий на восприятие и проектирование новых продуктов	33
<i>Дзензелюк Н. С., Новосад В. М., Литвинова Е. Г.</i> Оценка готовности инновационных проектов: практический аспект	41
<i>Добрынина М. В., Коваленко Д. Г.</i> Молодежное социальное предпринимательство: проблемы и перспективы	53
<i>Игрунова О. М., Сучкова А. Ю.</i> Разработка компетентностного профиля маркетологов, востребованного работодателем	62
<i>Кознов А. Б.</i> Применение платформенных бизнес-моделей в экономической деятельности компаний	81
<i>Лисова Е. В.</i> Возможность создания единого методологического подхода к оценке уровня социального развития российских регионов	93
<i>Мезенцев Д. А.</i> Применение искусственного интеллекта в управлении малым и средним бизнесом	102
<i>Прима Я. Г., Дысенко Р. А.</i> Управленческие аспекты реализации адаптационных проектов в вузе	108
<i>Роголин Р. С.</i> Обзор прикладных основ использования аналитики данных и машинного обучения в прогнозировании спроса	115
<i>Фальковская К. И.</i> Трудовая девиация молодежи на примере группы стран	127

Философия: мир в человеке и человек в мире

<i>Белобрагина А. С.</i> Трансгуманизм и постгуманизм: два пути навстречу постчеловеку	136
<i>Варакин Д. Н.</i> О подчинившемся и подчиняющем знании: перспективы расширения границ познания экономического субъекта. Часть 1	144
<i>Дрожжина С. В.</i> Влияние глобализации на формирование универсальных ценностей: социально-философский контекст	153
<i>Ксенофонтов В. В.</i> Б. Н. Чичерин о государственной власти в России: социально-философский и политический смысл	162
<i>Ломакина Н. Б.</i> Развитие философии управления в контексте современной рациональности	169
<i>Наумов А. В., Борисов К. Г.</i> Военная организация как социальная среда развития личности военнослужащего в современной России	175
<i>Равочкин Н. Н.</i> Преобразование современной институциональной архитектоники в России под влиянием идеальных факторов. Часть 1	185
<i>Растимешина Т. В., Лункина Ю. В.</i> Необъяснимое и непознанное в зеркале общественного сознания: к дискуссии о качестве советского образования. Часть 1. Архаический застой как следствие специфики образовательной системы	197

Педагогическая система координат: образование, воспитание, развитие человека

<i>Нургалиев И. Р.</i> К вопросу об обучении коллокациям японского языка на начальном уровне	209
--	-----

Информация

Владимиру Александровичу Беспалову — 65	216
Памятные и знаменательные даты	217
Книжные новинки	219
К сведению авторов	221

CONTENTS

Economics of Innovation-Driven Growth: Theory and Practice

<i>Glzman L. V.</i> Assessment of the balance of technologization processes in several regions of the Russian Federation in the field of achieving technological sovereignty	6
<i>Gnevasheva V. A.</i> Labor behavior of the population of the Republic of Tatarstan (according to the All-Russian Population Census of 2002, 2010 and 2020)	15
<i>Gribkov A. A., Zelensky A. A.</i> Defining directions for sustainability and development of microelectronic production based on general systems theory	23
<i>Grintsevich L. V.</i> The impact of digital technologies on new product perception and designing	33
<i>Dzenzeliuk N. S., Novosad V. M., Litvinova E. G.</i> Assessment of the readiness of innovative projects: a practical aspect	41
<i>Dobrynina M. V., Kovalenko D. G.</i> Youth social entrepreneurship: problems and prospects	53
<i>Igrunova O. M., Suchkova A. Yu.</i> Development of the competency profile of marketers demanded by employers	62
<i>Koznov A. B.</i> Application of platform business models in the economic activities of companies	81
<i>Lisova E. V.</i> The possibility of creating a unified methodological approach to assessing the level of social development in Russian regions	93
<i>Mezentsev D. A.</i> Artificial intelligence application in the management of small and medium-sized businesses	102
<i>Prima Ya. G., Dysenko R. A.</i> Managerial aspects of implementing adaptation projects in a university	108
<i>Rogulin R. S.</i> Overview of application frameworks for using data analytics and machine learning in demand forecasting	115
<i>Falkovskaya K. I.</i> Labor deviation of youth on the example of a group of countries	127

Philosophy: Universe in Human and Human in Universe

<i>Belobragina A. S.</i> Transhumanism and posthumanism: two ways towards posthuman	136
<i>Varakin D. N.</i> Of subjugated and subduing knowledge: Prospects for expanding the boundaries of the economic subject cognition. Part 1	144
<i>Drozhdzhina S. V.</i> The impact of globalization on the formation of universal values: Social and philosophical context	153
<i>Ksenofontov V. V.</i> B. N. Chicherin on state power in Russia: socio-philosophical and political meaning	162
<i>Lomakina N. B.</i> Development of management philosophy in the context of modern rationality	169
<i>Naumov A. V., Borisov K. G.</i> Military organization as a social environment of serviceman's personality development in modern Russia	175
<i>Ravochkin N. N.</i> Transformation of modern Russian institutional architectonics under the influence of ideal factors. Part 1	185
<i>Rastimeshina T. V., Lunkina Yu. V.</i> The unexplainable and the unknown in the mirror of public conscience: towards discussion about quality of Soviet education. Part 1. Archaic standstill as an effect of educational system specificity	197

Pedagogical Coordinate System: Education, Upbringing, Human Development

<i>Nurgaliev I. R.</i> Revisiting the teaching of Japanese collocations at elementary level	209
---	-----

Information

Vladimir Aleksandrovich Bespalov is 65 years of age	216
Memorable and remarkable dates	217
New books	219
For the authors	221

**ЭКОНОМИКА ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ:
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
ECONOMICS OF INNOVATION-DRIVEN GROWTH:
THEORY AND PRACTICE**

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2023. № 3 (39). С. 6—14.

Economic and Social Research. 2023. No. 3 (39). P. 6—14.

Научная статья

УДК 65.011.56 + 332.1

doi: 10.24151/2409-1073-2023-3-6-14

<https://elibrary.ru/dzlypp>

**Оценка сбалансированности процессов технологизации в отдельных субъектах
Российской Федерации в контексте достижения технологического суверенитета**

Л. В. Глезман

*Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук, Пермский
филиал, Пермь, Россия*

glezman@mail.ru

Аннотация. В статье в контексте достижения технологического суверенитета исследована сбалансированность процессов технологизации в отдельных субъектах РФ. Выдвинута гипотеза, что сбалансированность технологизации субъектов РФ должна обеспечиваться на основе пропорционального внедрения и использования собственных разработок передовых производственных технологий. Проведенный анализ позволил выявить критический дисбаланс в масштабе разработки и использования прогрессивных технологий. Установленный факт свидетельствует о том, что динамика процессов технологизации положительная; одновременно он указывает на крайне низкий уровень собственных разработок, который препятствует достижению технологического суверенитета страны. Обоснована необходимость в рамках технологической политики актуализировать и адаптировать меры государственной поддержки к новым экономическим условиям на уровне субъектов РФ.

Ключевые слова: технологизация, технологии, регион, научно-технологическое развитие, передовые производственные технологии, технологический суверенитет, рейтингование

Финансирование: статья опубликована в соответствии с Планом НИР Института экономики Уральского отделения РАН.

Для цитирования: Глезман Л. В. Оценка сбалансированности процессов технологизации в отдельных субъектах Российской Федерации в контексте достижения технологического суверенитета // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2023. № 3 (39). С. 6—14. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2023-3-6-14> EDN: DZLYPP.

© Глезман Л. В.

Original article

Assessment of the balance of technologization processes in several regions of the Russian Federation in the field of achieving technological sovereignty

L. V. Glezman

Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Perm branch, Perm, Russia

glezman@mail.ru

Abstract. The author examines the balance of the processes of technologization in individual subjects of the Russian Federation in the field of achieving technological sovereignty of the country. The hypothesis is put forward that the balance of technologization of the subjects of the Russian Federation should be ensured on the basis of proportional introduction and use of own developments of advanced production technologies. The analysis revealed a critical imbalance in the scale of development and use of advanced technologies. The established fact testifies to the positive dynamics of the processes of technologization, at the same time pointing to the extremely low level of own developments, which hinders the achievement of technological sovereignty of the country. The necessity of updating and adapting state support measures within the framework of technological policy to new economic conditions at the level of the subjects of the Russian Federation has been substantiated.

Keywords: technologization, technologies, region, scientific and technological development, advanced production technologies, technological sovereignty, rating

Financial support: the article has been published in accordance with the Research Plan of the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

For citation: Glezman L. V. “Assessment of the Balance of Technologization Processes in Several Regions of the Russian Federation in the Field of Achieving Technological Sovereignty”. *Economic and Social Research* 3 (39) (2023): 6–14. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2023-3-6-14> EDN: DZLYPP.

Совокупность факторов и условий глобального характера, таких как мировой геополитический кризис, санкционное давление, исчерпание традиционных ресурсов и падение эффективности их использования, рост техногенной нагрузки на окружающую среду и др., формирующих новую экономическую реальность России, предопределили необходимость развивать науку и технологии и трансформировать полученные знания в прорывные технологии, отвечающие шестому технологическому укладу.

Достижение и укрепление технологического суверенитета Российской Федерации — ключевая задача для обеспечения независимости страны от воздействия внешних дестабилизирующих геополитических и социально-экономических факторов. Одним из инструментов для достижения технологического суверенитета, по нашему мнению, выступает технологизация, изучение и определение которой в современной экономике находится в активном дискурсе.

В современной экономической науке представлен широкий спектр исследова-

ний, направленных на изучение различных аспектов научно-технологического развития общества, в том числе трактующих технологизацию как неизбежный объективный процесс, пронизывающий все экономические уровни.

Справедливо утверждать, что научная проработка проблемы технологизации имеет довольно обоснованную теоретическую платформу.

Концептуальные основы технологизации заложены в трудах Й. Шумпетера [11; 12], который, развивая теорию длинных волн Н. Д. Кондратьева [6], увязал с ними возникновение и распространение инноваций (как факторов, обеспечивающих экономический рост и развитие общества) и ввел такое понятие, как «волны инноваций». Дальнейшее развитие данной тематика получила в фундаментальной научной работе С. Ю. Глазьева и Д. С. Львова [8], которые, включив в оборот понятие «технологический уклад», обосновывают смену укладов возникновением инновационной критической технологии или совокупности технологий, инициирующих революционные преобразования в производстве, производительности, хозяйственных связях и в целом меняющих общественное мироустройство.

Новая индустриализация актуализировала проблематику технологизации и дала импульс современным научным исследованиям. Так, А. Е. Миллер и М. А. Миллер, развивая концептуальные основы, определяют технологизацию производства как «способ системной организации производственно-хозяйственной деятельности предприятий, основанный на приведении используемого оборудования и технологий в соответствие с глобальным технологическим укладом и рыночной конъюнктурой» [10, с. 90]; В. М. Джуха и К. Н. Мищенко подходят к изучению процессов технологизации с позиций теории организации и общей теории современного менеджмента, утверждая, что цель концепции технологизации —

обоснование распространения в отраслях промышленности элементов нового технологического уклада [3]. Целесообразность и необходимость технологизации в ходе трансформационных преобразований общества под влиянием трендов промышленных революций обоснованы в фундаментальных работах С. Д. Бодрунова [2], К. Келли [4] и коллектива ученых под руководством О. И. Клименко [5].

Большинство исследований, посвященных процессам технологизации, характеризуется узконаправленной спецификой: внимание в них акцентируется на конкретной проблематике, очерченной целью и задачами, касающимися отраслевых или региональных особенностей. В связи с этим данные исследования не позволяют сформировать общее представление об уровне технологизации в регионах РФ. Так, А. И. Лайпанов, обращая внимание на инновационный характер процессов технологизации промышленности, отмечает, что в структуре затрат на технологические инновации преобладают затраты на продуктовые и технические технологии [7, с. 142]; Х. Б. Бадарчи и В. К. Севек, исследуя особенности регионального развития в аспекте их технологизации, устанавливают отсутствие устойчивой связи между динамикой количества применяемых передовых технологий в экономиках регионов и объемами затрат на исследования и разработки [1, с. 47]. Отдельные исследователи отмечают несогласованность целей и приоритетов научно-технологического развития федерального и регионального уровней, что негативным образом отражается на технологизации и технологическом развитии региональных экосистем [9, с. 608].

Таким образом, несмотря на глубину проработки теоретического обоснования процессов технологизации в современном научном пространстве, *изученность практических аспектов* данного процесса представляется объективно недостаточной.

Таблица 1

Разработанные передовые производственные технологии — распределение по отдельным субъектам РФ

Регион	2021 г. (единиц)	2022 г. (единиц)	Прирост ППТ (единиц)	Удельный вес разработанных ППТ в общем количестве разработанных ППТ в РФ (по отдельным субъектам) в 2022 г.	Место в рейтинге в 2022 г.
Московская область	201	195	–6,0	0,0744	4
г. Москва	421	568	147,0	0,2167	1
г. Санкт-Петербург	298	325	27,0	0,1240	2
Краснодарский край	84	91	7,0	0,0347	7
Республика Татарстан	74	219	145,0	0,0836	3
Пермский край	57,0	67,0	10,0	0,0256	9
Свердловская область	135,0	146,0	11,0	0,0557	5
Тюменская область		76,0	76,0	0,0290	8
Челябинская область	101,0	106,0	5,0	0,0404	6
Новосибирская область	41,0	60,0	19,0	0,0229	10

Источник: составлено автором по данным Федеральной службы государственной статистики по состоянию на 06.06.2023 г. (<https://rosstat.gov.ru/statistics/science>).

Цель исследования заключается в оценке сбалансированности процессов технологизации в отдельных субъектах Российской Федерации.

Научная новизна состоит в обосновании авторского подхода к оценке сбалансированности процессов технологизации с позиции соотношения количества собственных технологических разработок и используемых передовых производственных технологий в отдельных субъектах Российской Федерации.

Гипотезой исследования послужило предположение: в контексте государственной за-

дачи достижения технологического суверенитета страны сбалансированность процессов технологизации субъектов Российской Федерации должна обеспечиваться на основе внедрения и использования собственных разработок передовых производственных технологий (далее — ППТ).

Методологической базой исследования послужили концепция технологических укладов, системный, проблемно ориентированный и институционально-проектный подходы. В качестве методического инструментария использовались методы сбора и обработки статистических данных, экономико-статистический

Таблица 2

Используемые передовые производственные технологии — распределение по субъектам Российской Федерации

Регион	2021 г. (единиц)	2022 г. (единиц)	Прирост ППТ (единиц)	Удельный вес используемых ППТ в общем количестве используемых ППТ в РФ (по субъектам РФ) в 2022 г.	Место в рейтинге в 2022 г.
Московская область	16 190	17 461	1 271,0	0,0648	1
г. Москва	13 077	15 131	2 054,0	0,0561	3
г. Санкт-Петербург	10 839	13 338	2 499,0	0,0495	5
Республика Башкортостан	6 455	7 731	1 276,0	0,0287	8
Пермский край	16 185	17 063	878,0	0,0633	2
Нижегородская область	8 711	8584	−127,0	0,0318	7
Самарская область	7 229	7 422	193,0	0,0275	10
Свердловская область	16 455	14 218	−2 237,0	0,0527	4
Тюменская область	9 114	9 495	381,0	0,0352	6
Челябинская область	6 466	7 470	1 004,0	0,0277	9

Источник: составлено автором по данным Федеральной службы государственной статистики по состоянию на 06.06.2023 г. (<https://rosstat.gov.ru/statistics/science>).

анализ, рейтингование, группировка, структуризация и картографическая визуализация.

Масштабная национальная задача обеспечения технологического суверенитета в 2023 г. представляется логическим продолжением политики импортозамещения 2014—2015 гг. — при дальнейшем усилении влияния дестабилизирующих внешних факторов и длительном технологическом эмбарго со стороны недружественных стран. Достижение технологического суверенитета возможно при системной реализации трех взаимоувязанных процессов, таких как:

1. Развитие науки и научной инфраструктуры, позволяющей в разы увеличить число и качество фундаментальных и научно-практических исследований и разработок, касающихся создания прорывных технологических инноваций.

2. Технологизация производственной системы на основе внедрения и использования собственных прорывных производственных технологий.

3. Трансформация системы образования и повышения квалификации для подготовки кадров, обладающих компетенциями и навыками работы в высокотехнологичной производственной среде новой экономики.

Исходя из этого, технологизация в контексте достижения технологического суверенитета должна рассматриваться как процесс внедрения и использования ППТ, основанных на собственных разработках того или иного региона, что обеспечит независимость регионального производства от внешних дестабилизирующих факторов.

В табл. 1 представлены ТОП-10 субъектов Российской Федерации, лидирующих по *разработанным* ППТ. (Обратите внимание, что здесь и далее, в табл. 2 и 3, не учитывается статистическая информация по Донецкой Народной Республике (ДНР), Луганской Народной Республике (ЛНР), Запорожской и Херсонской областям. По ряду субъектов РФ данные не публикуются, чтобы обеспечить конфиденциальность первичных статистических данных, полученных от организаций¹.)

В табл. 2 представлены ТОП-10 субъектов Российской Федерации, лидирующих по *используемым* ППТ.

Как показал анализ данных, приведенных в табл. 1 и 2, подавляющее большинство субъектов, лидирующих по *используемым* ППТ, в то же время лидируют и по *разработкам* ППТ. Исключение составили Республика Башкортостан, Нижегородская и Самарская области, которые, являясь лидерами по использованию ППТ, не вошли в десятку субъектов, лидирующих по разработкам. Из-за недостаточного использования ППТ в десятку лидеров не вошли субъекты-разработчики: Республика Татарстан, Краснодарский край и Новосибирская область. Соответственно, интерес представляет анализ сбалансированности процессов разработки и внедрения ППТ в регионах РФ, которая может оцениваться с позиций соотношения количества разработанных и используемых ППТ на основе расчета удельного веса раз-

работанных ППТ в используемых ППТ в отдельных регионах РФ:

$$\text{УдВ}_T = \frac{K_{\text{рт}}}{K_{\text{ит}}} \cdot 100 \%,$$

где УдВ_T — удельный вес разработанных ППТ в используемых ППТ; $K_{\text{рт}}$ — количество разработанных ППТ в исследуемом периоде в конкретном регионе РФ; $K_{\text{ит}}$ — количество используемых ППТ в исследуемом периоде в конкретном регионе РФ.

С использованием описанного подхода на основе данных Росстата за 2022 г.² был рассчитан удельный вес разработанных ППТ в используемых ППТ в отдельных регионах РФ; по значению этого удельного веса было проведено рейтингование субъектов. Пределы градации составили (0; 0,047): чем ближе значение к 0,047, тем больше доля разработанных ППТ в используемых ППТ.

Лидерами рейтинга ТОП-10 по сбалансированности технологизации в части разработанных ППТ в используемых в 2022 г. стали следующие субъекты РФ (см. табл. 3): г. Севастополь (4,70 %), Ивановская область (3,50 %), Забайкальский край (2,89 %), Оренбургская область (2,37 %), Калининградская область (2,15 %), Республика Дагестан (2,14 %), Ульяновская область (2,01 %), Брянская область (1,89 %), Рязанская область (1,78 %) и Приморский край (1,73 %).

Полученные расчетные данные свидетельствуют о том, что удельный вес отечественных разработок в прорывных производственных технологиях крайне мал и не превышает 5 % от общего числа используемых ППТ. Это говорит о критически низкой скорости и малом масштабе научно-исследовательских разработок в области прорывных производственных технологий в субъектах РФ. При таких условиях достижение поставленной национальной

¹ См.: Об официальном статистическом учете и системе государственной статистики в Российской Федерации: федер. закон Российской Федерации от 29 ноября 2007 г. № 282-ФЗ. Ст. 4, п. 5; ст. 9, п. 1.

² <https://rosstat.gov.ru/statistics/science> (дата обращения: 06.06.2023)

Таблица 3

Рейтинг субъектов Российской Федерации по соотношению количества разработанных и используемых передовых производственных технологий в 2022 г.

Регион	Разработанные ППТ (единиц)	Используемые ППТ (единиц)	Удельный вес разработанных ППТ в используемых ППТ по отдельным субъектам Российской Федерации	Место в рейтинге
Брянская область	34	1800	0,0189	8
Ивановская область	36	1029	0,0350	2
Рязанская область	35	1969	0,0178	9
Калининградская область	31	1442	0,0215	5
г. Севастополь	29	617	0,0470	1
Республика Дагестан	12	560	0,0214	6
Оренбургская область	41	1727	0,0237	4
Ульяновская область	39	1944	0,0201	7
Забайкальский край	36	1246	0,0289	3
Приморский край	24	1386	0,0173	10

Источник: составлено автором по данным Федеральной службы государственной статистики по состоянию на 06.06.2023 г. (<https://rosstat.gov.ru/statistics/science>).

задачи технологического развития (т. е. обеспечение технологического суверенитета страны) оказывается под вопросом.

В качестве выводов по результатам проведенного исследования можно отметить следующее: выявленный дисбаланс в соотношении разработанных и используемых прогрессивных и инновационных производственных технологий (а именно значительно большее количество используемых ППТ в сравнении с разработанными) свидетельствует о том, что масштаб *освоения и исполь-*

зования прогрессивных производственных технологий существенно превышает масштаб их *разработки*. Данный факт, с одной стороны, иллюстрирует положительную динамику технологического развития производственного сектора отдельных субъектов РФ — и, с другой стороны, указывает на недостаточные темпы и масштаб процесса достижения технологического суверенитета страны. В связи с этим необходима комплексная система мер федеральной поддержки субъектов РФ, которая позволит интенсифицировать

и масштабировать процесс разработки передовых производственных технологий посредством формирования и развития в регионах необходимой научно-исследовательской базы и соответствующей инфраструктуры, обеспечивающей создание прорывных инновационных технологий, отвечающих трендам новой технологической революции.

Список литературы и источников

1. **Бадарчи Х. Б., Севек В. К.** Концептуальные основы технологического развития регионов России // *Аграрный вестник Урала*. 2019. № 3 (182). С. 43—51. https://doi.org/10.32417/article_5ce3ff925d5d47.86766527 EDN: MHEZNK.
2. **Бодрунов С. Д.** Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка: [НИО.2]. М.: Культурная революция, 2016. 349 с.
3. **Джуха В. М., Мищенко К. Н.** Вопросы технологизации региональной экономики // *Journal of New Economy*. 2019. Т. 20. № 3. С. 38—50. <https://doi.org/10.29141/2658-5081-2019-20-3-3> EDN: XBVSVD.
4. **Келли К.** Неизбежно: 12 технологических трендов, которые определяют наше будущее / пер. с англ. Ю. Константиновой, Т. Мамедовой. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2017. 352 с.
5. **Клименко О. И., Бражников Ю. И., Лайпанов А. И.** Проблемы промышленного развития России в контексте технологизации экономики // *Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права*. 2020. № 1 (80). С. 9—23. <https://doi.org/10.21295/2223-5639-2020-1-9-23> EDN: KDEPRW.
6. **Кондратьев Н. Д.** Большие циклы экономической конъюнктуры: Доклад // *Проблемы экономической динамики* / Н. Д. Кондратьев. М.: Экономика, 1989. С. 172—226.
7. **Лайпанов А. И.** Инновационная технологизация промышленности: аналитический аспект // *Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права*. 2021. № 2 (87). С. 135—145. <https://doi.org/10.21295/2223-5639-2021-2-135-145> EDN: GZJNZY.
8. **Львов Д. С., Глазьев С. Ю.** Теоретические и прикладные аспекты управления НТП // *Экономика и математические методы*. 1986. Т. 22. № 5. С. 793—804.
9. **Маслюк Н. А., Медведева Н. В.** Технологизация экономики региона как основа социально-экономического развития // *Вопросы инновационной экономики*. 2021. Т. 11. № 2. С. 597—612. <https://doi.org/10.18334/vinec.11.2.112103>. EDN: AMTETP.
10. **Миллер А. Е., Миллер М. А.** Концептуальные основы технологизации промышленного производства // *Journal of New Economy*. 2016. № 6 (68). С. 89—98. EDN: XRYVQD.
11. **Шумпетер Й. А.** Теория экономического развития = *Theorie der wirtschaftlichen Entwicklung*; Капитализм, социализм и демократия = *Capitalism, Socialism and Democracy* / пер. с нем.: В. С. Автономов, М. С. Любский, А. Ю. Чепуренко; пер. с англ.: В. С. Автономов и др. М.: Эксмо, 2007. 861 с.: портр. (Антология экономической мысли) (Classics of Economics).
12. **Schumpeter J. A.** *Business cycles. A theoretical, historical and statistical analysis of the capitalist process*. New York; Toronto; London: McGraw-Hill Book Company, 1939. 461 p.

References

1. Badarchi H. B., Sevek V. K. "Conceptual Framework of Technological Development of Russian Regions". *Agrarian Bulletin of the Urals* 3 (182) (2019): 43—51. (In Russian). https://doi.org/10.32417/article_5ce3ff925d5d47.86766527 EDN: MHEZNK.
2. Bodrunov S. D. *A New Future. The New Industrial Society: A Reboot*. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya, 2016. 349 p. (In Russian).
3. Dzhukha V. M., Mishchenko K. N. "The Issues of Regional Economy Technologicalisation". *Journal of New Economy* 20.3 (2019): 38—50. (In Russian). <https://doi.org/10.29141/2658-5081-2019-20-3-3>

- 3 EDN: XBVSVD.
4. Kelly K. *The Inevitable: Understanding the 12 Technological Forces That Will Shape Our Future*. New York: Viking Press, 2016. 336 p.
5. Klimenko O. I., Brazhnikov Yu. I., Laypanov A. I. “Problems of Industrial Development of Russia in the Context of Economy Technologization”. *Vestnik Belgorodskogo Universiteta kooperatsii, ekonomiki i prava = Herald of the Belgorod University of Cooperation, Economics and Law* 1 (80) (2020): 9—23. (In Russian). <https://doi.org/10.21295/2223-5639-2020-1-9-23> EDN: KDEPRW.
6. Kondrat'yev N. D. “Large Cycles of Economic Conjunction: Report”. Kondrat'yev N. D. *Problemy ekonomicheskoy dinamiki*. Moscow: Ekonomika, 1989. 172—226. (In Russian).
7. Laipanov A. I. “Innovative Industry Technologization: Analytical Aspect”. *Vestnik Belgorodskogo Universiteta kooperatsii, ekonomiki i prava = Herald of the Belgorod University of Cooperation, Economics and Law* 2 (87) (2021): 135—145. (In Russian). <https://doi.org/10.21295/2223-5639-2021-2-135-145> EDN: GZJNZY.
8. L'vov D. S., Glaz'yev S. Yu. “Theoretical and Applied Aspects of Management of Scientific and Technological Progress”. *Ekonomika i matematicheskiye metody = Economics and Mathematical Methods* 22.5 (1986): 793—804. (In Russian).
9. Maslyuk N. A., Medvedeva N. V. “Technologization of the Regional Economy as a Basis of Socio-Economic Development”. *Voprosy innovatsionnoy ekonomiki = Russian Journal of Innovation Economics* 11.2 (2021): 597—612. (In Russian). <https://doi.org/10.18334/vinec.11.2.112103> EDN: AMTETP.
10. Miller A. Ye., Miller M. A. “Conceptual Framework of Technologization of Industrial Production”. *Journal of New Economy* 6 (68) (2016): 89—98. (In Russian). EDN: XRYVQD.
11. Schumpeter J. A. *Theorie der wirtschaftlichen Entwicklung. Capitalism, Socialism and Democracy*. Transl. V. S. Avtonomov, M. S. Lyubskiy, A. Yu. Chepurnenko et al. Moscow: Eksmo, 2007. 861 p. (In Russian). *Antologiya klassicheskoy mysli. Classics of Economics*.
12. Schumpeter J. A. *Business Cycles. A Theoretical, Historical and Statistical Analysis of the Capitalist Process*. New York: McGraw-Hill Book Company, 1939. 461 p.

Информация об авторе

Глезман Людмила Васильевна — кандидат экономических наук, доцент, Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук, Пермский филиал (Россия, 614014, Пермь, ул. Ленина, 50, оф. 91А).

Information about the author

Lyudmila V. Glezman — Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Perm branch (Russia, 614014, Perm, Lenin str., 50, office 91A).

Статья поступила в редакцию 15.06.2023.

The article was submitted 15.06.2023.

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2023. № 3 (39). С. 15–22.

Economic and Social Research. 2023. No. 3 (39). P. 15–22.

Научная статья

УДК 331.5; 314

doi: 10.24151/2409-1073-2023-3-15-22

<https://elibrary.ru/iecawb>

Трудовое поведение населения Республики Татарстан (по данным Всероссийской переписи населения 2002, 2010 и 2020 гг.)

В. А. Гневашева

*Институт демографических исследований — обособленное подразделение
Федерального научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук, Москва, Россия*

vera_cos@rambler.ru

Аннотация. Подчеркнута актуальность изучения трудового поведения населения, поскольку анализ и оценка динамики занятости, уровня и типа безработицы, структуры рабочей силы являются важными источниками научных представлений о демографических, социальных, экономических, социально-политических процессах. На основе данных Всероссийской переписи населения рассмотрено трудовое поведение населения Республики Татарстан в периоды 2002, 2010 и 2020 гг. Проанализированы изменения в сфере занятости в республике. Сделаны выводы в отношении эффективности государственных и региональных программ по развитию трудового потенциала региона.

Ключевые слова: занятость, трудовые ресурсы, безработица, рынок труда, трудовое поведение, перепись населения, Республика Татарстан

Для цитирования: Гневашева В. А. Трудовое поведение населения Республики Татарстан (по данным Всероссийской переписи населения 2002, 2010 и 2020 гг.) // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2023. № 3 (39). С. 15–22. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2023-3-15-22> EDN: IECAWB.

Original article

Labor behavior of the population of the Republic of Tatarstan (according to the All-Russian Population Census of 2002, 2010 and 2020)

V. A. Gnevasheva

*Institute for Demographic Research — Branch of the Federal Center of Theoretical
and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

vera_cos@rambler.ru

© Гневашева В. А.

Abstract. The author emphasizes the relevance of studying the labor behavior of the population, since the analysis and assessment of the dynamics of employment, the level and type of unemployment, the structure of the labor force are important sources of scientific ideas about demographic, social, economic, and socio-political processes. Based on the data of the All-Russian Population Census, the labor behavior of the population of the Republic of Tatarstan in the periods 2002, 2010 and 2020 is considered. The changes in the sphere of employment in the republic are analyzed. Conclusions have been drawn regarding the effectiveness of state and regional programs for the development of the labor potential of the region.

Keywords: employment, labor resources, unemployment, labor market, labor behavior, population census, Republic of Tatarstan

For citation: Gnevasheva V. A. "Labor Behavior of the Population of the Republic of Tatarstan (According to the All-Russian Population Census of 2002, 2010 and 2020)". *Economic and Social Research* 3 (39) (2023): 15–22. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2023-3-15-22> EDN: IECAWB.

Введение

Трудовое поведение — это совокупность решений и действий, которые предпринимает и принимает человек в процессе трудовой деятельности. Оно включает в себя такие компоненты, как выбор профессии, определение и прохождение карьерной траектории, поиск работы, выполнение рабочих обязанностей, построение отношений с коллегами и работодателем, стремление к профессиональному росту и развитию навыков, повышение квалификации, переобучение. Трудовое поведение может быть индивидуальным и групповым. На трудовое поведение воздействуют различные факторы: социальные, экономические и культурные условия, в которых оно формируется и проявляется, а также индивидуальные особенности субъектов трудового поведения.

Трудовое поведение является предметом исследования многих ученых и специалистов различных областей знания: психологии, социологии, экономики, теории управления. Так, Фредерик Херцберг, американский психолог, изучив факторы, которые влияют на удовлетворенность и мотивацию работников компаний, разработал теорию двух факторов мотивации трудового поведения [6]. Дуглас Макгрегор, американский психолог и теоре-

тик управления, на основе анализа различных подходов, применяемых в управлении мотивацией сотрудников, предложил концепцию «Теория X и Теория Y» [7]. Абрахам Маслоу, американский психолог, разработал ставшую знаменитой теорию «пирамиды потребностей» («иерархию потребностей») [4]. Фредерик Тейлор, преследуя цель оптимизации производственных процессов и повышения производительности труда, предложил теорию научного управления [5]. В работах Питера Друкера изложены его выводы о принципах повышения эффективности управления производственными процессами, сформулированные на основе его наблюдений за поведением рабочих на производстве [2, с. 21].

Российские ученые также внесли существенный вклад в изучение трудового поведения. Так, В. Л. Андреев исследовал мотивацию и поведение работников, влияние лидерства и организационной культуры на производительность труда [1]; В. П. Зинченко изучал психологические аспекты трудовой деятельности и мотивации работников [3].

В экономической науке трудовое поведение, как правило, рассматривается как одно из проявлений социального или экономического

поведения. Основы изучения трудового поведения, заложенные В. И. Верховиным, получили развитие в социально-экономических исследованиях А. С. Афолина, К. А. Тихонравова, Н. В. Черниной, а также в работах И. Р. Алтунина, И. А. Буторина, Т. И. Заславской, Г. В. Залевского, Д. Н. Егорова, О. С. Елкина, А. Г. Здравомыслова, Е. Б. Мостовой, Н. Ф. Наумова, В. С. Половинко, В. В. Радаева,

Р. В. Рывкина, О. К. Слинкова, Н. А. Чентемирова, Н. И. Шаталова и других ученых, изучавших социальное поведение. Вместе с тем из-за высокой динамики демографических и социально-экономических процессов изучение трудового поведения населения остается актуальным направлением социально-экономических исследований развития регионов.

Трудовое поведение жителей республики Татарстан в XXI в.: основные тенденции

Корпус социальных предпосылок трудового поведения населения в Республике Татарстан включает в себя следующие аспекты:

1. Трудовое поведение населения Республики Татарстан предопределяется наличием разнообразных отраслей экономики: промышленное производство, строительство, транспорт, торговля, услуги. Регион имеет обширный и динамичный рынок труда с широким спектром рабочих мест и возможностей для трудоустройства. Наличие разнообразных отраслей экономики и широкий спектр рабочих мест создают возможности выбора работы и развития карьеры для всех жителей региона, вне зависимости от уровня образования, возраста или уровня притязаний.

2. Ключевые отрасли — автомобильное производство, нефтепереработка, химическая промышленность и информационные технологии. Развитие этих отраслей создает новые высокооплачиваемые рабочие места, что способствует не только расширению возможностей трудоустройства, но и повышению уровня и качества жизни населения региона.

3. Развитие предпринимательства и малого бизнеса предоставляет возможность для самореализации и создания собственного бизнеса. Эта траектория привлекательна для предприимчивых людей, которые хотят контролировать свою судьбу и иметь возможность заработать капитал.

4. Наличие широкого спектра услуг и торговых предприятий создает возможности

работы в сфере обслуживания и продаж не только для жителей региона, но и для мигрантов.

5. Возможность получения образования и профессионального обучения в образовательных учреждениях региона, в частности наличие широкого спектра образовательных программ, стимулирует работников к повышению квалификации и карьерному росту.

В целом социально-экономические предпосылки трудового поведения населения Республики Татарстан создают благоприятную среду для развития трудовой активности и достижения успеха в различных отраслях экономики.

Рассмотрим *особенности формирования и тенденции трансформации трудового поведения населения Республики Татарстан* на примере данных Всероссийской переписи населения 2002, 2010 и 2020 гг.

Данные, полученные в ходе *Всероссийской переписи населения 2002 г.*, позволяют определить некоторые тренды социально-экономического развития общества.

Так, эти данные свидетельствуют о следующем уровне экономической активности населения Республики Татарстан: среди жителей 15—64 лет (эта когорта составляет 70,4 % населения: 75,1 и 66,1 % мужчин и женщин соответственно) занятыми являются 65,2 % (69,7 % мужчин и 61,2 % женщин). Учащимися являются 2,7 % населения 15—64 лет (2,3 % мужчин и 3,0 % женщин). Уровень безработицы в 2002 г. составлял 5,2 % (5,4 и 4,9 % среди мужчин и женщин

соответственно). Таким образом, данные показывают, что в 2002 г. экономическая активность граждан Республики Татарстан находилась на высоком уровне, что подтверждают высокие показатели занятости (в сравнении как с другими регионами РФ в целом, так и Поволжским федеральным округом). Доля экономической активности и интерес женщин к обучению также были весьма велики.

Данные *Всероссийской переписи населения 2010 г.* позволили проанализировать основные тенденции в трудовом поведении населения Республики Татарстан, связанные с социально-экономическими преобразованиями в регионе. Эти данные свидетельствуют о благополучном социально-экономическом положении Республики Татарстан: в регионе высокий уровень образования, занятости и доходов, а также развитая социальная инфраструктура. Так, согласно данным переписи:

1. В 2010 г. в Республике Татарстан проживало около 3,8 миллиона человек; регион стал одним из самых населенных в России.

2. Этнический состав: большинство населения Татарстана (около 53 %) — татары; русские — вторая по численности этническая группа (39 % населения). В регионе также проживают представители иных национальностей: чувашаи, марийцы, украинцы и др.

3. В 2010 г. около 92 % населения Республики Татарстан имели среднее образование или выше. В регионе развитая образовательная инфраструктура: университеты, среди которых ведущие вузы РФ, технические школы, учреждения среднего профессионального образования.

4. Большинство населения Татарстана было занято в различных отраслях экономики.

5. Социальная инфраструктура Республики Татарстан развитая и включает в себя медицинские учреждения, школы, детские сады, спортивные комплексы и другие объекты. Это позволяет обеспечить населению

доступ к основным государственным услугам и улучшить качество жизни.

Кроме того, перепись 2010 г. позволила получить данные, согласно которым уровень среднего дохода на душу населения в Республике Татарстан был достаточно высоким, по сравнению с другими регионами России.

Для уточнения особенностей формирования трудового поведения населения республики дополнительно проанализируем отдельные блоки данных.

Трудовое поведение и образование

По данным статистики, люди с высшим и неполным высшим образованием составляют в Республике Татарстан более половины (53 %) экономически активного населения в возрасте 15—72 лет. Граждане со средним профессиональным образованием составляют около 32 %, а с неполным средним образованием — около 14 % экономически активного населения.

Проанализируем перекрестные особенности экономической активности и уровня образования населения. Сгруппировав полученные данные распределения по типичным признакам, мы получаем две основные группы. Представители группы 1 (люди с высшим и неполным высшим образованием) имеют больше возможностей для трудоустройства, а следовательно, для получения высокооплачиваемой работы. Представители группы 2 (люди с низким уровнем образования: неполным высшим или начальным профессиональным) чаще сталкиваются с проблемами безработицы и часто заняты низкооплачиваемой работой.

Эта ситуация отражает всероссийскую и общемировую тенденцию, согласно которой уровень образования напрямую влияет на уровень экономической активности и занятости населения: люди с высшим и неполным высшим образованием (обладая специализированными знаниями и навыками, которые делают их более привлекательными для работодателей) имеют больше возможностей для трудоустройства и получения

**Распределение населения частных домохозяйств Республики Татарстан,
обучающегося в образовательных учреждениях, чел.**

Возрастной контингент	Всего	Экономически активное население (ЭАН)*	Занятые
Все группы	410 062	153 152	130 560
15—19 лет	215 881	22 653	13 176
20—24 года	127 651	70 056	59 591
25—29 лет	31 669	27 818	26 424
30—39 лет	26 281	24 415	23 432
40—49 лет	8 580	8 210	7 937

* К ЭАН относятся занятые и безработные.

высокооплачиваемой работы, тогда как люди с неполным высшим или начальным профессиональным образованием часто вынуждены мириться с невысокой оплатой труда и угроза потерять работу для них выше. Это подчеркивает важность получения образования для повышения шансов на успешную карьеру и достойный уровень жизни. Таким образом, данные переписей показывают, что получение образования и поиск квалифицированной работы с более высокой заработной платой играют важную роль в структуре трудового поведения жителей Республики Татарстан. Согласно полученным данным, в Республике Татарстан в возрастной группе 15—19 лет фиксируется несколько большее, по сравнению со средним по России, количество обучающегося населения. Проанализировав блок данных «Население частных домохозяйств, обучающееся в образовательных учреждениях», мы получили возрастные распределения, отраженные в таблице.

Гендерные распределения, возрастные корреляции и структура занятости

Уровни экономической активности и занятости населения Республики Татарстан сходны с общероссийскими показателями. И для сельского, и для городского населения общий пик экономической активности и занятости приходится на возрастную группу

20—24 лет. По мере увеличения возраста подгруппы процент экономически активного населения в ней снижается. Наблюдается также некоторое сходство сельского и городского населения в распределении активного населения по полу: доля мужчин, занятых на рынке труда, выше, чем доля женщин.

Анализ структуры занятости населения Республики Татарстан позволил выявить, что в возрастной группе 20—29 лет большинство занятых являются работающими по найму, но в группах 30—39 лет и 40—49 лет (начиная с 30 лет) наблюдается тенденция к существенному увеличению доли предпринимателей и самозанятых. Присутствие второй работы — еще одна характерная тенденция: в возрастных группах 30—39 лет и 40—49 лет значительное число людей имеют вторую работу. С 60-летнего возраста наблюдается снижение трудовой активности. Среди представителей группы 15—19 лет количество занятых незначительное.

Таким образом, для различных возрастных групп характерны следующие особенности экономической активности:

- 1) 20—29 лет: наибольшая активность, преобладание работающих по найму;
- 2) 30—49 лет: наличие второй работы, рассматриваемой как часть трудовой деятельности; большее число самозанятых

и предпринимателей; дополнительный анализ с помощью расчета коэффициента Пирсона позволяет сделать вывод, что к занятости на второй работе более склонны работающие по найму, а самозанятые и бизнесмены реже имеют вторую работу;

3) 15—19 лет: незначительная занятость, связанная с процессом профессионального образования;

4) 60 лет и старше: существенное снижение экономической активности.

Занятость городского и сельского населения

Оценивая данные переписей, важно подчеркнуть сходство выявленных тенденций с общероссийскими. Так, наибольшая экономическая активность наблюдается в городах, где сосредоточена основная часть рабочих мест и предложений работы. В сельской местности, особенно в отдаленных районах, экономическая активность ниже из-за ограниченных возможностей для занятости. Кроме того, в регионах с развитой инфраструктурой и высоким уровнем жизни, таких как столичные города или крупные экономические центры, распространение второй работы может быть выше, так как люди стремятся к получению дополнительных доходов.

Можно отметить большую активность сельского населения в трудоустройстве вне территории своего населенного пункта, и в большей степени это относится к тем, кто работает не по найму. В сельской местности количество рабочих мест ограничено, поэтому люди вынуждены искать работу в других населенных пунктах или даже за пределами своего региона. Жители же городских территорий предпочитают вне зависимости от статуса занятости работать на территории своего населенного пункта.

Как для городского, так и для сельского населения характерна крайне низкая активность занятости на территории другого субъекта или на территории других стран. С одной стороны, это может быть связано с тем, что

рынок труда самого региона достаточно развит (существует достаточное количество доступных рабочих мест, возможности для развития карьеры, уровень заработной платы и качество жизни являются стимулами для того, чтобы остаться в регионе). Люди могут предпочитать работать на территории своего региона и страны и не подвергать себя рискам, связанным с необходимостью изучения иностранного языка, смены квалификации и др.

Демографическая нагрузка на трудоспособное население (на основе данных переписи 2020 г.)

За счет роста относительного числа лиц старше трудоспособного возраста демографическая нагрузка на трудоспособное население возрастает как в России в целом, так и в Приволжском федеральном округе и Республике Татарстан.

Существуют территориальные различия в структуре населения. Так, для сельского населения Республики Татарстан характерна меньшая доля детей и подростков младше трудоспособного возраста (0—15 лет) в сравнении со средними по России и Приволжскому федеральному округу. В то же время в городском населении Республики Татарстан доля этой категории (детей и подростков 0—15 лет) выше, чем в среднем по России и Приволжскому федеральному округу. Эти данные отражают различия в структуре населения городской и сельской местности: в городских районах проживает больше молодых семей с детьми, в сельских районах — преимущественно пожилое население пенсионного возраста.

Различия могут быть вызваны разными экономическими и социальными условиями в городе и селе: в городских районах социальная инфраструктура для детей и молодежи, как правило, развита лучше, что привлекает молодые семьи и стимулирует рождаемость. В сельских районах, напротив, эта инфраструктура менее развита.

Заключение

Рассмотренные данные Всероссийской переписи населения 2002, 2010 и 2020 гг. позволили выявить ряд особенностей трудового поведения населения Республики Татарстан.

Прежде всего, в течение последних двух десятилетий произошли изменения: в 2002 г. доля экономически активного населения составляла 64,3 %, в 2010 г. она выросла до 67,4 %, а к 2020 г. снизилась до 65,1%.

Изменения в структуре трудовой активности населения региона связаны, в первую очередь, со старением населения. Эту глобальную демографическую тенденцию отражает увеличение доли пенсионеров в общей численности населения: по сравнению с 2002 г., когда население пенсионного возраста составляло 13,7 %, в 2020 г. его стало значительно больше (доля возросла до 18,6 %).

Структура занятости населения Республики Татарстан отражает тенденции к урбанизации и реструктуризации экономики региона: в 2002 г. доля занятых в сельском хозяйстве составляла 16,9 %, в 2010 г. она снизилась до 12,4 %, а к 2020 г. — до 8,7 %. В то же время доля занятых в промышленности и строительстве увеличилась с 25,9% в 2002 г. до 27, 6% в 2020 г.

Доля безработных в общей численности экономически активного населения Республики Татарстан снизилась с 8,3 % в 2002 г. до 4,5 % в 2020 г., что может свидетельствовать об улучшении ситуации на рынке труда и снижении безработицы в регионе.

Таким образом, данные Всероссийской переписи населения позволяют сделать вывод о некоторых тенденциях в трудовом поведении населения Республики Татарстан: изменение структуры занятости, увеличение доли пенсионеров и нагрузки на трудоспособное население, снижение безработицы.

Важно отметить, что данные переписи могут не отражать всех факторов, влияющих на изменение размера доли детей и подростков младше трудоспособного возраста. Необходимы дополнительные исследования

для более полного и точного анализа корреляций, с привлечением других источников данных.

Список литературы и источников

1. **Андреев В. И.** Саморазвитие творческой конкурентоспособной личности менеджера. Казань: Фирма «СКАМ», 1992. 207 с.
2. **Друкер П. Ф.** Эффективное управление предприятием: экономические задачи и решения, связанные с риском / [пер. с англ. О. И. Медведь]. М. [и др.]: Вильямс, 2008. 212 с.
3. **Зинченко В. П.** Сознание и творческий акт / Гос. ун-т — Высш. шк. экономики. М.: Языки славянских культур, 2010. 588 с.: ил.
4. **Маслоу А. Г.** Мотивация и личность / [пер. с англ. Т. Гутман, Н. Мухина]. 3-е изд. М. [и др.]: Питер, 2011. 351 с. (Мастера психологии).
5. **Тейлор Ф. У.** Принципы научного менеджмента / пер. с англ. А. И. Зак. М.: Журн. «Контроллинг»: Изд-во стандартов, 1991. 104 с. (Б-ка журнала «Контроллинг»).
6. **Херцберг Ф., Моснер Б., Снидерман Б. Б.** Мотивация к работе / пер. с англ. [Д. А. Куликов]; под общ. ред. Е. А. Борисовой. М.: Вершина, 2006. 238 с.: ил., табл.
7. **McGregor D.** The Human Side of Enterprise / upd. and with a new comment. by J. Cutcher-Gershenfeld. Annot. ed. New York; Chicago; San Francisco [et al.]: McGraw-Hill, 2006. 480 p.

References

1. Andreyev V. I. *Self-Development of Creative Achievement-Oriented Personality of a Manager*. Kazan: Firma "SKAM", 1992. 207 p. (In Russian).
2. Drucker Peter. *Managing for Results: Economic Tasks and Risk-Taking Decisions*. London: Routledge, 1999. 240 p.
3. Zinchenko V. P., State University Higher School of Economics. *Mind and Act of Creation*. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2010. 588 p., il. (In Russian).

4. Maslow Abraham H. *Motivation and Personality*. Rev. by Robert Frager, James Fadiman, Cynthia McReynolds, Ruth Cox. 3rd ed. New York: Longman, 1987. 336 p.
5. Taylor Frederick Winslow. *The Principles of Scientific Management*. Mineola, NY: Dover Publ., 1997. 80 p.
6. Herzberg Frederick, Mausner Bernard, Snyderman Barbara Bloch. *The Motivation to Work*. With new introd. by F. Herzberg. Piscataway, NJ: Transaction Publ., 1993. 180 p.
7. McGregor Douglas. *The Human Side of Enterprise*, annotated edition. Upd. and with a new comment. by Joel Cutcher-Gershenfeld. New York: McGraw-Hill, 2006. 480 p.

Информация об авторе

Гневашева Вера Анатольевна — доктор экономических наук, руководитель отдела воспроизводства трудовых ресурсов и занятости населения, Институт демографических исследований — обособ-

ленное подразделение Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Россия, 119333, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6, к. 1, ЖК «Премьер»). ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3596-661X>; ResearcherID: E-3157-2014, SCOPUS ID: 57197809094, SPIN-код: 9169-9504

Information about the author

Vera A. Gnevasheva — Dr. Sci. (Econ.), Head of the Department of Reproduction of Labor Resources and Employment of the Population, Institute for Demographic Research — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Russia, 119333, Moscow, Fotievoi str., 6, bld. 1, Residential Complex “Premier”). ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3596-661X>; ResearcherID: E-3157-2014, SCOPUS ID: 57197809094, SPIN code: 9169-9504

Статья поступила в редакцию 13.07.2023.

The article was submitted 13.07.2023.

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2023. № 3 (39). С. 23—32.

Economic and Social Research. 2023. No. 3 (39). P. 23—32.

Научная статья

УДК 338.24:621.3.049.77 + 141.2

doi: 10.24151/2409-1073-2023-3-23-32

<https://elibrary.ru/ftgkwp>

Определение направлений обеспечения устойчивости и развития микроэлектронного производства на основе общей теории систем

А. А. Грибков¹, А. А. Зеленский²

^{1, 2} НПК «Технологический центр», Москва, Россия

¹ andarmo@yandex.ru

² zelenskyaa@gmail.com

Аннотация. Рассматривается проблема обеспечения устойчивости и развития микроэлектронной промышленности в России. Специфика указанной проблемы заключается в том, что необходимо предельно сократить количество производств и предприятий, вовлеченных в микроэлектронное и связанные с ним производства. В противном случае для формирования микроэлектронной промышленности потребуется развивать широкий спектр отраслей промышленности — часть из них связана с освоением высоких технологий, которыми Россия в настоящее время не обладает, а часть отраслей требует многократно увеличивать объемы производства. Способы решить проблему сокращения количества производств и предприятий, а также обеспечения устойчивости отрасли авторы ищут на основе эмпирико-метафизической общей теории систем. В арсенале данной теории — коллекции паттернов, т. е. шаблонов форм и отношений, широко распространенных в различных предметных областях. Чтобы оптимизировать образование микроэлектронной отрасли, авторы предлагают использовать паттерн структурообразования, а чтобы обеспечить устойчивость отрасли — паттерны дополнительных степеней свободы, паттерны фиксации и минимизации действий, паттерны внешней стабилизации. В статье рассмотрена практическая реализация указанных паттернов.

Ключевые слова: микроэлектронное производство, промышленность, устойчивость, развитие, общая теория систем, паттерны

Для цитирования: Грибков А. А., Зеленский А. А. Определение направлений обеспечения устойчивости и развития микроэлектронного производства на основе общей теории систем // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2023. № 3 (39). С. 23—32. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2023-3-23-32> EDN: FTGKWP.

Original article

Defining directions for sustainability and development of microelectronic production based on general systems theory

A. A. Gribkov¹, A. A. Zelensky²

^{1, 2} SMC “Technological Centre”, Moscow, Russia

¹ andarmo@yandex.ru

² zelenskyaa@gmail.com

Abstract. The authors deal with the problem of ensuring sustainability and development of the microelectronic industry in Russia. The specific of this problem is the need to reduce the number of industries and enterprises involved in microelectronics and related production as much as possible. Otherwise, the development of the microelectronic industry will require the development of a wide range of industries, some of which are related to the development of high technology, which Russia does not possess at present, while some of the industries require a multiple increase in production volumes. Determination of directions to solve the problem of reducing the number of industries and enterprises, as well as ensuring the sustainability of the industry is based on the empirical and metaphysical general systems theory. This theory has in its arsenal collections of patterns — patterns of forms and relations, widely spread in various subject areas. To optimize the formation of the microelectronic industry, the authors propose to use the pattern of structure formation, and to ensure the stability of the industry, the patterns of additional degrees of freedom, patterns of fixation and minimization of actions, and patterns of external stabilization. The practical implementation of these patterns has been considered.

Keywords: microelectronic production, industry, sustainability, development, general systems theory, patterns

For citation: Gribkov A. A., Zelensky A. A. “Defining Directions for Sustainability and Development of Microelectronic Production Based on General Systems Theory”. *Economic and Social Research* 3 (39) (2023): 23—32. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2023-3-23-32> EDN: FTGKWP.

Введение

Одна из приоритетных отраслей промышленности России, от развития которой зависит технологическая безопасность, обороноспособность и глобальная конкурентоспособность страны, — микроэлектронная отрасль.

В настоящее время микроэлектронная промышленность России характеризуется крайне малыми объемами производства и су-

щественным технологическим отставанием от ведущих стран мира [6; 8]. Объем российского производства микроэлектронной продукции составляет всего около 25 млрд руб. в год, объем потребления — около 150 млрд руб.¹ Среднемировой показатель доли микроэлектронного производства в электронной промышленности — около 17 % (552,9 млрд долл.²

¹ Княжанина Е., Исакова А. На модернизацию российской микроэлектроники нужно почти 800 млрд рублей [Электронный ресурс]: «Ростех» разработал дорожную карту развития отрасли // Ведомости: [сетевое издание]. 2020. 7 сентября. URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2020/09/07/838963-modernizatsiyu-mikroelektroniki> (дата обращения: 24.08.2023).

² Rapp H. P., Möbert J. Extraordinary semiconductor cycle triggered by one-time events, cyclical and geopolitical effects [Электронный ресурс] // Deutsche Bank Research: [портал] / Deutsche Bank. 2022. May 5. URL: https://www.dbresearch.com/PROD/RPS_EN-PROD/PROD000000000522983/Extraordinary_semiconductor_cycle_triggered_by_one.pdf (дата обращения: 24.07.2023).

от 3,18 трлн долл.³ в 2021 г.). В России доля микроэлектронного производства в электронной промышленности — около 1 % (25 млрд руб. от 2,42 трлн руб. в 2020 г.)⁴. Российский рынок микроэлектронной продукции составляет всего 3,7 % от всего рынка электронной продукции (4,06 трлн руб.)⁴.

Принимая во внимание крайне малый текущий объем микроэлектронного производства в России, задача по *развитию* отрасли фактически становится задачей по *созданию* новой, ранее отсутствовавшей отрасли.

Значимая специфическая особенность микроэлектронной промышленности, как и других высокотехнологичных производств, — широкая интеграция с множеством связанных отраслей. Изделия микроэлектронной отрасли требуют использования десятков тысяч комплектующих, сотен видов технологического оборудования. В результате развитие микроэлектронной отрасли в огромной степени зависит от доступности необходимых комплектующих и оборудования, которые можно найти на мировом или внутреннем рынке.

Сейчас Россия находится в политической и экономической конфронтации с ведущими странами мира (т. е. с США и аффилированными им странами). Эта конфронтация, среди прочего, затрагивает полупроводниковую продукцию и оборудование для ее производства. В таких условиях потребности отечественной микроэлектронной промышленности могут быть надежно обеспечены только за счет собственного производства комплектующих и оборудования. Для этого необходимо развивать множество отраслей, таких как:

1) химическая промышленность — в том числе производство сверхчистого кремния

и других полупроводниковых материалов, фоторезистов, проявителей и других реактивов для фотолитографии, сверхчистых инертных газов и т. д.;

2) металлургия — в том числе производство сверхчистых металлов, в частности меди, галлия, теллура, индия, ниобия, тантала, редкоземельных металлов и т. д.;

3) электронное машиностроение, обеспечивающее микроэлектронную отрасль необходимым технологическим оборудованием.

На практике реализация планов по развитию широкого спектра отраслей промышленности (часть из них связана с освоением высоких технологий, которыми Россия в настоящее время не обладает, а часть требует многократно увеличить объемы производства) представляется едва ли возможной. В связи с этим становится актуальной задача предельно сократить количество производств и предприятий, вовлеченных в микроэлектронику и связанные с ней производства. Ответ на вопрос о том, каким образом этого можно достичь, может дать общая теория систем.

Общая теория систем [1; 2; 7; 9; 10] представляет собой инструмент познания, основанный на использовании изоморфизмов — свойства подобия форм и законов, реализующихся в различных предметных областях, на различных уровнях организации мироздания. Перспективным вариантом общей теории систем выступает эмпирико-метафизическая общая теория систем (ЭМОТС); согласно ей, для познания мира можно использовать дедуктивный подход, отталкивающийся от некоторых первичных свойств бытия: они могут быть заданы «чистым разумом» (априорно) либо определены

³ Production forecasts for the global electronics and information technology industries [Электронный ресурс] // Japan Electronics and Information Technology Industries Association (JEITA): [сайт]. 2020. Dec. 16. URL: <https://www.jeita.or.jp/english/press/2020/1216.pdf> (дата обращения: 24.07.2023).

⁴ Основные результаты деятельности Минпромторга России за 2019 и 2020 годы [Электронный ресурс] / Минпромторг России // НАНГС — Национальная Ассоциация нефтегазового сервиса: [сайт]. URL: <https://nangs.org/docs/minpromtorg-rossii-osnovnye-rezultaty-deyatelnosti-minpromtorga-rossii-za-2019-i-2020-gody-pdf> (дата обращения: 24.07.2023).

индуктивно и традуктивно исходя из эмпирических знаний о мире [5].

Один из основных инструментов ЭМОТС — коллекции паттернов, т. е. шаблонов форм и отношений, широко распространенных в различных предметных областях. Для решения задачи, поставленной в данной статье, основной интерес представляют *паттерны образования систем* и *паттерны устойчивости систем*. В контексте этой задачи

Оптимизация образования микроэлектронной отрасли

Задача минимизации числа предприятий и производств, вовлеченных в микроэлектронную отрасль и связанные с ней отрасли-поставщики, представляет собой задачу по оптимизации образования системы, складывающейся из указанных отраслей. Паттерны образования систем, имеющиеся в коллекции ЭМОТС, отражают широкое разнообразие механизмов, реализуемых при формировании систем. С учетом задачи оптимизации (по критерию минимизации числа предприятий и производств), выбор паттерна образования систем очевиден: это паттерн структурообразования [3], предполагающий постепенный (пошаговый) рост системы, которая при этом в каждый момент времени устойчива и самодостаточна, т. е. включает в себя все элементы, необходимые для того, чтобы она выполняла свое функциональное назначение.

Таким образом, необходимо формировать микроэлектронную отрасль согласно паттерну структурообразования, т. е. постепенно, поэтапно расширять комплекс используемых технологий и образовывать интеграционные связи. Паттерн структурообразования не самый эффективный, но в процессе воплощения он оказывается наиболее устойчивым. Именно поэтому он лежит в основе биологической эволюции.

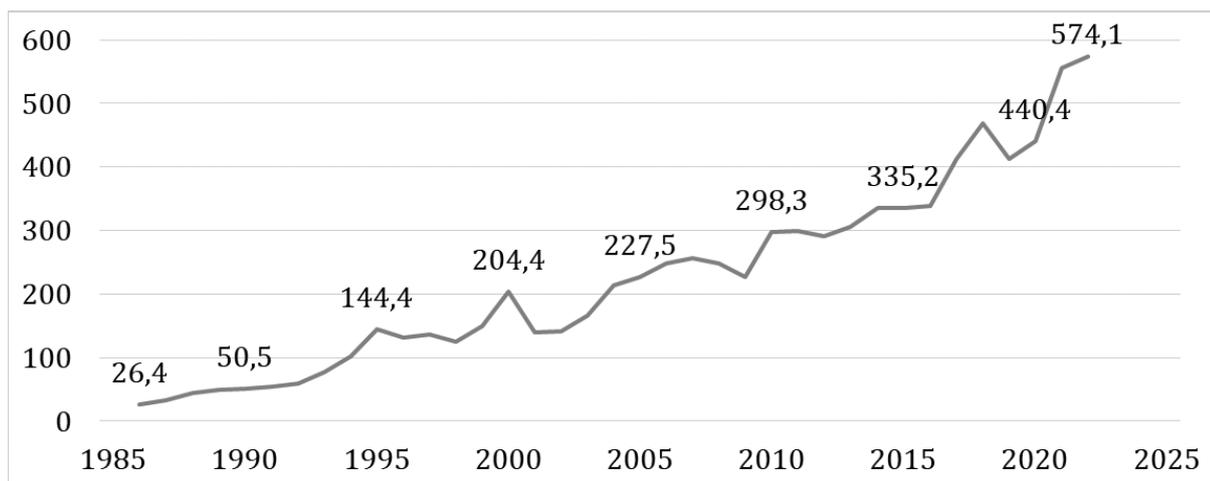
Опыт формирования микроэлектронного производства в отдельных странах (нынешних лидерах мировой микроэлектронной промышленности) не может быть

образование системы (микроэлектронной промышленности и комплекса связанных с ней отраслей-поставщиков) должно обеспечивать минимизацию числа вовлеченных в нее предприятий и производств, а устойчивость системы должна служить сохранению системы в условиях указанной минимизации, влекущей за собой снижение эффективности микроэлектронной отрасли и связанных с ней отраслей-поставщиков.

использован в России. Развитие производства в них не изолировалось, не базировалось преимущественно на собственном технологическом и производственном потенциалах, а было интегрированным в рамках международного разделения труда, при котором аффилированность Соединенным Штатам Америки большинства стран, участвующих в этой интеграции, делала его стабильным и не предполагала влияния внутренних неэкономических факторов — например, геополитической конкуренции, выливающейся в экономическую конфронтацию. Современная Россия не входит в указанную мировую систему микроэлектронного производства, где ядро — США и куда также входят Южная Корея, Япония, Германия, Тайвань и др.

Прототипом российской микроэлектронной промышленности должна стать мировая микроэлектронная промышленность середины 1980-х гг. с суммарным объемом производства 25—35 млрд долл. / год (см. рисунок). Естественно, при этом необходимо внести соответствующие поправки и коррективы, отражающие современный уровень развития технологий (в той мере, в которой они не требуют расширения числа производств и предприятий) и специфику потребностей России в микроэлектронной продукции.

Текущий объем потребления микроэлектронной продукции в России существенно меньше, чем указанные 25—35 млрд долл. общемирового потребления в середине

Объем мирового рынка микроэлектронной продукции в 1986—2022 гг., млрд долл.⁵

1980-х гг., и (по разным оценкам) составляет 2,0—2,5 млрд долл. Развитие микроэлектронной промышленности России до среднемирового уровня, соответствующего масштабам электронной промышленности России, предполагает в среднесрочной перспективе многократный рост объемов отечественного потребления и производства микроэлектронной продукции. В результате предлагаемый прототип отраслевого микроэлектронного производства России адекватен и может служить качественному определению масштабов отдельных производств и межотраслевого баланса микроэлектронной промышленности и связанных с ней отраслей-поставщиков.

Построение микроэлектронной отрасли согласно с паттерном структурообразования позволит минимизировать количество задействованных производств и ограничиться только необходимыми на текущем этапе. Кроме того, микроэлектронную отрасль и связанные с ней отрасли-поставщики в этом случае можно развивать поэтапно, распределяя действия по времени, причем количественный рост и развитие технологий будут происходить параллельно, не ограничивая друг друга, что неизбежно

при формировании производства сразу для максимально широкого спектра технологических задач и групп микроэлектронной продукции.

Важным следствием предлагаемого подхода к развитию микроэлектронной отрасли становится (на начальных этапах) опора на технологии, существенно менее развитые по сравнению с имеющимися в настоящее время в ведущих странах мира. В частности, представляется целесообразным использовать полупроводниковые (кремниевые) пластины диаметром 100 мм (основной типоразмер в 1980-х гг.) и строить интегральные микросхемы по проектным нормам 1,2 мкм (которые в свое время, когда использовали 100-мм пластины, были наиболее «тонкими»). По мере формирования микроэлектронной отрасли в России станет возможным постепенно перейти к более «тонким» проектным нормам (180—90 нм), а также использовать наряду со 100-мм пластинами также пластины большего диаметра (150 мм или 200 мм). При этом переход к использованию пластин большего диаметра должен определяться не столько технологическими возможностями, сколько емкостью внутреннего рынка микроэлектронной продукции.

⁵ Historical Billings Report [Электронный ресурс] // World Semiconductor Trade Statistics (WSTS): [сайт]. URL: <https://www.wsts.org/67/Historical-Billings-Report> (дата обращения: 24.07.2023).

Это связано с тем, что для обеспечения эффективности производства, основанного на использовании 150-мм или 200-мм пластин, требуются существенно большие масштабы этого производства (в рамках отдельного предприятия), что напрямую ограничено отраслевым спросом на микроэлектронную продукцию.

Средние темпы роста мирового рынка и, соответственно, мирового производства микроэлектронной продукции за период 1986—2022 гг. составили свыше 2,3 раз каждые 10 лет. При аналогичных темпах роста микроэлектронной промышленности России к 2035 г. объем ее производства вырастет по сравнению с 2022 г. в 2,8 раза. При-

нимая во внимание, что развитие отечественной микроэлектронной промышленности будет в значительной степени повторять (по крайней мере, с точки зрения технологий) мировой опыт, темпы роста производства в России могут быть существенно увеличены. При двукратном увеличении темпов роста к 2035 г. объем производства микроэлектронной промышленности России может вырасти в 7,2 раза, что примерно соответствует целевым показателям, следующим из намеченных планов развития электронной промышленности России⁶, и среднемировой доле в ней микроэлектронного производства (на уровне 17 %).

Повышение устойчивости микроэлектронной отрасли

Если рассматривать микроэлектронную отрасль (вместе со всеми связанными с ней производствами) как самоуправляемую систему, то при сокращении ее масштабов (соответствующем минимизации числа производств и предприятий) неизбежно будет возникать проблема: ее устойчивость снизится. На практике указанное снижение устойчивости обусловлено множеством факторов, основной из которых — уменьшение экономической эффективности производства.

Коллекция паттернов устойчивости систем [4], имеющаяся в ЭМОТС, включает в себя несколько решений, позволяющих повысить устойчивость системы при уменьшении ее масштабов. К числу наиболее перспективных, по мнению авторов, относятся паттерны дополнительных степеней свободы, паттерны фиксации и минимизации действий, паттерны внешней стабилизации.

Среди известных и широко используемых способов повысить устойчивость (и управляемость) системы можно назвать

придание ей дополнительной степени свободы или (что то же самое) снятие ограничений на какой-либо параметр системы. Очевидный «кандидат» на снятие ограничений — экономическая эффективность (рентабельность) производства. Если в рамках производства обеспечение его рентабельности (положительной или на уровне стран или компаний-конкурентов) не требуется (например, затраты на данное производство не существенны в масштабе более крупного производства, необходимой частью которого оно является), то открываются широкие возможности для того, чтобы уменьшить количество производств и предприятий. Например, допустимым становится объединение множества разнородных производств, общее у которых только то, что все они обслуживают микроэлектронную отрасль. Такое совокупное производство не будет экономически эффективным, однако позволит многократно сократить масштабы интегрированной отрасли, объединяющей микроэлектронное и связанные с ним производства.

⁶ Утверждена Стратегия развития электронной промышленности Российской Федерации на период до 2030 года [Электронный ресурс]: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 января 2020 г. № 20-п // Правительство России: официальный сайт. URL: <http://government.ru/docs/38795/> (дата обращения: 24.07.2023).

Микроэлектронная продукция — необходимый элемент производства многих промышленных товаров: автомобилей и других транспортных средств, машиностроительного оборудования, бытовой техники и др. Без микроэлектронных компонентов эта продукция не сможет обеспечить заданные технические и эксплуатационные характеристики, соответствующие современным требованиям, а значит, не станет конкурентоспособной. При этом вклад микроэлектронных компонентов в суммарную себестоимость многих видов продукции, где они используются, сравнительно невелик.

Показательным примером может служить производство автомобилей, где, несмотря на широкое использование электроники, доля расходов на микроэлектронные компоненты сравнительно невелика. Доля электронных систем (среди них — контроллеры впрыска топлива и подушек безопасности, антиблокировочные системы, системы стабилизации, датчики давления в шинах, системы контроля слепых зон и др.) в стоимости автомобиля составляет (включая программное обеспечение) от 25 % для низкого ценового сегмента до 50 % для автомобилей премиум-класса. Формальный расчет доли расходов на микроэлектронные компоненты в совокупном мировом производстве автомобилей дает следующий результат:

$$12\% \cdot 552,9 \text{ млрд долл.} : 2860 \text{ млрд долл.} = 2,3\%,$$

где 12 % — доля автомобилестроения в потреблении микроэлектронной продукции в 2021 г.⁷; 552,9 млрд долл. — объем производства микроэлектронной продукции

в 2021 г.⁸; 2860 млрд долл. — мировой объем продаж автомобилей в 2021 г.⁹

В последние несколько лет на мировом рынке возрастает дефицит чипов, в том числе используемых в автомобилях. Невозможность производства при отсутствии чипов (даже при сравнительно небольшой доле расходов на них в общей стоимости автомобилей) обуславливает активный рост цен на чипы. В частности, ведущий мировой производитель чипов — тайваньская компания TSMC — в 2022 г. повысила стоимость своей продукции на 10—20 %, а в 2023 г. стоимость увеличится еще на 5—9 %.⁸

Паттерны фиксации и минимизации действий основаны на противодействии разрушению системы за счет *фиксации* (отключения) отдельных свойств, элементов и связей внутри нее — либо за счет *минимизации* всех или отдельных действий. Применительно к микроэлектронной отрасли, рассматриваемой в качестве системы, устойчивость которой требует повышения, данный паттерн реализуется в виде различных протекционистских мер внешнеторговой политики, позволяющих частично изолировать *систему* (микроэлектронную отрасль и связанные с ней производства) от *надсистемы* (мирового рынка). Основными протекционистскими мерами являются высокие ввозные таможенные пошлины и ограничения на ввоз отдельных видов микроэлектронной продукции, а также материалов и комплектующих, необходимых для ее производства. Эти меры позволят повысить конкурентоспособность отечественной продукции на внутреннем рынке, обеспечить рыночное повышение цен и, соответственно, более

⁷ State of the U. S. semiconductor industry [Электронный ресурс]: 2021 // Semiconductor Industry Association (SIA): [сайт]. URL: <https://www.semiconductors.org/wp-content/uploads/2021/09/2021-SIA-State-of-the-Industry-Report.pdf> (дата обращения: 24.07.2023).

⁸ *Carlter M.* Global automotive manufacturing industry revenue between 2019 and 2022 (in trillion U. S. dollars) [Электронный ресурс] // Statista — The Statistic Portal for Market Data, Market Research and Market Studies: [портал]. URL: <https://www.statista.com/statistics/574151/global-automotive-industry-revenue/> (дата обращения: 24.07.2023).

⁹ TSMC plans another price hike amid inflation concerns [Электронный ресурс] // Nikkey Asia — Business, Politics, Economy and Tech News & Analysis: [сайт]. URL: <https://asia.nikkei.com/Business/Tech/Semiconductors/TSMC-plans-another-price-hike-amid-inflation-concerns> (дата обращения: 24.07.2023).

высокую рентабельность продаж отечественной микроэлектронной продукции и необходимых для ее производства материалов и комплектующих.

В настоящее время внешнеэкономическая политика России в отношении микроэлектронной продукции имеет противоположное направление развития. В условиях, когда на Россию со стороны США и стран, аффилированных США (среди них — Тайвань, Южная Корея, Япония, Германия и др.), наложены санкции, ставится задача удовлетворить потребности отечественной промышленности, в ряде случаев даже за счет использования механизмов параллельного импорта. При этом никаких ограничений на импорт, естественно, нет. Базовая ставка ввозной таможенной пошлины на такую продукцию, согласно ТН ВЭД ЕАЭС, составляет 0 %.¹⁰

Развитие отечественной микроэлектронной промышленности должно существенно изменить ситуацию на внутреннем российском рынке микроэлектронной продукции. В результате на отдельные виды этой продукции (аналоги которых производятся в России) могут быть установлены высокие ввозные таможенные пошлины. Несоответствие такой государственной внешнеэкономической политики правилам Всемирной

торговой организации (ВТО) очевидно, однако установленные против России санкции, создающие сложности при обеспечении потребностей экономики страны (в том числе в микроэлектронной продукции), делают отход от правил ВТО вынужденным и неизбежным.

Паттерны внешней стабилизации предполагают сохранение устойчивости системы за счет постоянного внешнего воздействия. Микроэлектронная промышленность — стратегическая отрасль, определяющая, как уже отмечалось выше, технологическую безопасность, обороноспособность и глобальную конкурентоспособность страны. Это оправдывает использование мер государственной поддержки и данной отрасли, и связанных с ней отраслей.

Механизмы поддержки предприятий в рамках государственной промышленной политики известны: налоговые льготы, льготное кредитование, субсидирование, полная или частичная компенсация расходов на НИОКР и др. В ряде случаев наиболее действенной формой государственной поддержки отрасли выступает создание производств в рамках госкорпораций (среди них, например, «Ростех») или крупных предприятий оборонно-промышленного комплекса.

Заключение

По результатам проведенных в статье исследований можно сделать ряд основных выводов.

Прежде всего, микроэлектронная отрасль России в настоящее время имеет крайне малые объемы производства и ограниченный набор технологических компетенций. Следовательно, развитие отрасли фак-

тически будет представлять собой формирование *новой*, ранее отсутствовавшей отрасли.

Далее, значимой специфической особенностью микроэлектронной промышленности, как и других высокотехнологичных производств, можно назвать широкую интеграцию с большим количеством связанных

¹⁰ Об утверждении единой Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза и Единого таможенного тарифа Евразийского экономического союза, а также об изменении и признании утратившими силу некоторых решений Совета Евразийской экономической комиссии [Электронный ресурс]: решение Совета Евразийской экономической комиссии от 14 сентября 2021 г. № 80 // КонсультантПлюс: справочная правовая система: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_397176/ (дата обращения: 24.07.2023).

отраслей. В результате развитие отрасли потребует одновременно развивать широкий спектр отраслей промышленности, многие из которых в России не развиты или отсутствуют.

Проблема развития и обеспечения устойчивости микроэлектронной промышленности России заключается в необходимости предельно сократить количество производств и предприятий, вовлеченных в микроэлектронное и связанные с ним производства.

Направление поисков решения проблемы того, как сократить количество производств и предприятий, а также обеспечить устойчивость отрасли, может быть определено на основе эмпирико-метафизической общей теории систем.

Для оптимизации образования микроэлектронной отрасли следует использовать паттерн структурообразования, а для обеспечения устойчивости отрасли — паттерны дополнительных степеней свободы, паттерны фиксации и минимизации действий, паттерны внешней стабилизации.

Список литературы и источников

1. **Богданов А. А.** Тектология: всеобщая организационная наука: в 2 кн. М.: Экономика, 1989.
2. **Гиг Д.** Прикладная общая теория систем: в 2 кн. М.: Мир, 1981.
3. **Грибков А. А.** Паттерны общей теории систем. Ч. 1: Паттерны образования систем // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2022. № 5А. С. 33—40. <https://doi.org/10.34670/AR.2022.17.35.005> EDN: HSHWKR.
4. **Грибков А. А.** Паттерны общей теории систем. Ч. 2: Паттерны устойчивости систем // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2022. № 6-1. С. 5—15. <https://doi.org/10.34670/AR.2022.35.11.001> EDN: FKOOEG.
5. **Грибков А. А.** Эмпирико-метафизический подход к построению общей теории си-

стем // Общество: философия, история, культура. 2023. № 4 (108). С. 14—21. <https://doi.org/10.24158/fik.2023.4.1> EDN: ULNNNZ.

6. **Зеленский А. А., Морозкин М. С., Грибков А. А.** Обзор полупроводниковой промышленности в мире и России: производство и оборудование // Изв. вузов. Электроника. 2021. Т. 26. № 6. С. 468—480. <https://doi.org/10.24151/1561-5405-2021-26-6-468-480> EDN: VEDCKH.
7. **Месарович М., Такахара Я.** Общая теория систем: математические основы / пер. с англ. Э. Л. Наппельбаума; под ред. С. В. Емельянова. М.: Мир, 1978. 312 с.
8. **Сиротин Д. В.** Состояние и возможности развития российской микроэлектронной отрасли // Экономическое возрождение России. 2021. № 3 (69). С. 105—122. <https://doi.org/10.37930/1990-9780-2021-3-69-105-122> EDN: WUGRPE.
9. **Уемов А. И.** Системный подход и общая теория систем. М.: Мысль, 1978. 272 с.
10. **Bertalanffy L. von.** General system theory: foundations, development, applications. New York, NY: George Braziller Inc., 1969. 289 p.

References

1. Bogdanov A. A. *Tectology: Universal Organizational Science*. 2 books. Moscow: Ekonomika, 1989. (In Russian).
2. Gigch John P. van. *Applied General Systems Theory*. 2nd ed. N. p.: Harper & Row Publ., 1978. 602 p.
3. Gribkov A. A. “Patterns of General Systems Theory. Pt. 1. Patterns of Systems Formation”. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke = Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being* 5A (2022): 33—40. (In Russian). <https://doi.org/10.34670/AR.2022.17.35.005> EDN: HSHWKR.
4. Gribkov A. A. “Patterns of General Systems Theory. Pt. 2. Patterns of Systems [Stability]”. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke = Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being* 6-1 (2022): 5—15. (In Russian).

- <https://doi.org/10.34670/AR.2022.35.11.001>
EDN: FKOOEG.
5. Gribkov A. A. “Empirical-Metaphysical Approach to General Systems Theory Construction”. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura = Society: Philosophy, History, Culture* 4 (108) (2023): 14–21. (In Russian). <https://doi.org/10.24158/fik.2023.4.1>
EDN: ULNNNZ.
6. Zelensky A. A., Morozkin M. S., Gribkov A. A. “Overview of the Semiconductor Industry in the World and in Russia: Production and Equipment”. *Izv. vuzov. Elektronika = Proc. Univ. Electronics* 26.6 (2021): 468–480. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/1561-5405-2021-26-6-468-480> EDN: VEDCKH.
7. Mesarovic M. D., Takahara Ya. *General Systems Theory: Mathematical Foundations*. Cleveland: Academic Press, 1975. 322 p.
8. Sirotin D. V. “The State and Capabilities of Russia’s Further Development of Microelectronics”. *Ekonomicheskoye vrozozhdeniye Rossii = Economic Revival of Russia* 3 (69) (2021): 105–122. (In Russian). <https://doi.org/10.37930/1990-9780-2021-3-69-105-122> EDN: WUGRPE.
9. Uyemov A. I. *System Approach and General Theory of Systems*. Moscow: Mysl’, 1978. 272 p. (In Russian).
10. Bertalanffy L. von. *General System Theory: Foundations, Development, Applications*. New York, NY: George Braziller, 1968. 289 p.

Информация об авторах

Грибков Андрей Армович — доктор технических наук, ведущий научный сотрудник, НПК «Технологический центр» (Россия, 124498, г. Москва, пл. Шокина, д. 1, стр. 7).

Зеленский Александр Александрович — кандидат технических наук, ведущий научный сотрудник, НПК «Технологический центр» (Россия, 124498, г. Москва, пл. Шокина, д. 1, стр. 7).

Information about the authors

Andrey A. Gribkov — Dr. Sci. (Eng.), Leading Research Fellow, SMC “Technological Centre” (Russia, 124498, Moscow, Shokin sq., 1, bldg. 7).

Alexander A. Zelenky — Cand. Sci. (Eng.), Leading Research Fellow, SMC “Technological Centre” (Russia, 124498, Moscow, Shokin sq., 1, bldg. 7).

Статья поступила в редакцию 14.06.2023.

The article was submitted 14.06.2023.

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2023. № 3 (39). С. 33—40.

Economic and Social Research. 2023. No. 3 (39). P. 33—40.

Научная статья

УДК 339.137.2

doi: 10.24151/2409-1073-2023-3-33-40

<https://elibrary.ru/gmbthz>

Влияние цифровых технологий на восприятие и проектирование новых продуктов

Л. В. Гринцевич

Белорусский национальный технический университет, г. Минск, Республика Беларусь

grinyaya@mail.ru

Аннотация. Рассмотрена эволюция понятия «продукт» и оценено влияние цифровых технологий на структуру и восприятие продуктов. Предложена классификация продуктов по признаку участия цифровых технологий в их создании и реализации. Преобразование модели продукта цифровыми технологиями, применяемыми на всех стадиях его жизненного цикла, требует изменения трактовки понятия продукта как сложной системы взаимодействия материальных и цифровых компонентов. Представлена концепция архитектуры продукта, включающая базовые характеристики, формирующие его основу, блоки, составляющие концептуальную модель продукта, и психологические характеристики, формирующие образ продукта. Разработанная автором модель архитектуры продукта уточняет факторы, оказывающие влияние на конкурентоспособность различных продуктов, и может быть использована для совершенствования методов определения уровня их конкурентоспособности и разработки стратегии продвижения на рынке.

Ключевые слова: эволюция понятия, цифровые технологии, архитектура продукта, конкурентоспособность

Для цитирования: Гринцевич Л. В. Влияние цифровых технологий на восприятие и проектирование новых продуктов // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2023. № 3 (39). С. 33—40. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2023-3-33-40>
EDN: GMBTHZ.

Original article

The impact of digital technologies on new product perception and designing

L. V. Grintsevich

Belarusian National Technical University, Minsk, Republic of Belarus

grinyaya@mail.ru

© Гринцевич Л. В.

Abstract. The evolution of the concept of “product” is examined and the impact of digital technologies on the structure and perception of products is evaluated. A classification of products based on the participation of digital technologies in their creation and implementation is proposed. Transforming the product model by digital technologies applied at all stages of its life cycle requires a change in the interpretation of the concept of a product as a complex system of interaction between material and digital components. In this work, the product architecture concept has been built up, including the basic characteristics that form its basis, the blocks that make up the conceptual model of the product, and the psychological characteristics that form the image of the product. The author’s product architecture model clarifies the factors affecting the competitiveness of various products and can be used to improve methods for determining the level of their competitiveness and developing a strategy for market promotion.

Keywords: concept evolution, digital technologies, product architecture, competitiveness

For citation: Grintsevich L. V. “The Impact of Digital Technologies on New Product Perception and Designing”. *Economic and Social Research* 3 (39) (2023): 33–40. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2023-4-33-40> EDN: GMBTHZ.

Проблема определения конкурентоспособности товаров и услуг является актуальной, так как с развитием технологий возможности их приобретения становятся практически безграничными и отношение потребителей к ним изменяется. Поэтому оценка конкурентоспособности требует новых подходов и уточнения факторов, оказывающих влияние на успешность продажи продукта. Также требуется уточнение трактовки понятия «продукт» и форм воплощения идеи продукта.

Под продуктом как экономической категорией следует понимать результат труда, который можно предложить на рынке для удовлетворения различных потребностей, снижения нужды, согласно запросам общества. В качестве продукта могут выступать не только товары, услуги, недвижимость, фирмы, но и бренды, идеи, т. е. информация. Следовательно, продукт может иметь как вещественную, так и нематериальную форму. Вместе с тем в продукте могут присутствовать одновременно обе эти составляющие. Если в составе продукта больше материальной части, его можно отнести к категории товаров; если преобладает нематериальная часть — к категории услуг. Помимо этого разделения обратим внимание на то, что

товар — это конечный результат человеческих усилий: продавая товар, мы предлагаем потребителю конечный результат. Вместе с тем услуга представляет собой процесс, который может корректироваться со стороны потребителя или исполнителя в целях достижения наилучшего результата. Поэтому продавая услугу, мы продаем процесс ее оказания.

С продажей товара не заканчиваются взаимоотношения продавца или производителя с потребителем. Любой товар имеет нематериальную составляющую — название, бренд, дизайн, — и процессную составляющую — консультационное, гарантийное и сервисное обслуживание. В свою очередь услуга может иметь вполне материальный результат, например, услуга стоматолога — качественно поставленную пломбу [3, с. 93].

С течением времени подходы к определению продукта и составляющим его факторам изменяются, — изменения вносит научно-технический прогресс, не только в разработку, производство, продвижение товаров, но и в восприятие товара потребителем. Изменяются привычные схемы оценки продукта — ценностные установки потребителей, понятие рациональности выбора товара. Поэтому возникает потребность в уточнении

уровней восприятия товара, что позволяет создавать конкурентоспособный продукт и снижать возможные риски его реализации.

В первоначальной теории маркетинга, предложенной Ф. Котлером, товар имеет следующие уровни:

1. *Товар по замыслу* представляет собой потребительскую ценность, а также основную цель существования товара: например, для автомобиля это — перевозка пассажиров от одного пункта до другого.

2. *Товар в реальном исполнении* — это конкретные качественные и количественные характеристики товара: марка автомобиля, мощность двигателя, эргономика салона, цвет, клиренс и др.

3. *Товар с прикреплением* — условия покупки, монтаж, сервисное обслуживание — дополнительные удобства, связанные с покупкой и с использованием товара (приводится по: [6]).

Однако в условиях научно-технического прогресса такой объем определения уровней товара оказался недостаточным.

С целью повысить уникальность продукта и его конкурентоспособность Александр Остервальдер и Ив Пинье [6, с. 24] перешли от трактовки понятия продукта к созданию его бизнес-модели, в состав которой вошли следующие блоки: ценностное предложение, отношения с заказчиком, каналы поставки, потребительские сегменты, ключевые активности, ключевые ресурсы, ключевые партнеры, структура затрат и источники доходов. Таким образом объем понятия модели продукта был расширен и стал охватывать множество субъектов, формирующих конкурентоспособность продукта. Система бизнес-модели позволяет сконцентрировать усилия по созданию продукта на любом из перечисленных сегментов и продавать не столько товар, сколько комплекс бизнес-процессов, который позволяет сделать продукт идеальным — как с точки зрения потребителя, так и со стороны бизнеса.

Далее вектор маркетинга направляется на восприятие товара потребителем. Ф. Котлер в книге «Маркетинг 3.0» предлагал воздействовать на потребителя через эмоции и духовные убеждения и указывал на необходимость исследовать ценности, важные для потребителя. Впоследствии Котлер обратил внимание на внедрение информационных технологий в процессы продвижения продукта (в книгах «Маркетинг 4.0» и «Маркетинг 5.0» [4]).

Развитие информационных технологий значительно изменяет многие процессы, связанные с покупкой, реализацией и эксплуатацией товаров. Люди всё чаще делают покупки онлайн, технологии Big Data позволяют составить профиль потребителя, а искусственный интеллект — рекомендовать или выбирать товары [4, с. 13]. Развивая теорию маркетинга, Ф. Котлер рассмотрел, как именно имитирующие человека технологии — искусственный интеллект (ИИ), технологии обработки естественного языка (NLP), сенсоры, робототехника, дополненная реальность (AR), виртуальная реальность (VR), интернет вещей и блокчейн — позволяют повысить потребительскую ценность товара. Многие товары требуют постоянного использования и обновления программного обеспечения, что является условием работоспособности, производительности и эффективности инновационной техники.

Сегодня создание практически любого технического изделия — это не только процессы материального проектирования, производства изделия с использованием отечественных или импортных комплектующих. Сервисное обслуживание технического товара включает в себя обязательную программную поддержку на протяжении всего срока его эксплуатации. Софт необходим как для сложной техники — станков, автомобилей, компьютеров, — так и для бытовых товаров: чайников, мультиварок, стиральных, посудомоечных машин и прочей техники. Поэтому в структуру уровней товара, в его

бизнес-модель необходимо внести как минимум еще один уровень — разработку и актуализацию программного обеспечения, — что потребует содержания собственного штата IT-разработчиков или приведет к снижению стоимости продукта из-за высокого риска морального старения вследствие невозможности обновления софта.

Товары и услуги могут иметь, помимо вещественной формы, цифровую. С развитием информационных технологий большое количество продуктов предлагается к реализации в цифровом виде, любой продукт может иметь цифровую копию или виртуальную модель физического объекта или процесса, системы или среды (например, для просмотра фильма необязательно идти в кинотеатр или покупать фильм на каком-либо носителе). Продукт считается цифровым, если может частично создаваться, продаваться и использоваться в сети Интернет. К цифровым продуктам можно отнести: программное обеспечение, электронные книги и журналы, электронные библиотеки, видео- и аудиоматериалы, онлайн-курсы.

Многие товары имеют помимо физической формы также программное обеспечение, которое позволяет управлять ими, отслеживать основные процессы, осуществлять обратную связь с пользователями. Такие продукты называются «подключенными», по определению К. С. Майоровой, это — «объекты, устройства и машины, оснащенные датчиками, управляемые программным обеспечением (ПО) и подключенные к сети Интернет. По умолчанию подключенные продукты собирают все данные, которые представляют интерес, о том, что с ними происходит, анализируют их и обмениваются с другими устройствами» [5, с. 44]. Подключенные продукты позволяют налаживать обратную связь с потребителем, отслеживать условия их эксплуатации и работы, собирать данные о клиентском опыте; эти продукты входят в состав систем управления, проектирования, обслуживания. Под-

ключенные продукты приносят больше прибыли, значение добавленной стоимости выше, рынок их постоянно расширяется.

Таким образом, проектирование нового продукта должно включать в себя разработку не только его технических, эргономических, эстетических характеристик, но и цифровой части — программного обеспечения, обновлений, связи через различные платформы с другими предметами или пользователями.

Сегодня необходимо менять подходы к моделированию товара: переходить с механистического представления о нем как о наборе комплектующих, продаваемых с учетом упаковки, рекламы и сервисного обслуживания, — на понимание товара как совокупности технического и программного обеспечения на всех стадиях жизненного цикла товара. На эту необходимость исследователи стали обращать внимание всё чаще; так, В. А. Радченко считает: «Важными элементами “хорошего” продукта становятся: [и] наличие гарантийных обязательств, и уровень сервисного обслуживания; способ доставки товара до потребителя <...> наличие и удобство дополнительно поставляемого программного обеспечения или наличие информационной базы» [7, с. 242].

Подключенные продукты могут генерировать следующие преимущества: скорость реагирования на изменения внешней среды и скорость перестройки производственных циклов; изменение масштабов производства в зависимости от рыночных потребностей; использование искусственного интеллекта и больших данных для прогнозирования тенденций развития рынка [5, с. 47—48]. Все эти преимущества могут быть усилены функционированием всех циклов создания продукта в единой системе.

В рамках цифровизации производственных процессов всё активнее используются цифровые двойники — виртуальные прототипы существующих в реальности объектов или процессов — от простого изделия до предприятия или города. Цифровые двойники

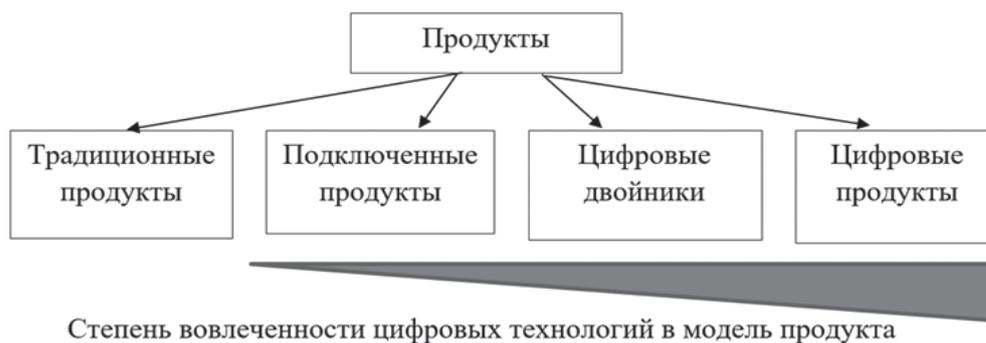

Рис. 1. Влияние цифровых технологий на развитие категории «продукт»

строятся на анализе большого количества данных об объекте и анализе среды его функционирования и помогают быстрее моделировать любые процессы, проводить тесты и испытания различных объектов и систем. Так, в рамках цифрового развития отраслей экономики Беларуси, согласно Государственной программе «Цифровое развитие Беларуси» на 2021—2025 гг., «предусматривается разработка комплекса программно-инструментальных средств для управления жизненным циклом изделий производственных предприятий, который будет включать такие решения, как “цифровой двойник изделия”, “цифровой двойник производства”, “цифровой двойник обслуживания продукта”, программный комплекс интеллектуальной обработки сенсорных данных, получаемых от технологического оборудования, задействованного в производственном процессе, и ряд других» [2]. Внедрение всех этих решений может повысить оперативность управления производственными процессами, снизить издержки, ускорить выход новой продукции на рынок. Однако никаких других нормативных документов в Республике Беларусь в отношении цифровых двойников продуктов и процессов пока не принято.

В России утвержден Национальный стандарт ГОСТ Р 57700.37–2021 [1], в котором даны определения цифрового двойника и цифровой модели изделия. Серия национальных стандартов ГОСТ Р 57700 объеди-

няет более 25 документов по стандартизации и формирует систему нормативных технических требований, которая определяет положения применения компьютерных моделей и виртуальных испытаний в создании высокотехнологичных промышленных изделий и обеспечении их эксплуатации.

В соответствии с вышеизложенным, классифицируем понятие продукта, распределяя виды по критерию влияния на них и вхождения в них цифровых технологий (рис. 1).

При оценке конкурентоспособности продукта и создании его бизнес-модели необходимо учитывать, помимо софтизации, множество факторов, важных для потребителя: непосредственное качество продукта; воспринимаемое качество, формируемое имиджем компании или бренда; легкость приобретения и использования; эргономичность, как физическую, так и цифровую; затраты на приобретение, эксплуатацию и утилизацию товара; эмоциональную, моральную и идеологическую составляющие образа продукта. Все эти факторы могут лечь в основу современной бизнес-модели, так как потребители всё больше внимания уделяют выбору качества и особенностей эксплуатации.

Понятие продукта в ходе цифровизации становится более сложным и многогранным. Чаще всего словосочетание «архитектура продукта» применяется в IT-отрасли, так как при создании IT-продуктов используется труд множества специалистов, действия

требуют большого количества согласований, итераций по аналогии со строительной отраслью. Проводя аналогию с программным продуктом, А. С. Юрин пишет, что под архитектурой продукта «понимается принципиальная схема организации системы (структура построения) по аналогии с архитектурой информационных систем» [8]. Архитектура продукта (АП), по определению Дж. Джао и М. Тсенги, «представляет общую структуру единой платформы, на базе которой создаются и развиваются все существующие и прогнозируемые продукты данной платформы. Платформой продукта называется набор общих элементов, взаимосвязей и процессов АП. Единая платформа обеспечивает широкую вариативность, основанную на индивидуальных требованиях потребителей, в рамках общей согласованной структуры» (цит. по: [8]). Такой подход в большей степени относится именно к софту и подразумевает общие правила и дизайн платформы для продуктов одного производителя или серии.

Вместе с тем потребительское восприятие становится всё более насыщенным и сложным, поэтому необходимо расширить понятие продукта, придать ему системные свойства. Характеристики продукта тесно связаны друг с другом, поэтому проектирование современных товаров и услуг ассоциируется с построением здания — и тогда появляется термин «архитектура продукта», отражающий множество внешних и внутренних взаимосвязей различных факторов. За основу определения «архитектуры продукта» можно взять стандарт The Open Group Architectural Framework (TOGAF)¹ ANSI/IEEE Std 1471-2000, в котором в понятие архитектуры входит фундаментальная организация системы, воплощенная в ее компонентах, их взаимоотношениях друг с другом и окружающей средой, а также

принципы, управляющие ее проектированием и развитием. Описание архитектуры — это формальное описание информационной и физической систем, организованное таким образом, чтобы поддерживать суждение о структурных свойствах систем в объеме понятия архитектуры. Архитектура определяет компоненты или блоки, составляющие общую систему, последовательность проведения работ, возможное развитие системных свойств, взаимодействие с элементами надсистемы и внешней средой. Предлагаемая нами модель архитектуры продукта содержит психологическую надстройку продукта, основные блоки и базовые характеристики продукта (рис. 2).

К базовым относятся те характеристики продукта, ради которых он создается, а также характеристики, обязывающие соблюдать определенные нормы, например нормы безопасности. Соблюдение этих характеристик является минимально необходимым условием существования продукта, независимо от того, какая у него форма — физическая или виртуальная, товар это или услуга.

Основные блоки в архитектуре продукта могут меняться в зависимости от изначальной идеи создания продукта, его позиционирования на рынке, серийности или классовости. Эти блоки позволяют конструировать продукт как систему, состоящую из различных, часто одинаковых элементов. В зависимости от сочетания элементов можно получать модификации продукта, связанные одним общим свойством, например, дизайном или программной платформой.

Психологическая надстройка продукта придает ему дополнительную значимость в глазах потребителя. Например, это осознание потребителем того, что покупая, используя продукт, он вносит вклад в защиту окружающей среды, — допустим, пользуясь многоразовыми коктейльными трубочками или биоразлагаемыми пакетами.

¹ The Open Group Architecture Framework. URL: <https://pubs.opengroup.org/architecture/togaf8-doc/arch/> (accessed: 10.05.2023).

Психологическая надстройка продукта
<ul style="list-style-type: none"> • Соблюдение моральных и религиозных принципов; • Эмоции при покупке и использовании товара; • Восприятие качества; • Идеологическая составляющая
Основные блоки продукта
<ul style="list-style-type: none"> • Техническая составляющая: качественные и количественные характеристики; • Цифровая составляющая: система, программы, софт, обратная связь, конфиденциальность данных; • Сервис: удобство покупки, доставки, послепродажное обслуживание, утилизация; • Экономическая составляющая: цена, затраты на эксплуатацию, единовременные затраты при покупке продукта; • Эстетическая и эргономическая составляющие: удобство использования и удовлетворение от владения и пользования
Базовые характеристики продукта
<ul style="list-style-type: none"> • Основная цель продукта, его назначение; • Соблюдение норм, нормативов, стандартов; • Патентная чистота, защита интеллектуальной составляющей; • Безопасность продукта; • Экологичность продукта

Рис. 2. Модель архитектуры продукта

Добавим, что все описанные характеристики будут иметь для потребителя неравноценную значимость. При формировании образа продукта важно знать запросы потребителей и соответственно усиливать конкретные характеристики. Предложенный подход к построению архитектуры продукта позволяет учесть разные характеристики и формы его реализации, меняет концепцию восприятия товара, может быть применен при разработке моделей оценки конкурентоспособности товаров и услуг.

Список литературы и источников

1. ГОСТ Р 57700.37—2021. Компьютерные модели и моделирование. Цифровые двойники изделий. Общие положения [Электронный ресурс]: утв. и введен в действие Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 16 сентября 2021 г. № 979-ст // Mooml.com: электронный сборник нормативных документов. URL: <https://mooml.com/d/gosty/52965/> (дата обращения: 10.07.2023).
2. Государственная программа «Цифровое развитие Беларуси» на 2021—2025 годы [Электронный ресурс]: утв. Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 02 февраля 2021 г. № 66 // Министерство связи и информации Республики Беларусь: официальный сайт. URL: <https://www.mpt.gov.by/ru/gosudarstvennaya-programma-cifrovoe-razvitie-belarusi-na-2021-2025-gody> (дата обращения: 10.05.2023).
3. *Гринцевич Л. В.* Взаимосвязь архитектуры продукта с его конкурентоспособностью // Развитие интернационализации и экономической интеграции в новых реалиях: материалы форума в рамках 19-го Междунар. науч. семинара «Мировая экономика и бизнес-администрирование» (23—24 марта 2023). Минск: Четыре четверти, 2023. С. 93—95.
4. *Котлер Ф., Сетиawan А., Картаджайя Х.* Маркетинг 5.0: технологии следующего поколения / пер. с англ. А. Горман. М.: Эксмо: Бомбора, 2022. 269 с. (Атланты маркетинга).

5. Майорова К. С. Разработка промышленных продуктов предприятий: цифровой жизненный цикл // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. № 6-5 (108). С. 43—53. <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.108.6.144> EDN: JUURBE.
6. Остервальдер А., Пинье И. Построение бизнес-моделей: настольная книга стратега и новатора / [пер. с англ. М. Кульнева]. 3-е изд. М.: Альпина Паблишер; Сколково: Московская школа упр., 2013. 287 с.: ил., портр.
7. Радченко В. А. Концепции интегрированного продукта: понятие и элементы // Путеводитель предпринимателя. 2012. № 13. С. 239—245. EDN: PWKZQB.
8. Юрин А. С. Дизайн индивидуализированных товаров с помощью методов архитектуры продукта [Электронный ресурс] // Архитектон: известия вузов: сетевой журнал. 2018. № 1 (61). EDN: YUOQBC. URL: https://archvuz.ru/2018_1/11/ (дата обращения: 20.07.2023).
9. *ekonomika i biznes-administrirovaniye*” (23—24 marta 2023). Minsk: Chetyre chetverti, 2023. 93—95. (In Russian).
4. Kotler Philip, Setiawan Iwan, Kartajaya Herman. *Marketing 5.0: Technology for Humanity*. 1st ed. Hoboken, NJ: Wiley, 2021. 224 p.
5. Mayorova K. S. “Development of Industrial Products of Enterprises: A Digital Lifecycle”. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal = International Research Journal* 6-5 (108) (2021): 43—53. (In Russian). <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.108.6.144> EDN: JUURBE.
6. Osterwalder A., Pigneur Y. *Business Model Generation: A Handbook for Visionaries, Game Changers, and Challengers*. Hoboken, NJ: John Wiley & Sons, 2010. 288 p. The Strategyzer series.
7. Radchenko V. A. “Concepts of Integrated Product: Ideas and Elements”. *Putevoditel' predprinimatel'ya = Entrepreneur's Guide* 13 (2012): 239—245. (In Russian). EDN: PWKZQB.
8. Yurin Andrey S. “Design of Customized Goods with the Help of Product Architecture Methods”. *Arkhitекton: izvestiya vuzov = Architecton: Proceedings of Higher Education* 1 (61) (2018): n. pag. (In Russian). Web. 20 July 2023. <https://archvuz.ru/en/2018_1/11/>.

References

1. “GOST R 57700.37—2021. Computer Models and Simulation. Digital Twins of Products. General provisions: approved and put in force by Order of Federal Agency on Technical Regulating and Metrology on Sep. 16, 2021 No. 979-st”. (In Russian). *Mooml.com*. N. d. Web. 10 July 2023. <<https://mooml.com/d/gosty/52965/>>.
2. Council of Ministers of the Republic of Belarus. “National Program ‘Digital Development of Belarus’ for the Years 2021 to 2025: approved by Resolution of the Council of Ministers of the Republic of Belarus on Feb. 02, 2021 No. 66”. (In Russian). *Ministerstvo svyazi i informatsii Respubliki Belarus*. Соп. 2016—2023. Web. 10 May 2023. <<https://www.mpt.gov.by/ru/gosudarstvennaya-programma-cifrovoye-razvitie-belarusina-2021-2025-gody>>.
3. Grintsevich L. V. “Interrelation of Product Architecture and its Competitiveness”. *Razvitiye internatsionalizatsii i ekonomicheskoy integratsii v novykh realiyakh: materialy foruma v ramkakh 19-go Mezhdunar. nauch. seminara “Mirovaya*

Информация об авторе

Гринцевич Любовь Владимировна — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры «Экономика и управление инновационными проектами в промышленности», Белорусский национальный технический университет (Республика Беларусь, 220013, г. Минск, пр. Независимости, 65).

Information about the author

Lyubov V. Grintsevich — Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof., Associate Professor at the Department “Economics and Management of Innovative Project in Industry”, Belarusian National Technical University (Republic of Belarus, 220013, Minsk, Nezavisimosti ave., 65).

Статья поступила в редакцию 15.05.2023.

The article was submitted 15.05.2023.

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2023. № 3 (39). С. 41—52.

Economic and Social Research. 2023. No. 3 (39). P. 41—52

Научная статья

УДК 338

doi: 10.24151/2409-1073-2023-3-41-52

<https://elibrary.ru/gmlmih>

Оценка готовности инновационных проектов: практический аспект

Н. С. Дзензелюк¹, В. М. Новосад², Е. Г. Литвинова³

^{1, 2, 3} Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), г. Челябинск, Россия

¹ dzenzeliukns@susu.ru

² novosadvm@susu.ru

³ litvinovaeg@susu.ru

Аннотация. Статья посвящена практической объективной оценке готовности инновационных проектов, получающих сегодня организационную, финансовую и прочую бюджетную поддержку и реализуемых в актуальных сферах российского хозяйствования, в том числе по программам технологической независимости проектов. Рассмотрены методики, используемые в практике оценивания готовности технологических проектов, как отечественные, так и западные. Предложена классификация российских подходов к оценке уровня готовности технологии. Авторы выявили ограничения и возможности применения инструментов оценки готовности технологии и составили алгоритм экспресс-оценки уровня готовности проекта. Показан практический пример оценки готовности инновационного проекта.

Ключевые слова: управление проектами, технологические проекты, инновационные проекты, оценка проектов, уровень готовности технологии, TPRL, параметры инновационной готовности, методические указания, алгоритм оценки

Благодарности: работа выполнена при поддержке Министерства образования и науки Челябинской области, соглашение № 558 от 25 августа 2022 г.

Для цитирования: Дзензелюк Н. С., Новосад В. М., Литвинова Е. Г. Оценка готовности инновационных проектов: практический аспект // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2023. № 3 (39). С. 41—52. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2023-2-41-52>
EDN: GMLMИH.

Original article

Assessment of the readiness of innovative projects: a practical aspect

N. S. Dzenzeliuk¹, V. M. Novosad², E. G. Litvinova³

^{1, 2, 3} South Ural State University (National Research University), Chelyabinsk, Russia

¹ dzenzeliukns@susu.ru

² novosadvn@susu.ru

³ litvinovaeg@susu.ru

Abstract. The article is devoted to practical objective assessment of the innovation projects readiness, currently receiving organizational, financial and other budgetary support and implemented in actual spheres of Russian economy, including those under programs of projects technological independence. The methods used in the practice of assessing the readiness of technological projects, both domestic and Western, are considered. A classification of Russian approaches to assessing the level of technology readiness is proposed. The authors have identified the limitations and opportunities of assessment tools of technology readiness and have compiled an algorithm for rapid assessment of the project readiness level. A practical example of assessing the readiness of an innovation project is shown.

Keywords: project management, technology projects, innovation projects, project assessment, technology readiness level, TPRL, innovation readiness parameters, methodological guidelines, assessment algorithm

Acknowledgments: the work has been supported by the Ministry of Education and Science of the Chelyabinsk Region, Agreement No. 558 dated August 25, 2022.

For citation: Dzenzeliuk N. S., Novosad V. M., Litvinova E. G. “Assessment of the Readiness of Innovative Projects: a Practical Aspect”. *Economic and Social Research* 3 (39) (2023): 41–52. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2023-2-41-52> EDN: GMLMIH.

Введение

В России активно решается проблема перехода от импортозамещения к технологической независимости, что приводит к необходимости решения вопросов инновационного развития страны. Среди них вопрос оценки готовности инновационных проектов является наиболее важным, поскольку такие проекты связаны с высокими рисками, обусловленными научной сложностью, необходимостью привлечения значительных объемов финансирования и ориентированностью на широкий круг

заинтересованных сторон — от инвесторов до институтов развития. В связи с этим поставим целью систематизировать методики определения уровня готовности технологических инновационных проектов, выявить их преимущества и недостатки с точки зрения объективности, доступности для понимания и всесторонней оценки проектов всеми заинтересованными сторонами, а также предложим алгоритм применения рассматриваемых методик на конкретном примере.

Классификация методик оценки готовности инновационных проектов

Вопросы оценки эффективности инновационных проектов всегда признавались основополагающими для управления реализацией проектов. Однако исторически в нашей стране сложилось так, что не предпринималось никаких попыток сопоставить, насколько результаты инновационных проектов зависят от вложений. Кроме того, в советской науке и технике довольно часто сумма вложенных средств и фактический результат не имели прямой зависимости (для западной практики такие тенденции тоже характерны) [7].

Одним из тех, кто первым занялся оценкой готовности инновационных проектов в СССР, был П. Л. Капица. В качестве критерия оценки было принято и количество публикаций по инновационным направлениям. Заметим, что в сравнении с США Советский Союз значительно проигрывал по количеству и качеству научных публикаций и ВВП [1, с. 205].

С 2013 г. в России применяется Методика определения уровней готовности технологии¹, которая направлена преимущественным образом на прием и отбор конкурсных заявок, планирование государственных закупок и других государственных программ. Помимо понятийного аппарата в Методике дана 9-уровневая шкала, которая определяет зависимость объемов финансирования от уровня технологической готовности проекта. Решение о размере финанси-

рования проекта за счет бюджетных средств принимается экспертным путем в зависимости от достигнутого уровня готовности технологии (УГТ). Методика строго целевая (получение бюджетного финансирования) и учитывает исключительно готовность исследовательских проектов с технологических позиций, без учета, например, вопросов, связанных с необходимостью коммерциализации результатов этих проектов (в частности, не учитывается рыночная готовность проектов). То есть данная методика предназначена для оценки готовности проекта к получению бюджетной поддержки за счет средств целевой программы.

Для определения УГТ проектов также используется ряд государственных стандартов. Однако некоторые стандарты применяются исключительно на фазе разработки концепции проекта². Заслуживают внимания методические указания по оценке уровня зрелости технологий, которые направлены на передачу технологий на вышестоящие уровни, а также между заинтересованными сторонами³, поскольку их целевым назначением является оценка текущего состояния технологий на любой фазе жизненного цикла. В стандарте определено, что оценка технологий, осуществляемая на систематической основе, позволит минимизировать риски, связанные с отставанием по срокам и превышением бюджетов. Однако указанный стандарт не представляет

¹ Методика определения уровней готовности технологии в рамках проектов федеральной целевой программы «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития научно-технологического комплекса России на 2014—2020 годы» № ГТ-57/14вн от 11.07.2017 [Электронный ресурс]: утв. заместителем Министра образования и науки РФ // НПА — сборник нормативно-правовых актов Российской Федерации: [сайт]. URL: <https://bazanpra.ru/minobrnauki-rossii-metodika-ot11072017-h3837024/> (дата обращения: 25.07.2023).

² ГОСТ Р 56861—2016. Система управления жизненным циклом. Разработка концепции изделия и технологий. Общие положения [Электронный ресурс] // Федеральное агентство по техническому регулированию и метрологии: [сайт]. URL: <https://protect.gost.ru/document.aspx?control=7&id=202870> (дата обращения: 25.07.2023); ГОСТ Р 56862—2016. Система управления жизненным циклом. Разработка концепции изделия и технологий. Термины и определения [Электронный ресурс] // Там же. URL: <https://protect.gost.ru/document.aspx?control=7&id=202875> (дата обращения: 25.07.2023).

³ ГОСТ Р 57194.1—2016. Трансфер технологий. Общие положения [Электронный ресурс] // Федеральное агентство по техническому регулированию и метрологии: [сайт]. URL: <https://protect.gost.ru/document.aspx?control=7&id=205411> (дата обращения: 25.07.2023).

инструментария для такого управления технологическими проектами.

Методические указания по оценке зрелости технологий предполагают оценку по следующим направлениям:

– оценка готовности технологий, где в качестве метрики используются уровни готовности технологической (УГТ);

– оценка готовности производства, где в качестве метрики используется уровень готовности производства (УГП);

– оценка готовности интеграции, где метрикой является уровень готовности интеграции (УГИ);

– оценка готовности системы, где метрикой является уровень готовности системы (УГС).

Отметим, что шкала и опросник для определения УГТ в рассматриваемой методике по своему содержанию весьма близки к калькулятору-опроснику TRL, который применяется NASA⁴. Для определения уровня готовности каждого проекта необходимо пройти технологический аудит в соответствии с порядком, установленным в требованиях государственного стандарта⁵. Как видно из предлагаемых стандартом методических указаний, технико-технологические аспекты не содержат учета коммерциализации получаемых результатов, взаимодействия с контрагентами, что соответствует и предыдущей методике.

По нашему мнению, методики определения уровней готовности технологий, управления жизненным циклом и трансфера технологий имеют целью исключительно оценку текущего состояния технологических проектов, используются для принятия решений о финансировании проекта за счет бюджетных средств и (или) для трансфера технологий.

Ограничения, отмеченные в методиках оценки технологической готовности проектов, устраняются в методологии TPRL/ПИИГ (Параметры инновационной готовности), которую разработали и предлагают к применению представители ФГБНУ «Дирекция НТП» Минобрнауки России [2; 3; 4; 5; 6]. В методологии TPRL/ПИИГ выделены несколько базовых параметров инновационной готовности, которые характеризуют технологическую, организационную, рыночную готовность, а также учитывают экономические и правовые факторы, такие как риск и интеллектуальная собственность. Методология позволяет оценить текущее состояние проекта настолько, чтобы управлять его реализацией с позиций проектного менеджмента. Кроме того, методология TPRL/ПИИГ направлена на описание готовности по наибольшему числу позиций, помимо позиций технологической готовности.

По мнению авторов, методология ПИИГ позволяет реализовать преимущества проектного подхода в управлении технологическими проектами. В частности, одним из ключевых параметров инновационной готовности является уровень знаний и компетенций участников проекта и оптимизация их работы. Для успешной работы с инновациями необходимо иметь высококвалифицированных специалистов, которые обладают знаниями и опытом в области новых технологий. Методология ПИИГ позволяет оценить наличие необходимых компетенций для конкретного уровня проекта и далее оценивать развитие проекта в зависимости от развития его команды [5]. Проектный подход предполагает сбалансированное развитие проекта, что обеспечивается комплексным рассмотрением всех его аспектов. Также проектный подход предполагает влияние

⁴ TRL/CRL Calculator 2018 NYSERDA // NYSERDA Partner Portal: [website]. URL: <https://portal.nyserda.ny.gov/servlet/servlet.FileDownload?file=00Pt0000004FyRNEA0> (accessed: 28.06.2023).

⁵ ГОСТ Р 57194.3—2016. Трансфер технологий. Технологический аудит [Электронный ресурс] // Федеральное агентство по техническому регулированию и метрологии: [сайт]. URL: <https://protect.gost.ru/document.aspx?control=7&id=205409> (дата обращения 25.07.2023).

Рис. 1. Классификация подходов к оценке уровня готовности технологических проектов в России (УГТ)
 Источник: составлено авторами

на проект окружающей среды, что сопровождается наличием достаточного количества факторов неопределенности, которые порождают риски. Методология ПИНГ уделяет рискам и возможностям проекта отдельный блок параметров BRL.

В целом, принимая во внимание рассмотренные методики, можно выделить два основных подхода к оценке готовности технологий, которые сформировались в России, представим их на рис. 1. Итак, сопоставление двух подходов к оценке готовности

проектов позволяет констатировать их разную целевую направленность и разные условия, требуемые для их применения. Первый подход в большей степени целесообразен для проведения экспресс-оценки проекта, для внешних пользователей (получение финансирования), либо для принятия решения о продолжении проекта, для трансфера проекта. Второй подход использует инструментарий проектного менеджмента, а значит целесообразен в ходе детального планирования и текущего управления реализацией проекта.

Алгоритмы оценки готовности технологических проектов

Методические указания по оценке зрелости технологий (описаны в ГОСТ Р 58048—

2017)⁶ в применении к определению текущего уровня, на котором находится проект,

⁶ ГОСТ Р 58048—2017. Трансфер технологий. Методические указания по оценке уровня зрелости технологий [Электронный ресурс] // Федеральное агентство по техническому регулированию и метрологии: [сайт]. URL: <https://protect.gost.ru/document.aspx?control=7&id=219766> (дата обращения: 25.07.2023).

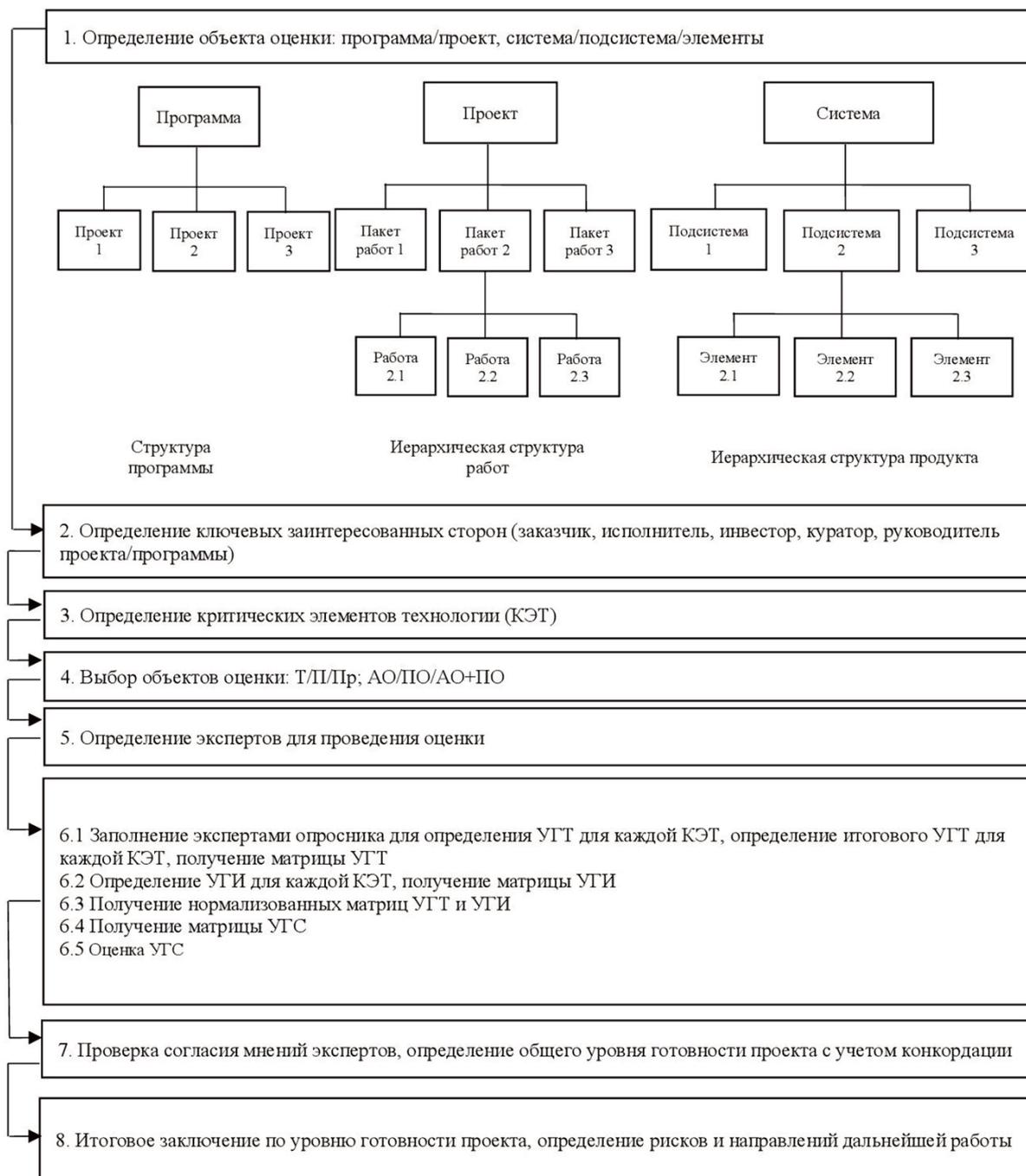

Рис. 2. Алгоритм экспресс-оценки уровня готовности проекта

Источник: составлено авторами

по нашему мнению, являются качественным инструментом. Расширяя инструментальные возможности оценки готовности инновационных технологических проектов, предлагаем методику с учетом применения проектного менеджмента, представим алгоритм на рис. 2.

На первом этапе необходимо структурировать программу/проект. Проект может быть либо самостоятельным, либо частью программы. При декомпозиции проекта можно использовать различные основания. Для целей оценки УГТ рационально проводить

декомпозицию по продуктам (системам) проекта. Далее каждую систему также необходимо декомпонировать на подсистемы и элементы.

На втором этапе необходимо определить участников проекта — основные, заинтересованные в проекте стороны: заказчик, исполнитель, инвестор, куратор, руководитель проекта/программы.

На третьем этапе необходимо выявить ключевые элементы технологии (далее — КЭТ), по которым будет проведена оценка уровней готовности. Для этого целесообразно использовать функциональную или структурную архитектуру целевой системы, также допускается применение структурной декомпозиции работ по ее созданию или алгоритма ее работы.

На ранних стадиях развития технологии допускается оценивать зрелость технологии в целом. Однако при этом следует учитывать высокую степень неопределенности и связанные с ней риски.

На четвертом этапе необходимо выбрать аспекты оценки, учитывая содержание проекта и вид системы: Т/П/Пр и АО/ПО/АО+ПО.

Критерии выбора объекта оценки: Т (технологическая готовность) — изучаемый вопрос связан непосредственно с технологией (системой); П (проектная готовность) — изучаемый вопрос связан с состоянием проекта/программы разработки технологии (системы); Пр (производственная готовность) — изучаемый вопрос связан с технологией и организацией производства технологии (системы).

Критерии выбора вида системы: АО (аппаратное обеспечение, оборудование) — оцениваемая технология (система) не содержит встроенного программного обеспечения; ПО (программное обеспечение) — оцениваемая технология (система) является программным обеспечением и в ее разработку не входит оборудование; АО+ПО (комплексная система) — оцениваемая

технология (система) представляет собой оборудование со встроенным ПО, или программно-аппаратный комплекс, в его разработку входит как оборудование, так и необходимое для его использования программное обеспечение.

На пятом этапе при выборе экспертов необходимо определить их состав, компетентность и уровень релевантности данному проекту.

Шестой этап состоит из пяти подэтапов.

6.1. Заполнение экспертами опросника для определения УГТ для каждой КЭТ, определение итогового УГТ для каждой КЭТ, получение матрицы УГТ.

Опросник представлен в описании практики применения методологии TPRL/ПИНГ для оценки предметных направлений НИОКР [6] и является адаптированной версией опросника TRL. Уровень считается закрытым, если по всем вопросам, соответствующим выбранному объекту оценки (Т/П/Пр) и виду системы (АО/ПО/АО+ПО), выставлена единица.

После определения уровня готовности для каждой технологии (подсистемы) эти уровни заносятся в матрицу УГТ.

6.2. Определение УГИ для каждой пары КЭТ, получение матрицы УГИ.

Готовность к интеграции является важной метрикой для оценки зрелости механизмов интеграции в составе системы, объединяющей интегрируемые технологии с учетом интерфейса, способности взаимодействовать, совместимости, надежности, качества, производительности и семантической целостности данных. Для определения УГИ для двух совместно используемых и взаимодействующих в составе единой системы технологий следует воспользоваться описаниями девяти уровней шкалы УГИ.

Для каждой оцениваемой пары технологий (подсистем) определяется УГИ от 1 до 9 и заносится в симметричную квадратную матрицу УГИ.

6.3. Получение нормализованных матриц УГТ и УГИ.

На основании матриц УГТ и УГИ со значениями в интервале от 1 до 9 рассчитываются нормализованные матрицы УГТ и УГИ со значениями в интервале от 0 до 1, для чего каждое значение исходных матриц делится на 9.

6.4. Получение матрицы УГС.

Далее рассчитывается матрица УГС.

Матрица УГС дает представление о приоритетах развития технологий (подсистем). Любой элемент матрицы указывает на уровень готовности к использованию в системе конкретной технологии (подсистемы) по отношению к другим технологиям (подсистемам), оцениваемым для данной системы. Высокое значение элемента указывает на высокую степень готовности к использованию соответствующей технологии (подсистемы).

6.5. Оценка УГС.

В зависимости от значения УГС делается вывод о достигнутой зрелости системы.

На седьмом этапе определяется коэффициент конкордации, если в оценивании готовности проекта принимают участие несколько экспертов. Данную работу выполняют организаторы проверки либо иные заинтересованные лица. Общий уровень готовности проекта должен соответствовать степени согласия экспертов.

На восьмом этапе делается итоговое заключение по уровню готовности проекта, определяются риски и направления дальнейшей работы.

Иной порядок оценки готовности технологических проектов предлагается в методологии TPRL/ПИИГ. Вернемся к ее особенностям. Как упоминалось ранее, методология: а) позволяет оценить не только технологическую, но и другие виды готовности, которые являются важными для сбалансированного развития проекта; б) основывается на структурной декомпозиции работ проекта и предполагает разбивку каждой работы на некоторое количество более мелких

этапов, что отражено в комплексном подходе [4]. По ходу выполнения задач конкретного проекта работа считается выполненной, что дает возможность перехода на новый TPRL-уровень.

Цель применения данного подхода — организация планирования, мониторинга и анализа проекта в соответствии с заданными сроками выполнения, стоимостью и качеством. Это требует большой предпроектной работы.

На наш взгляд, применение подхода к проекту согласно методологии TPRL/ПИИГ недостаточно подробно раскрывается в публикациях. Например, исследования не дают ответа на следующие вопросы: каким образом уровни готовности сопрягаются с уровнями иерархической структуры работ конкретного проекта; по каким опросникам определяются уровни инженерной, производственной, организационной готовности, преимущества и риски, рыночная готовность и коммерциализация; по какой технологии выводится интегральная оценка уровня готовности всего проекта. Тем не менее данный подход является весьма перспективным, поскольку позволяет комплексно оценивать проекты, не только с технической точки зрения. Кроме того, можно не только оценивать проекты, но и управлять ими, применяя инструментарий проектного менеджмента.

Следовательно, теоретическая стратегия оценки готовности комплексных технологических проектов требует развития этапа ее реализации, применения составленных методик. Рассмотренные подходы необходимо адаптировать к различным условиям и отраслям отечественного хозяйствования, с учетом выявленных ограничений и возможностей. В связи с этим рассмотрим особенности применения методики оценки готовности проекта в отрасли моделирования авиационно-космических систем.

Практический пример использования методических указаний по оценке уровня зрелости технологий. Для практической демонстрации оценки готовности технологий

Рис. 3. Иерархическая структура продукта для летного демонстратора

Рис. 4. Организационная диаграмма для участников проекта по разработке летного демонстратора

остановим свой выбор на проекте по разработке летного демонстратора, который является частью более масштабного проекта по разработке многоразовой ракеты-носителя (далее — РН). Объектом оценки является демонстратор технологии многоразовой ступени РН. Иерархическая структура продукта для объекта представлена на рис. 3, где в качестве подсистем выделены: двигательная установка с центральным телом (ДУ с ЦТ), опоры с амортизатором, топливные баки и фермы переходные.

Предполагаемые участники проекта являются заинтересованными сторонами проекта (перечислены на рис. 4).

В качестве КЭТ принимаем топливные баки.

Из критериев выбора вида системы исключаем ПО, так как летный демонстратор не содержит подсистем, относящихся к данному параметру. Также исключаем вопросы, относящиеся к оценке производственной готовности (УГП), поскольку данный этап ра-

боты имеет расчетно-конструкторскую направленность, а изготовление первых макетных образцов подразумевается только на следующих этапах. Таким образом, выбор объектов оценки останавливаем на АО и АО+ПО.

В результате оценки УГТ по опроснику, приведенному в приложении ГОСТ Р 58048—2017, приходим к выводу, что разрабатываемая технология полностью закрыла первые два уровня готовности УГТ1 и УГТ2. На третьем уровне УГТ3 технология закрыла 63,6 %. УГТ4 составляет 33,3 % (степень разработанности расчетно-конструкторских вопросов). Следовательно, уровень готовности проекта соответствует следующим фазам разработки: научному обоснованию и доказательству концепции, созданию отдельных элементов технологии и проведению лабораторных исследований по отдельным элементам технологии, а также моделированию элементов технологии и начальной стадии опытно-конструкторских работ.

Результаты можно представить в виде цветографической схемы, отметив зеленым цветом уровни готовности, закрытые на 100 %, желтым — на 50...99 % и красным — менее чем на 50 %.

Далее необходимо провести оценку УГС, состоящей из двигательной установки ДУ с центральным телом ЦТ и топливных баков по формулам (1—5), представленным в ГОСТ Р 58048—2017 «Трансфер технологий. Методические указания по оценке уровня зрелости технологий»⁶.

Примем УГТ ДУ с ЦТ соответствующим уровню 6, УГТ топливных баков — 2. Получим матрицу УГТ:

$$[\text{УГТ}]_{2 \times 1} = \begin{bmatrix} 6 \\ 2 \end{bmatrix}.$$

В соответствии с описанием УГИ, примем уровень 3 интеграции двух технологий, что говорит о достижении совместимости технологий, позволяющей обеспечить их упорядоченную и эффективную интеграцию и взаимодействие. Любая технология (подсистема) полностью интегрирована сама с собой, поэтому УГИ11 и УГИ22 равны 9.

$$[\text{УГИ}]_{2 \times 2} = \begin{bmatrix} 9 & 3 \\ 3 & 9 \end{bmatrix}.$$

Затем получим нормализованные матрицы УГТ и УГИ:

$$[\text{УГТ}]_{2 \times 1} = \begin{bmatrix} 0,667 \\ 0,222 \end{bmatrix}.$$

$$[\text{УГИ}]_{2 \times 2} = \begin{bmatrix} 1 & 0,333 \\ 0,333 & 1 \end{bmatrix}.$$

Далее рассчитаем общую матрицу УГС:

$$\begin{aligned} [\text{УГС}]_{2 \times 1} &= [\text{УГИ}]_{2 \times 2} \cdot [\text{УГТ}]_{2 \times 1} = \\ &= \begin{bmatrix} 0,667 + 0,222 \\ 0,074 + 0,222 \end{bmatrix} = \begin{bmatrix} 0,889 \\ 0,296 \end{bmatrix}. \end{aligned}$$

Последним этапом является расчет УГС, с учетом того, что количество технологий из матрицы УГИ, взаимодействующих с технологией (подсистемой), с учетом интеграции технологии (подсистемы) самой с собой равно 4:

$$\text{УГС} = \frac{\left(\frac{0,889}{4} + \frac{0,296}{4} \right)}{2} = 0,148.$$

УГС в проекте примера имеет значение 0,148, что соответствует этапу уточнения концепции (индекс 0,10...0,39) (первый уровень УГС).

Экспресс-оценка готовности технологий в рассматриваемом примере проекта была проведена в рамках первого выявленного подхода, что обусловлено целью такой оценки и объемом исходной информации о проекте.

Для оценки требовалось выполнить укрупненную декомпозицию продукта проекта и определить критические элементы технологий, это — двигательная установка с центральным телом и топливные баки.

Для демонстратора ДУ с ЦТ уровень готовности соответствует 6.

Оценка топливных баков по опроснику позволила определить уровень готовности данной технологии равным 2.

Далее была проведена оценка уровня готовности интеграции этих двух технологий и оценка готовности системы в целом. В соответствии с методикой, вся система находится на первом уровне готовности.

Полученные оценки позволяют видеть именно текущее состояние проекта, следить за его динамикой и принимать решения о его дальнейшем развитии. Но рассматриваемая методика не позволяет управлять проектом с позиций его планирования, управления стоимостью, управления командой проекта и т. п.

Чтобы использовать методологию оценки готовности проектов, учитывая ограничения и перспективы развития рассмотренных нами подходов, предлагаем модернизировать методики путем формализации уровней готовности и критериев отнесения к ним, оценки всех параметров готовности, включая производственную и рыночную, и разработки автоматизированных способов

оценки. Также планируем разработать модель развития технологического проекта с использованием метрик готовности для каждой стадии жизненного цикла, что поз-

волит минимизировать риски при интеграции технологий и определить приоритеты развития технологий в составе единой системы.

Заключение

Проблема комплексной и объективной оценки готовности инновационных технологических проектов в условиях быстрого развития процессов, определяющих технологический суверенитет России, и требований к ним показывает запросы национальной экономики и безопасности. В ходе составления классификации подходов к оценке готовности технологических проектов, алгоритма реализации этих подходов, а также практического примера оценки зрелости проекта в актуальной сфере российского хозяйствования мы пришли к выводу о целесообразности разработки и предложения комплексной методики, которую можно было бы доступно использовать в практике для оценки комплексных технологических проектов, реализуемых в разных условиях и отраслях экономики и безопасности страны.

Список литературы и источников

1. **Капица П. Л.** Эксперимент, теория, практика: Статьи, выступления. 3-е изд., доп. М.: Наука, 1981. 495 с.: ил.
2. **Комаров А. В., Петров А. Н., Сартори А. В.** Модель комплексной оценки технологической готовности инновационных научно-технологических проектов // Экономика науки. 2018. Т. 4. № 1. С. 47—57. <https://doi.org/10.22394/2410-132X.2017-4-1-47-57> EDN: RRNLCD.
3. **Петров А. Н., Комаров А. В.** Оценка уровня технологической готовности конкурсных заявок с использованием методологии TPRL // Экономика науки. 2020. Т. 6. № 1-2. С. 88—99. <https://doi.org/10.22394/2410-132X-2020-6-1-2-88-99> EDN: ARTNEL.

4. **Петров А. Н., Сартори А. В., Филимонов А. В.** Комплексная оценка состояния научно-технических проектов через уровень готовности технологий // Экономика науки. 2016. Т. 2. № 4. С. 244—260. <https://doi.org/10.22394/2410-132X-2016-2-4-244-260> EDN: ХКРДАН.
5. Практическое применение методологии комплексной оценки научно-технологических проектов на примере оценки проектов ФЦП «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития научно-технологического комплекса России на 2014—2020 годы» / А. В. Комаров, К. В. Шуртаков, Е. В. Чечёткин и др. // Экономика науки. 2020. Т. 6. № 1-2. С. 100—117. <https://doi.org/10.22394/2410-132X-2020-6-1-2-100-117> EDN: ESMEWX.
6. Применение подхода уровней готовности для различных предметных направлений в бережливом НИОКР / А. В. Сартори, А. Р. Гареев, Н. А. Ильина, Н. М. Манцевич // Экономика науки. 2020. Т. 6. № 1-2. С. 118—134. <https://doi.org/10.22394/2410-132X-2020-6-1-2-118-134> EDN: NSQGAQ.
7. **Ханин Г. И.** Экономическая история России в новейшее время: монография: в 2 т. Т. 1: Экономика СССР в конце 30-х годов — 1987 год. Новосибирск: НГТУ, 2008. 515 с.: табл.

References

1. Kapitsa P. L. *Experiment, Theory, Practice: papers, addressings*. 3rd ed., enlarg. Moscow: Nauka, 1981. 495 p., ill. (In Russian).
2. Komarov A. V., Petrov A. N., Sartory A. V. “The Model of Integrated Assessment of Technological Readiness of Innovative Scientific and Technological Projects”. *Ekonomika nauki = Economics of Science* 4.1 (2018): 47—57. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2410-132X.2017-4-1-47-57>. EDN: RRNLCD.

3. Petrov A. N., Komarov A. V. “Estimation of Technology Readiness Level of Tender Proposal in Terms of Methodology TPRL”. *Ekonomika nauki = Economics of Science* 6.1-2 (2020): 88—99. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2410-132X-2020-6-1-2-88-99> EDN: ARTNEL.
4. Petrov A. N., Sartory A. V., Filimonov A. V. “Comprehensive Assessment of the Status [of] Scientific and Technical Projects Using Technology Project Readiness Level”. *Ekonomika nauki = Economics of Science* 2.4 (2016): 244—260. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2410-132x-2016-2-4-244-260> EDN: ХКРДАН.
5. Komarov A. V., Shurtakov K. V., Chechetkin E. V., Komarov K. A., Sleptsova M. A., Grishina M. S., Mironova Ya. S. “Practical Application of the Methodology for the Comprehensive Assessment of Scientific and Technological Projects Using the Example of the Evaluation of the Federal Target Programs ‘Research and Development in Priority Areas for the Development of the Scientific and Technological Complex of Russia for 2014—2020’ ”. *Ekonomika nauki = Economics of Science* 6.1-2 (2020): 100—117. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2410-132X-2020-6-1-2-100-117> EDN: ESMEWX.
6. Sartori A. V., Gareev A. R., Ilyina N. A., Mantsevich N. M. “Application of the Approach of Readiness Levels for Various Subject Areas in Lean R&D”. *Ekonomika nauki = Economics of Science* 6.1-2 (2020): 118—134. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/24W-132X-2020-6-1-2-118-134> EDN: NSQGAQ.
7. Khanin G. I. *Soviet Economy from the End of the 1930s to 1987*. Novosibirsk: Novosibirsk State Technical Univ., 2008. 515 p., charts. Vol. 1 of *Economic History of Russia in the XX Century*: monograph. 3 vols. (In Russian).

Информация об авторах

Дзензлюк Наталья Сергеевна — кандидат экономических наук, доцент, заведующая кафедрой экономики промышленности и управления проектами, Южно-Уральский государственный университет (Россия, 454080, г. Челябинск, пр. Ленина, 76).

Новосад Виктор Михайлович — старший преподаватель кафедры экономики промышленности и управления проектами, Южно-Уральский государственный университет (Россия, 454080, г. Челябинск, пр. Ленина, 76).

Литвинова Екатерина Георгиевна — инженер научной лаборатории «Ракеты-носители, космические и беспилотные летательные аппараты», Южно-Уральский государственный университет (Россия, 454080, г. Челябинск, пр. Ленина, 76).

Information about the authors

Natalya S. Dzenzeliuk — Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof., Head of the Department of Industrial Economics and Project Management, South Ural State University (Russia, 454080, Chelyabinsk, 76 Lenin ave.).

Viktor M. Novosad — Senior Lecturer at the Department of Industrial Economics and Project Management, South Ural State University (Russia, 454080, Chelyabinsk, 76 Lenin ave.).

Ekaterina G. Litvinova — Engineer at the Scientific Laboratory “Launch Vehicles, Space and Unmanned Aerial Vehicles”, South Ural State University (Russia, 454080, Chelyabinsk, 76 Lenin ave.).

Статья поступила в редакцию 28.06.2023.

The article was submitted 28.06.2023.

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2023. № 3 (39). С. 53—61.

Economic and Social Research. 2023. No 3 (39). P. 53—61.

Научная статья

УДК 330; 346

doi: 10.24151/2409-1073-2023-3-53-61

<https://elibrary.ru/jksnxo>

Молодежное социальное предпринимательство: проблемы и перспективы

М. В. Добрынина¹, Д. Г. Коваленко²

¹ *Национальный исследовательский университет «МИЭТ», Москва, Россия*

² *Корпоративный университет Сбербанка, Москва, Россия*

¹⁻² *marin709@rambler.ru*

Аннотация. Отмечено, что многие молодые люди во всем мире готовы рассматривать участие в социально ориентированных бизнес-проектах в качестве карьерной траектории, но этому препятствует ряд барьеров. На основе SWOT-анализа проанализированы сильные и слабые стороны социальных бизнес-проектов, возможности, которые социальное предпринимательство открывает для молодых людей, а также риски и угрозы, которые могут повлиять на молодежное социальное предпринимательство. Отмечено, что одна из существенных проблем, являющихся препятствием для поддержки молодежных социальных проектов, — оценка социальной эффективности бизнеса. Применение различных (пока не в полной мере распространенных) методологий позволяет выстроить программы поддержки молодежных социальных проектов.

Ключевые слова: молодежное социальное предпринимательство, SWOT-анализ, риски, угрозы, перспективы, безработица, занятость, социальная эффективность

Для цитирования: Добрынина М. В., Коваленко Д. Г. Молодежное социальное предпринимательство: проблемы и перспективы // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2023. № 3 (39). С. 53—61. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2023-3-53-61> EDN: JKSNXO.

Original article

Youth social entrepreneurship: problems and prospects

M. V. Dobrynina¹, D. G. Kovalenko²

¹ *National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia*

² *Sberbank Corporate University, Moscow, Russia*

¹⁻² *marin709@rambler.ru*

© Добрынина М. В., Коваленко Д. Г.

Abstract. It is noted that many young people around the world are ready to consider participation in socially oriented business projects as a career path, but this is hindered by a number of barriers. Based on the SWOT analysis, the strengths and weaknesses of social business projects, the opportunities that social entrepreneurship opens up for young people, as well as risks and threats that can affect youth social entrepreneurship are analyzed. It is noted that one of the significant problems that are an obstacle to the support of youth social projects is the assessment of the social efficiency of business. The use of various (not yet fully widespread) methodologies allows the buildup of programs to support youth social projects.

Keywords: youth social entrepreneurship, SWOT analysis, risks, threats, prospects, unemployment, employment, social efficiency

For citation: Dobrynina M. V., Kovalenko D. G. “Youth Social Entrepreneurship: Problems and Prospects”. *Economic and Social Research* 3 (39) (2023): 53–61. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2023-3-53-61> EDN: JKSNXO.

Введение

Старшие поколения привыкли ругать молодежь за лень, консюмеризм, низкую мотивированность, избалованность и социально-политический абсентеизм, однако исследования показывают, что такие стереотипы устарели и что молодежь во всем мире является группой, наиболее мотивированной к активной деятельности с целью социально-экономического преобразования своих сообществ и всего человечества¹. Социальное предпринимательство является, среди прочих, важным каналом участия молодежи в устойчивом развитии, поскольку оно способствует достижению социально значимых целей, в том числе сокращению масштабов бедности и безработицы, социальной интеграции и инклюзии, воплощению в повседневную жизнь технических инноваций [1; 2; 5; 6].

Однако ряд факторов ограничивает возможности молодежи. Так, 46 % молодых

людей в возрасте 15–30 лет в Европейском Союзе подумали бы о создании собственного бизнеса, но лишь немногие предприняли для этого активные шаги. Основными препятствиями на пути молодых людей к становлению в качестве предпринимателей являются отсутствие стартового капитала или иных ресурсов, финансовые риски и недостаточные знания и предпринимательские навыки².

Используя SWOT-анализ³, оценим сильные и слабые стороны социальных бизнес-проектов, возможности, которые открывает социальное предпринимательство для молодых людей, а также риски и угрозы, которые могут отрицательно повлиять на развитие молодежного социального предпринимательства. Основным источником эмпирических данных является отчет ООН «Молодежное социальное предпринимательство и повестка дня — 2030»⁴.

¹ WVS Wave 7 (2017–2022) [Электронный ресурс] // World Values Survey: [сайт]. URL: <https://www.worldvalues-survey.org/WVSDocumentationWV7.jsp> (дата обращения: 19.07.2023).

² Social entrepreneurship and youth [Электронный ресурс] // Eurobarometer: Public Opinion in the European Union: [сайт]. URL: <https://europa.eu/eurobarometer/surveys/detail/2670> (дата обращения: 19.07.2023).

³ SWOT-анализ — метод анализа в бизнес-моделировании и стратегическом планировании, заключающийся в выявлении факторов внутренней и внешней среды проекта и разделении их на четыре категории: Strengths (сильные стороны), Weaknesses (слабые стороны), Opportunities (возможности), Threats (угрозы).

⁴ World Youth Report (WYR): Youth Social Entrepreneurship and the 2030 Agenda. New York: United Nations: Department of Economic and Social Affairs, 2020. 134 p.

Сильные стороны

Люди, занимающиеся предпринимательством, как правило, креативны, ориентированы на активные действия, целеустремленны, им свойственен оптимизм, жизнестойкость, терпимость к риску. Если вдуматься, эти характеристики присущи большинству молодых людей. В первую очередь, это связано с возрастными факторами: молодые люди находятся на том этапе когнитивного, эмоционального и неврологического развития (сегодня неврология как область знания располагает доказательствами того, что подростки задействуют основные области мозга для дивергентного мышления, т. е. обладают утрачиваемой с возрастом способностью к креативному поиску альтернативных способов решения теоретических и практических задач), когда стремление к новизне и острым ощущениям, повышенная готовность идти на риск, недооценка угроз, креативность, адаптивность, повышенное побуждение к вознаграждению — являются совершенно нормальными проявлениями здоровой психики. В этой связи социальное предпринимательство — исключительно органичный именно для молодых людей вид деятельности. Также есть основания предполагать, что молодые люди склонны более адекватно оценивать свой собственный предпринимательский потенциал и те возможности, которые внешняя среда открывает для предпринимательской деятельности (ввиду их большей, чем у взрослых, коммуникативности, открытости для влияний внешней среды и наличия больших каналов связи с миром).

Молодые люди в большей степени ориентированы на развитие, нежели на сохранение; развитие, изменения — ключевые ценности молодого поколения: «У молодых людей бизнес-потенциал коррелирует с такими ценностными ориентирами, как саморазвитие и самореализация. Согласно шкале ценностей Рональда Инглхарта, молодые бизнесмены в большей степени ориентиро-

ваны на развитие, чем на безопасность и самосохранение, а также преимущественно на секулярные и индивидуалистские ценности, чем на традицию и комьюнити» [4, с. 79]. Отчасти этот феномен коррелирует с физиологическими особенностями молодого организма: социально направленная предпринимательская деятельность, вызывая усиление выброса дофамина, дает молодым людям возможность чувствовать себя живыми и вовлеченными в социальные процессы, а эти эмоции, в свою очередь, мотивируют к преодолению трудностей. С возрастом же люди выказывают меньшую склонность к предпринимательской активности: по мере взросления и старения мы, как правило, испытываем потребность в накоплении, сбережении, сохранении, в связи с чем любые риски воспринимаются «взрослой» психикой как более весомые и значимые при принятии решений, а открывающиеся возможности, напротив, взрослыми людьми нередко недооцениваются.

В чем еще заключаются преимущества молодежи в качестве актора социального предпринимательства? Молодежь, как правило, по сравнению со старшими поколениями, быстрее учится, более адаптируема и более толерантна к любым инновациям (последнее важно, поскольку молодые люди, несмотря на возраст, имеют большой опыт в области новых технологий, в области освоения и конструирования цифрового ландшафта). Что касается воплощения этих качеств, молодые предприниматели не только используют свои способности и задатки, но и «заражают» сверстников, мобилизуя их на работу в социальных бизнес-проектах: «Молодежное предпринимательство способно давать многократный синергетический эффект, поскольку молодые бизнесмены с большей вероятностью наймут на работу своих сверстников, чем представителей более старших поколений, и смогут вывести другую молодежь из неформального сектора

и неполной занятости (как следствие — бедности). Более того, развитие широкого спектра передаваемых навыков, в том числе предпринимательских, может помочь молодым людям повысить шансы на успех в профессиональной жизни и пережить глубокие трансформации рынков, экономических процессов, сферы труда и занятости» [1, с. 40]. Этому также способствует открытость молодых людей к обмену знаниями и опытом.

На социальном уровне молодежь является группой, которая иначе, чем старшие возрастные группы, смотрит на социальные, экологические и иные глобальные проблемы, а также иначе, чем взрослые, оценивает риски неустойчивого развития и свои потребности и интересы в отношении социального будущего. Многие молодые люди с тревогой относятся к состоянию экологии, потеплению климата, понимая, что переживут взрослых, которые в настоящее время находятся у власти. Молодежь отдает себе отчет в том, что будет вынуждена иметь дело с последствиями принимаемых сегодня (как правило, в интересах нынешних, а не будущих

поколений) административных решений [8, с. 466]. Осознавая необходимость долгосрочного стратегического планирования в отношении таких вопросов, как экология и прочие аспекты устойчивого развития, молодые люди склонны проявлять повышенную ответственность в отношении будущего⁵ — в частности, молодым людям нередко свойственно осознанное потребление, они с радостью поддерживают экологические и природосберегающие программы и проекты. В то же время молодые люди нередко находятся в тесном контакте и со своими местными сообществами и их проблемами, которые молодежь пытается решить. Причем опыт развития социального предпринимательства во всем мире показывает, что молодые люди лучше старших поколений интегрируют знания о глобальных проблемах, с одной стороны, и представления о местном сообществе, с другой, и конвертируют эти знания в процесс принятия предпринимательских решений, будучи готовыми к осуществлению значимых социальных перемен и способными на них⁶.

Слабые стороны

Молодежь, занимающаяся социальным предпринимательством, как правило, имеет сравнительно небольшой жизненный и профессиональный опыт. Хотя она может предложить свежий взгляд на социальные проблемы, у молодых людей, занимающихся социальным предпринимательством, как правило, отсутствует бизнес-подготовка, нет даже теоретического опыта в разработке бизнес-проектов, поэтому их способности к стратегическому планированию, прогнозированию, предсказанию результатов и готовность к преодолению кризисов ограничены. Человеческий капитал молодых людей (знания, компетенции, социальные связи, дове-

рие бизнес-партнеров) в момент основания их предприятий, как правило, незначителен. Компетенции, человеческие и деловые связи могут быть решающим фактором успеха социального предприятия (или любого другого начинания), поэтому начинающие предприятия и предприниматели находятся в невыгодном (относительно зрелых предпринимателей и состоявшихся предприятий) положении на рынке.

Экономическая зависимость молодых людей от старших поколений также является слабой стороной модели молодежного социального предпринимательства. Институциональные источники финансирования, такие

⁵ WYR. P. 71.

⁶ WYR. P. 72.

как банковские кредиты, являются малодоступными для молодых людей: у них нет кредитной истории и залогового обеспечения, и потенциальные спонсоры, грантодатели или кредиторы (как правило, комиссии состоят из зрелых профессионалов с существенным опытом работы) расценивают спонсорство или кредитование молодежных социальных стартапов как рискованное. Ограниченный доступ к институциональному финансированию часто

Возможности

Реализация уже сегодня тех направлений социального развития, которые способствовали бы сохранению стабильности и устойчивости в будущем, представляет собой крайне сложную задачу. Ее важность осознается и государством, и предпринимательским сообществом, и гражданским обществом в его самом широком понимании. Во всем мире растет толерантность к идее, что наиболее эффективные решения в отношении будущего могут быть разработаны в пространстве расширенного взаимодействия между гражданами и гражданскими некоммерческими структурами (в том числе молодежными), коммерческими предприятиями и структурами государственного, регионального и местного управления.

Растет и осознание того, что социальная, экономическая и политическая кооптация молодежи является важной задачей; в рамках этой тенденции многие глобальные корпорации приняли и реализуют ориентированные на молодежь программы социальной ответственности. Вовлечение молодежи в участие в продуктивной деятельности может принести значительные долгосрочные выгоды: расширение прав и свобод молодых людей и укрепление их веры в свои силы могут вдохновить их на создание собствен-

вынуждает молодежь прибегать к неформальным источникам, таким как семейные / личные сбережения или потребительское кредитование, что является существенной угрозой для развития стартапов. Кроме того, поскольку молодежь часто обладает ограниченной финансовой грамотностью, молодые люди нередко получают кредиты или другие формы финансовой поддержки на невыгодных для себя, подчас кабальных условиях.

ных социальных предпринимательских проектов или на участие в чужих⁷.

В свою очередь, социальное предпринимательство открывает молодым людям возможности трудоустройства, экономической и социальной активации и адаптации, оказания влияния на социальное пространство вокруг себя. Уровень безработицы среди молодежи остается стабильно более высоким, чем среди иных возрастных групп (если к концу 2022 г. безработица в среднем по России составляла 3,7 %, то в группе 20–24 лет — 12,5 %, в группе 25–29 лет — 4,8 %, среди 30–34-летних — 4,4 %)⁸, а те, кто работает, получают относительно невысокую заработную плату: в 2022 г. в России кандидаты без опыта могли в среднем претендовать на 44 000 руб.; это на 18 000 руб. ниже, чем по России в целом, и на 27 000 руб. меньше по сравнению со средней зарплатой в сфере информационных технологий⁹. Поэтому развитие человеческого капитала и борьба с безработицей рассматриваются как важнейший компонент развития общества в любом типе экономики. Молодежное предпринимательство и его поддержка являются лишь частью широкого спектра мероприятий, стратегий и программ по созданию, поддержанию и удержанию человеческого капитала (трудовых ресурсов).

⁷ WYR. P. 76.

⁸ Безработная молодежь [Электронный ресурс] // Полит.ру: сайт. URL: <https://polit.ru/news/2023/04/11/rabota/> (дата обращения: 19.07.2023).

⁹ Молодые специалисты: стартовая зарплата и перспективы [Электронный ресурс] // hh.ru: Работа в Москве, поиск персонала и публикация вакансий: [сайт]. URL: <https://hh.ru/article/31230> (дата обращения: 19.07.2023).

Большая часть этих программ и мероприятий нацелена на создание новых рабочих мест и поддержку молодежной занятости, но молодежное социальное предпринимательство ориентировано на *процветание*, а не на выживание, поэтому оно не только открывает молодым людям возможности трудоустройства, предоставляет начальный опыт работы, но также способствует развитию компетенций и социальной вовлеченности.

Молодежное социальное предпринимательство предоставляет молодым людям возможности для расширения и продления образовательных траекторий: опыт создания своей компании, общение с коллегами и партнерами является значимым дополнением к образованию, получаемому в рамках традиционных моделей. В этом опыте у молодых людей формируются компетенции XXI в., которые включают в себя четыре основных категории: критическое мышление; коммуникативность; социетальность и сотрудничество; креативность и творческий подход. Идея того, что именно эти компетенции составляют базис личностной и профессиональной компетентности и успешности, в XXI в. не нова, но в рамках традиционной образовательной системы формированию

Риски и угрозы

Активному вовлечению молодежи в экономическую, финансовую, социальную и политическую сферы препятствуют политические, социальные и культурные барьеры. Виды проблем, с которыми сталкиваются молодые социальные предприниматели, зависят от того, где, как и с кем они работают. В то же время можем выделить основные.

Одна из самых серьезных проблем для молодых социальных предпринимателей — *финансирование*. Хотя в основе социального предприятия лежит социальная миссия, бизнес-операции должны быть финансово устойчивыми, поэтому социальные предприниматели должны работать над достижением и поддержанием финансовой независимости.

этих так называемых *мягких* компетенций практически не уделяется внимания.

Молодежное социальное предпринимательство открывает возможности для формирования подлинного, практического и ориентированного на результат опыта: сегодня он активно распространяется предпринимателями через обучающие курсы для школьников и студентов, программы практик и стажировок. Обучение и опыт, приобретаемые в пространстве социального предпринимательства, дают молодым людям конкурентные преимущества в будущем.

Существенные возможности для развития молодежного социального предпринимательства лежат в плоскости цифровизации экономики и социальной сферы. Так, поскольку многие поставщики финансовых или бухгалтерских услуг имеют широкое физическое и онлайн-присутствие, молодым социальным предпринимателям теперь доступен широкий спектр вариантов финансирования и осуществления бухучета. Цифровые технологии также способствуют формированию и укреплению партнерских отношений, расширению сетей и клиентской базы, приобретению новых знаний.

Хотя появляются новые способы финансирования, ограниченный доступ к традиционным источникам считается наиболее насущной проблемой для молодых социальных предпринимателей, поскольку главный недостаток социального предпринимателя, как это ни парадоксально, — его молодость. Как мы уже отметили, традиционные институты финансирования рассматривают молодых людей как клиентов с высоким уровнем риска невозврата кредита, однако имеют место и эйджистские стереотипы — пренебрежение молодыми людьми как некомпетентными и не способными принимать ответственные решения также играет свою роль. Ограниченный доступ к источникам

финансирования, в свою очередь, снижает потенциал молодежного социального предпринимательства.

Правовые и нормативные ограничения, касающиеся деятельности предприятий, сложности при регистрации, сложный режим налогообложения также являются ограничениями для распространения социального предпринимательства. Только в немногих странах и регионах молодежные социальные стартапы полностью освобождают от налогов, льготные налоговые режимы также предусмотрены не во многих странах. Новым ограничением для предпринимателей России стали санкции 2014—2015 и 2022—2023 гг., введенные против экономических субъектов и нацеленные на создание барьеров для российского бизнеса. В частности, был ограничен доступ к международным краудфандинговым платформам, таким как Indiegogo или GoFundMe.

Неравный доступ к технологиям создает еще один вид барьеров — *цифровое неравенство*, усиливающее иные виды неравенства. Молодежь, живущая в районах, где качество подключения к интернету далеко от современных стандартов цифрового общества (например, в отдаленных районах), не имеет доступа к ряду возможностей, таких как цифровые сервисы. Однако своевременный доступ к оперативной поддержке через цифровые сервисы (услуги управленческого консалтинга, финансового и бизнес-планирования, юридических консультаций, оценки рисков, маркетинговой помощи и обучения) может играть в развитии молодежного предпринимательства не менее важную роль, чем финансирование.

Заключение

Как было показано, молодые люди открыты к тому, чтобы стать предпринимателями, и готовы учиться, но возможности приобрести знания и проверить свои способности нередко им недоступны. Для поддержки развития молодежного социального предприни-

Оценка эффективности социального предприятия крайне сложна. Эффективность коммерческого предприятия измерить относительно просто: главными инструментами здесь являются финансовые показатели. Социальное предприятие отличается тем, что цепочка создания ценности включает в качестве важных компонентов производство социально значимых продуктов: «Ключевым элементом, определяющим социальное предпринимательство, является интенциональность бизнес-инициатив на социальные изменения и создание в первую очередь социальной, а не коммерческой прибыли и ценности» [2, с. 23]. Социальная эффективность многогранна, создание социальной ценности требует для своей оценки применения показателей, концептуально отличающихся от тех, которые используются для измерения коммерческой эффективности. В частности, для оценки социальной эффективности были разработаны такие инструменты, как *тройной итоговый учет (учет тройной прибыли)* Элкинтона, *сбалансированная система показателей для некоммерческих организаций* Каплана и Нортон, *социальная отчетность* Задека, *социальная отдача от инвестиций (Social Return on Investment — SROI)* Арвидсон. Инвесторы, партнеры, общественность хотят оценить и сравнить ценность, создаваемую различными социальными предприятиями, и социальные предприниматели, несмотря на методологические трудности и затраты, вынуждены участвовать в оценке социальной эффективности своих предприятий, поскольку это может иметь решающее значение для привлечения инвестиций и партнеров, получения всех видов поддержки со стороны государства, инвесторов, местного сообщества.

мательства необходимо поддерживать и развивать те условия, которые ему благоприятствуют. Поддержка может и должна осуществляться как на уровне государства (в частности, внесение изменений в налоговые кодексы и нормативные акты, регулирующие

процедуры регистрации бизнесов) и на уровне региона (расширение программ предоставления грантов, организация и поддержка бизнес-инкубаторов, зон коллективного пользования и др.), так и на местном уровне (имеющийся мировой и российский опыт показывает, что социальные предприниматели наиболее эффективны, когда они тесно сотрудничают с местным населением, органами власти, бизнесом и гражданскими структурами, в том числе с некоммерческими организациями, в поиске решений местных проблем — проблем сельского или городского поселения, своего района или округа). Решающим фактором социальной эффективности и важным активом стартапа, условием успешности внедряемых предпринимателем технических или социальных инноваций является глубокая связь бизнесмена и бизнеса с местным контекстом, включенность в проблемы и социальные связи, владение культурными кодами и нормами взаимодействия с местными агентами: «Контекстуальные факторы играют решающую роль в становлении и развитии социального предпринимательства» [2, с. 24]. Причем опыт показывает, что нередко успешными социальными предпринимателями являются женщины (именно в силу своей склонности создавать горизонтальные связи) [7; 9]. Соответственно, поддержка местного сообщества составляет важнейший уровень поддержки молодежных социальных стартапов. Анализ комплекса мер, которые должны быть предприняты на различных уровнях для создания благоприятной экосистемы молодежного предпринимательства, будет нами представлен в следующей статье.

Список литературы и источников

1. *Добрынина М. В., Андреева А. А.* Молодежное социальное предпринимательство как драйвер экономического и социального прогресса современного общества // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2023. № 1 (37). С. 37—46. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2023-1-37-46> EDN: LWWJYJ.
2. *Добрынина М. В., Андреева А. А.* Социально-экономическая природа социального предпринимательства и развитие молодежи // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 4 (36). С. 21—28. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-4-21-28> EDN: PYBVDG.
3. *Добрынина М. В., Николаева М. А.* Поддержка молодежного технологического предпринимательства как создание макросреды для стартапов // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2022. Т. 11. № 2 (42). С. 108—117. <https://doi.org/10.35775/PSI.2022.42.2.003> EDN: VHHIQR.
4. *Николаева М. А., Андреева А. А., Добрынина М. В.* Поддержка молодежного предпринимательства: система политических действий и социально-экономических эффектов // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 1 (33). С. 76—83. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-1-76-83> EDN: MMCGSY.
5. Социальные предприниматели на рынке социальных услуг: перспективы развития / Е. С. Петренко, Ю. А. Кот, С. Г. Климова, Е. В. Богомолова. М.: Фонд «Общественное мнение», 2016. 25 с. (Потенциал социальных предпринимателей на рынке социальных услуг; вып. 2).
6. *Харченко А. А.* Социальное предпринимательство в России // Бизнес-образование в экономике знаний. 2018. № 3 (11). С. 85—88. EDN: YMJKBF.
7. *Datta P. B., Gailey R.* Empowering women through social entrepreneurship: Case study of a women's cooperative in India // Entrepreneurship Theory and Practice. 2012. Vol. 36. Iss. 3. P. 569—587. <https://doi.org/10.1111/j.1540-6520.2012.00505.x>
8. *Prakash A.* 14 — Conclusion: corporate social responsibility as social regulation // Corporate Social Responsibility in a Globalizing World / eds K. Tsutsui, A. Lim. Cambridge, UK: Cambridge Univ. Press, 2015. P. 455—472.

<https://doi.org/10.1017/CBO9781316162354.014>

9. Purcell G., Scheyvens R. International business mentoring for development: the importance of local context and culture // *International Journal of Training and Development*. 2015. Vol. 19. No. 3. P. 211—222. <https://doi.org/10.1111/ijtd.12057>

References

1. Dobrynina M. V., Andreeva A. A. “Youth Social Entrepreneurship as a Driver of Economic and Social Progress of Modern Society”. *Ekonomicheskiye i sotsial’no-gumanitarnyye issledovaniya = Economic and Social Research* 1 (37) (2023): 37—46. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2023-1-37-46> EDN: LWWJYJ.
2. Dobrynina M. V., Andreeva A. A. “Socio-Economic Nature of Social Entrepreneurship and Youth Development”. *Ekonomicheskiye i sotsial’no-gumanitarnyye issledovaniya = Economic and Social Research* 4 (36) (2022): 21—28. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-4-21-28> EDN: PYBVDG.
3. Dobrynina M. V., Nikolaeva M. A. “Support of Youth Technological Entrepreneurship as the Creation of a Macro Environment for Startups”. *Evrasiyskiy Soyuz: voprosy mezhdunarodnykh otnosheniy = Eurasian Union: Issues of International Relations* 11.2 (42) (2022): 108—117. (In Russian). <https://doi.org/10.35775/PSI.2022.42.2.003> EDN: VHHIQR.
4. Nikolaeva M. A., Andreeva A. A., Dobrynina M. V. “Support for Youth Entrepreneurship: System of Political Actions and Socio-Economic Effects”. *Ekonomicheskiye i sotsial’no-gumanitarnyye issledovaniya = Economic and Social Research* 1 (33) (2022): 76—83. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-1-76-83> EDN: MMCGSY.
5. Petrenko E. S., Kot Yu. A., Klimova S. G., Bogomolova E. V. *Social Entrepreneurs in the Market of Social Services: Development Prospects*. Iss. 2 of *Potentsial sotsial’nykh predprinimateley na rynke sotsial’nykh uslug*. Moscow: Fond “Obshchestvennoye mneniye”, 2016. 25 p. (In Russian).
6. Kharchenko A. A. “Social Business in Russia”. *Biznes-obrazovaniye v ekonomike znaniy* 3 (11) (2018): 85—88. (In Russian). EDN: YMJKBF.
7. Datta P. B., Gailey R. “Empowering Women through Social Entrepreneurship: Case Study of a Women’s Cooperative in India”. *Entrepreneurship Theory and Practice* 36.3 (2012): 569—587. <https://doi.org/10.1111/j.1540-6520.2012.00505.x>
8. Prakash Aseem. “14 — Conclusion: Corporate Social Responsibility as Social Regulation”. *Corporate Social Responsibility in a Globalizing World*. Eds Kiyoteru Tsutsui and Alwyn Lim. Cambridge, UK: Cambridge Univ. Press, 2015. 455—472. <https://doi.org/10.1017/CBO9781316162354.014>
9. Purcell Gisela, Scheyvens Regina. “International Business Mentoring for Development: the Importance of Local Context and Culture”. *International Journal of Training and Development* 19.3 (2015): 211—222. <https://doi.org/10.1111/ijtd.12057>

Информация об авторах

Добрынина Мария Владимировна — кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры экономики, менеджмента и финансов, Национальный исследовательский университет «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, пл. Шокина, 1).

Коваленко Дмитрий Георгиевич — кандидат социологических наук, директор Центра по работе с вузами и академическим сообществом, Автономная некоммерческая организация дополнительного профессионального образования «Корпоративный университет Сбербанка» (Россия, 117997, Москва, ул. Вавилова, д. 19).

Information about the authors

Maria V. Dobrynina — Cand. Sci. (Polit.), Assoc. Prof., Associate Professor at the Department of Economics, Management and Finance, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Shokin sq., 1).

Dmitry G. Kovalenko — Cand. Sci. (Sociol.), Director of the Center for Work with Universities and the Academic Community, Autonomous non-profit organization of additional professional education “Sberbank Corporate University” (Russia, 117997, Moscow, Vavilova str., 19).

Статья поступила в редакцию 20.07.2023.

The article was submitted 20.07.2023.

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2023. № 3 (39). С. 62—80.

Economic and Social Research. 2023. No. 3 (39). P. 62—80

Научная статья

УДК 331.522

doi: 10.24151/2409-1073-2023-3-62-80

<https://elibrary.ru/hjahlh>

Разработка компетентностного профиля маркетологов, востребованного работодателем

О. М. Игрунова¹, А. Ю. Сучкова²

^{1, 2} *Национальный исследовательский университет «МИЭТ», Москва, Россия*

¹ *igrunova@list.ru*

² *alina.suchkova.20@inbox.ru*

Аннотация. Авторы разработали компетентностный профиль для вакансий маркетологов, востребованный работодателем на рынке труда. Материал для анализа требований работодателей составили вакансии маркетологов, размещенные на сайте по поиску работы и сотрудников HeadHunter. Рассмотрено 250 вакансий работодателей на должности ассистента маркетолога, маркетолога и директора по маркетингу. Результаты исследования показывают, какие требования работодатели предъявляют к образованию, квалификации и опыту работы соискателей.

Ключевые слова: ассистент маркетолога, маркетолог, директор по маркетингу, компетентностный профиль, профессиональные компетенции, надпрофессиональные компетенции, высшее образование, смысловое облако, вакансии, требования, ключевые навыки, стрессоустойчивость

Для цитирования: Игрунова О. М., Сучкова А. Ю. Разработка компетентностного профиля маркетологов, востребованного работодателем // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2023. № 3 (39). С. 62—80. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2023-3-62-80>
EDN: HJAHLH.

Original article

Development of the competency profile of marketers demanded by employers

О. М. Igrunova¹, А. Yu. Suchkova²

^{1, 2} *National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia*

¹ *igrunova@list.ru*

² *alina.suchkova.20@inbox.ru*

© Игрунова О. М., Сучкова А. Ю.

Abstract. The authors have developed a competency profile for a marketing vacancies demanded by employers in the labor market. The material for analyzing the employers' demands consists of the vacancies of marketers, posted on the HeadHunter site for finding jobs and employees. The authors reviewed 250 employer job openings for marketing assistant, marketing specialist and marketing director positions. The results of the survey demonstrate the requirements employers have for job seekers' education, qualifications and work experience.

Keywords: marketing assistant, marketer, marketing director, competency profile, professional competencies, supra-professional competencies, higher education, semantic cloud, vacancies, requirements, key skills, stress tolerance

For citation: Igrunova O. M., Suchkova A. Yu. "Development of the Competency Profile of Marketers Demanded by Employers". *Economic and Social Research* 3 (39) (2023): 62–80. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2023-3-62-80> EDN: HJAHLLH.

В настоящее время ведущее направление менеджмента — маркетинг — динамично трансформируется. Профессиональная деятельность обогащается новыми технологиями, которые используются для изучения целевой аудитории, анализа ее взаимодействия с брендами, для коммуникации с аудиторией и анализа ее результативности. Более того, поведенческие образы потребителей подвергаются пересмотру и изменению гораздо чаще, чем когда-либо. Это обязывает современного специалиста по маркетингу развиваться вместе с внешним окружением.

По данным сервисов по поиску работы и подбору персонала «Работа.ру» и «Сбер-Маркетинг», в начале 2022 г. в сфере HR-маркетинга было зафиксировано превышение спроса над предложением: число резюме значительно превосходило число вакансий¹. К концу 2022 г. число резюме снизилось и составляло три резюме на вакансию. Уровень желаемой заработной платы соискателей при этом вырос до 63,3 тыс. руб. Можно выделить следующие основные тенденции в требованиях работодателей: «поиск и создание позитивного потребительского опыта»,

«следование текущим трендам» и «быстрое изменение требований». От маркетологов работодатели ожидают обеспечения «стабильного развития бизнеса компании в условиях высокой неопределенности рынка» [1].

В оценке и развитии компетентностного профиля маркетологов сегодня заинтересованы и работодатели, и образовательные организации, и выпускники высших учебных заведений. Поэтому наше исследование направлено на установление компетенций, которые являются предпосылкой личностного роста и профессионального успеха выпускников. Объектом исследования выбираем рынок труда в сфере маркетинга, а предметом — компетентностный профиль маркетологов.

На первом этапе проводим опросы, обработку результатов которых осуществляем с использованием *смысловых облаков* в программном сервисе WordsCloud². Это позволяет структурировать ответы респондентов на открытые вопросы и выделить из них наиболее повторяющиеся слова (рис. 1–4). Выделение слов помогает увидеть ценные, уникальные характеристики изучаемого объекта (см. [2, с. 36–37]) — и это может стать

¹ Исследование: тренды рынка труда в сфере маркетинга по итогу 2022 года [Электронный ресурс] // Timeweb: хостинг для сайтов. URL: <https://timeweb.com/ru/community/articles/issledovanie-trendy-rynka-truda-v-marketinge-ro-itogu-2022-goda> (дата обращения: 01.08.2023).

² Создавайте облако слов на русском языке легко и просто с помощью сервиса Word's Cloud [Электронный ресурс] // WordsCloud: [сайт]. URL: <https://wordscld.pythonanywhere.com> (дата обращения: 02.08.2023).

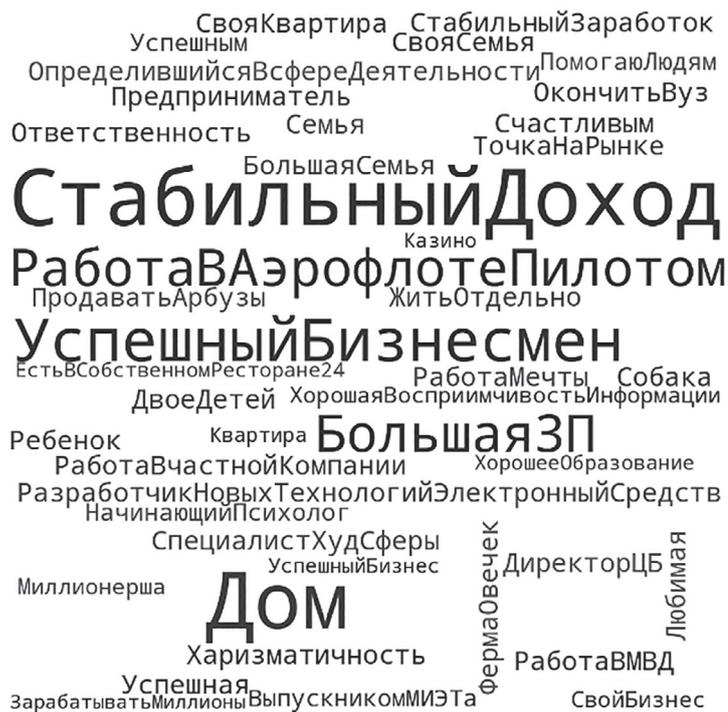

Рис. 1. Смысловое облако (1) будущего выпускников МОУ «Гимназия № 15» (г. Клин)

основой формулировки оригинального ценностного предложения. Из смыслового облака можно выделить, например, топ-3 — три ключевых словосочетания.

В первом опросе участвуют выпускники МОУ «Гимназия № 15» (г. Клин). Цель опроса — определить их планы на будущее и выбор профессии после окончания гимназии.

Как видно из смыслового облака (1) на рис. 1, выпускники гимназии в основном ориентированы на высокий и стабильный доход, собственный дом и успешный бизнес. Объем выборки составил 22 человека.

Во втором опросе участвуют абитуриенты НИУ МИЭТ (Москва, Зеленоград). Цель опроса — определить их ожидания от обучения в МИЭТ (выборка — 28 человек).

На смысловом облаке (2) можно заметить (рис. 2), что основные ожидания респондентов связаны с получением качественного высшего образования, освоением профессии, высокой заработной платой.

В третьем опросе участвуют студенты второго курса направления подготовки 38.03.02 «Менеджмент» НИУ МИЭТ. Цель опроса —

определить образ, которому студенты хотели бы соответствовать через четыре и более лет. Размер выборки — 21 человек. Студентам предлагается ответить на три вопроса.

Чем занимается маркетолог, в чем заключаются его каждодневные обязанности?

Кем вы видите себя после окончания университета?

Какие навыки, по вашему мнению, вам необходимо приобрести (развить) для того, чтобы приблизиться к этому образу?

Анализируя смысловое облако (3) результатов ответа на вопрос: «Чем занимается маркетолог?» (рис. 3), можно сделать вывод, что у респондентов работа маркетолога ассоциируется в основном с продвижением продукта или услуги, с исследованием и аналитикой рынка.

Смысловое облако (4) с очевидностью показывает, что респонденты видят себя в будущем востребованными специалистами, с хорошей заработной платой.

Основные навыки, выделенные студентами: знание, профессиональные навыки, стрессоустойчивость, решительность, ответственность, креативность.

Рис. 2. Смысловое облако (2) ожиданий абитуриентов от обучения в НИУ МИЭТ

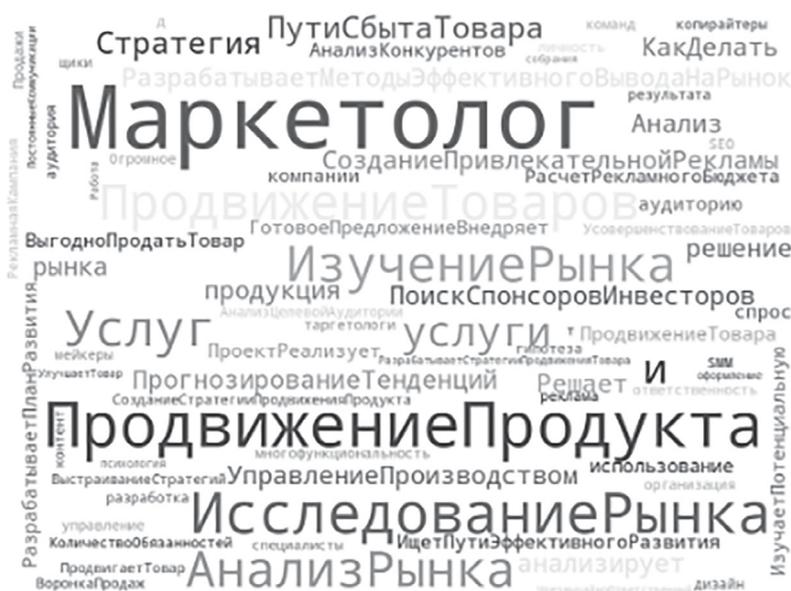

Рис. 3. Смысловое облако (3) результатов ответа на вопрос: «Чем занимается маркетолог?»

Для того чтобы сопоставить ожидания абитуриентов и образ маркетолога, который создают студенты, с требованиями работодателей, проводим исследование вакансий маркетологов, размещенных на одном из самых крупных в мире (по данным рейтинга Similarweb) проектов HR-TECH — сайте по поиску работы

и сотрудников HeadHunter³. Для анализа рынка труда отбираем вакансии ассистента маркетолога, маркетолога и директора по маркетингу. В ходе анализа мы рассмотрели по 100 вакансий для ассистента и маркетолога и 50 вакансий для директора по маркетингу и построили круговые диаграммы (рис. 6—8).

³ HeadHunter: платформа онлайн-рекрутинга. URL: https://khimki.hh.ru/article/28?from=footer_new&hhtmFrom-Label=footer_new&hhtmFrom=main (дата обращения: 01.08.2023).

Отрасли компаний в вакансиях для Ассистента маркетолога

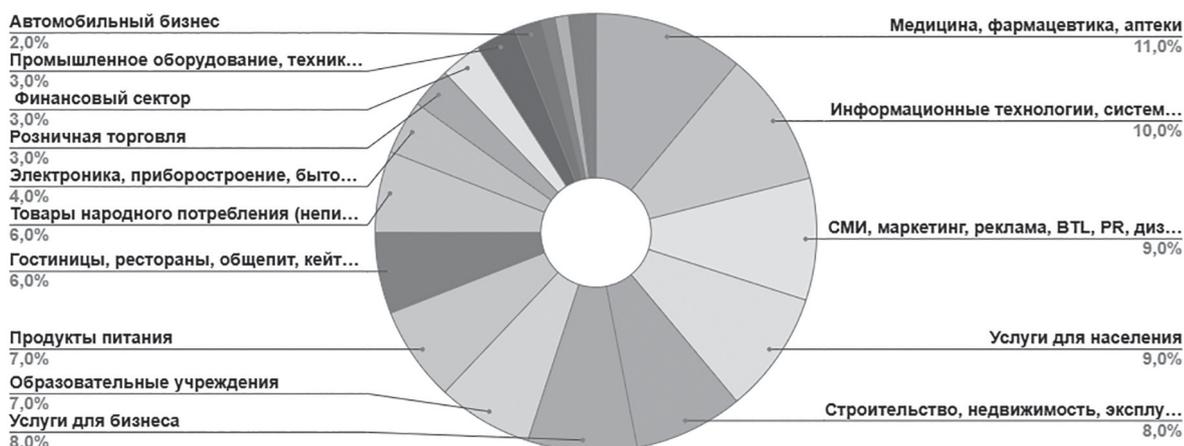

Рис. 6. Распределение вакансий ассистента маркетолога по отраслям рынка труда

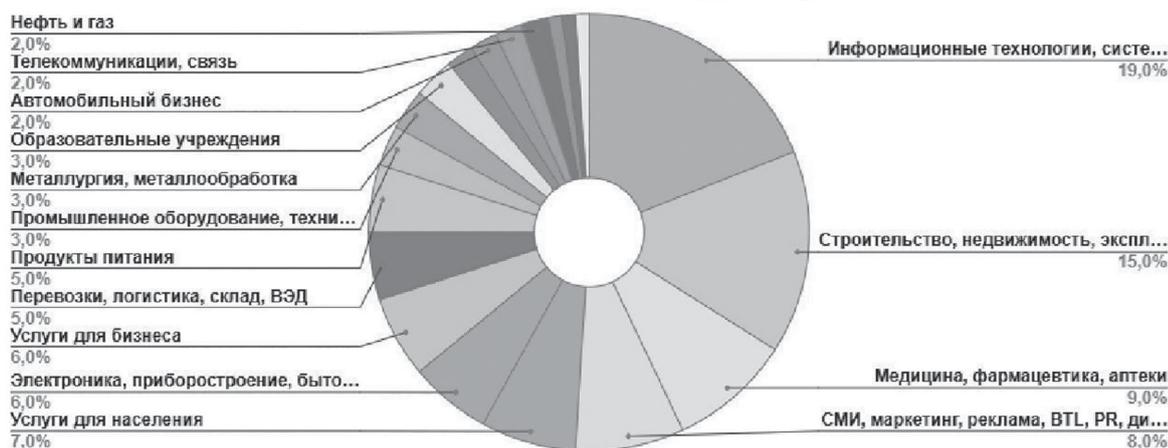

Рис. 7. Распределение вакансий маркетолога по отраслям рынка труда

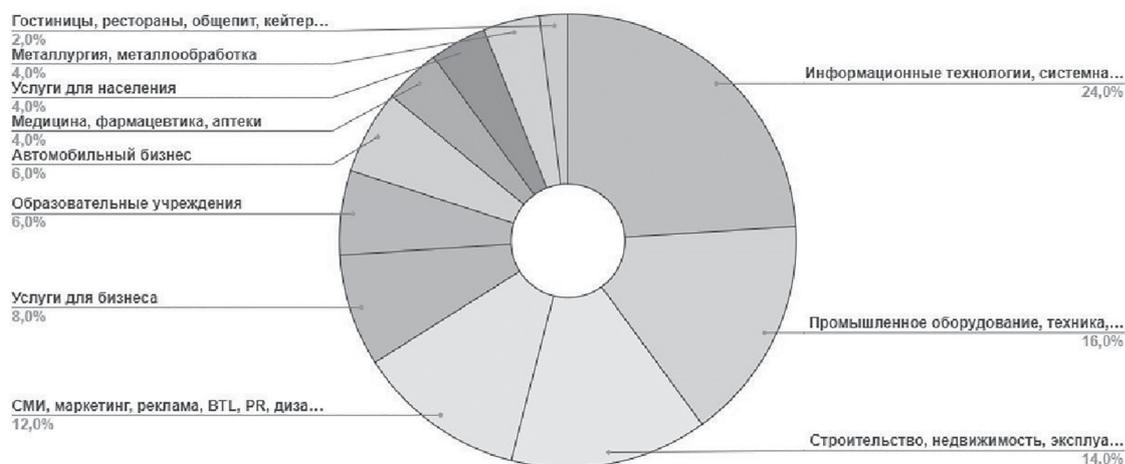

Рис. 8. Распределение вакансий директора по маркетингу по отраслям рынка труда

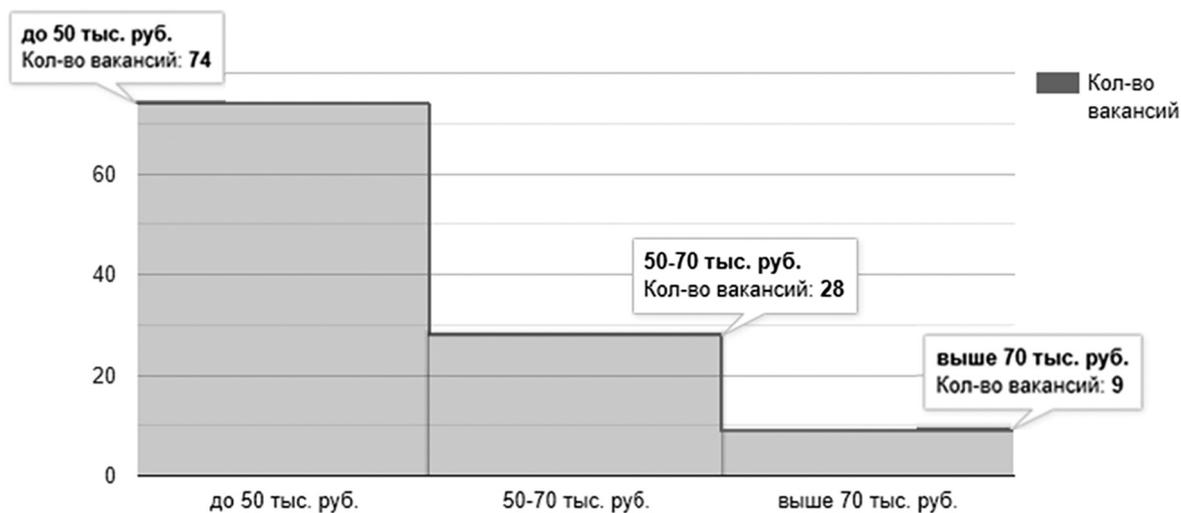

Рис. 9. Зарплата в вакансии «ассистент маркетолога»

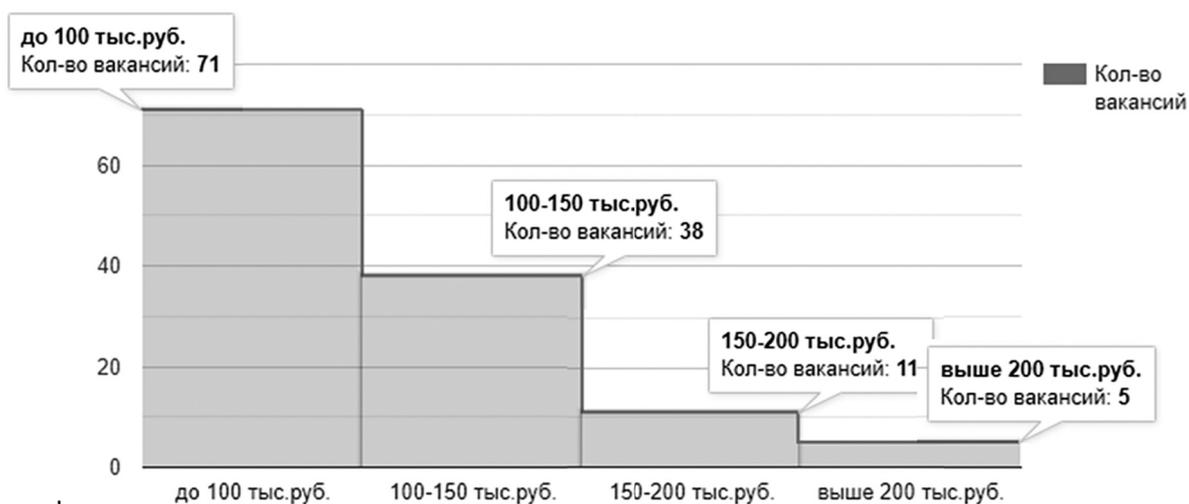

Рис. 10. Зарплата в вакансии «маркетолог»

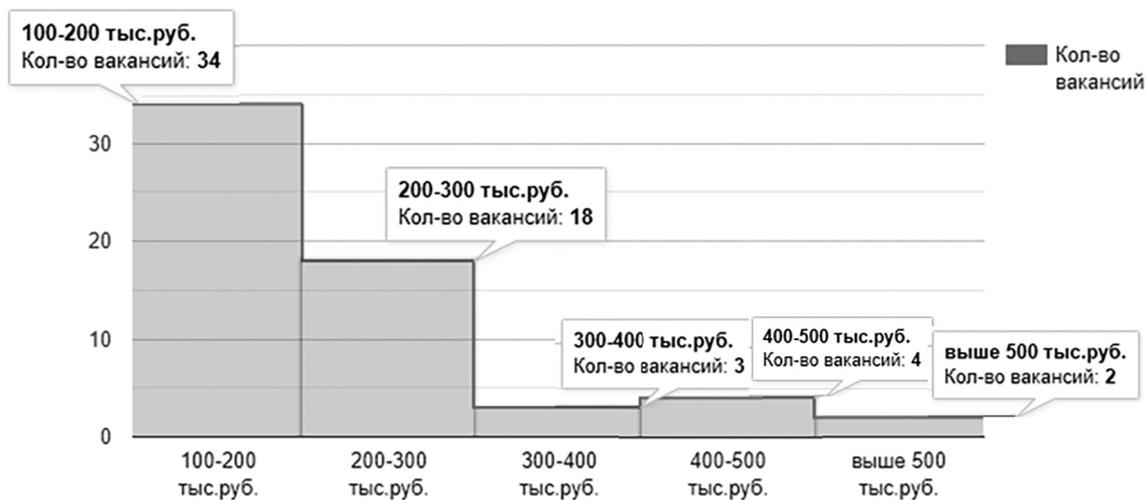

Рис. 11. Зарплата в вакансии «директор по маркетингу»

которые подразумевают возможность работы удаленно, зарплата указана ниже. Это 25 % от общего объема вакансий ассистента маркетолога.

Зарплата маркетолога составляет от 60 тыс. руб. до 70 тыс. руб. Средняя зарплата — 79 533 руб., соответственно, в анализируемых вакансиях в основном представлено значение зарплаты, равное среднему и выше. При этом в общем объеме 19 % вакансий подразумевают возможность удаленной работы, но на заработную плату это никак не влияет.

В вакансии директора по маркетингу диапазон основного значения зарплаты широкий — от 100 тыс. руб. до 200 тыс. руб., а средняя зарплата, по данным портала

«ГородРабот.ру», составляет 135 470 руб. При этом 18 % вакансий подразумевают возможность удаленной работы, что, как и в вакансии маркетолога, не снижает заработной платы.

Требуемый стаж работы в вакансиях «ассистент маркетолога», «маркетолог» и «директор по маркетингу» представлен на столбчатых диаграммах (рис. 12—14).

В большинстве вакансий «ассистент маркетолога» указан требуемый стаж работы — от 1 года до 3 лет, но также имеются и вакансии, в которых опыт работы не требуется.

В вакансии «маркетолог» требуется в основном стаж работы от 1 года до 3 лет, в вакансии «директор по маркетингу» — стаж от 3 до 6 лет.

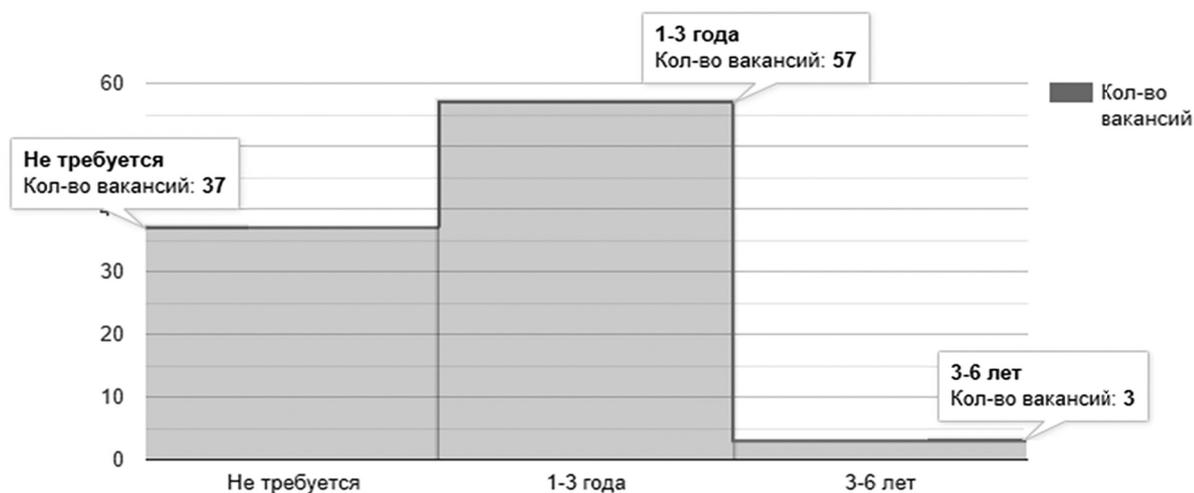

Рис. 12. Требуемый стаж работы в вакансии «ассистент маркетолога»

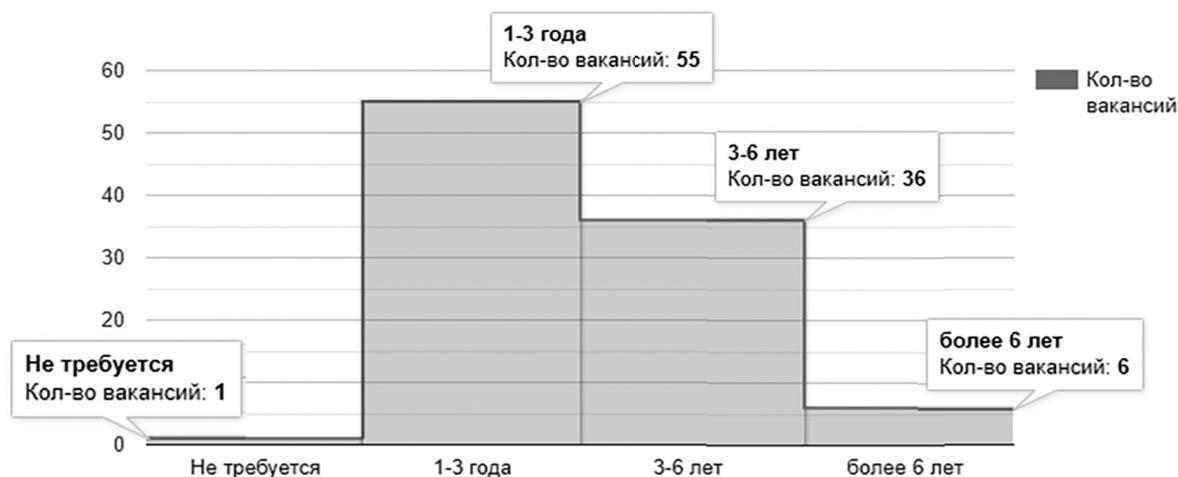

Рис. 13. Требуемый стаж работы в вакансии «маркетолог»

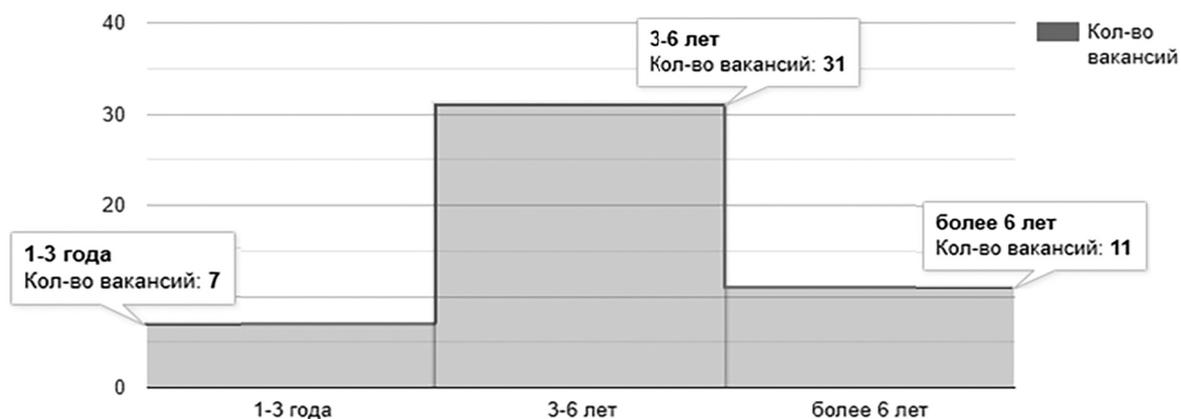

Рис. 14. Требуемый стаж работы в вакансии «директор по маркетингу»

В 90 % вакансий условием является полная занятость.

Далее осуществляем анализ требований, предъявляемых к исследуемым вакансиям, — строим полосовые диаграммы (рис. 15—20).

Наглядно результаты анализа требований к вакансиям «ассистент маркетолога», «маркетолог» и «директор по маркетингу», а именно обязанности и требуемые ключевые навыки, представлены в табл. 1—3.

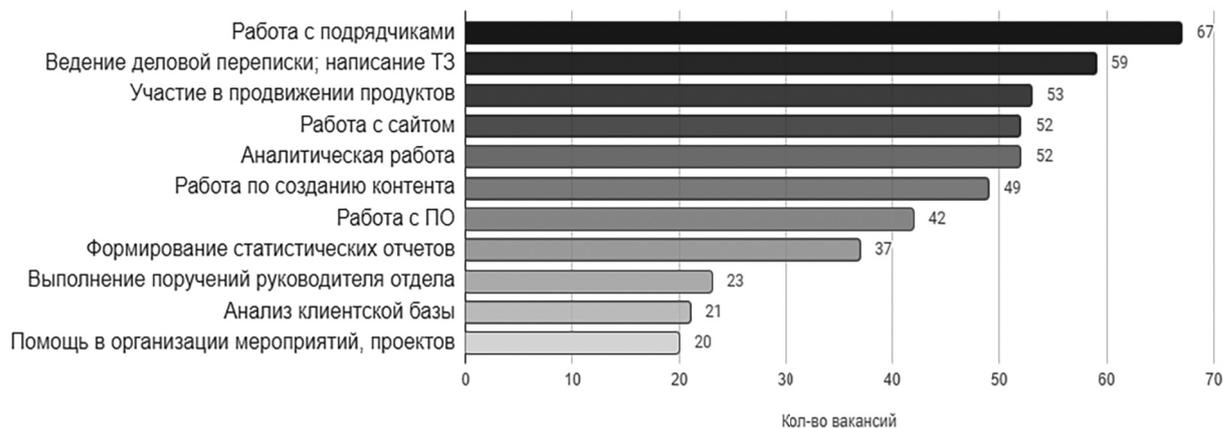

Рис. 15. Требования к ассистенту маркетолога: обязанности

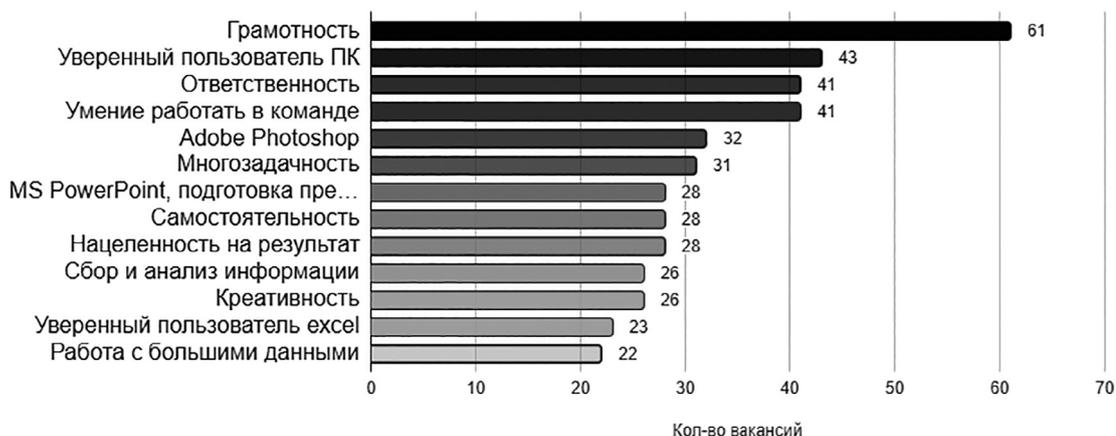

Рис. 16. Требования к ассистенту маркетолога: ключевые навыки

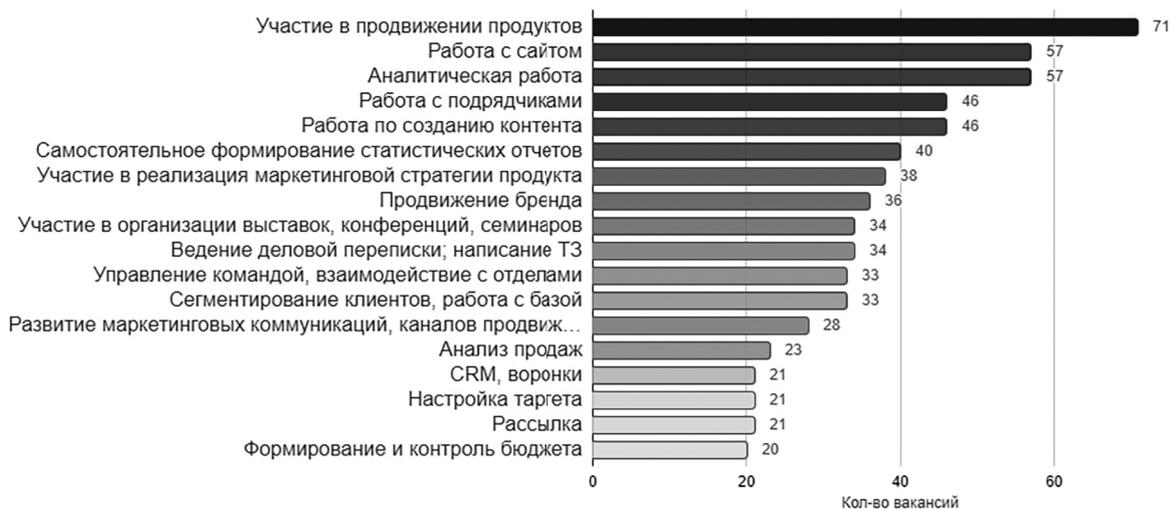

Рис. 17. Требования к маркетологу: обязанности

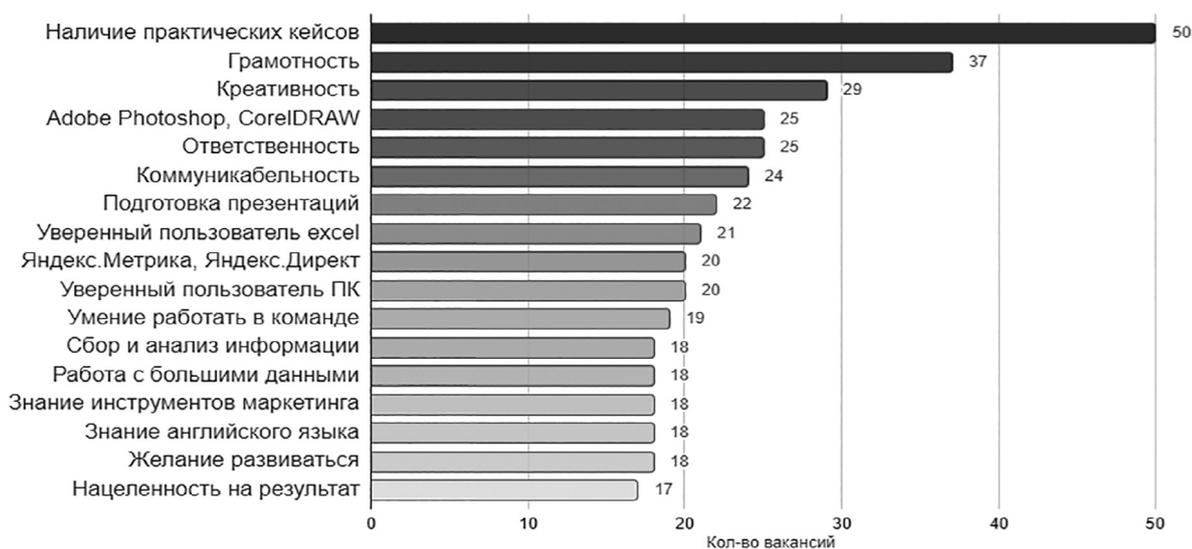

Рис. 18. Требования к маркетологу: ключевые навыки

Рис. 19. Требования к директору по маркетингу: обязанности

Рис. 20. Требования к директору по маркетингу: ключевые навыки

Таблица 1

Требования, предъявляемые к ассистенту маркетолога

Требования	Кол-во вакансий
<i>Обязанности</i>	
Работа с подрядчиками	67
Ведение деловой переписки; написание ТЗ	59
Участие в продвижении продуктов	53
Работа с сайтом	52
Аналитическая работа	52
Работа по созданию контента	49
Работа с ПО	42
Формирование статистических отчетов	37
Выполнение поручений руководителя отдела	23
Анализ клиентской базы	21
Помощь в организации мероприятий, проектов	20
Запуск и ведение всех маркетинговых активностей	18
Брендинг	18
Рассылка, обзвоны	17
Работа с таблицами, таск-трекерами и CRM	17
SMM	17
Участие в организации выставок, конференций, семинаров	16
Участие в реализации маркетинговой стратегии продукта	12
Быстрое реагирование на вопросы и направление нужным специалистам	12

Таблица 1 (Продолжение)

Требования	Кол-во вакансий
Работа по формированию ассортимента для клиентов	12
Участие в ведении и планировании бюджета по проектам	11
Участие в генерации новых идей	11
Постановка задач, контроль выполнения задач	10
Помощь в организации рутинных процессов	9
Работа с маркетплейсами	9
Контроль выпуска новой продукции, коммуникация с отделом производства	8
Систематизация и выдача доступов к ресурсам/материалам	3
Самостоятельное ведение отдельных частей проектов	1
Ключевые навыки	
Грамотность	61
Уверенный пользователь ПК	43
Ответственность	41
Умение работать в команде	41
Adobe Photoshop	32
Многозадачность	31
MS PowerPoint, подготовка презентаций	28
Самостоятельность	28
Нацеленность на результат	28
Сбор и анализ информации	26
Креативность	26
Уверенный пользователь Excel	23
Работа с большими данными	22
Копирайтинг	19
Поиск информации	17
Проявление инициативы, погружение в поставленные задачи	15
Знание английского языка	13
Клиентоориентированность: желание и умение понять своего клиента, основы его деятельности, цели и проблемы, с которыми он сталкивается	6
Знание и понимание основ маркетингового анализа/планирования, ценообразования, прогнозирования	2

Таблица 2

Требования, предъявляемые к маркетологу

Требования	Кол-во вакансий
<i>Обязанности</i>	
Участие в продвижении продуктов (контроль проведения мероприятий по продвижению). В основном рекламные кампании, копирайтинг, А/В тесты, анализ эффективности, маркетинговые акции	71
Работа с сайтом, SEO, Яндекс.Метрики, ВК, Телеграмм	57
Аналитическая работа: исследование трендов, конкурентный анализ, оценка текущей ситуации, прогнозы по объемам потребления, ценам	57
Работа с подрядчиками: реклама, полиграфия, копирайтеры, контент-менеджер	46
Работа по созданию контента (организация фотосессий, описание продуктов, создание презентаций)	46
Самостоятельное формирование статистических отчетов и проведение аналитики по ним	40
POS, участие в реализации маркетинговой стратегии продукта	38
Продвижение бренда, лендинги, корпоративный стиль, позиционирование	36
Участие в организации выставок, конференций, семинаров и разработка маркетинговых материалов совместно с отделом маркетинга	34
Ведение деловой переписки; написание ТЗ, постов, документация	34
Управление командой, взаимодействие с отделами	33
Сегментирование клиентов, лиды, работа с базой, привлечение клиентов, новые инструменты, отзывы	33
Развитие маркетинговых коммуникаций, каналов продвижения	28
Анализ продаж, лидов	23
CRM, воронки	21
Рассылка, цепочки	21
Настройка таргета, вирусный маркетинг, BTL и ATL	21
Формирование и контроль бюджета	20
Работа с ПО (Битрикс, Trello, 1С), оптимизация рабочих процессов	19
Создание макетов для рекламной продукции	18
SMM	16
УТП	14
Тестирование гипотез	14
Проектная деятельность	14
Мониторинг ключевых показателей компании	14
Создание новых продуктов бренда, их запуск	12
Директ-маркетинг	12
Создание задач, на основании общей стратегии компании, и контроль за их выполнением	10

Таблица 2 (Продолжение)

Требования	Кол-во вакансий
Контроль проведения рекламных акций	8
Использование любых источников привлечения трафика	8
Запуск и ведение всех маркетинговых активностей (Авито, Яндекс, Циан) и анализ их эффективности	8
Выполнение поручений руководителя отдела	7
Разработка маркетинговых материалов и инструментов для партнеров и клиентов	5
Информационная поддержка Отдела маркетинга и рекламы	5
Изучение новых направлений деятельности с точки зрения затрат, перспектив и т. д.	4
Разработка и анализ торговой марки и вывод ее	3
Количественные и качественные интервью	3
Развитие портфеля компании	2
Анализ рисков	1
Ключевые навыки	
Наличие практических кейсов	50
Деловая переписка, написание текстов, деловые переговоры	37
Умение использовать креативные методы для решения поставленных задач	29
Adobe Photoshop, CorelDRAW	25
Ответственность	25
Коммуникабельность	24
MS PowerPoint/Canva, подготовка презентаций	22
Уверенный пользователь Excel (сводные таблицы, ВПР, формулы)	21
Яндекс.Метрика, Яндекс.Директ	20
Уверенный пользователь ПК	20
Умение работать в команде, разрешать конфликты	19
Сбор и анализ информации, использование в аргументации	18
Работа с большими данными	18
Знание основных стратегий создания, продвижения и позиционирования; Знание инструментов маркетинга; Знание и понимание современных рыночных тенденций и каналов коммуникации	18
Знание английского языка	18
Желание развиваться	18
Нацеленность на результат	17
Стратегическое, системное мышление	15
Самостоятельность	15
Многозадачность	15
Внимательность	15

Таблица 2 (Продолжение)

Требования	Кол-во вакансий
Проявление инициативы, погружение в поставленные задачи	13
Поиск информации	10
Селф- и тайм-менеджмент	9
Оптимизм	7
Копирайтинг	7
Ценообразование	6
Трудолюбие	6
Командировки	4
Знание и понимание основ маркетингового анализа/планирования, ценообразования, прогнозирования	2
Клиентоориентированность: желание и умение понять своего клиента, основы его деятельности, цели и проблемы, с которыми он сталкивается.	1
Исполнительность	1
Е-SOM	1
Быстрое схватывание задач	1

Таблица 3

Требования, предъявляемые к директору по маркетингу

Требования	Кол-во вакансий
<i>Обязанности</i>	
Управление командой, улучшение взаимодействия с отделами	33
Анализ продаж	31
Разработка и реализация программы для продвижения продуктов	30
Аналитическая работа	29
Формирование и контроль бюджета	29
Сегментирование клиентов, работа с базой, привлечение клиентов	27
Работа с подрядчиками	24
Реализация digital-стратегии, работа с сайтом	24
Разработка и реализация маркетинговой стратегии	24
Продвижение бренда, корпоративный стиль, позиционирование	18
Анализ ключевых показателей компании	17
Развитие маркетинговых коммуникаций, каналов продвижения	16
Организация и проведение выставок, конференций	13
Разработка контент-стратегии и реализация медиапланирования	11
Формирование статистических отчетов	11

Таблица 3 (Продолжение)

Требования	Кол-во вакансий
Разработка маркетинговых материалов для партнеров и клиентов	10
Тестирование гипотез роста бизнеса	10
Использование любых источников привлечения трафика	9
CRM, воронки	9
SMM	9
Ведение деловой переписки; написание ТЗ, постов, документация	8
Разработка программ обучения клиентов и сотрудников компании	8
Запуск и ведение всех маркетинговых активностей и анализ их эффективности	7
Контроль и оценка эффективности маркетинговых мероприятий	7
Проектная деятельность	7
Работа по созданию контента (организация фотосессий, описание продуктов, создание презентаций)	7
Работа с ПО (Битрикс, Trello, 1С), оптимизация рабочих процессов	7
Рассылка, цепочки	7
Создание новых продуктов бренда, их запуск	7
Оценка целесообразности установки различного уровня цен	6
Настройка таргета, вирусный маркетинг, BTL и ATL	5
Анализ рисков, предложения по их минимизации	4
Изучение новых направлений деятельности с точки зрения затрат, перспектив и т. д.	4
УТП	4
Планирование закупок	3
Подготовка презентаций по новым продуктам	3
Создание задач, на основании общей стратегии компании, и контроль за их выполнением	3
Контроль проведения рекламных акций	2
Развитие портфеля компании	2
Разработка и анализ торговой марки и вывод ее	2
Создание макетов для рекламной продукции	2
Директ-маркетинг	1
Ключевые навыки	
Наличие практических кейсов	40
Опыт работы на руководящей должности	20
Знание digital marketing	18
Стратегическое, системное мышление	17
Ответственность за командный результат	16
Умение писать и править тексты, хороший слог и грамотный русский язык	15
Публичные выступления	14

Таблица 3 (Продолжение)

Требования	Кол-во вакансий
Навык выстраивания канала продаж	12
Умение работать с Яндекс.Метриками	12
Высокий уровень экспертизы в интернет-маркетинге	11
Нацеленность на результат	11
Желание развиваться	10
Успешный опыт разработки маркетинговых стратегий	10
Умение принимать управленческие решения	10
Опыт проведения успешных маркетинговых кампаний	9
Системность	9
Умение использовать креативные методы для решения поставленных задач	9
Знание основных стратегий создания, продвижения и позиционирования; Знание инструментов маркетинга; Знание и понимание современных рыночных тенденций и каналов коммуникации	8
Многозадачность	7
Опыт запуска нового продукта, работы с продуктом	7
Сбор и анализ информации, использование в аргументации	7
Умение работать в команде, разрешение конфликтов	7
Умение создавать и выстраивать бизнес-процессы	7
Знание английского языка	6
Клиентоориентированность: желание и умение понять своего клиента, основы его деятельности, цели и проблемы, с которыми он сталкивается.	6
Опыт работы в CRM-системах	6
Селф- и тайм-менеджмент	6
Уверенный пользователь ПК	6
Проведение маркетинговых исследований	4
Самоорганизованность	4
MS PowerPoint/Canva, подготовка презентаций	4
Внимательность	3
Понимание работы систем привлечения трафика	3
Работа с большими данными	3
Самостоятельность	3
Уверенный пользователь Excel (сводные таблицы, ВПР, формулы)	3
Оптимизм	2
Быстрое схватывание задач	1
Копирайтинг	1
Опыт в лидогенерации, глубокие знания юнит-экономики для лидгена	1

Таблица 3 (Окончание)

Требования	Кол-во вакансий
Проявление инициативы, погружение в поставленные задачи	1
Умение работать в неопределенности на рынке	1
Adobe Photoshop, CorelDRAW	1

Требования, предъявляемые к ассистенту маркетолога, в основном направлены на поддержку функций менеджмента в планировании, подготовке и реализации товаров или услуг, а также обусловлены различной административной работой. Здесь важны базовые навыки по работе с компьютером, а также универсальные надпрофессиональные компетенции, такие как: ответственность, командная работа, креативность и др.

Требования, предъявляемые к маркетологу, в основном связаны с продвижением товара или услуги. Обязанности формулируются довольно обобщенно, шаблонно. Ключевые навыки близки к тем, которые требуются в вакансии ассистента маркетолога. Однако есть главное отличие в требованиях к маркетологу — это практический опыт.

В вакансии «директор по маркетингу» требования формулируются достаточно узко и конкретно, в зависимости от специфики отрасли и деятельности компании (в ходе анализа вакансий они были обобщены). Например, обязанности по выполнению анализа продаж в одной из вакансий следующие: поиск и тестирование различных стратегий продвижения для увеличения роста лидов, предложения по увеличению продаж, планирование продаж: разработка и согласование плана продаж и KPI, синхронизация с основным бюджетом компании, доведение цели до сотрудников отдела, контроль за выполнением KPI, участие в разработке акций (совместно с бренд-менеджером). Также в большинстве вакансий должности формулируются более конкретно: руководитель отдела маркетинга B2B, руководитель отдела digital-маркетинга, руководитель

отдела рекламы, директор по маркетингу и PR. В ключевых навыках в вакансии «директор по маркетингу» преобладают уже не только практический опыт в сфере маркетинга, но еще и управленческие навыки, и опыт работы в руководящей должности. В большей степени требуются профессиональные навыки, такие как: знание digital-маркетинга, построение канала продаж, высокий уровень экспертизы в интернет-маркетинге, умение создавать и выстраивать бизнес-процессы, опыт работы в CRM-системах, опыт запуска нового продукта, работы с продуктом. Для директора большое значение имеет персональная эффективность, поэтому требования к этой должности включают такой ключевой универсальный навык, как стратегическое, системное мышление в качестве необходимого условия эффективного решения проблем.

Таким образом, каждая должность требует определенного набора профессиональных и надпрофессиональных компетенций, который увеличивается при переходе на следующую ступень карьерной лестницы.

При сравнении навыков, отмеченных студентами второго курса (в опросе по составлению образа маркетолога), с требованиями, которые предъявляют работодатели, можно выделить различия. Например, студенты особо подчеркнули навык «стрессоустойчивость», тогда как работодатели не отмечают его критической значимости. Возможно, для студентов большое количество ситуаций является стрессом. Это обусловлено тем, что со многими ситуациями в своей жизни в силу возраста студенты сталкиваются впервые, а работодатели — более опытные люди, многие ситуации уже не вызывают

у них подобного стресса или тревоги, следовательно, с возрастом значимость ключевого навыка «стрессоустойчивость» снижается. Исходя из этого можно сделать вывод, что работодателям, в том числе вузам, стоит уделять особое внимание эмоциональному состоянию молодых сотрудников, которым трудно адаптироваться в новой для них реальности и в ситуациях повышенной нагрузки. Студентам же следует осознать, что многие ситуации необходимо прожить — для извлечения опыта, который позволит снизить стресс от подобных ситуаций в дальнейшем.

Таким образом, практическая значимость разработки компетентностного профиля маркетолога состоит в том, чтобы показать требования работодателей к профилю, сформировать образ маркетолога у выпускников и начинающих специалистов в соответствии с требуемыми обязанностями и ключевыми навыками, способствовать пониманию особенностей развития профессиональных и надпрофессиональных компетенций, что в дальнейшем сможет предотвратить опасные для рынка труда и начинающих специалистов проблемы.

Список литературы и источников

1. *Артемова Е., Тупикина А.* Стрессоустойчивость и многозадачность в маркетинге важнее знания английского [Электронный ресурс]: исследование Работа.ру и СберМаркетинг // Работа.ру: сервис российского hr-tech рынка. URL: <https://press.rabota.ru/itogi-2022-goda-v-rynke-truda-marketinga> (дата обращения: 01.08.2023).
2. *Игрунова О. М.* Практикум по дисциплине «Маркетинговые исследования»: учеб. пособ. М.: Русайнс, 2023. 144 с. EDN: MXEZSL.

References

1. Artem'yeva Elena, Tupikina Anna. "In Marketing, Stress Tolerance and Multitasking are More Important than Knowledge of English: Research by Rabota.ru and SberMarketing". *Rabota.ru*. (In

Russian). Cop. 2020. Web. 01 Aug. 2023. <<https://press.rabota.ru/itogi-2022-goda-v-rynke-truda-marketinga>>.

2. *Igrunova O. M.* *Practical Course in the Discipline "Marketing Research"*: study guide. Moscow: Russains, 2023. 144 p. (In Russian). EDN: MXEZSL.

Библиографический список

1. *Игрунова, О.* Современные тенденции развития московского рынка высшего профессионального образования / О. Игрунова, П. Баландюк-Опалинская. — Текст : непосредственный // Прикладные экономические исследования. — 2016. — № 5 (15). — С. 24—32. — EDN: XBHAML.

Bibliography

1. *Igrunova Oxana, Balandyuk-Opalinskaya Polina.* "Contemporary Tendencies in Development of Moscow Market of Higher Professional Education". *Prikladnyye ekonomicheskiye issledovaniya = The Applied Economic Research Journal* 5 (15) (2016): 24—32. (In Russian). EDN: XBHAML.

Информация об авторах

Игрунова Оксана Михайловна — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры маркетинга и управления проектами, Национальный исследовательский университет «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, пл. Шокина, 1).

Сучкова Алина Юрьевна — студентка, Национальный исследовательский университет «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, пл. Шокина, 1).

Information about the authors

Oksana M. Igrunova — PhD in Economics, Assistant Professor at the Marketing and Project Management Department, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Shokin sq., 1).

Alina Yu. Suchkova — student, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Shokin sq., 1).

Статья поступила в редакцию 04.05.2023.

The article was submitted 04.05.2023.

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2023. № 3 (39). С. 81—92.

Economic and Social Research. 2023. No. 3 (39). P. 81—92.

Научная статья

УДК 658.64

doi: 10.24151/2409-1073-2023-3-81-92

<https://elibrary.ru/gbnvkc>

Применение платформенных бизнес-моделей в экономической деятельности компаний

А. Б. Кознов^{1, 2}

¹ Национальный исследовательский университет «МИЭТ», Москва, Россия

² Национальный исследовательский университет «МЭИ», Москва, Россия

7956@mail.ru

Аннотация. Раскрыты вопросы воздействия платформенных бизнес-моделей на экономическую деятельность компаний. Проведен обзор научных работ, посвященных изучению функционирования цифровых платформ. Определены отличительные признаки цифровых платформ и выделены основные функции. На основе статистических данных проанализировано, в какой степени компании вовлечены в применение цифровых платформ в своей деятельности. Выявлены ключевые проблемы использования и внедрения цифровых платформ. Рассмотрено воздействие санкций на развитие цифровых платформ. По итогам исследования разработаны рекомендации по развитию компаний, использующих цифровые платформы в условиях санкционных ограничений.

Ключевые слова: платформенная бизнес-модель, цифровая платформа, цифровая трансформация, бизнес-процессы, цифровые технологии

Для цитирования: Кознов А. Б. Применение платформенных бизнес-моделей в экономической деятельности компаний // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2023. № 3 (39). С. 81—92. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2023-3-81-92>
EDN: GBNVKS.

Original article

Application of platform business models in the economic activities of companies

A. B. Koznov^{1, 2}

¹ National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia

² National Research University “Moscow Power Engineering Institute”, Moscow, Russia

7956@mail.ru

© Кознов А. Б.

Abstract. The author reveals the impact of platform business models on the economic activities of companies. A review of scientific papers devoted to the study of the functioning of digital platforms was carried out. The distinctive features of digital platforms are identified with the highlighting of the main functions. Based on statistical data, the degree of involvement of companies in the process of using digital platforms in their activities was analyzed. The key problems of the use and implementation of digital platforms are identified. The impact of sanctions on the development of digital platforms is considered. Based on the results of the study, recommendations have been elaborated for the development of companies using digital platforms under sanctions restrictions.

Keywords: platform business model, digital platform, digital transformation, business processes, digital technologies

For citation: Koznov A. B. “Application of Platform Business Models in the Economic Activities of Companies”. *Economic and Social Research* 3 (39) (2023): 81–92. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2023-3-81-92> EDN: GBNVKC.

Введение

Ключевым трендом изменений, происходящих в условиях четвертой промышленной революции, можно назвать усилившееся воздействие цифровой трансформации на экономические процессы. В Указе Президента РФ «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года»¹ цифровая трансформация определена как национальная цель развития. На современную экономику всё больше влияют технологии, вследствие чего формируется экономика принципиально нового типа: ее фундаментальный элемент — цифровые платформы и экосистемы. Использование цифровых платформ — один из важных факторов, обеспечивающих успешное функционирование многих компаний. Их применение позволяет повысить конкурентоспособность, эффективность бизнес-процессов, ускорить передачу информации и улучшить качество обслуживания клиентов. Благодаря цифровым платформам компании могут быстрее адаптироваться к изменениям на рынке, а также

расширить свой бизнес за счет новых рынков и клиентов.

Внедрение и использование цифровых платформ вызывает большой интерес у научного сообщества, что подтверждается трудами отечественных и зарубежных исследователей. Необходимо обозначить основные направления данных исследований.

Сущность цифровых платформ, разработку критериев классификации, выявление способов их формирования, организацию их деятельности рассматривает А. В. Бабкин [1]. Автор отмечает, что внедрение цифровых платформ на предприятиях служит одним из главных драйверов цифровой трансформации. Особое внимание в работе акцентируется на том, что категория «цифровая платформа» относительно нова и что в настоящее время не существует какого-либо единого четкого определения, которое однозначно описывало бы данную категорию.

Управление конкурентоспособностью в системе цифровых платформ изучали В. В. Еремин, В. П. Бауэр, А. Н. Райков [3].

¹ О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года [Электронный ресурс]: Указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007210012?index=4> (дата обращения: 01.08.2023).

По мнению авторов, управление конкурентоспособностью цифровых платформ заключается в разработке и внедрении конкурентных механизмов различного уровня эффективности. К таким основным механизмам относятся сетевые эффекты, перекрестное субсидирование и минимизация предельных издержек. Авторы предложили *моделировать* процессы управления конкурентоспособностью, что на практике позволяет избежать значительной части управленческих ошибок и связанных с ними затрат.

При исследовании *классификации цифровых платформ* интерес представляет работа Т. С. Наролиной, Т. И. Смотровой, Т. А. Некрасовой [5], где структурирована и систематизирована информация о разнообразии существующих цифровых платформ и изучены существующие подходы к их классификации; также авторы рассмотрели множество трактовок термина «цифровая платформа».

В работе Ю. М. Ниязовой, А. В. Гарина, М. И. Злыднева проанализированы *основные определения цифровой платформы* и выделен ряд компонент, характеризующих ее. Авторы предлагают рассматривать цифровую платформу как информационно-экономическую структуру, которая обеспечивает эффективное взаимодействие участников через предоставление своей информационной инфраструктуры [6].

В исследовании Р. Г. Пожидаева [7] подробно анализируются *особенности бизнес-*

моделей цифровых платформ; акцент сделан на отраслевом уровне. Автор отмечает, что бизнес-модели цифровых платформ отличаются от традиционных моделей экономики по масштабу прямого взаимодействия участников, по разнообразию и объему транзакций (сравнивать то и другое для данных моделей невозможно), по наличию сетевых эффектов, по балансу спроса и предложения, а также по созданию и обмену ценностей.

Заслуживает внимание работа М. В. Рыжковой [8], в которой цифровые платформы рассматриваются в качестве *нового рыночного механизма* (на многосторонних рынках). Цифровая платформа описана как организационный механизм, который включает в себя ряд компонентов: прямое взаимодействие между сторонами, сетевые эффекты, наличие медиатора, специфические инвестиции сторон на платформе. Интерес также представляет обозначенная автором проблема вертикальных и горизонтальных границ цифровой платформы.

Исследователь М. А. Шаткин в своей статье теоретически анализирует ценностные основания платформенных экосистем. В работе отмечается, что продуктивность пользователей платформы — ее основная социальная ценность, в которой заинтересованы сами платформы и на реализацию которой не способны непосредственно повлиять [11].

Материалы и методы

Цель данной статьи — расширить понимание того, каков механизм воздействия платформенных бизнес-моделей на экономическую деятельность компаний.

Методология проведенного исследования базируется на теоретических исследованиях в области цифровых платформ, на нормативно-правовых актах, на данных Федеральной службы государственной статистики, на докладе Института страте-

гических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ, на данных стратегического проекта ВШЭ «Цифровая трансформация: технологии, эффекты, эффективность».

В процессе исследования использованы методы научного анализа, системный подход, обеспечивающий комплексное изучение проблемы, структурный анализ и обобщение.

Результаты и обсуждение

Чтобы изучить влияние цифровых платформ на экономическую деятельность компаний, необходимо определить содержание понятия «цифровая платформа». **Цифровая платформа** — это информационная система, которая позволяет различным участникам рынка (например, компаниям, потребителям, разработчикам и т. д.) взаимодействовать друг с другом, обмениваться информацией и данными, а также использовать цифровые услуги и приложения.

Важно выделить признаки, по которым можно будет идентифицировать информационную систему именно как цифровую платформу:

1) наличие цифровых технологий и инфраструктуры, позволяющих обрабатывать, хранить и передавать данные в электронном виде;

2) множество участников, которые могут взаимодействовать между собой и с информационной системой, обмениваясь данными, услугами, товарами и т. д.;

3) способность системы интегрировать различные сервисы и приложения, которые могут быть доступны для использования через ее интерфейс;

4) механизмы, позволяющие управлять участниками системы, контролировать качество предоставляемых услуг и устанавливать правила взаимодействия между участниками;

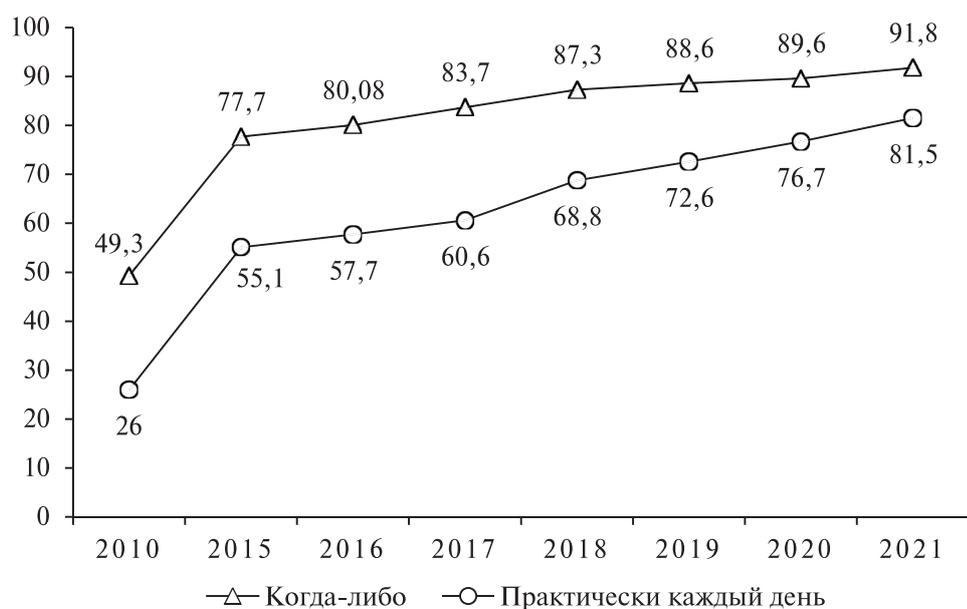
5) сетевой эффект, обеспеченный наличием большого числа пользователей;

6) эффект в виде снижения транзакционных издержек;

7) возможность масштабирования, т. е. способность системы расти и развиваться, привлекать всё большее количество участников и интегрировать всё большее количество сервисов и приложений;

8) способность платформы создавать ценность для всех участников, т. е. обеспечивать выгоды как для клиентов, так и для поставщиков услуг и разработчиков приложений.

Цифровые платформы играют всё более важную роль в экономике — это связано с тем, как Интернет постепенно охватывает всё больше потребителей товаров и услуг. Каждый день Интернетом пользуется более 80 % населения от 15 до 74 лет (см. рис.).

Использование Интернета населением (в процентах от общей численности населения в возрасте 15–74 лет) [10]

Компании, деятельность которых основана на платформенных бизнес-моделях, — крупнейшие в мире по уровню капитализации; они лидируют на мировом рынке. Деятельность платформенных компаний отличается от деятельности традиционных организаций. *Традиционные фирмы* закупают ресурсы и рабочую силу для производства продукции, которую они продают клиентам. *Платформенные компании* вместо того, чтобы производить продукт, который они продают покупателям, создают инфраструктуру, которая соединяет производителей и потребителей [2].

Среди крупнейших *российских* платформенных компаний можно выделить

такие, как «Яндекс», Mail.ru Group, OZON, «ВКонтакте», Wildberries, Avito. Крупнейшие *зарубежные* цифровые платформы представлены такими компаниями, как AliExpress, Google, Amazon, Uber, Airbnb, Alibaba.

Доля российских компаний, использующих цифровые платформы, достаточно низка: в 2021 г. она составляла всего 14,7 % (см. табл.). При этом данный показатель весьма неравномерен по видам экономической деятельности. Больше всего цифровыми платформами пользуются организации финансового сектора (33,2 %), высшего образования (31,9 %), оптовой и розничной торговли (24,6 %).

Использование цифровых платформ в организациях по видам экономической деятельности (в процентах от общего числа организаций) [4]

Виды экономической деятельности	2020	2021
Всего	17,2	14,7
<i>По отраслям</i>		
Сельское хозяйство	10,2	9,8
Добыча полезных ископаемых	13,2	10,8
Обрабатывающая промышленность	16,0	14,5
Обеспечение энергией	16,6	13,4
Водоснабжение, водоотведение, утилизация отходов	11,9	10,6
Строительство	8,9	8,5
Оптовая и розничная торговля	30,3	24,6
Транспортировка и хранение	14,8	12,7
Гостиницы и общественное питание	15,7	15,5
Информация и связь	22,6	21,3
Отрасль информационных технологий	24,2	23,2
Финансовый сектор	36,3	33,2
Операции с недвижимым имуществом	9,1	7,5
Профессиональная, научная и техническая деятельность	11,4	9,3
Высшее образование	35,6	31,9
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	18,3	16,5
Культура и спорт	9,7	7,6
Государственное управление, социальное обеспечение	11,8	9,1

Цифровая платформа выполняет (или может выполнять) различные функции, которые перечислены далее:

1. *Хранение данных и управление ими.*

Цифровая платформа может хранить большой объем данных (в том числе информацию о клиентах, продуктах и транзакциях) и управлять им.

2. *Анализ данных.* Цифровая платформа может использовать алгоритмы машинного обучения и другие технологии для анализа данных, выявления тенденций и важных взаимосвязей.

3. *Управление бизнес-процессами.* Цифровая платформа может автоматизировать многие бизнес-процессы, такие как обработка заказов, управление движением товаров и учет финансовых операций.

4. *Улучшение взаимодействия с клиентами.* Цифровая платформа может помочь компании улучшить взаимодействие с клиентами через различные каналы, такие как социальные сети, электронная почта, мессенджеры и т. д.

5. *Разработка и внедрение новых продуктов и услуг.* Цифровая платформа может помочь компании быстрее и эффективнее разрабатывать новые продукты и услуги и внедрять их на рынок.

6. *Повышение производительности и эффективности.* Цифровая платформа способствует повышению производительности труда и эффективности бизнес-процессов, что позволяет компании экономить ресурсы.

7. *Улучшение управления проектами и командами.* Цифровая платформа может помочь компании улучшить управление проектами и командами благодаря возможности на ее основе планировать, отслеживать задачи и координировать работу.

Важно отметить, что в процессе функционирования цифровой платформы возникают так называемые *сетевые эффекты*, которые снижают издержки взаимодействия между участниками. Если дать более подробное определение, то сетевые эффекты циф-

ровых платформ — это эффекты, которые возникают в процессе взаимодействия участников платформы и обеспечивают рост ее ценности с увеличением числа пользователей. Они могут быть прямыми и косвенными.

Прямые сетевые эффекты связаны с возрастанием полезности продукта при увеличении числа пользователей. Например, социальная сеть становится более привлекательной для пользователей, если там много их друзей, а платежная система — если к ней подключены множество магазинов.

Косвенные сетевые эффекты связаны с ростом цифровой платформы и увеличением ее ценности для пользователей. Например, с ростом числа разработчиков приложений для операционной системы Android увеличивается количество приложений и общая ценность для пользователей, что в свою очередь привлекает еще больше разработчиков.

В настоящее время в отечественной и зарубежной литературе не сложилось единой классификации цифровых платформ. Согласно одному из подходов, выделяют: инструментальные, инфраструктурные и прикладные цифровые платформы.

Инструментальная цифровая платформа — это технологическая основа, предоставляющая различные инструменты, ресурсы и сервисы для разработки и внедрения цифровых приложений и решений и управления ими. Она обеспечивает набор функциональных возможностей, которые позволяют разработчикам создавать и интегрировать новые приложения, сервисы и компоненты на основе цифровых технологий, таких как облачные вычисления, искусственный интеллект, интернет вещей и другие. Примерами данных платформ могут служить AWS (Amazon Web Services), Microsoft Azure, Google Cloud Platform, Salesforce Platform, SAP HANA Cloud Platform и многие другие.

Инфраструктурная цифровая платформа — это совокупность программно-технических средств, информационных и телекоммуни-

кационных систем, обеспечивающих функционирование объектов информационной инфраструктуры. К данному виду платформ можно отнести: ЕСИА, CoBrain-Аналитика, ESRI ArcGIS, ЭРА-ГЛОНАСС (партнерскую программу), General Electric Predix.

Прикладная цифровая платформа служит бизнес-моделью, создающей условия для алгоритмизированного обмена ценностями между множеством независимых участников рынка. Они обеспечивают единую информационную среду, где участники проводят транзакции и взаимодействуют между собой. К данному виду платформ можно отнести: Yandex Search, Predix, Airbnb, Alibaba, Booking.com, Developer Network Appstore, Avito, Boeing Supplier Portal, Apple AppStore, AviaSales, Aliexpress, Yandex Taxi, Uber².

Цифровые платформы составляют основу *платформенной бизнес-модели*, которая объединяет производителей, поставщиков и потребителей товаров и услуг. Эта модель позволяет создавать экосистему, где каждый участник получает выгоду от совместного взаимодействия. Платформенная бизнес-модель применяется в различных отраслях, таких как электронная коммерция, транспорт, развлечения, образование, финансы и другие. Например, *Airbnb* использует платформенную бизнес-модель для организации аренды жилья, где владельцы могут разместить свое жилье на платформе, а потенциальные арендаторы — выбрать подходящий вариант; *Uber* — для организации пассажирских перевозок, где водители и пассажиры могут взаимодействовать на платформе; *Amazon* — для организации онлайн-торговли, где продавцы могут продавать свои товары на платформе, а покупатели — выбирать и приобретать то, что им нужно.

Встраивание цифровых платформ в рыночные отношения происходит поэтапно и включает в себя несколько ключевых шагов.

Первый шаг — создание платформы, которая предлагает уникальное решение и может стать центральным местом для объединения различных участников рынка.

Второй шаг — привлечение к платформе пользователей (как поставщиков, так и потребителей). Для этого часто используют маркетинговые кампании, рекламу, а также социальные сети и площадки для общения пользователей.

Третий шаг — создание вокруг платформы экосистемы, которая позволяет участникам взаимодействовать друг с другом и получать выгоду от своего присутствия в системе. Экосистема может включать в себя такие элементы, как программное обеспечение, API, базы данных, интеграционные решения и другие инструменты.

Четвертый шаг — установление правил и процедур для работы на платформе, что включает в себя механизмы управления качеством, процедуры безопасности и конфиденциальности, а также соглашения о распределении выручки между участниками.

Пятый шаг — монетизация платформы, что включает в себя выбор оптимальных моделей бизнеса.

Шестой шаг — развитие платформы, которое обеспечивают, постоянно улучшая функциональность, расширяя экосистему и интегрируя данную платформу с другими платформами и сервисами. Также необходимо учитывать, как меняются рынок и потребности пользователей, и адаптироваться к ним.

Встраивание цифровых платформ в рыночные отношения существенно влияет на бизнес-процессы компании, так как дает возможность пользоваться различными инструментами и технологиями, что позволяет улучшить взаимодействие между сотрудниками, благотворно воздействует на рост эффективности и конкурентоспособности

² Цифровые платформы [Электронный ресурс] // Центр развития компетенций в бизнес-информатике, логистике и управлении проектами: [сайт] / Высшая школа бизнеса НИУ ВШЭ. URL: <https://hsbi.hse.ru/articles/tsifrovye-platformy/?ysclid=lh4xcq94vh312277051> (дата обращения: 31.07.2023).

организации. Это воздействие может проходить по следующим направлениям:

1. *Автоматизация процессов.* Цифровые платформы могут помочь автоматизировать многие бизнес-процессы, что позволит компании сократить время и затраты на выполнение этих процессов. Например, автоматизация процесса закупки материалов может ускорить заказ и доставку, а также снизить риски ошибок в процессе заказа.

2. *Интеграция различных систем и приложений.* Цифровые платформы могут помочь интегрировать различные системы и приложения, используемые в компании, что упростит работу и повысит эффективность той или иной ее деятельности. Например, интеграция CRM-системы с системой управления заказами поможет сократить время на обработку заказов и упростит работу с клиентами.

3. *Создание новых возможностей для бизнеса.* Благодаря цифровым платформам у компаний (в результате создания новых сервисов и продуктов) появляются новые возможности. Цифровые платформы позволяют компаниям расширить свой бизнес и привлечь новых клиентов.

4. *Оптимизация процессов.* Цифровые платформы могут помочь компании оптимизировать бизнес-процессы, что, опять-таки, даст ей возможность повысить эффективность и снизить затраты. Например, оптимизация процесса производства может помочь компании снизить затраты на производство, ускорить процесс производства и повысить качество продукции.

Перед внедрением платформенных решений в свою деятельность компания должна понимать, насколько эффективным станет такое внедрение цифровой платформы. Оценить эффективность использования цифровых платформ можно с помощью различных показателей:

1) *ROI (Return on Investment)* — показатель, который отражает соотношение между прибылью и затратами на внедрение цифровой платформы. Высокий *ROI* указывает на

то, что внедрение платформы было успешным и эффективным.

2) *KPI (Key Performance Indicators)* — ключевые показатели эффективности, которые связаны с целями и стратегией компании. Например, это могут быть показатели, связанные с ростом продаж, с сокращением времени на выполнение задач или с увеличением удовлетворенности клиентов.

3) *CSAT (Customer Satisfaction Score)* — показатель удовлетворенности клиентов, который может быть использован, чтобы оценить, насколько эффективно цифровая платформа улучшает взаимодействие с клиентами и делает их опыт более положительным.

4) *MCE (Manufacturing Cycle Efficiency)*, т. е. производительность и эффективность бизнес-процессов, — это показатель того, насколько хорошо цифровая платформа помогает автоматизировать и оптимизировать бизнес-процессы в компании, что может привести к повышению производительности и к сокращению времени на выполнение задач.

Однако результаты проведенного исследования позволяют утверждать, что несмотря на множество преимуществ цифровых платформ для бизнеса есть и ряд проблем, с которыми могут столкнуться компании при их использовании.

1. *Безопасность данных.* Платформы, которые обрабатывают и хранят большое количество данных, могут стать мишенью для кибератак. Поэтому компании должны обеспечить высокий уровень безопасности своих данных, а для этого применять соответствующие меры — например, использовать шифрование, двухфакторную аутентификацию и другие методы защиты.

2. *Проблемы совместимости.* Цифровые платформы могут иметь проблемы совместимости с другими системами и приложениями, которые уже используются в компании. Некоторые платформы могут требовать особых настроек или интеграций, что может затруднить их использование.

3. *Высокая стоимость внедрения и поддержки.* Некоторые цифровые платформы могут иметь высокую стоимость внедрения и поддержки, особенно для малых и средних предприятий. Это может быть вызвано высокой стоимостью лицензий, оборудования и услуги поддержки.

4. *Проблемы с использованием.* Цифровые платформы могут быть сложными в эксплуатации, особенно для тех, кто не имеет опыта работы с ними. Это может создать трудности в процессе внедрения и использования, а также привести к ошибкам и простоям в работе.

5. *Зависимость от поставщиков.* Есть риск стать зависимыми от поставщиков цифровых платформ, которые могут изменять свои условия или прекращать поддержку платформы, что может повлиять на работу компании.

Однако все эти проблемы можно успешно преодолеть, если правильно выбрать цифровую платформу, а также внедрить и использовать с учетом особенностей компании и ее бизнес-процессов.

Развитие цифровых платформ в России с 2022 г. проходит в новых экономических условиях, обусловленных санкциями, которые ограничивают ввоз товаров и технологий на территорию России и их продажу отдельным российским компаниям. По данным доклада ВШЭ, существует сильная зависимость от иностранного программного обеспечения, а также от электронной компонентной базы и телекоммуникационного оборудования [9]. В докладе отмечается, что компьютерные услуги и программное обеспечение Россия импортирует в основном из западных стран. Зависимость России от иностранного программного обеспечения составляет 68 %. В структуре импорта ИКТ-товаров 85 %

приходится на страны Азии, в том числе 65 % — на Китай.

Так как для создания и использования цифровых платформ требуется специализированное оборудование и программное обеспечение, то возникает потребность найти решение данной проблемы. Государство уже сделало ряд шагов, повлиявших на цифровую трансформацию и деятельность цифровых платформ. Так, были реализованы меры по изменению порядка госзакупок, по поддержке IT-сферы и компаний, разрабатывающих программное обеспечение.

Санкции не предусматривают специальных мер воздействия на российские информационные системы или технологические проекты, однако косвенно вызывают общесистемные и, как следствие, правовые риски в деятельности, проводимой операторами цифровых платформ³. В рамках стратегического проекта ВШЭ «Цифровая трансформация: технологии, эффекты, эффективность» состоялся объединенный научный семинар «Развитие правового регулирования цифровой трансформации в новых условиях в части функционирования цифровых платформ, социальных сетей, оборота данных», где эксперты предложили новые подходы к регулированию цифровых платформ и цифровой экономики.

Чтобы уменьшить вероятность того, что иностранные компании откажутся от партнерства с российскими структурами, памятуя о риске подвергнуться вторичным санкциям, а также чтобы дать отечественным компаниям доступ к зарубежным программным и финансовым ресурсам, авторы предлагают переносить работу российских IT-фирм в другие юрисдикции⁴. Таким образом можно обеспечить более безопасное и надежное

³ *Ибрагимов Р. С.* Развитие правового регулирования цифровой трансформации в новых условиях в части функционирования цифровых платформ, социальных сетей, оборота данных [Электронный ресурс]: доклад // Стратегические проекты: [сайт] / НИУ ВШЭ. URL: <https://stratpro.hse.ru/mirror/pubs/share/777758155> (дата обращения: 01.08.2023).

⁴ *Аптекарь П. А.* Цифровая независимость [Электронный ресурс]: как развивать платформы и IT-индустрию в период санкций // Стратегический проект «Цифровая трансформация: технологии, эффекты, эффективность»: [сайт] / НИУ ВШЭ. URL: <https://daily.hse.ru/post/613> (дата обращения 31.07.2023).

взаимодействие на международном уровне, сохраняя доступ к необходимым ресурсам [1].

В условиях оттока IT-специалистов из России авторы доклада предлагают рассмотреть возможное привлечение «цифровых кочевников» — специалистов, находящихся за пределами нашей страны, которые будут работать на российские компании. Для этого предлагается изменить трудовое законодательство, в том числе упростить процедуру заключения контрактов на удаленной основе, снизить налог на заработную плату и адаптировать валютный контроль.

На основе проведенного исследования автор данной статьи предлагает следующие рекомендации по развитию компаний, использующих цифровые платформы в условиях санкционных ограничений:

Выводы

Результаты представленного исследования позволяют заключить:

Во-первых, цифровые технологии привели к возникновению нового типа экономики, где ключевую роль играют цифровые платформы, что обусловлено тем, насколько и в каких направлениях интернет расширяет охват потребителей товаров и услуг. Компании, деятельность которых основана на платформенных бизнес-моделях, — крупнейшие в мире по уровню капитализации. Они лидируют на мировом рынке. Поэтому использование цифровых платформ — один из важных факторов, который позволит многим компаниям успешно функционировать.

Во-вторых, несмотря на активную цифровую трансформацию экономики, доля российских компаний, использующих цифровые платформы, достаточно низка: она составляла всего 14,7 %, при этом значения данного показателя распределяются по видам экономической деятельности весьма неравномерно. Больше всего цифровыми платформами пользуются организации финансового сектора (33,2 %).

1. Следует инвестировать в создание собственных IT-решений и технологий, в том числе в разработку собственного программного обеспечения, облачных сервисов и платформ для обработки данных, которые будут созданы с учетом национальных интересов и принципов безопасности.

2. Требуется наладить партнерские отношения между компаниями, а также между ними и государством, участвовать в научно-технических проектах и обмениваться опытом.

3. Со стороны государства для поддержки разработчиков программного обеспечения и технологий необходимо задействовать такие инструменты, как налоговые льготы, инвестиционные программы, программы государственных закупок, выделение финансовых средств на исследования и разработки.

В-третьих, встраивание цифровых платформ в рыночные отношения способствует росту эффективности и конкурентоспособности компаний, но одновременно эти процессы порождают проблемы, с которыми могут столкнуться компании, использующие цифровые платформы. Особенно актуальной становится проблема безопасности данных и предотвращения утечек информации.

Наконец, в условиях санкционного давления появилась острая потребность в том, чтобы решить следующую проблему: для многих компаний оказалась ограничена возможность использовать цифровые платформы, так как они сильно зависят от иностранного программного обеспечения и технологий.

Список литературы и источников

1. *Бабкин А. В., Михайлов П. А.* Цифровые платформы в экономике: понятие, сущность, классификация // Вестник Академии знаний. 2023. № 1 (54). С. 25—36. EDN: SLMSNI.

2. **Брада Дж.** Платформенные компании и глобальная экономика [Электронный ресурс] // Эксперт: ежемесячный деловой журнал в электронном виде. 2021. № 46 (1229). 08—14 нояб. Режим доступа: подписка. URL: <https://expert.ru/expert/2021/46/platformennyye-kompanii-i-globalnaya-ekonomika/> (дата обращения: 31.07.2023).
3. **Еремин В. В., Бауэр В. П., Райков А. Н.** Управление конкурентоспособностью в системе цифровых платформ // Проблемы управления. 2020. № 4. С. 27—40. <http://doi.org/10.25728/ru.2020.4.3> EDN: GDJPGX.
4. Индикаторы цифровой экономики: 2022: статистический сборник / Г. И. Абдрахманова, С. А. Васильковский, К. О. Вишнеvский, Л. М. Гохберг и др. М.: НИУ ВШЭ, 2023. 332 с. <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2697-2> EDN: PLBXAQ.
5. **Наролина Т. С., Смотровая Т. И., Некрасова Т. А.** Анализ современного состояния цифровых платформ // Наука Красноярья. 2020. Т. 9. № 2. С. 184—205. <http://doi.org/10.12731/2070-7568-2020-2-184-205> EDN: OTJMMMA.
6. **Ниязова Ю. М., Гарин А. В., Злыднев М. И.** Цифровая платформа как информационно-экономическая структура // Компетентность. 2021. № 1. С. 31—36. <http://doi.org/10.24411/1993-8780-2021-10105> EDN: TCYFDL.
7. **Пожидаев Р. Г.** Особенности бизнес-моделей цифровых платформ // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2022. № 3. С. 144—158. <http://doi.org/10.17308/econ.2022.3/9988> EDN: BRWXBE.
8. **Рыжкова М. В.** Концептуализация феномена «цифровая платформа»: рынок или бизнес? // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2019. № 47. С. 48—66. <http://doi.org/10.17223/19988648/47/4> EDN: FVFZQO.
9. Цифровая трансформация: ожидания и реальность: доклад: к XXIII Ясинской (Апрельской) междунар. научн. конф. по проблемам развития экономики и общества (Москва, 2022 г.) / Г. И. Абдрахманова, С. А. Васильковский, К. О. Вишнеvский, М. А. Гершман, Л. М. Гохберг и др.; рук. авт. кол. П. Б. Рудник; НИУ ВШЭ. М.: Изд. дом ВШЭ, 2022. 221 с. Доступно: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/603838492.pdf> (дата обращения: 31.07.2023).
10. Цифровая экономика: 2023: краткий статистический сборник / Г. И. Абдрахманова, С. А. Васильковский, К. О. Вишнеvский и др. М.: НИУ ВШЭ, 2023. 120 с. <http://doi.org/10.17323/978-5-7598-2744-3> EDN: WTVQTG.
11. **Шаткин М. А.** Агентность цифровых платформ: ценностный подход // Известия Саратовского университета: новая серия. Сер.: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22. № 3. С. 293—297. <http://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-3-293-297> EDN: HKZKTO.

References

1. Babkin A. V., Mikhailov P. A. “Digital Platforms in Economy: Concept, Essence, Classification”. *Vestnik Akademii Znaniy* 1 (54) (2023): 25—36. (In Russian). EDN: SLMSNI.
2. Brada J. C. “Digital Platform Companies and the Global Economy”. *Ekspert = Expert* 46 (2021): n. pag. 08—14 Nov. 2021. (In Russian). Web. 31 July 2023. <<https://expert.ru/expert/2021/46/platformennyye-kompanii-i-globalnaya-ekonomika/>>.
3. Eremin V. V., Bauer V. P., Raikov A. N. “Competitiveness Management in the Digital Platform System”. *Problemy upravleniya = Control Sciences* 4 (2020): 27—40. (In Russian). <http://doi.org/10.25728/ru.2020.4.3> EDN: GDJPGX.
4. Abdrakhmanova G. I., Vasilkovsky S. A., Vishnevsky K. O., Gokhberg L. M. et al.; HSE University. *Indicators of the Digital Economy: 2022: Statistical Compendium*. Moscow: HSE University Publ., 2023. 332 p. (In Russian). <http://doi.org/10.17323/978-5-7598-2697-2> EDN: PLBXAQ.

5. Narolina T. S., Smotrova T. I., Nekrasova T. A. "Analysis of the Modern State of Digital Platforms". *Nauka Krasnoyar'ya = Krasnoyarsk Science* 9.2 (2020): 184–205. (In Russian). <http://doi.org/10.12731/2070-7568-2020-2-184-205> EDN: OTJMMA.
6. Niyazova Yu. M., Garin A. V., Zlydnev M. I. "Digital Platform as an Information and Economic Structure". *Kompetentnost' = Competency (Russia)* 1 (2021): 31–36. (In Russian). <http://doi.org/10.24411/1993-8780-2021-10105> EDN: TCYFDL.
7. Pozhidaev R. G. "Peculiarities of Business Models of Digital Platforms". *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika i upravleniye = Proceedings of Voronezh State University ser Economics and Management* 3 (2022): 144–158. (In Russian). <http://doi.org/10.17308/econ.2022.3/9988> EDN: BRWXBE.
8. Ryzhkova M. V. "Conceptualization of a Digital Platform: Market or Business?". *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika = Tomsk State University Journal of Economics* 47 (2019): 48–66. (In Russian). <http://doi.org/10.17223/19988648/47/4> EDN: FVFZQO.
9. Abdrakhmanova G. I., Vasil'kovskiy S. A., Vishnevskiy K. O., Gershman M. A., Gokhberg L. M. et al.; Rudnik P. B., head of authoring team; HSE University. *Tsifrovaya transformatsiya: ozhidaniya i real'nost': doklad k XXIII Yasinskoy (Aprel'skoy) mezhdunarodnoy nauchnoy konf. po problemam razvitiya ekonomiki i obshchestva* (Moskva, 2022 g.). Moscow: HSE Publ., 2022. 221 p. (In Russian). Available at: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/603838492.pdf> (accessed: 01 Aug. 2023).
10. Abdrakhmanova G. I., Vasil'kovskiy S. A., Vishnevskiy K. O. et al.; HSE University. *Digital Economy: 2023: a Brief Statistical Compendium*. Moscow: HSE University Publ., 2023. 120 p. (In Russian). <http://doi.org/10.17323/978-5-7598-2744-3> EDN: WTVQTG.
11. Shatkin M. A. "The Agency of Digital Platforms: a Value-Based Approach". *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Filozofiya. Psikhologiya. Pedagogika = Izvestiya of Saratov University ns ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy* 22.3 (2022): 293–297. (In Russian). <http://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-3-293-297> EDN: HKZKTO.

Информация об авторе

Кознов Алексей Борисович — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики, менеджмента и финансов, Национальный исследовательский университет «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, пл. Шокина, 1); доцент кафедры экономики в энергетике и промышленности, Национальный исследовательский университет «МЭИ» (Россия, 11250, г. Москва, Красноказарменная ул., д. 14, стр. 1).

Information about the author

Alexey B. Koznov — Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. at the Department of Economics, Management and Finance, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Shokin sq., 1), Assoc. Prof. at the Department of Economics in Power Engineering and Industry, National Research University "Moscow Power Engineering Institute" (Russia, 11250, Moscow, Krasnokazarmennaya str., 14, bld. 1).

Статья поступила в редакцию 30.05.2023.

The article was submitted 30.05.2023.

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2023. № 3 (39). С. 93–101.
Economic and Social Research. 2023. No. 3 (39). P. 93–101.
Научная статья

УДК 332.1
doi: 10.24151/2409-1073-2023-3-93-101
<https://elibrary.ru/ieaskx>

Возможность создания единого методологического подхода к оценке уровня социального развития российских регионов

Е. В. Лисова

Институт деловой карьеры, Москва, Россия

dmlvbo@mail.ru

Аннотация. Взвешена возможность разработать единый методологический подход к оценке уровня социального развития российских регионов. Предложен алгоритм его реализации. Подробно проанализированы все этапы описываемой последовательности действий. Отмечены недостатки алгоритма, вызванные использованием экспертных мнений. Приведен пример реализации единого методологического подхода применительно к регионам ЦФО. Получены интегральные промежуточные показатели для выделенных составляющих социальной сферы регионов. Проведена числовая оценка уровня регионального социального развития. Делаются выводы относительно применения полученных результатов исследования.

Ключевые слова: единый методологический подход, социальное региональное развитие, социальная сфера, компоненты социальной сферы, интегральный показатель социального развития региона, алгоритм подсчета интегрального показателя

Для цитирования: Лисова Е. В. Возможность создания единого методологического подхода к оценке уровня социального развития российских регионов // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2023. № 3 (39). С. 93–101. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2023-3-93-101> EDN: IEASKX.

Original article

The possibility of creating a unified methodological approach to assessing the level of social development in Russian regions

E. V. Lisova

Institute of business career, Moscow, Russia

dmlvbo@mail.ru

© Лисова Е. В.

Abstract. The author considers the possibility of creating a unified methodological approach to assessing the level of social development of Russian regions. An algorithm for its implementation is proposed. All stages of the described sequence of actions are analyzed in detail. The disadvantages of the algorithm based on the use of expert opinions are noted. An example of the implementation of a unified methodological approach in relation to the regions of the Central Federal District is given. Integral intermediate indicators for the selected components of the social sphere of the regions are obtained. A numerical assessment of the level of regional social development has been carried out. Conclusions are drawn regarding the application of the obtained research results.

Keywords: unified methodological approach, social regional development, social sphere, components of the social sphere, integral indicator of social development of the region, algorithm for integral indicator calculation

For citation: Lisova E. V. “The Possibility of Creating a Unified Methodological Approach to Assessing the Level of Social Development in Russian Regions”. *Economic and Social Research* 3 (39) (2023): 93–101. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2023-3-93-101> EDN: IEASKX.

К последним тенденциям исследований в области региональной экономики можно отнести выделение социальной составляющей из традиционно сложившейся практики оценки уровня социально-экономического регионального развития [1; 5; 6; 11]. Такой подход, нашедший свое место сравнительно недавно, основывается на целом ряде положений.

Наиболее веским из них является признание Российской Федерации (РФ) социальным государством, что закреплено в Конституции России¹, в соответствии с которой политика РФ направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека.

Другим значащим фактором можно признать наличие в каждом из регионов РФ социальной сферы, исследование и анализ которой (качественный и количественный) позволяет говорить о региональном уровне развития в социальном аспекте.

К тому же некоторые характеристики социальной сферы, такие как уровень безрабо-

тицы, обеспечение жильем, показатели медицинского обслуживания и предоставления образовательных услуг, считаются доминантными при анализе качества жизни населения регионов [4; 7].

Вполне уместным видится вопрос об определении уровня регионального социального развития, качественных и количественных показателей его методологического определения в едином формате.

Анализируя исследования авторов, затрагивающих данную область, можно сделать вывод: к этому направлению относится небольшое количество публикаций. Однако вести речь о едином универсальном подходе к оценке уровня социального развития регионов РФ не представляется возможным. Количество используемых индикаторов в различных методиках, как правило, невелико, а их наборы достаточно разнообразны [2; 3].

В некоторых случаях исследователи не прибегают к вычислениям и описывают

¹ Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс]: принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 05 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 01 июля 2020 г. № 11-ФКЗ) // Консультант-Плюс: справочная правовая система: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 21.08.2023).

Рис. 1. Алгоритм единого методологического подхода к оценке уровня социального развития российских регионов

региональное социальное развитие набором качественных характеристик [10].

Основой предлагаемых исследований служат данные, характеризующие небольшую группу регионов РФ, что не способствует масштабности этих исследований, а единый универсальный подход к оценке регионального социального развития отсутствует.

В сложившихся условиях вполне уместной видится попытка разработать единый методологический подход к оценке уровня социального развития российских регионов. На наш взгляд, его алгоритм может выглядеть так, как представлено на рис. 1.

Заметим также, что пункты алгоритма при необходимости могут быть разделены на подпункты — чтобы детализировать исследования.

Рассмотрим более подробно все пункты алгоритма, оценив наиболее существенные трудности, которые могут возникнуть при попытке реализации указанной последовательности действий.

1. Выбор объекта исследования.

На данном этапе, как правило, объектом выбора становится группа регионов, связан-

ная похожим геополитическим положением, а именно территориальной близостью друг к другу. Большинство авторов исследуют все регионы какого-либо федерального округа или часть из них.

Недостаток данного этапа — ограниченность в масштабности исследований. Единый методологический подход должен обеспечивать возможность оценить уровень социального регионального развития для *всех* регионов РФ.

2. Выделение составляющих социального развития.

В качестве составляющих регионального социального развития на данном этапе фактически выступают составляющие социальной сферы того или иного региона. На основании экспертного выбора выделяют ее наиболее значимые компоненты (жилищные условия, медицину, образование и т. д.), которые, по мнению авторов, определяют уровень социального развития региона.

Если же в основе описанной процедуры лежит ориентация на мнение экспертов, это не позволяет, на наш взгляд, говорить о том,

что на данном этапе применения алгоритма выбор был сделан объективно.

3. Выбор ключевых показателей по каждой из составляющих.

Поскольку цель применения описываемого алгоритма — получить количественную характеристику уровня регионального социального развития, на данном этапе эксперты выделяют наиболее значимые *числовые показатели* по каждой из отобранных ранее компонент социальной сферы.

В этом случае выбор также основан на экспертном мнении, которое несет (или может нести) в себе субъективные предпочтения, что можно считать недостатками данного этапа.

4. Подсчет промежуточных индикаторов социального развития.

Данный этап включает в себя, как правило, подсчет показателей по каждой из выбранных составляющих социальной сферы.

Интегральный промежуточный показатель для каждой из выбранных составляющих можно подсчитать по следующей формуле [8]:

$$I = \sum_{i=1}^n q_i L_i, \quad (1)$$

где q_i — определяемый экспертами весовой коэффициент («вес») для каждого из показателей составляющих социальной сферы ($\sum_i q_i = 1$); L_i — количественные значения данных показателей; n — число используемых показателей; I — количественное значение интегрального промежуточного показателя.

Заметим, что и на данном этапе экспертное мнение служит основой для определения весовых коэффициентов ранее отобранных показателей.

5. Подсчет интегрального показателя социального развития.

Данный этап можно квалифицировать как главную задачу алгоритма. Интегральный показатель регионального социального развития также вычисляют по формуле (1),

однако вместо числовых значений отобранных показателей в нее подставляют значения интегральных промежуточных показателей.

В результате уровень социального развития каждого из исследуемых регионов оценивают в виде числовой характеристики. При правильной постановке и решении задач в области вычислений данное число может иметь реальный наглядный смысл (например, его можно сопоставить со среднероссийским уровнем социального развития).

6. Анализ и использование полученных показателей.

Поскольку уровень регионального социального развития оценивают по числовым характеристикам, они могут служить основой для компаративного анализа в географическом и временном аспектах.

Полученные данные позволяют сравнивать показатели по различным регионам в одном временном интервале, а также, для одного региона, — в некотором временном горизонте.

Представляется возможным и анализ интегральных промежуточных показателей по каждой из составляющих социальной сферы.

Рассмотрим пример того, как был реализован алгоритм единого методологического подхода к оценке уровня социального развития российских регионов.

1. Выбор объекта исследования. Объектом исследования стали регионы Центрального Федерального округа (ЦФО). В него входят восемнадцать территорий.

2. Выделение составляющих социального развития. Выбор компонент социальной сферы показан на рис. 2 [9].

3. Выбор ключевых показателей по каждой из составляющих. На данном этапе были отобраны ключевые показатели для каждой из компонент социальной сферы в следующем количестве:

- для компоненты «Социальная среда» — 10 индикаторов;

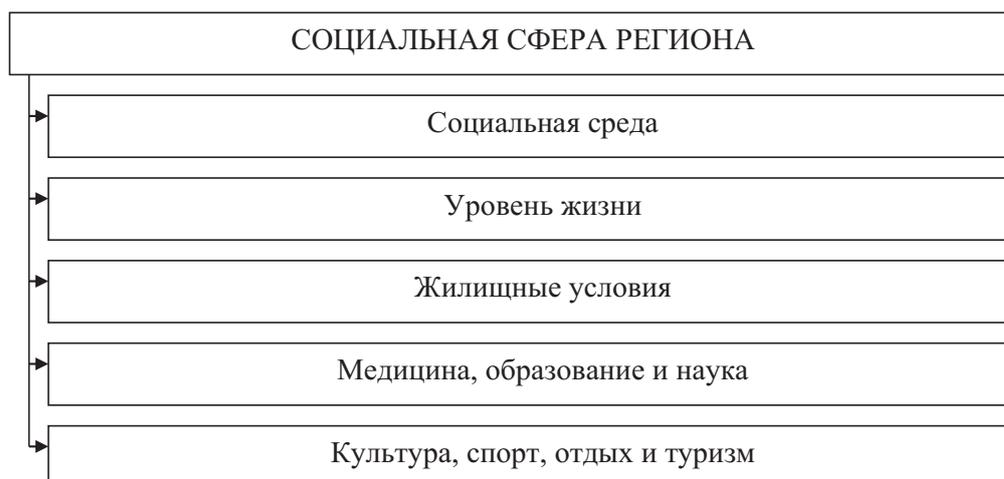

Рис. 2. Компоненты социальной сферы региона

- для компоненты «Медицина, образование и наука» — 8 индикаторов;
- для компоненты «Уровень жизни» — 6 индикаторов;
- для компоненты «Жилищные условия» — 6 индикаторов;
- для компоненты «Культура, спорт, отдых и туризм» — 6 индикаторов.

Необходимо заметить, что количество компонент для каждой из составляющих

было выбрано на основе приказа Минэкономразвития РФ, касающегося стратегии социально-экономического развития субъекта РФ². Данный документ фактически определяет универсальные индикаторы для оценки уровня регионального социального развития.

4. Подсчет промежуточных индикаторов социального развития. В табл. 1—5 представлены числовые значения промежуточных

Таблица 1

**Значения показателя «Социальная среда» для регионов ЦФО
(по данным на 31.12.2022 г.)**

Регион ЦФО (город, область)	Числовое значение	Место в ЦФО
г. Москва	2,9396	1
Московская обл.	1,4739	2
Воронежская обл.	1,1638	3
...
Орловская обл.	0,9455	16
Смоленская обл.	0,9357	17
Ярославская обл.	0,9315	18

² Об утверждении Методических рекомендаций по разработке и корректировке стратегии социально-экономического развития субъекта Российской Федерации и плана мероприятий по ее реализации [Электронный ресурс]: Приказ Министерства экономического развития РФ от 23 марта 2017 г. № 132: // КонсультантПлюс: справочная правовая система: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_214725/e2a7dc65b5742f224b8aa5ca26a813ee33bd1b5b/ (дата обращения: 21.08.2023).

Таблица 2

**Значения показателя «Уровень жизни» для регионов ЦФО
(по данным на 31.12.2022 г.)**

Регион ЦФО (город, область)	Числовое значение	Место в ЦФО
г. Москва	1,9717	1
Московская обл.	1,2861	2
Калужская обл.	0,9405	3
...
Костромская обл.	0,7394	16
Орловская обл.	0,7384	17
Ивановская обл.	0,7038	18

Таблица 3

**Значения показателя «Жилищные условия» для регионов ЦФО
(по данным на 31.12.2022 г.)**

Регион ЦФО (город, область)	Числовое значение	Место в ЦФО
Белгородская обл.	1,4465	1
Московская обл.	1,4073	2
Курская обл.	1,3214	3
...
Костромская обл.	0,7803	16
г. Москва	0,7727	17
Ивановская обл.	0,7616	18

индикаторов социального развития для регионов ЦФО (там же отмечены регионы-лидеры и регионы-аутсайдеры).

При этом значение, равное единице, соответствует среднероссийскому показателю.

По данному показателю безусловно лидирует столица РФ; Московская и Воронежская области следуют за ней, превышая средний уровень по России. В аутсайдерах рейтинга — Орловская, Смоленская и Ярославская области.

Город Москва существенно опережает все регионы ЦФО по показателю «Уровень жизни», за ним расположились Московская и Калужская области. Костромская, Орловская и Ивановская области замыкают рей-

тинг, значительно отставая от среднероссийского уровня.

По показателю «Жилищные условия» в первую тройку вошли Белгородская, Московская и Курская области: значения показателя здесь заметно превышают среднероссийский уровень. В аутсайдерах — Костромская и Ивановская области, а также город Москва.

Количественные значения данного показателя демонстрируют наименьший разброс, что свидетельствует о минимальной разнице по данному показателю (для регионов ЦФО). Тем не менее в первую тройку вошли Белгородская, Владимирская и Липецкая области, где уровень превышает средний по России. Тверская, Смоленская

Таблица 4

**Значения показателя «Медицина, образование и наука» для регионов ЦФО
(по данным на 31.12.2022 г.)**

Регион ЦФО (город, область)	Числовое значение	Место в ЦФО
Белгородская обл.	1,0735	1
Владимирская обл.	1,0402	2
Липецкая обл.	1,0367	3
...
Тверская обл.	0,9162	16
Смоленская обл.	0,9017	17
Костромская обл.	0,8999	18

Таблица 5

**Значения показателя «Культура, спорт, отдых и туризм» для регионов ЦФО
(по данным на 31.12.2022 г.)**

Регион ЦФО (город, область)	Числовое значение	Место в ЦФО
Тамбовская обл.	1,5205	1
Белгородская обл.	1,2988	2
Воронежская обл.	1,2039	3
...
Ивановская обл.	0,9597	16
Орловская обл.	0,9328	17
Московская обл.	0,7178	18

и Костромская области замыкают рейтинг, уступая данному уровню.

В лидерах данного рейтинга находятся Тамбовская, Белгородская и Воронежская области, которые превысили среднероссийский уровень. В то же время Ивановская, Орловская, Московская области оказались аутсайдерами и уступили среднероссийскому уровню.

5. Подсчет интегрального показателя социального развития. Полученные количественные данные по значению агрегированного показателя позволяют классифицировать регионы ЦФО по уровню их социального развития.

Ожидаемо безусловным лидером можно назвать город Москву (2,2092): ее показатель

более чем в два раза превышает среднероссийский уровень, что свидетельствует о *значительном обособлении социальной сферы в столице РФ*. Московская область (1,3150) превысила тот же показатель более чем на 30 %, что говорит об *успешной работе властей региона в сфере социальной направленности*.

Следующую группу составляют пять регионов (областей): Белгородская (1,0825), Липецкая (1,0604), Воронежская (1,0504), Калужская (1,0405) и Тульская (1,0117). Незначительное превышение среднего по России уровня свидетельствует о *позитивном уровне социального развития*.

Четыре региона ЦФО (области): Курская (0,9936), Тверская (0,9896), Тамбовская (0,9871),

Рязанская (0,9821) — уступают среднероссийскому показателю менее чем на 2 %. *Уровень социального развития* данных территорий можно признать удовлетворительным.

В то же время такие области, как Брянская (0,9567), Владимирская (0,9541), Ярославская (0,9349), Ивановская (0,9201) и Костромская (0,9201), отстают от среднероссийского уровня на 4—8 %. Можно предположить, что *процессы, происходящие в социальной сфере* каждого из этих регионов, *требуют оптимизации*.

Наихудшие показатели по уровню регионального социального развития у двух регионов (областей) ЦФО: Смоленской (0,8890) и Орловской (0,8750). Они уступают уровню, среднему по России, примерно на 11 и 12,5 % соответственно. Данные показатели свидетельствуют о *негативных характеристиках социальной сферы* и, возможно, требуют изменения сложившейся ситуации.

б. Анализ и использование полученных показателей. Регионы ЦФО характеризуются различным уровнем социального развития, в том числе выраженным количественно. Такие данные можно использовать для сравнительного анализа, при разработке мероприятий по повышению уровня социального развития, программ регионального развития и т. д.

Проведенные исследования позволили сделать следующие **выводы**: разработка единого методологического подхода к оценке уровня социального развития российских регионов принципиально возможна; основной трудностью, не позволяющей на сегодня создать такой подход, оказывается чрезмерная значимость экспертных мнений на трех этапах применения предложенного алгоритма.

Использование нормативных документов федерального уровня, рекомендующих процедуру и индикаторы регионального социального развития, способствует успешной разработке указанного выше единого методологического подхода.

Предложенный алгоритм пригоден для применения во всех регионах РФ.

Список литературы и источников

1. **Аношина Ю. Ф., Кулагина Н. А., Купоров Ю. Ю.** Социальное развитие территорий: тенденции, условия и управление дестабилизирующими факторами // *Экономические науки*. 2022. № 4 (209). С. 235—242. <http://doi.org/10.14451/1.209.235> EDN: OLANBA.
2. **Иванов Д. В., Асочаков Ю. В., Богомяжкова Е. С.** Новые показатели социального развития: включенность в интернет-коммуникации и креативность на сетевых платформах // *Научный результат. Социология и управление*. 2021. Т. 7. № 2. С. 49—68. <http://doi.org/10.18413/2408-9338-2021-7-2-0-5> EDN: SWKVPR.
3. **Набиева Х. Н.** Анализ влияния уровня образования на ключевые показатели социального развития общества // *Вестник ПИТТУ имени академика М. С. Осими*. 2020. № 3 (16). С. 79—86. EDN: AXSRHL.
4. Оценка основных показателей, характеризующих качество жизни населения региона / Т. В. Хаустова, А. А. Соклаков, Т. А. Черкашина, В. И. Дроздов // *Известия Юго-Западного государственного университета*. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11. № 3. С. 100—114. EDN: LNRZHZ.
5. **Саранчук С. Ю.** Социальное развитие территории как способ устранения диспропорций рынка труда в цифровом обществе // *Научный электронный журнал Меридиан*. 2020. № 8 (42). С. 36—38. EDN: ORPTZQ.
6. **Свиныхова Ю. Н.** Социальное развитие региона: теоретико-методологические аспекты // *Научно-методический электронный журнал «Концепт»*. 2018. № 9. С. 254—262. <http://doi.org/10.24422/MCITO.2018.9.16674> EDN: YATTNR.
7. **Теплякова А. К.** Уровень и качество жизни населения в России // *Крымский академический вестник*. 2021. № 19. С. 238—241. EDN: DNMKUY.
8. **Третьякова Л. А., Лисова Е. В.** Количественный анализ социально значимых показателей регионального развития // *Ученые записки Российской академии предпринимательства*. 2021. Т. 20. № 3. С. 37—43. <http://doi.org/10.24182/2073-6258-2021-20-3-37-43> EDN: HQIPFV.
9. **Третьякова Л. А., Лисова Е. В.** Количественный сравнительный анализ социальной сферы региона // *Вестник Академии права*

- и управления. 2022. № 1 (66). С. 139—144. http://doi.org/10.47629/2074-9201_2022_1_139_144 EDN: YRVPSC.
10. **Фасхиев Х. А.** Метод ранжирования объектов по качеству и конкурентоспособности // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2015. № Т13. С. 2256—2260. EDN: TWCLHN.
 11. **Царенко И. В.** Социальное развитие территорий региона: приоритеты и основные тенденции // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2020. № 1-1. С. 127—132. <http://doi.org/10.17513/vaael.948> EDN: MWJENB.
- ### References
1. Anoshina Yu. F., Kulagina N. A., Kuporov Yu. Yu. “Social Development of Territories: Trends, Conditions and Management of Destabilizing Factors”. *Ekonomicheskiye nauki = Economic Sciences* 4 (209) (2022): 235—242. (In Russian). <http://doi.org/10.14451/1.209.235> EDN: OLAHBA.
 2. Ivanov D., Asochakov Yu., Bogomyagkova E. “New Indicators of Social Development: Inclusion in Internet Communications and Creativity on Online Platforms”. *Nauchnyy rezul'tat. Sotsiologiya i upravlenie = Research Result. Sociology and Management* 7.2 (2021): 49—68. (In Russian). <http://doi.org/10.18413/2408-9338-2021-7-2-0-5> EDN: SWKVPR.
 3. Nabieva H. N. “Analysis of the Influence of the Level of Education on the Key Indicators of Social Development of Society”. *Vestnik PITTU imeni akademika M. S. Osimi* 3 (16) (2020): 79—86. (In Russian). EDN: AXSRHL.
 4. Khaustova T. V., Soklakov A. A., Cherkashina T. A., Drozdov V. I. “Assessment of the Main Indicators Characterizing the Quality of Life of the Population of the Region”. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management* 11.3 (2021): 100—114. (In Russian). EDN: LNRZHZ.
 5. Saranchuk S. Yu. “Social Development of the Territory as a Way to Eliminate Labor Market Disproportions in the Digital Society”. *Nauchnyy elektronnyy zhurnal Meridian* 8 (42) (2020): 36—38. (In Russian). EDN: ORPTZQ.
 6. Svinyhova Uliya. “Social Development of the Region: Theoretical and Methodological Aspects”. *Nauchno-metodicheskiy elektronnyy zhurnal “Konsept” = Koncept: scientific and methodological electronic journal* 9 (2018): 254—262. (In Russian). <http://doi.org/10.24422/MCITO.2018.9.16674> EDN: YATTNR.
 7. Teplyakova A. K. “The Level and Quality of Life of the Population in Russia”. *Krymskiy akademicheskiy vestnik = Crimean Academic Bulletin* 19 (2021): 238—241. (In Russian). EDN: DNMKUY.
 8. Tretyakova L. A., Lisova E. V. “Quantitative Analysis of Socially Regional Development Significant Indicators”. *Uchenyye zapiski Rossiyskoy akademii predprinimatel'stva = Scientific Notes of the Russian Academy of Entrepreneurship* 20.3 (2021): 37—43. (In Russian). <http://doi.org/10.24182/2073-6258-2021-20-3-37-43> EDN: HQIPFV.
 9. Tretyakova L. A., Lisova E. V. “Quantitative Comparative Analysis of the Region Social Sphere Components”. *Vestnik Akademii prava i upravleniya = Bulletin of the Academy of Law and Management* 1 (66) (2022): 139—144. (In Russian). http://doi.org/10.47629/2074-9201_2022_1_139_144 EDN: YRVPSC.
 10. Faskhiyev Kh. A. “Method of Ranking Objects by Quality and Competitiveness”. *Nauchno-metodicheskiy elektronnyy zhurnal “Konsept” = Koncept: scientific and methodological electronic journal* Т13 (2015): 2256—2260. (In Russian). EDN: TWCLHN.
 11. Tsarenko I. V. “Social Development of Territories of the Region: Priorities and Main Trends”. *Vestnik Altayskoy akademii ekonomiki i prava* 1-1 (2020): 127—132. (In Russian). <http://doi.org/10.17513/vaael.948> EDN: MWJENB.
- ### Информация об авторе
- Лисова Екатерина Валерьевна** — кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры «Государственного и муниципального управления и конституционного права», Институт деловой карьеры (Россия, 117105, Москва, Варшавское шоссе, 23).
- ### Information about the author
- Ekaterina V. Lisova** — Cand. Sci. (Social), Assoc. Prof., Assistant Professor at the Chair “State and Municipal Administration and Constitutional Law”, Institute of Business Career (Russia, 117105, Moscow, Varshavskoye Highway, 23).
- Статья поступила в редакцию 04.08.2023.
The article was submitted 04.08.2023.

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2023. № 3 (39). С. 102—107.

Economic and Social Research. 2023. No 3 (39). P. 102—107.

Научная статья

УДК 658:004.8

doi: 10.24151/2409-1073-2023-3-102-107

<https://elibrary.ru/jrdvkc>

Применение искусственного интеллекта в управлении малым и средним бизнесом

Д. А. Мезенцев

Независимый исследователь, Москва, Россия

da84@mail.ru

Аннотация. Рассмотрена роль искусственного интеллекта в управлении малым и средним бизнесом. Проанализирована литература по проблеме, сделано заключение о том, что возможности искусственного интеллекта находят широкое применение во всех сферах человеческой деятельности. На основе анализа статистики показано, что масштабы применения и эффективность искусственного интеллекта в XXI в. возрастают. Высказано предположение, что будущее малого и среднего бизнеса состоит в успешной коллаборации человека и компьютера: для устойчивого развития предприятия необходимо инвестировать в развитие человеческого капитала компании, с одной стороны, и расширять использование искусственного интеллекта во всех бизнес-процессах, с другой.

Ключевые слова: искусственный интеллект, малый бизнес, средний бизнес, бизнес-процесс, управление, эффективность

Для цитирования: Мезенцев Д. А. Применение искусственного интеллекта в управлении малым и средним бизнесом // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2023. № 3 (39). С. 102—107. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2023-3-102-107> EDN: JRDVKC.

Original article

Artificial intelligence application in the management of small and medium-sized businesses

D. A. Mezentsev

Independent Researcher, Moscow, Russia

da84@mail.ru

© Мезенцев Д. А.

Abstract. The role of artificial intelligence in the management of small and medium-sized businesses is considered. The literature on the problem is analyzed, the conclusion is made that the capabilities of artificial intelligence are widely used in all spheres of human activity. Based on the analysis of statistics, it was demonstrated that the scale of application and effectiveness of artificial intelligence in the 21st century is increasing. It has been suggested that the future of small and medium-sized businesses lies in the successful collaboration of a human and a computer: for the sustainable development of the enterprise, it is necessary to invest in the development of the company's human capital, on the one hand, and to expand the use of artificial intelligence in all business processes, on the other.

Keywords: artificial intelligence, small business, medium-sized business, business process, management, efficiency

For citation: Mezentsev D. A. "Artificial Intelligence Application in the Management of Small and Medium-Sized Businesses". *Economic and Social Research* 3 (39) (2023): 102–107. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2023-3-102-107> EDN: JRDVKC.

Введение

XXI в. — уникальное время, когда весь мир наблюдает за трансформационным развитием всех сфер человеческой деятельности: на заре эры искусственного интеллекта человечество начинает думать, что научно-техническая революция не имеет завершения и будет продолжаться столько, сколько будет жить цивилизация.

Сегодня ученые, исследователи, разработчики по всему миру принимают участие уже не только в создании технологий искусственного интеллекта (ИИ), но и в его внедрении в различные области деятельности. Менеджеры предприятий, как правило, отдавая себе отчет о потенциале ИИ, включают новые технологии в бизнес-процессы с целью структурировать и оптимизировать бизнес-планирование, а также возложить на ИИ те задачи, которые оказываются слишком трудоемкими для коллектива относительно небольшого предприятия. Важно подчеркнуть, что руководители малого и среднего бизнеса сталкиваются в процессе внедрения ИИ с рядом проблем, которые вынуждены разрешать самостоятельно: от проблем информационной безопасности, конфиденциальности данных и ряда этических коллизий до технических проблем обучения ИИ, загрузки данных и налаживания алгоритмов.

Известный опыт внедрения ИИ показывает: сама технология обладает высоким потенциалом с точки зрения повышения производительности труда или роста прибыли компаний. Вместе с тем ИИ следует воспринимать преимущественно как стимулятор для совершенствования личностных и профессиональных качеств работников: он служит «дополнением» к человеческим возможностям и современным знаниям и никогда не сможет заменить критического человеческого мышления, творческого потенциала сотрудника, живого общения и обмена опытом, поэтому новые технологии подталкивают или должны подталкивать руководителей и работников к профессиональному, карьерному и личностному росту и развитию. Иными словами, задача современного менеджмента заключается среди прочего в поиске и соблюдении баланса между способностями «машины» и человека, разграничении их функций и областей ответственности, — поскольку очевидно: то, что может сделать человек, не может сделать компьютерная система, нейросеть или ИИ, и наоборот, — и в создании условий для оптимизации их сотрудничества и взаимного обучения.

В период интенсивного инновационного развития сотрудничество ИИ с человеком может положительно сказаться на темпах

и иных показателях роста малого и среднего бизнеса, а также снизить риски возникновения кризисных ситуаций. Это обуславливает актуальность нашей статьи. Ее цель — обнаружение эффективного механизма примене-

ния ИИ в управлении предприятиями малого и среднего бизнеса. Реализация поставленной цели предусматривает решение следующих задач: проанализировать роль ИИ в малом и среднем бизнесе; выявить его перспективы.

Понятие и сущность искусственного интеллекта

Методы применения ИИ для развития предприятий рассматриваются в трудах многих отечественных исследователей: В. А. Бамбурова [1], Е. Ю. Беловой и М. О. Шевченко [2], Н. В. Городновой [3; 4], А. А. Дашкова и Ю. О. Нестеровой [5], И. В. Дыбиной и А. С. Славянова [6], коллектива авторов под руководством Ш. И. Кадырова [7], А. Б. Моттаевой с соавторами [8], А. Ф. Мустафиной [9], Е. В. Поповой [10] и др.

Впервые термин «искусственный интеллект» был упомянут в конце XX в. А. Барром и Э. А. Файгенбаумом, которые определили его как область информатики, занимающуюся разработкой интеллектуальных компьютерных систем, связанных с человеческим разумом (распознавание языка, обучение, способность рассуждать, ставить и решать проблемы) [11, с. 3]. За более чем 20 лет ученые не смогли прийти к консенсусу по поводу дефиниции ИИ. Выделим наиболее распространенные подходы к его определению:

- наука о создании интеллектуальных машин в рамках компьютерных программ;
- особая компьютерная программа, использующая нейросеть и способная решить конкретные задачи на основе алгоритмов, приближенных к алгоритмам принятия решения человеком;
- тип программного обеспечения, целью которого является обучение, планирование, решение проблем, с которыми человек справляется медленнее или не так эффективно;
- интегрированные технологии с огромной базой информации, данных, алгоритмов, структурированные и выстроенные таким образом, чтобы быстро реагировать и решать технические и научные задачи;
- единый комплекс развивающихся процессов и технологий, реализация которого

обеспечивает эффективное функционирование экспертных систем и виртуальных агентов;

- интегрированный продукт в рамках научных исследований, применяемый в различных областях знаний;
- продукт интеграции множества научных дисциплин;
- один из самых эффективных видов компьютерных моделей процесса принятия и оптимизации решений;
- способность цифрового компьютерного алгоритма выполнять задачи повышенного уровня сложности;
- отображение алгоритмов работы человеческого мозга в запрограммированных комплексных алгоритмах компьютерных нейронных сетей [5].

Во всех определениях отражены такие характеристики ИИ, как многогранность и способность к решению сложных задач. Эти характеристики делают ИИ технологией, которая обладает существенным потенциалом для использования во всех современных сферах человеческой деятельности. В частности, в сфере малого и среднего бизнеса сервисы на базе ИИ уже показали свою эффективность.

Преимущества ИИ, уже по достоинству оцененные многими предпринимателями, менеджерами и сотрудниками компаний, заключаются в том, что он позволяет эффективно решать следующие задачи:

- увеличение прибыли за счет принятия быстрых решений;
- осуществление кибербезопасности;
- положительное влияние на налаживание связей с логистикой;
- повышение эффективности сотрудников;
- оптимизация бизнес-процессов;

- прогнозирующий анализ, инсайты и аналитика данных;
- виртуальные помощники, чат-боты, расширенные системы рекомендаций;
- оптимизация цепочки поставок [1; 2].

При широком взгляде на вопрос ИИ позволяет эффективно решать основную задачу любого бизнеса: увеличение прибыли при снижении издержек.

В работах, посвященных ИИ, Н. В. Горднова отмечает его незаменимость для маркетингового планирования: согласно статистическим данным, в 2022 г. более 50 % предприятий малого и среднего бизнеса доверили часть работы по маркетинговому планированию искусственному интеллекту, а объемы выручки от использования больших данных (BigData) и сервисов бизнес-аналитики в мире увеличились в 2022 г. более чем на 105 млрд долл. по сравнению с 2018 г. (2018 г. — 168,8 млрд долл., 2022 г. — 274,3 млрд долл.) [3; 4]. Эти данные свидетельствуют о том, что ИИ широко распространен и эффективен. Проведенное в Великобритании исследование, в котором приняли участие 850 IT-специалистов в сфере кибербезопасности, показало, что 60 % экспертов также подтверждают эффективность ИИ [10]. Закономерно, что более 1/3 компаний всего мира рассматривают технологии ИИ как приоритет для инвестирования.

Аналитики полагают технологии ИИ важным фундаментом для роста мирового валового внутреннего продукта и решения глобальных проблем современности. Искусственный интеллект — это технология, которая непрерывно совершенствуется: программное обеспечение всё время обновляется и становится всё более мощным в плане качества и скорости выполнения операций, поэтому можно прогнозировать, что в обозримой перспективе технологии ИИ станут незаменимыми для бизнесов, экономик и развития социальной сферы.

Несмотря на ряд преимуществ, при внедрении ИИ в технологии управления малым

и средним бизнесом может возникнуть ряд проблем и осложнений, в том числе:

- нехватка высококвалифицированных сотрудников, способных обслуживать и создавать сервисы на базе ИИ;
- отсутствие современного инновационного оборудования (существенное препятствие для обслуживания ИИ);
- отток интеллектуального капитала из фирм, где специалисты получают первый опыт работы с технологиями ИИ, в другие, более крупные организации, которые могут предложить более выгодные условия работы [5; 6].

Выявленные проблемы требуют незамедлительного решения; в частности, кадровые проблемы решаются путем передачи функций по разработке и обслуживанию ИИ на аутсорсинг.

Все стратегии развития ИИ в бизнесе уникальны: каждая из них должна формироваться вокруг миссии, целей, основных направлений развития, внутренней и внешней среды конкретной организации. Но пионеров в применении ИИ объединяет одна управленческая методология. Обычно они прилагают 10 % своих усилий в области ИИ к совершенствованию алгоритмов, 20 % — к сбору и анализу данных, развитию технологической базы, а 70 % — львиную долю — к пересмотру концепции бизнеса и взаимодействию с и между персоналом организации. Это правило называется *правилом 20/10/70* и лежит в основе нового подхода к построению взаимодействия человека и ИИ в бизнесе. Кроме того, чтобы снизить возможные риски внедрения ИИ, руководители малого и среднего бизнеса могут руководствоваться некоторыми рекомендациями, разработанными российскими специалистами:

- организовывать регулярное обучение, переобучение и повышение квалификации сотрудников в сфере применения ИИ;
- инвестировать в развитие человеческого капитала;
- организовывать новую экосистему организации, в которой взаимодействуют люди и ИИ;

- прикладывать усилия к разработке корпоративной культуры и новой корпоративной этики, которые будут нормировать и регулировать взаимодействие людей и машин;

Выводы

Подводя итоги, можно заключить, что искусственный интеллект обладает существенным потенциалом, с точки зрения возможности его применения в бизнес-процессах. Вместе с тем внедрение ИИ сопряжено с рядом рисков. Согласно некоторым наиболее пессимистичным прогнозам, развитие этой технологии грозит исчезновением целого кластера профессий (графический дизайнер, маркетолог, контент-менеджер, копирайтер и бизнес-аналитик). Мы не разделяем этого пессимизма: до сих пор, несмотря на опасения алармистов, ни одна технологическая революция не породила армии безработных. Напротив, новые технологии создают новые направления использования человеческого интеллекта и творческих способностей, новые производства и сервисы и, как следствие, рабочие места. Тем не менее при внедрении ИИ необходимо соблюдать ряд правил (выработанных за более чем 20 лет применения технологии), тем самым избегая реальных управленческих рисков и решая возникающие уже сегодня проблемы.

Список литературы и источников

1. **Бамбуров В. А.** Применение технологий искусственного интеллекта в корпоративном управлении // Государственная служба. 2018. Т. 20. № 3 (113). С. 23—28. <https://doi.org/10.22394/2070-8378-2018-20-3-23-28> EDN: XUAPBV.
2. **Белова Е. Ю., Шевченко М. О.** Трансформация систем менеджмента предприятий в контексте цифровизации // E-Management. 2023. Т. 6. № 1. С. 17—28. <https://doi.org/10.26425/2658-3445-2023-6-1-17-28> EDN: ZSCSEG.
3. **Городнова Н. В.** Применение искусственного интеллекта в бизнес-сфере: современное состояние и перспективы // Вопросы инновационной экономики. 2021. Т. 11. № 4. С. 1473—1492. <https://doi.org/10.18334/vinec.11.4.112249> EDN: MGHEPK.
4. **Городнова Н. В.** Применение искусственного интеллекта в экономической дипломатии и международной торговле // Вопросы инновационной экономики. 2021. Т. 11. № 2. С. 565—580. <https://doi.org/10.18334/vinec.11.2.112214> EDN: NKHVHD.
5. **Дашков А. А., Нестерова Ю. О.** Исследование влияния искусственного интеллекта на бизнес-модель организации // E-Management. 2020. Т. 3. № 4. С. 26—36. <https://doi.org/10.26425/2658-3445-2020-3-4-26-36> EDN: NUACGM.
6. **Дыбина И. В., Славянов А. С.** Искусственный интеллект как инструмент повышения эффективности и устойчивости бизнеса // Экономика и бизнес: теория и практика. 2019. № 4-2. С. 67—70. <https://doi.org/10.24411/2411-0450-2019-10529> EDN: IQHUBE.
7. Искусственный интеллект и его место в развитии малого бизнеса / А. Т. Гяззов, М. М. Усенов, Х. К. Тагаев, Ш. И. Кадыров // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. 2021. Т. 14. № 5. С. 86—97. <https://doi.org/10.17213/2075-2067-2021-5-86-97> EDN: XMOZSU.
8. **Моттаева А. Б., Кашинцева В. Л., Покровский О. Ю.** Влияние искусственного интеллекта на рынок труда // Вестник МГОУ. Серия: Экономика. 2020. № 4. С. 82—88. <https://doi.org/10.18384/2310-6646-2020-4-82-88> EDN: NLZZFF.
9. **Мустафина А. Ф.** Технология искусственного интеллекта в контексте бизнес-среды // Стратегии бизнеса. 2019. № 7 (63). С. 8—14. EDN: TRXBHE.

10. **Попова Е. В.** Российский опыт внедрения искусственного интеллекта в менеджмент предприятия // *Инновации и инвестиции*. 2023. № 6. С. 79—82. EDN: MGNHVJ.
11. *The Handbook of Artificial Intelligence* / ed. by A. Barr, E. A. Feigenbaum. Vol. 1. Stanford, CA: HeurisTech Press; Los Altos, CA: William Kaufman, 1981. XIV, 409 p.
- ### References
1. Bamburov V. A. “The Application of Artificial Intelligence Technology in Corporate Governance”. *Gosudarstvennaya sluzhba = Public Administration* 20.3 (113) (2018): 23—28. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2070-8378-2018-20-3-23-28> EDN: XUAPBB.
 2. Belova E. Yu., Shevchenko M. O. “Transformation of Enterprise Management Systems in the Context of Digitalization”. *E-Management* 6.1 (2023): 17—28. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/2658-3445-2023-6-1-17-28> EDN: ZSCSEG.
 3. Gorodnova N. V. “Application of Artificial Intelligence in the Business Sphere: Current State and Prospects”. *Voprosy innovatsionnoy ekonomiki = Russian Journal of Innovation Economics* 11.4 (2021): 1473—1492. (In Russian). <https://doi.org/10.18334/vinec.11.4.112249> EDN: MGHEPK.
 4. Gorodnova N. V. “Artificial Intelligence in Economic Diplomacy and International Trade”. *Voprosy innovatsionnoy ekonomiki = Russian Journal of Innovation Economics* 11.2 (2021): 565—580. (In Russian). <https://doi.org/10.18334/vinec.11.2.112214> EDN: NKHVHD.
 5. Dashkov A. A., Nesterova Yu. O. “Research on the Impact of Artificial Intelligence on the Business Model of an Organization”. *E-Management* 3.4 (2020): 26—36. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/2658-3445-2020-3-4-26-36> EDNL: NUACGM.
 6. Dybina I. V., Slavyanov A. S. “Artificial Intelligence as a Tool to Improve the Efficiency and Sustainability of Business”. *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika = Economy and Business: Theory and Practice* 4-2 (2019): 67—70. (In Russian). <https://doi.org/10.24411/2411-0450-2019-10529> EDN: IQHUBE.
 7. Giyazov A. T., Usonov M. M., Tagaev Kh. K., Kadyrov Sh. I. “Artificial Intelligence and its Place in the Development of Small Business”. *Vestnik Yuzhno-Rossiyskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta (NPI). Seriya: Sotsial’no-ekonomicheskie nauki = Bulletin of the South Russian State Technical University (NPI). Series: Socio-Economic Sciences* 14.5 (2021): 86—97. (In Russian). <https://doi.org/10.17213/2075-2067-2021-5-86-97> EDN: XMOZSU.
 8. Mottaeva A. B., Kashintseva V. L., Pokrovsky O. Yu. “The Impact of Artificial Intelligence on the Labor Market”. *Vestnik MGOU. Seriya: Ekonomika = Bulletin of Moscow Region State University. Series: Economics* 4 (2020): 82—88. (In Russian). <https://doi.org/10.18384/2310-6646-2020-4-82-88> EDN: NLZZFF.
 9. Mustafina A. F. “Artificial Intelligence Technology in the Context of the Business Environment”. *Strategii biznesa = Business Strategies* 7 (63) (2019): 8—14. (In Russian). EDN: TRXBHE.
 10. Popova E. V. “Experience of Russian Companies Introducing Artificial Intelligence in Management”. *Innovatsii i investitsii = Innovations and Investments* 6 (2023): 79—82. (In Russian). EDN: MGNHVJ.
 11. Barr A., Feigenbaum E. A., eds. *The Handbook of Artificial Intelligence*. Vol. 1. Stanford, CA: HeurisTech Press; Los Altos, CA: William Kaufman, 1981. xiv, 409 p.

Информация об авторе

Мезенцев Дмитрий Андреевич — независимый исследователь (Россия, 129128, Москва, пр. Мира, 188-б, к. 3, кв. 37).

Information about the author

Dmitrii A. Mezentsev — Independent Researcher (Russia, 129128, Moscow, Mira Ave., 188-b, bld. 3, apt. 37).

Статья поступила в редакцию 25.08.2023.

The article was submitted 25.08.2023.

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2023. № 3 (39). С. 108—114.

Economic and Social Research. 2023. No. 3 (39). P. 108—114.

Научная статья

УДК 65.012 + 005.8/37.09

doi: 10.24151/2409-1073-2023-3-108-114

<https://elibrary.ru/iwcghg>

Управленческие аспекты реализации адаптационных проектов в вузе

Я. Г. Прима¹, Р. А. Дысенко²

^{1, 2} *Национальный исследовательский университет «МИЭТ», Москва, Россия*

¹ *post.prima@yandex.ru*

² *rus.dyslo@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена обзору факторов достижения целей адаптации студентов первого курса к обучению в вузе и оценке проблем реализации адаптационных мероприятий с точки зрения целеполагания и управления. Предложен способ управления комплексом адаптационных мероприятий как программой проектов, с учетом методологии управления программами в соответствии с распространенными стандартами проектной деятельности и спецификой практики проектной деятельности в образовательной организации. Намечены этапы разработки регламента адаптационной программы.

Ключевые слова: образование, адаптация к обучению, программа проектов, управление программой, управление проектом, воспитательная работа, молодежная политика, инициативы, система метрик, психологический мониторинг

Для цитирования: Прима Я. Г., Дысенко Р. А. Управленческие аспекты реализации адаптационных проектов в вузе // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2023. № 3 (39). С. 108—114. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2023-3-108-114>
EDN: IWCGHG.

Original article

Managerial aspects of implementing adaptation projects in a university

Ya. G. Prima¹, R. A. Dysenko²

^{1, 2} *National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia*

¹ *post.prima@yandex.ru*

² *rus.dyslo@mail.ru*

© Прима Я. Г., Дысенко Р. А.

Abstract. The authors have performed the review of factors of achieving the goals of adaptation of first-year students to higher education and assessment of problems of implementing adaptation measures in terms of goal-setting and management. A way of managing a set of adaptation measures as a program of projects is proposed, with account for the program management methodology, in accordance with common standards for project activities and the project practice specifics in an educational organization. The stages of development of the adaptation program regulations are outlined.

Keywords: education, adaptation to learning, project program, program management, project management, educational work, youth policy, initiatives, metrics system, psychological monitoring

For citation: Prima Ya. G., Dysenko R. A. “Managerial Aspects of Implementing Adaptation Projects in a University”. *Economic and Social Research* 3 (39) (2023): 108—114. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2023-3-108-114> EDN: IWCGHG.

Одной из целей образовательного процесса в учреждении высшего образования является создание условий для развития личности, для формирования мировоззренческих позиций, наряду с профессиональными компетенциями, а также для создания образовательной среды, опосредованного установками в отношении обучения, которые обеспечивают готовность студента, а в дальнейшем и выпускника к профессиональным достижениям и карьерному развитию. Для сотрудников, которые занимаются воспитательной работой и молодежной политикой, приоритетным направлением является организация «бесшовного» перехода обучающегося первого курса из состояния «школьник» в состояние «студент», в соответствии с комплексным планом адаптационных мероприятий.

Адаптация к обучению — это формирование новых социальных связей в образовательной среде, установок отношения студента к программе обучения, ее содержанию и формам реализации, а также к особенностям организации учебно-воспитательного процесса. Адаптации студентов первого курса уделяется особое внимание, так как процесс обучения в университете характеризуется интенсивными умственными нагрузками, что может способствовать ухудшению физического и психического здоровья при

недостаточном уровне подготовки. В публикациях последних лет исследователи обращают внимание на особые вызовы, связанные с адаптацией в обществе риска, описан опыт адаптации первокурсников в режиме самоизоляции в условиях пандемии. Специалисты указывают на важность развития психологических служб университетов, тьюторства и наставничества, на необходимость привлечения студенческого самоуправления — мотивации кураторства среди студентов. Университеты накапливают опыт реализации программ адаптации в условиях инклюзивного образования. Эмпирические исследования подтверждают, что в адаптации важно учитывать гендерные особенности обучающихся, приобщать студентов к физической культуре и спорту, к развитию эмоционального интеллекта [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7].

Процесс адаптации первокурсника включает в себя следующие направления: адаптация к новой образовательной системе (1), к изменению учебного режима (2), к новому стилю общения в академическом сообществе (3), к социально-бытовым условиям (4), к новому коллективу (5).

Успешность адаптации первокурсника в университете определяется множеством факторов, среди которых: психологические особенности личности, поведенческие паттерны, ценностные ориентиры,

академическая активность, состояние здоровья, социальное окружение, место рождения и другие.

Активная студенческая жизнь, т. е. погружение в новые социальные, образовательные и административные условия, начинается с первых недель обучения. Появляется необходимость самостоятельно выполнять бюрократические процедуры (оформлять документы, взаимодействовать с отделом организации учебного процесса), организовывать свой досуг и распределять время. Становится очевидным, что своевременность адаптационных мероприятий и мониторинг психофизического состояния по итогам адаптации позволяют создать максимально комфортные условия для профессионального развития будущего специалиста. Таким образом выявляется необходимость программы адаптации первокурсников. Разработка и реализация релевантных адаптационных мероприятий в рамках корректной программы способствует: с одной стороны — повышению организационной культуры вуза, организации внеклассной работы со студентами, помощи кураторам; с другой стороны — раскрытию интеллектуального и личностного потенциала первокурсника, поддержке психического здоровья, оптимизации его учебной деятельности, а также успешному овладению профессией инженера, предпринимателя, ученого по окончании вуза.

Однако в ходе реализации программы без комплексного управленческого подхода вузы могут столкнуться с рядом проблем.

Отсутствие общей стратегии и разрозненность мероприятий по адаптации. Если мероприятия имеют отдельную содержательную направленность, недостаточно связаны друг с другом, то теряется целостность системы адаптации. Отсутствие согласованности затрудняет достижение результатов.

Дублирование усилий персонала. Если цели и задачи мероприятий перекрещиваются, то ресурсы и усилия распределяются неэффективно.

Сложности в коммуникации команд — организаторов мероприятий — и ограничения контроля. Неструктурированные коммуникации (когда не определены получатели и отправители, не подобраны каналы, нет периодичности коммуникаций) приводят к недоразумениям и проблемам в обмене информацией. Обособленность команд затрудняет координацию, мониторинг и оценку результатов всех мероприятий в совокупности.

Отсутствие синергии. Управление отдельными мероприятиями без учета их взаимосвязи в условиях неразвитого сотрудничества не позволяет использовать синергетический эффект при достижении целей адаптации первокурсников.

Все инициативы вуза в рамках адаптации первокурсников следует рассматривать как комплекс проектов, объединенных в программу. Это повысит качество коммуникаций между участниками проектов и заинтересованными сторонами, обеспечит единый контроль и управление. Достижение значимых эффектов адаптации зависит от степени использования отечественного и международного опыта управления программами, распространенного в стандартах проектной деятельности, и от практической специфики проектной деятельности в образовательной организации. Результатом исследования может стать разработка регламента управления программой адаптационных проектов для университета. Решение этой задачи разбивается по этапам.

1. Анализ потребностей. Идентификация основных проблем, с которыми сталкиваются первокурсники в ходе адаптации, — путем анкетирования, интервью и наблюдений.

2. Целеполагание. Определение целей и задач адаптационных проектов на основе результатов анализа потребностей. К целям относятся: развитие академических навыков, повышение уровня самоорганизации и улучшение социальной адаптации.

3. Разработка программы проектов. Мероприятия, курсы и тренинги. Программа

должна быть структурированной, последовательной и адаптированной к потребностям первокурсников.

4. *Ресурсное обеспечение.* Формирование команд-исполнителей, с привлечением дополнительного персонала. Закупка учебных материалов, создание специализированных помещений, решение вопросов финансирования.

5. *Реализация и оценка.* Реализация программы адапционных проектов сопровождается оценением эффективности проектов. Это систематический сбор данных, анализ результатов и обратная связь со студентами.

Апробацию предложенного подхода планируется провести на базе адапционных инициатив Национального исследовательского университета «МИЭТ». В университете налажена работа института кураторства. Кураторство как форма воспитательно-методической работы заключается в организации комплекса социальных мер поддержки первокурсников в ходе адаптации к условиям обучения в НИУ МИЭТ и проживания в студенческом городке.

Основными задачами кураторства НИУ МИЭТ являются:

- организация и проведение мероприятий, направленных на первичную адаптацию и социализацию первокурсников;
- оказание поддержки первокурсникам в социализации;
- формирование системы студенческого самоуправления в учебной группе: староста, культурный организатор, спортивный организатор, профсоюзный организатор;
- содействие первокурсникам, проживающим в студенческом городке МИЭТ, в адаптации к новым жилищно-бытовым условиям;
- мотивация первокурсников к успешному освоению учебной программы;
- вовлечение первокурсников во внеучебную культурно-массовую, спортивную деятельность в целях их всестороннего развития;

- контроль успеваемости первокурсников в первое полугодие обучения;
- развитие системы студенческого наставничества;
- популяризация среди первокурсников здорового образа жизни;
- организация взаимодействия между первокурсниками и руководством учебного подразделения и отделами по сопровождению учебного процесса, а также руководством студгородка МИЭТ.

Куратором может быть студент 2-го курса и старше. Куратор помогает первокурсникам бакалавриата и специалитета адаптироваться в вузе, а также отвечает на вопросы, касающиеся обучения, быта и проживания в студгородке. Другими словами, это наставник, который ведет студентов по курсу адаптации, наблюдает за результатами деятельности и осуществляет другие операционные функции, используя знания, полученные в Школе кураторов. Предлагается структура обучения кандидатов в кураторы, состоящая из трех блоков.

1. Весенний блок Школы кураторов — ознакомительный курс, направленный на знакомство с деятельностью кураторов, системой адаптации и компетенциями.

2. Летний интенсив Школы кураторов — обучающий курс, содержащий просветительские блоки разных форматов, направленные на обучение компетенциям.

3. Выезд Школы кураторов — приобретение практических навыков в реализации задач адапционных мероприятий.

Помимо Школы кураторов в программу проектов адаптации сегодня можно включить следующие инициативы:

- *неформальную встречу первокурсников* — первичное прямое знакомство друг с другом и со студентами вуза;
- *первое организационное собрание* — знакомство с административными органами университета, системой образовательного процесса и коллективом;

- *путеводитель первокурсников* — знакомство с новой городской средой, историей и архитектурой Зеленограда;

- *День группы* — построение неформальной коммуникации с целью обеспечить обратную связь и организовать досуг;

- *«Хочу знать МИЭТ»* — ознакомительный интерактивный квест, направленный на углубленное знакомство с административной структурой, историей, научной деятельностью и архитектурным комплексом университета;

- *посвящение в студенты* — традиционная станционная ролевая игра с элементами *веревочного курса* с целью внедрить участников в корпоративную культуру студенчества, сплотить коллектив и снять коммуникационные барьеры;

- *Кубок первокурсников* — спортивно-творческое соревнование между студентами разных направлений подготовки;

- *ярмарку со вкусом* — знакомство со студенческими сообществами, определение возможностей личностного развития и приобретения надпрофессиональных навыков.

Проанализировав основные мероприятия, входящие в адаптационный цикл, можно обнаружить акценты на административной деятельности и молодежной политике, при этом социально-бытовым и научным аспектам уделено недостаточно внимания. Все перечисленные элементы цикла в какой-то степени способствуют цели адаптации, но при этом не дополняют, а иногда дублируют друг друга, а где-то и негативно влияют на результативность.

Социолог Фонда общественного мнения П. Лебедев ввел типологию мотивов вступления в молодежные организации¹. В ней заложены два основания: акцент на личный / групповой результат и стремление к абстрактному / конкретному благу. Несмотря на разносторонность целей, всем студентам

необходимо видеть результат своей деятельности. Студенты ставят перед собой определенные задачи самостоятельно, и для дальнейшей мотивации им необходимы метрики [5].

Одним из важных факторов достижения целей адаптации в рамках программы адаптационных проектов является внедрение системы метрик, таких как: индекс удовлетворенности первокурсников; показатель NPS (индекс потребительской лояльности, определяет отношение студентов к вузу); число первокурсников, успешно закрывших первую сессию (со средним баллом выше «4»); число первокурсников, вовлеченных в мероприятия внеучебного блока; степень соблюдения норм этики и правил поведения студентами; скорость получения всех необходимых справок и документов (студенческий билет, студенческая книжка); посещаемость студентами учебных занятий.

Следующий фактор достижения целей адаптации — система психологического мониторинга студентов. Требуется разработать блоки самоанализа: эмоциональный, психофизический, коммуникативный, мотивационный и познавательный.

Обратим внимание на особенности управления проектами адаптации. Часто возникает необходимость управлять совокупностью проектов как программой, что обусловлено сложностью реализации комплексного проекта как одного объекта. В этом случае целесообразно разделить проект на компоненты. Если объединить проекты в программу, то результаты отдельных проектов — на первый взгляд, более определенные по сравнению с общей выгодой от программы, особенно на момент начала ее осуществления. Содержание программы желательно пересматривать и корректировать, чтобы обеспечить согласованность конечных результатов проектов с ожидаемыми выгодами от программы в целом.

¹ *Лебедев П.* «Вместе веселее», или «Один в поле не воин» [Электронный ресурс]: очерк о молодежном общественно-политическом активизме // Социальная реальность: [онлайн-архив журнала] / Фонд общественного мнения. 2008. № 5. URL: <https://media.fom.ru/socreal/post-355.pdf> (дата обращения: 05.09.2023).

Изменения в рамках проекта оказывают влияние на поставляемые результаты на тактическом уровне, вместе с тем изменения в рамках программы влияют на поставку ожидаемых выгод на стратегическом уровне. Своевременное внесение изменений в любой компонент в составе программы может оказать прямое воздействие на поставку результатов смежных компонентов. Руководитель программы должен иметь широкий взгляд, знать все компоненты программы, чтобы успешно управлять ходом ее реализации, использовать систему показателей, позволяющих принимать эффективные управленческие решения. При управлении адаптационными мероприятиями как программой устраняется дисбаланс составляющих программу проектов и повышается эффективность управления проектной деятельностью в данной сфере.

Разработка регламента управления программой адаптационных проектов является важным шагом в обеспечении успешной адаптации первокурсников к обучению в вузе. Эффективное управление такими программами способствует созданию поддерживающей и стимулирующей студенческой среды и достижению учебных целей университета.

Список литературы и источников

1. **Большов В. Б.** Практики адаптации студентов-первокурсников в вузе в условиях общества риска // Социальная компетентность. 2020. Т. 5. № 1 (15). С. 86—99. EDN: JURGTU.
2. **Гавриленко Е. Н., Долгополова А. Ф., Тимашкова Т. Е.** Влияние кураторства и тьюторства на успешность адаптации студентов-первокурсников к условиям вуза // Современные проблемы науки и образования. 2019. № 2. Ст. 58. EDN: WAVJEK.
3. **Корнилова А. Г., Петрова С. Ф.** Социально-психологическая адаптация студентов-первокурсников в университете

// Проблемы современного педагогического образования. 2019. № 62-2. С. 128—131. EDN: YXUTBV.

4. **Корчагина Т. П.** Проблемы адаптации первокурсников к учебному процессу на юридическом факультете МГУ (итоги круглого стола) // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2019. № 2. С. 129—131. EDN: ZCIOAZ.
5. **Попова Е. Н.** Критерии и показатели адаптации студентов первого курса к образовательному процессу в вузе // Психолого-педагогический журнал Гаудеамус. 2021. Т. 20. № 1 (47). С. 87—93. [https://doi.org/10.20310/1810-231X-2021-20-1\(47\)-87-93](https://doi.org/10.20310/1810-231X-2021-20-1(47)-87-93) EDN: KLKCAN.
6. **Салихова Н. Р., Фахрутдинова А. Р.** Трудности адаптации первокурсников к обучению в вузе // Вестник РГГУ. Серия: Психология. Педагогика. Образование. 2021. № 1. С. 97—113. <https://doi.org/10.28995/2073-6398-2021-1-97-113> EDN: LVROIR.
7. **Хотеева Р. И., Лопатина И. В.** Мотивация студентов к участию в тьюторской деятельности по адаптации первокурсников // Вестник Калужского университета. Серия 1: Психологические науки. Педагогические науки. 2021. Т. 4. № 3 (12). С. 41—51. https://doi.org/10.54072/26586568_2021_4_3_41 EDN: IRTULA.

References

1. Bolshov V. B. "First-Year Students' Adaptation Practices in the University in Risk Society". *Sotsial'naya kompetentnost' = Social Competence* 5.1 (15) (2020): 86—99. (In Russian). EDN: JURGTU.
2. Gavrilenko E. N., Dolgopolova A. F., Timashkova T. E. "Impact of Supervision and Tutoring on the Success of the First-Year Students' Adaptation to the University Environment". *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya = Modern Problems of Science and Education* 2 (2019): 58. (In Russian). EDN: WAVJEK.
3. Kornilova A. G., Petrova S. F. "Social and Psychological Adaptation of First Year Students in the University". *Problemy sovremenogo pedagogicheskogo obrazovaniya = Problems of Modern Pedagogical Education*

- 62-2 (2019): 128—131. (In Russian). EDN: YXUTBB.
4. Korchagina T. P. “Problems of First-Year Students’ Adaptation to Teaching and Learning Process at Faculty of Law of MSU (Round Table Summation)”. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11: Pravo = Moscow University Bulletin. Series 11: Law* 2 (2019): 129—131. (In Russian). EDN: ZCIOAZ.
 5. Popova E. N. “Criteria and Indicators Associated with Adaptation to the Educational Process of First-Year Students at the University”. *Psikhologo-pedagogicheskiy zhurnal Gaudeamus = Psychology-Pedagogical Journal Gaudeamus* 20.1 (47) (2021): 87—93. (In Russian). [https://doi.org/10.20310/1810-231X-2021-20-1\(47\)-87-93](https://doi.org/10.20310/1810-231X-2021-20-1(47)-87-93) EDN: KLKCAN.
 6. Salikhova N. R., Fakhrutdinova A. R. “A First-Year Students’ Adaptation to Difficulties at High Educational Establishments”. *Vestnik RGGU. Seriya: Psikhologiya. Pedagogika. Obrazovaniye = RSUH/RGGU Bulletin. Series: Psychology. Pedagogics. Education* 1 (2021): 97—113. (In Russian). <https://doi.org/10.28995/2073-6398-2021-1-97-113> EDN: LVROIR.
 7. Khoteeva R. I., Lopatina I. V. “Motivation of Students to Participate in Tutoring Activities for Adaptation of First-Year Students”. *Vestnik Kaluzhskogo universiteta. Seriya 1: Psikhologicheskiye nauki. Pedagogicheskiye nauki* 4.3 (12) (2021): 41—51. (In Russian). https://doi.org/10.54072/26586568_2021_4_3_41 EDN: IRTULA.

Информация об авторах

Прима Яна Геннадьевна — кандидат экономических наук, доцент кафедры маркетинга и управления проектами, доцент, ICAgile Certified Professional (ICP), Национальный исследовательский университет «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, пл. Шокина, д. 1).

Дысенко Руслан Андреевич — студент магистратуры, программа «Управление проектами», Национальный исследовательский университет «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, пл. Шокина, д. 1).

Information about the authors

Yana G. Prima — PhD in Economics, Associate Professor, ICAgile Certified Professional (ICP), Assoc. Prof. at the Marketing and Project Management Department, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Shokin sq., 1).

Ruslan A. Dysenko — Master’s student at Project Management Program, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Shokin sq., 1).

Статья поступила в редакцию 15.08.2023.

The article was submitted 15.08.2023.

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2023. № 3 (39). С. 115—126.

Economic and Social Research. 2023. No. 3 (39). P. 115—126.

Обзорная статья

УДК 338.001.36

doi: 10.24151/2409-1073-2023-3-115-126

<https://elibrary.ru/hmwmtx>

Обзор прикладных основ использования аналитики данных и машинного обучения в прогнозировании спроса

Р. С. Рогулин

Владивостокский государственный университет, г. Владивосток, Россия

rafassiaofusa@mail.ru

Аннотация. Представлен всесторонний обзор методов анализа данных и машинного обучения, осуществляющих прогнозирование и планирование спроса. Проанализированы статьи, материалы конференций и книги на английском языке, изданные с 2001 по 2023 г. Путем преобразования суждений выделены логические основы значения этих подходов для оптимизации уровней запасов и сокращения дефицита, а также преимущества и проблемы, связанные с внедрением методов, с их потенциалом в процессах принятия решений. Рассмотрены и традиционные статистические методы: анализ временных рядов, скользящие средние, — и передовые методы: регрессионный анализ, нейронные сети, ансамблевые модели. Сделан сравнительный анализ сильных сторон, ограничений и особенностей приложения передовых методов. Даны рекомендации по совершенствованию управления цепочками поставок и повышению удовлетворенности клиентов.

Ключевые слова: аналитика данных, прогнозирование спроса, оптимизация уровней запасов, сокращение дефицита, удовлетворенность клиентов, статистические методы, передовые методы, управление цепочками поставок, модели машинного обучения

Для цитирования: Рогулин Р. С. Обзор прикладных основ использования аналитики данных и машинного обучения в прогнозировании спроса // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2023. № 3 (39). С. 115—126. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2023-3-115-126> EDN: HMWMTX.

Review article

Overview of application frameworks for using data analytics and machine learning in demand forecasting

R. S. Rogulin

Vladivostok State University, Vladivostok, Russia

rafassiaofusa@mail.ru

© Рогулин Р. С.

Abstract. A comprehensive overview of data analytics and machine learning techniques that perform demand forecasting and planning is presented. The author has reviewed scholarly articles, conference papers and books in English published between 2001 and 2023. By judgment conversion, the logical underpinnings of the importance of these approaches in optimizing inventory levels and reducing shortages, as well as advantages and problems associated with the implementation of the methods, with their potential in decision-making processes are highlighted. Both traditional statistical methods: time series analysis, moving averages — and advanced methods: regression analysis, neural networks, ensemble models — are considered. A comparative analysis of the strengths, limitations and application features of the best practices has been made. Recommendations are given to improve supply chain management and increasing customer satisfaction.

Keywords: data analytics, demand forecasting, optimizing inventory levels, reducing shortages, customer satisfaction, statistical methods, advanced methods, supply chain management, machine learning models

For citation: Rogulin R. S. “Overview of Application Frameworks for Using Data Analytics and Machine Learning in Demand Forecasting”. *Economic and Social Research* 3 (39) (2023): 115—126. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2023-3-115-126> EDN: HMMWMTX.

Введение

Большие наборы данных и сложные алгоритмы аналитики данных и машинного обучения позволяют принимать решения на основе их обработки, что приводит к повышению операционной эффективности и улучшению стратегии, ориентированной на клиента. При прогнозировании спроса модели анализа данных и машинного обучения анализируют исторические данные о продажах, рыночные тенденции и внешние факторы. Так создается точный прогноз, который помогает компаниям оптимизировать процессы производства, закупок и распределения. Оптимизируется управление запасами, поскольку организации могут поддерживать оптимальный уровень запасов, сни-

жать текущие расходы и избежать дефицита. Следовательно, клиенты испытывают наибольшее удовлетворение, поскольку продукты легко доступны, заказы выполняются вовремя, а качество обслуживания повышается. Кроме того, алгоритмы машинного обучения позволяют компаниям лучше понять предпочтения клиентов, их поведение и составить модели покупок, тем самым облегчаются операции персонализированного маркетинга, включающие в себя целевые рекламные акции и индивидуальные предложения продуктов. В целом интеграция методов анализа данных и машинного обучения способствует устойчивому росту и конкурентному преимуществу на рынке [2; 30].

Методология анализа данных и машинного обучения

Рассматриваемая методология предлагает множество потенциальных преимуществ, совершенствующих процессы принятия решений и повышающих общую эффективность цепочки поставок [4; 5; 6; 7; 30].

Во-первых, компании получают более глубокое представление о моделях и тенден-

циях спроса. Аналитика исторических данных о продажах, поведении клиентов и динамике рынка помогает выявлять закономерности и корреляции, которые могут быть неочевидными при использовании традиционных методов. Затем алгоритмы машинного обучения могут использовать эти шаб-

лоны для создания точных прогнозов спроса, которые необходимы в обосновании решений в отношении производства, закупок и распределения. В результате компании могут поддерживать оптимальный уровень запасов, снижать текущие расходы и минимизировать риск дефицита.

Во-вторых, интеграция методов анализа данных и машинного обучения обеспечивает упреждающее и оперативное управление цепочками поставок. Постоянно отслеживая и анализируя данные, можно выявлять потенциальные сбои, предвидеть изменения спроса и соответствующим образом корректировать свою деятельность. Эта гибкость в планировании и выполнении цепочки поставок помогает снизить риски, оптимизировать ресурсы и обеспечить своевременную доставку продукта клиентам. Кроме того, способность прогнозировать изменения в структуре спроса и адаптироваться к ним — это условие конкурентного преимущества в организации деятельности, поскольку оно подразумевает быстрое реагирование на колебания рынка и предпочтения клиентов.

Кроме того, методология направлена на повышение уровня удовлетворенности клиентов за счет повышения уровня обслужива-

ния и создания персонализированного опыта. Точное прогнозирование спроса и оптимизация запасов позволяют оперативно реагировать на потребности клиентов, сокращая время выполнения заказов и улучшая доступность продукции. Используя алгоритмы машинного обучения, маркетинговые службы также могут получить представление об индивидуальных предпочтениях клиентов и прогнозировать их поведение. Эти данные составляют базу для целевых маркетинговых кампаний, индивидуальных рекламных акций и индивидуальных рекомендаций по продуктам. Такой уровень персонализации повышает вовлеченность клиентов, их лояльность и общую удовлетворенность.

В заключение отметим следующие преимущества методологии анализа данных и машинного обучения: улучшаются процессы принятия решений, обеспечивается упреждающее и оперативное управление цепочками поставок, повышается удовлетворенность клиентов, достигается прозрачность цепочки поставок и эффективность сотрудничества, что способствует формированию культуры непрерывного совершенствования и инноваций.

Применение методов анализа данных и машинного обучения

Традиционные методы прогнозирования спроса часто полагаются на исторические данные и ручной анализ, поэтому могут не учитывать сложности и динамичного характера современных рынков. Однако с появлением аналитики данных и машинного обучения в логику аналитических операций были включены огромные объемы данных и передовые алгоритмы — появилась возможность создания более точных и своевременных прогнозов [7; 8; 9; 10; 11].

Методы анализа данных явились способом анализировать, помимо исторических данных о продажах, рыночные тенденции, поведение клиентов и различные внешние факторы, влияющие на спрос. Выявляя

закономерности, корреляции и сезонность в данных, маркетологи получили представление о колебаниях спроса, о предпочтениях клиентов, т. е. прочную основу для эффективного прогнозирования спроса и планирования [12; 14; 15].

Методы машинного обучения явились способом повышать точность прогнозирования спроса. Эти алгоритмы могут автоматически извлекать уроки, связанные с техническими и организационными факторами производства продукта, обрабатывая исторические шаблоны данных, — и делать прогнозы на основе выявленных шаблонов. Модели машинного обучения фиксируют сложные взаимосвязи, нелинейные тенденции

и даже адаптируются к динамике рынка. Используя такие алгоритмы, как регрессия, дерево решений, нейронная сеть и ансамблевый метод, можно разрабатывать сложные модели прогнозирования, точность которых повышается с течением времени.

Применение методов анализа данных и машинного обучения имеет ряд целеполагающих преимуществ.

1. Уменьшается число ошибок прогнозирования, что сводит к минимуму риск затоваривания или дефицита. В результате оптимизируется распределение запасов, ресурсов и эксплуатационных расходов.

2. Увеличивается быстрота реагирования на изменения потребительского спроса благодаря непрерывности анализа данных, характерной для модели машинного обучения. При этом выявляются новые тенденции, внезапные сдвиги или сезонные колебания, которые требуют корректировки стратегий производства, закупок и распределения. Такая адаптивность позволяет компаниям избегать упущенных возможностей или избыточных запасов.

3. Активизируется возможность принятия стратегических решений, благодаря ценности полученной информации. Эта информация может управлять разработкой продуктов, маркетинговыми кампаниями и стратегиями ценообразования, которые

соответствуют ожиданиям клиентов, а следовательно, повышается их удовлетворенность и лояльность.

4. Повышается точность прогнозирования спроса, что в управлении процессами закупок, производства и логистике запасов способствует повышению экономического эффекта от цепочки поставок, оптимизации закупок, сокращению времени выполнения заказов и более эффективному использованию ресурсов. Это, в свою очередь, приводит к экономии затрат и повышению прибыльности.

Стоит отметить, что для внедрения методов анализа данных и машинного обучения требуются надежная инфраструктура данных, квалифицированные специалисты, а также постоянный мониторинг и проверка моделей. Кроме того, необходимо решать проблемы качества данных, интеграции данных и интерпретируемости модели, чтобы обеспечить надежность и действенность информации.

В заключение обратим внимание на следующие преимущества применения методов анализа данных и машинного обучения: повышение точности прогнозов, оперативное реагирование на динамику рынка, оптимизирование запасов, общая эффективность цепочки поставок и, как следствие, устойчивый рост в современной динамичной и сложной бизнес-среде.

Прогнозирование спроса методами анализа данных

Традиционные статистические методы, такие как анализ временных рядов, скользящие средние и экспоненциальное сглаживание, доказали свою эффективность в прогнозировании моделей спроса [1; 3; 13; 16; 17; 18; 19; 20; 21; 22; 23; 24; 25; 26; 27; 28; 29].

Анализ временных рядов — это фундаментальный статистический метод выявления закономерностей и тенденций во времени. Поскольку на данные о спросе часто влияют предыдущие значения, задача исследователей — анализируя исторические модели спроса, определить сезонность, тенденции

и другие повторяющиеся модели, которые могут помочь в прогнозах. Методы анализа временных рядов, такие как модели авторегрессионного интегрированного скользящего среднего (ARIMA) и сезонная декомпозиция временных рядов, помогают улавливать основные закономерности (сезонность, тенденции) и делать точные прогнозы спроса [1; 3; 13; 20; 21; 22; 23; 24; 25; 26; 27; 28; 29; 31].

Скользящие средние — традиционный статистический метод, вычисляет среднее значение для прошлых точек данных.

Скользкие средние сглаживают краткосрочные колебания спроса, обеспечивая более четкое представление об общей тенденции. Различные типы скользящих средних, такие как простая скользящая средняя (SMA) и взвешенная скользящая средняя (WMA), могут применяться в зависимости от конкретных характеристик данных о спросе [1; 3; 13; 21; 22; 23; 24; 25; 26; 27; 28; 29].

Экспоненциальное сглаживание — это статистический метод, который присваивает прошлым наблюдениям экспоненциально уменьшающиеся веса, при этом самым последним точкам данных присваиваются более высокие веса. Этот метод наиболее подходит для данных о спросе, которые демонстрируют постепенное изменение или тенденцию. Модели экспоненциального сглаживания, такие как простое экспоненциальное сглаживание (SES), двойное экспоненциальное сглаживание (метод Холта) и тройное экспоненциальное сглаживание (метод Холта — Уинтерса), помогают фиксировать тенденции и сезонность в данных о спросе. Регулируя коэффициент сглаживания, можно делать акцент на последних данных по сравнению с более ранними наблюдениями, что позволяет точно прогнозировать спрос [1; 21; 22; 23; 24; 25; 26; 27; 28].

Особенность статистических методов состоит в том, что результаты относительно просто реализовать и интерпретировать, это делает методы доступными даже для неподготовленных в теории статистики пользователей. Кроме того, методы требуют минимальных вычислительных ресурсов, что делает их пригодными для прогнозирования спроса в сценариях реального или близкого к реальному времени. Их можно применять к различным типам данных о спросе, включая непрерывные, прерывистые и сезонные модели спроса.

Однако важно признать и ограничения традиционных статистических методов, поскольку они часто предполагают стационарность: статистические свойства данных

остаются постоянными во времени. В действительности модели спроса преобразуются в зависимости от динамики рынка, внешних факторов или изменений в поведении потребителей. Однако традиционные статистические методы с трудом адаптируются к изменениям, что снижает точность прогнозов. Более того, они могут оказаться неэффективными при работе с выбросами или нерегулярными моделями спроса, которые распространены в определенных отраслях или категориях продуктов [29].

Несмотря на ограничения, традиционные статистические методы обеспечивают прочную прикладную основу историческим моделям спроса и могут служить эталоном для оценки эффективности более продвинутых методов прогнозирования. При использовании в сочетании с другими методами, а именно с алгоритмами машинного обучения, они способствуют более точному и надежному прогнозированию [29].

В заключение следует обратить внимание на то, что традиционные статистические методы, используя исторические данные о спросе, продолжают играть жизненно важную роль в понимании динамики спроса и служат основой для более совершенных методов прогнозирования.

Передовые методы, такие как регрессионный анализ, нейронные сети и ансамблевые модели, выходят за рамки традиционных статистических методов и предлагают мощные инструменты для создания точных прогнозов путем выявления сложных взаимосвязей [29].

Регрессионный анализ — универсальный метод, исследует взаимосвязь между зависимой переменной (спросом) и одной или несколькими независимыми переменными (цена, рекламные акции и экономические показатели) [29]. Анализируя исторические данные о спросе наряду с соответствующими факторами, регрессионные модели могут определять количественный показатель влияния разных переменных на спрос.

Практичность метода состоит в наличии разных способов регрессионного анализа: можно использовать линейную регрессию, множественную регрессию и логистическую регрессию, в зависимости от характера данных о спросе и целей исследования. Регрессионный анализ помогает выявить драйверы спроса и обеспечивает основу для прогнозирования и планирования спроса.

Нейронные сети, опосредованные теорией функционирования человеческого мозга, представляют собой класс алгоритмов машинного обучения, успешно распознающих образы. Они состоят из взаимосвязанных узлов (нейронов), организованных слоями, каждый из которых способствует вычислению и интерпретации данных. Обучаясь на исторических данных, нейронные сети фиксируют нелинейности, взаимодействия и зависимости в моделях спроса, которые могут быть неочевидными для традиционных статистических методов. Модели глубокого обучения, такие как глубокие нейронные сети и рекуррентные нейронные сети (RNN), особенно эффективны при обработке данных временных рядов и могут значительно повысить точность прогнозирования [31].

Модели ансамбля объединяют прогнозы нескольких моделей для создания более надежного и точного прогноза. Такие модели, как бэггинг, бустинг и суммирование, используют возможности разнообразия и «коллективный интеллект» нескольких моделей для преодоления ограничений отдельных моделей. Например, при прогнозировании спроса модель ансамбля может сочетать прогнозы регрессионных моделей, нейронных сетей и традиционных статистических методов. Ансамблевые модели смягчают неотъемлемую неопределенность и изменчивость данных о спросе, что повышает эффективность прогнозирования [1; 3; 13; 20; 21; 22; 23; 24; 25; 26].

Преимущества передовых методов очевидны: они фиксируют сложные отношения,

нелинейности и взаимодействия между драйверами спроса; обрабатывают большие и разнообразные наборы данных, позволяя использовать несколько источников данных для прогнозирования; могут адаптироваться к преобразованию моделей спроса и динамике рынка, обеспечивая более надежные прогнозы в динамичной бизнес-среде.

Однако перечисленные передовые методы часто требуют значительных вычислительных ресурсов и опыта анализа данных и машинного обучения. Качество данных и предварительной обработки прямо пропорционально точности обучения и проверки модели. Кроме того, интерпретируемость передовых методов может быть ограничена, что затрудняет понимание основных факторов, определяющих спрос.

Эффективность передовых методов зависит от выбора подходящей модели на основе характеристик данных о спросе и в соответствии с целями исследования. Необходимо учитывать сильные стороны и ограничения каждого метода и соответствующим образом адаптировать свой подход. Показатели проверки и оценки, такие как среднеквадратическая ошибка (MSE) или средняя абсолютная ошибка в процентах (MAPE), определяют оценку производительности моделей, в отличие от эталонных или традиционных методов [27].

В заключение следует отметить, что преимущества повышенной точности прогнозирования и адаптивности делают передовые методы ценными активами в оптимизации уровней запасов, сокращении дефицита и повышении удовлетворенности клиентов.

Регрессионный анализ, нейронные сети и модели ансамбля имеют уникальные сильные стороны, ограничения и особенности приложения. Проведем сравнительный анализ этих аспектов, поскольку их понимание имеет решающее значение для выбора наиболее подходящего метода на основе характеристик данных о спросе и конкретных целей прогнозирования [28].

Сила регрессионного анализа заключается в количественной оценке влияния разных факторов на спрос, что делает его результативным в выявлении причинно-следственных связей и движущих сил спроса. Регрессионный анализ особенно эффективен, когда существуют четкие линейные или нелинейные отношения между переменной спроса и независимыми переменными. Он может обрабатывать как непрерывные, так и категориальные независимые переменные. Однако предполагается, что взаимосвязь между переменными постоянна во времени, что может ограничивать точность в захвате динамических моделей спроса. Кроме того, требуется тщательный выбор соответствующих независимых переменных и предполагается, что связь является стационарной [31].

Возможности нейронных сетей, в том числе моделей глубокого обучения, состоят в захвате сложных закономерностей и нелинейных отношений в данных о спросе. Их способность учиться на исторических данных и распознавать сложные закономерности делает их пригодными для обработки больших и разнообразных наборов данных. Нейронные сети могут адаптироваться к изменению моделей спроса. Они эффективны в решении задач прогнозирования, когда отношения сложны и традиционные статистические методы дают сбой. Однако нейронные сети требуют значительных вычислительных ресурсов для обучения, большого набора данных, а «черный ящик» делает их менее интерпретируемыми по сравнению с другими методами, что может ограничить понимание основных факторов спроса [14].

Сила моделей ансамбля заключается в их способности использовать «коллективный разум» и возможности отдельных моделей. Бэггинг и бустинг особенно эффективны, когда в данных есть неопределенности или когда разные модели охватывают разные аспекты моделирования спроса. Однако для моделей ансамбля вероятны большие

вычислительные ресурсы, и требуется тщательный выбор и обучение отдельных моделей. Интерпретируемость также может стать проблемой при объединении нескольких моделей [29].

Выделим логические основы выбора каждого передового метода. Регрессионный анализ подходит, когда необходимо понять причинно-следственные связи и количественно оценить влияние цены, рекламных акций и маркетинговой деятельности на спрос.

Нейронные сети, в том числе модели глубокого обучения, хорошо подходят для захвата сложных шаблонов и нелинейных отношений в данных о спросе. Они эффективны, когда существуют сложные взаимодействия между драйверами спроса и когда необходимо учитывать временные зависимости.

Ансамблевые модели подходят, когда необходимо повысить точность и надежность прогнозирования. Они полезны, когда разные модели охватывают разные аспекты моделей спроса или когда необходимо учитывать неопределенности в данных.

В заключение уточним логический смысл суждений об особенностях прогнозирования спроса передовыми методами. Регрессионный анализ дает количественную оценку влияния драйверов спроса, но предполагает постоянную взаимосвязь. Нейронные сети захватывают сложные шаблоны, но требуют значительных вычислительных ресурсов и имеют ограниченную интерпретируемость. Ансамблевые модели повышают точность прогнозирования, но могут требовать значительных вычислительных ресурсов. Принимая во внимание конкретные характеристики данных о спросе и желаемые цели прогнозирования, исследователи и практики могут выбрать наиболее подходящий метод, который наилучшим образом соответствует их потребностям и максимизирует точность и надежность прогнозов спроса.

Заключение

Обоснуем выводы, полученные в ходе обзорного исследования, и сформулируем рекомендации. Обзорное исследование методов анализа данных и машинного обучения дало ценную информацию о потенциальных преимуществах и проблемах, связанных с подходами к прогнозированию и планированию спроса. Основные суждения обзора можно резюмировать с упором на прикладное использование.

1. Преимущества использования методов: повышение точности прогнозирования спроса, оптимизация уровня запасов, сокращение дефицита, повышение скорости выполнения заказов и повышение удовлетворенности клиентов. Компании могут использовать эти методы, чтобы получить конкурентное преимущество, повысить эффективность цепочки поставок и повысить прибыльность.

2. Изучены методы: традиционные статистические методы, такие как анализ временных рядов, скользящие средние и экспоненциальное сглаживание, и передовые методы, такие как регрессионный анализ, нейронные сети, ансамблевые модели, а также проведен сравнительный анализ особенностей их применения. Компании получают представление о сильных сторонах, ограничениях и применении каждого метода, а также всестороннее понимание его полезности в различных контекстах.

3. Роль прикладного использования методов в оптимизации запасов и сокращении дефицита: компании имеют возможность поддерживать оптимальные уровни запасов, сводить к минимуму их нехватку и избегать ситуаций затоваривания. Целевой вектор этой деятельности направлен на повышение эффективности работы, снижение транспортных расходов и повышение удовлетворенности клиентов.

В заключение подчеркнем, что применение аналитики данных и машинного обучения требует решения проблем, связанных

с качеством данных, опытом и этическими соображениями. Используя сильные стороны приложения традиционных статистических и передовых методов и устраняя ограничения, можно добиться устойчивого роста на современном рынке, управляемом данными.

Список литературы и источников

1. A comparative study of demand forecasting models for a multi-channel retail company: A novel hybrid machine learning approach / A. Mitra, A. Jain, A. Kishore, P. Kumar // *Operations Research Forum*. 2022. Vol. 3. Art. No. 58. <https://doi.org/10.1007/s43069-022-00166-4>
2. **Abbasimehr H., Shabani M., Yousefi M.** An optimized model using LSTM network for demand forecasting // *Computers & Industrial Engineering*. 2020. Vol. 143. Art. ID: 106435. <https://doi.org/10.1016/j.cie.2020.106435>
3. An improved demand forecasting model using deep learning approach and proposed decision integration strategy for supply chain / Z. H. Kilimci, A. O. Akyuz, M. Uysal et al. // *Complexity*. 2019. Vol. 2019. Art. ID: 9067367. <https://doi.org/10.1155/2019/9067367>
4. **Box G. E. P., Jenkins G. M., Reinsel G. C.** *Time Series Analysis: Forecasting and Control*. 4th ed. Hoboken, NJ: Wiley, 2008. 784 p.
5. **Breiman L.** Random forests // *Machine Learning*. 2001. Vol. 45 (1). P. 5–32. <https://doi.org/10.1023/A:1010933404324>
6. **Bruzda J.** Demand forecasting under fill rate constraints — The case of re-order points // *International Journal of Forecasting*. 2020. Vol. 36. Iss. 4. P. 1342–1361. <https://doi.org/10.1016/j.ijforecast.2020.01.007>
7. **Carbonneau R., Laframboise K., Vahidov R.** Application of machine learning techniques for supply chain demand forecasting // *European Journal of Operational Research*. 2008. Vol. 184. Iss. 3. P. 1140–1154. <https://doi.org/10.1016/j.ejor.2006.12.004>

8. **Chien C.-F., Hong T.-Y., Guo H.-Z.** An empirical study for smart production for TFT-LCD to empower Industry 3.5 // *Journal of Chinese Institute of Engineers*. 2017. Vol. 40. Iss. 7. P. 552—561. <https://doi.org/10.1080/02533839.2017.1372220>
9. **Choi T.-M., Hui C.-L., Yu Y.** Intelligent time series fast forecasting for fashion sales: A research agenda // 2011 International Conference on Machine Learning and Cybernetics. Guilin: IEEE, 2011. P. 1010—1014. <https://doi.org/10.1109/ICMLC.2011.6016870>
10. **Das P., Chaudhury S.** Prediction of retail sales of footwear using feedforward and recurrent neural networks // *Neural Computing and Applications*. 2007. Vol. 16 (4). P. 491—502. <https://doi.org/10.1007/s00521-006-0077-3>
11. Fast fashion sales forecasting with limited data and time / T.-M. Choi, C.-L. Hui, N. Liu et al. // *Decision Support Systems*. 2014. Vol. 59. P. 84—92. <https://doi.org/10.1016/j.dss.2013.10.008>
12. Forecasting of demand using ARIMA model / **J. Fattah, L. Ezzine, Z. Aman et al.** // *International Journal of Engineering Business Management*. 2018. Vol. 10 (2). <https://doi.org/10.1177/1847979018808673>
13. Fuzzy forecast combining for apparel demand forecasting / M. Kaya, E. Yeşil, M. F. Dodurka, S. Sıradağ // *Intelligent Fashion Forecasting Systems: Models and Applications* / eds T.-M. Choi, C.-L. Hui, Y. Yu. Berlin; Heidelberg: Springer, 2013. P. 123—146. https://doi.org/10.1007/978-3-642-39869-8_7
14. **Gutierrez R. S., Solis A. O., Mukhopadhyay S.** Lumpy demand forecasting using neural networks // *International Journal of Production Economics*. 2008. Vol. 111. Iss. 2. P. 409—420. <https://doi.org/10.1016/j.ijpe.2007.01.007>
15. Hierarchical pattern recognition for tourism demand forecasting / M. Hu, R. T. R. Qiu, D. C. Wu, H. Song // *Tourism Management*. 2021. Vol. 84. Art. No. 104263 <https://doi.org/10.1016/j.tourman.2020.104263>
16. **Hui P. C. L., Choi T.-M.** 5 — Using artificial neural networks to improve decision making in apparel supply chain systems // *Information Systems for the Fashion and Apparel Industry* / ed. T.-M. Choi. New York: Woodhead Publ., 2016. P. 97—107. (Woodhead Publishing Series in Textiles). <https://doi.org/10.1016/B978-0-08-100571-2.00005-1>
17. **İmce S., Beyca Ö. F.** Demand forecasting with integration of time series and regression models in pharmaceutical industry // *International Journal of Advances in Engineering and Pure Sciences*. 2022. Vol. 34. Iss. 3. P. 415—425. <https://doi.org/10.7240/jeps.1127844>
18. *Introduction to Statistical Learning: with Applications in R* / G. James, D. Witten, T. Hastie, R. Tibshirani. New York: Springer, 2021. XV, 607 p. (Springer Texts in Statistics). <https://doi.org/10.1007/978-1-0716-1418-1>
19. **Kang Y., Hyndman R. J., Smith-Miles K.** Visualising forecasting algorithm performance using time series instance spaces // *International Journal of Forecasting*. 2017. Vol. 33. Iss. 2. P. 345—358. <https://doi.org/10.1016/j.ijforecast.2016.09.004>
20. **Karimnezhad A., Moradi F.** Bayes, E-Bayes and robust Bayes prediction of a future observation under precautionary prediction loss functions with applications // *Applied Mathematical Modelling*. 2016. Vol. 40. Iss. 15-16. P. 7051—7061. <https://doi.org/10.1016/j.apm.2016.02.040>
21. **Kogan K., Herbon A.** Production under periodic demand update prior to a single selling season: A decomposition approach // *European Journal of Operational Research*. 2008. Vol. 184. Iss. 1. P. 133—146. <https://doi.org/10.1016/j.ejor.2006.11.009>
22. **Kourentzes N.** Intermittent demand forecasts with neural networks // *International Journal of Production Economics*. 2013. Vol. 143. Iss. 1. P. 198—206. <https://doi.org/10.1016/j.ijpe.2013.01.009>
23. **Kozik P., Sep J.** Aircraft engine overhaul demand forecasting using ANN // *Management and Production Engineering Review*. 2012. Vol. 3. P. 21—26.
24. **Lasek A., Cercone N., Saunders J.** Restaurant sales and customer demand forecasting:

- Literature survey and categorization of methods // Smart City 360°: First EAI International Summit, Revised Selected Papers. Cham: Springer, 2016. P. 479—491. https://doi.org/10.1007/978-3-319-33681-7_40
25. **Loureiro A. L. D., Miguéis V. L., Silva L. F. da.** Exploring the use of deep neural networks for sales forecasting in fashion retail // Decision Support Systems. 2018. Vol. 114. P. 81—93. <https://doi.org/10.1016/j.dss.2018.08.010>
 26. **Lu C.-J.** Sales forecasting of computer products based on variable selection scheme and support vector regression // Neurocomputing. 2014. Vol. 128. P. 491—499. <https://doi.org/10.1016/j.neucom.2013.08.012>
 27. **Moon M. A.** Demand and Supply Integration: The Key to World-Class Demand Forecasting. 2nd ed. Berlin; Boston: Walter de Gruyter, 2018. XVI, 234 p. <https://doi.org/10.1515/9781501506024>
 28. **Mostard J., Teunter R., Koster R. de.** Forecasting demand for single-period products: A case study in the apparel industry // European Journal of Operational Research. 2011. Vol. 211. Iss. 1. P. 139—147. <https://doi.org/10.1016/j.ejor.2010.11.001>
 29. **Nia A. R., Awasthi A., Bhuiyan N.** Industry 4.0 and demand forecasting of the energy supply chain: A literature review // Computers & Industrial Engineering. 2021. Vol. 154. Art. ID: 107128. <https://doi.org/10.1016/j.cie.2021.107128>
 30. Utilizing Random forest with iForest-based outlier detection and SMOTE to detect movement and direction of RFID tags / G. Alfian, M. Syafrudin, N. L. Fitriyani et al. // Future Internet. 2023. Vol. 15. Iss. 3. Art. No. 103. <https://doi.org/10.3390/fi15030103>
 31. **Wang C.-C., Chien C.-H., Trappey A. J. C.** On the application of ARIMA and LSTM to predict order demand based on short lead time and on-time delivery requirements // Processes. 2021. Vol. 9. Art. No. 1157. <https://doi.org/10.3390/pr9071157>
- ## References
1. Mitra A., Jain A., Kishore A., Kumar P. “A Comparative Study of Demand Forecasting Models for a Multi-Channel Retail Company: A Novel Hybrid Machine Learning Approach”. *Operations Research Forum* 3 (2022): 58. <https://doi.org/10.1007/s43069-022-00166-4>
 2. Abbasimehr H., Shabani M., Yousefi M. “An Optimized Model Using LSTM Network for Demand Forecasting”. *Computers & Industrial Engineering* 143 (2020). <https://doi.org/10.1016/j.cie.2020.106435>
 3. Kilimci Z. H., Akyuz A. O., Uysal M., Akyokus S., Uysal M. O., Bulbul B. A., Ekmis M. A. “An Improved Demand Forecasting Model Using Deep Learning Approach and Proposed Decision Integration Strategy for Supply Chain”. *Complexity* 2019 (2019): 9067367. <https://doi.org/10.1155/2019/9067367>
 4. Box G. E. P., Jenkins G. M., Reinsel G. C. *Time Series Analysis: Forecasting and Control*. 4th ed. Hoboken, NJ: Wiley, 2008. 784 p.
 5. Breiman Leo. “Random Forests”. *Machine Learning* 45.1 (2001): 5—32. <https://doi.org/10.1023/A:1010933404324>
 6. Bruzda Joanna. “Demand Forecasting under Fill Rate Constraints — The Case of Re-Order Points”. *International Journal of Forecasting* 36.4 (2020): 1342—1361. <https://doi.org/10.1016/j.ijforecast.2020.01.007>
 7. Carbonneau Real, Laframboise Kevin, Vahidov Rustam. “Application of Machine Learning Techniques for Supply Chain Demand Forecasting”. *European Journal of Operational Research* 184.3 (2008): 1140—1154. <https://doi.org/10.1016/j.ejor.2006.12.004>
 8. Chien Chen-Fu, Hong Tzu-Yen, Guo Hong-Zhi. “An Empirical Study for Smart Production for TFT-LCD to Empower Industry 3.5”. *Journal of Chinese Institute of Engineering* 40.7 (2017): 552—561. <https://doi.org/10.1080/02533839.2017.1372220>
 9. Choi Tsan-Ming, Hui Chi-Leung, Yu Yong. “Intelligent Time Series Fast Forecasting for Fashion Sales: A Research Agenda”. *2011 International*

- Conference on Machine Learning and Cybernetics, ICMLC 2011*. Guilin: IEEE, 2011. 1010—1014. <https://doi.org/10.1109/ICMLC.2011.6016870>
10. Das Prasun, Chaudhury Subhasis. “Prediction of Retail Sales of Footwear using Feedforward and Recurrent Neural Networks”. *Neural Computing and Applications* 16.4 (2007): 491—502. <https://doi.org/10.1007/s00521-006-0077-3>
 11. Choi Tsan-Ming, Hui Chi-Leung, Liu Na, Ng Sau-Fun, Yu Yong. “Fast Fashion Sales Forecasting with Limited Data and Time”. *Decision Support Systems* 59 (2014): 84—92. <https://doi.org/10.1016/j.dss.2013.10.008>
 12. Fattah J., Ezzine L., Aman Z., El Mousami H., Lachhab A. “Forecasting of Demand using ARIMA Model”. *International Journal of Engineering Business Management* 10 (2018). <https://doi.org/10.1177/1847979018808673>
 13. Kaya M., Yeşil E., Dodurka M. F., Sıradağ S. “Fuzzy Forecast Combining for Apparel Demand Forecasting”. *Intelligent Fashion Forecasting Systems: Models and Applications*. Eds T.-M. Choi, C.-L. Hui, Y. Yu. Berlin: Springer, 2013. 123—146. https://doi.org/10.1007/978-3-642-39869-8_7
 14. Gutierrez R. S., Solis A. O., Mukhopadhyay S. “Lumpy Demand Forecasting using Neural Networks”. *International Journal of Production Economics* 111.2 (2008): 409—420. <https://doi.org/10.1016/j.ijpe.2007.01.007>
 15. Hu M., Qiu R. T. R., Wu D. C., Song H. “Hierarchical Pattern Recognition for Tourism Demand Forecasting”. *Tourism Management* 84 (2021): 104263. <https://doi.org/10.1016/j.tourman.2020.104263>
 16. Hui P. C. L., Choi T.-M. “5 — Using Artificial Neural Networks to Improve Decision Making in Apparel Supply Chain Systems”. *Information Systems for the Fashion and Apparel Industry*. Ed. T.-M. Choi. New York: Woodhead Publ., 2016. 97—107. Woodhead Publishing Series in Textiles. <https://doi.org/10.1016/B978-0-08-100571-2.00005-1>
 17. İmece S., Beyca Ö. F. “Demand Forecasting with Integration of Time Series and Regression Models in Pharmaceutical Industry”. *International Journal of Advances in Engineering and Pure Sciences* 34.3 (2022): 415—425. <https://doi.org/10.7240/jeps.1127844>
 18. James Gareth, Witten Daniela, Hastie Trevor, Tibshirani Robert. *Introduction to Statistical Learning: With Applications in R*. New York: Springer, 2021. xvi, 607 p. Springer Texts in Statistics. <https://doi.org/10.1007/978-1-0716-1418-1>
 19. Kang Y., Hyndman R. J., Smith-Miles K. “Visualising Forecasting Algorithm Performance using Time Series Instance Spaces”. *International Journal of Forecasting* 33.2 (2017): 345—358. <https://doi.org/10.1016/j.ijforecast.2016.09.004>
 20. Karimnezhad Ali, Moradi Fahimeh. “Bayes, E-Bayes and Robust Bayes Prediction of a Future Observation under Precautionary Prediction Loss Functions with Applications”. *Applied Mathematical Modelling* 40.15-16 (2016): 7051—7061. <https://doi.org/10.1016/j.apm.2016.02.040>
 21. Kogan K., Herbon A. “Production under Periodic Demand Update Prior to a Single Selling Season: A Decomposition Approach”. *European Journal of Operational Research* 184.1 (2008): 133—146. <https://doi.org/10.1016/j.ejor.2006.11.009>
 22. Kourentzes Nikolaos. “Intermittent Demand Forecasts with Neural Networks”. *International Journal of Production Economics* 143.1 (2013): 198—206. <https://doi.org/10.1016/j.ijpe.2013.01.009>
 23. Kozik Piotr, Sep Jaroslaw. “Aircraft Engine Overhaul Demand Forecasting using ANN”. *Management and Production Engineering Review* 3 (2012): 21—26.
 24. Lasek A., Cercone N., Saunders J. “Restaurant Sales and Customer Demand Forecasting: Literature Survey and Categorization of Methods”. *Smart City 360°: First EAI International Summit, Revised Selected Papers*. Cham: Springer, 2016. 479—491. https://doi.org/10.1007/978-3-319-33681-7_40
 25. Loureiro A., Miguéis V., Silva L. F. da. “Exploring the Use of Deep Neural Networks for Sales Forecasting in Fashion Retail”. *Decision Support Systems* 114 (2018): 81—93. <https://doi.org/10.1016/j.dss.2018.08.010>

26. Lu Chi-Jie. “Sales Forecasting of Computer Products Based on Variable Selection Scheme and Support Vector Regression”. *Neurocomputing* 128 (2014): 491–499. <https://doi.org/10.1016/j.neucom.2013.08.012>
27. Moon Mark A. *Demand and Supply Integration: The Key to World-Class Demand Forecasting*. 2nd ed. Berlin: Walter de Gruyter, 2018. xvi, 234 p. <https://doi.org/10.1515/9781501506024>
28. Mostard J., Teunter R., Koster R. de. “Forecasting Demand for Single-Period Products: A Case Study in the Apparel Industry”. *European Journal of Operational Research* 211.1 (2011): 139–147. <https://doi.org/10.1016/j.ejor.2010.11.001>
29. Nia A. R., Awasthi A., Bhuiyan N. “Industry 4.0 and Demand Forecasting of the Energy Supply Chain”. *Computers & Industrial Engineering* 154 (2021): 107128. <https://doi.org/10.1016/j.cie.2021.107128>
30. Alfian G., Syafrudin M., Fitriyani N. L., Alam S., Pratomo D. N., Subekti L., Octava M. Q. H., Yulianingsih N. D. et al. “Utilizing Random Forest with iForest-Based Outlier Detection and SMOTE to Detect Movement and Direction of RFID Tags”. *Future Internet* 15.3 (2023): 103. <https://doi.org/10.3390/fi15030103>
31. Wang C.-C., Chien C.-H., Trappey A. J. C. “On the Application of ARIMA and LSTM to Predict Order Demand Based on Short Lead Time and On-Time Delivery Requirements”. *Processes* 9 (2021): 1157. <https://doi.org/10.3390/pr9071157>

Информация об авторе

Родюлин Родион Сергеевич — кандидат экономических наук, доцент кафедры математики и моделирования, Владивостокский государственный университет (Россия, 690000, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41).

Information about the author

Rodion S. Rogulin — PhD (Econ.), Associate Professor at the Mathematics and Modelling Department, Vladivostok State University (Russia, 690000, Vladivostok, Gogol str., 41).

Статья поступила в редакцию 29.05.2023.

The article was submitted 29.05.2023.

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2023. № 3 (39). С. 127—135.

Economic and Social Research. 2023. No 3 (39). P. 127—135.

Научная статья

УДК 331.5

doi: 10.24151/2409-1073-2023-3-127-135

<https://elibrary.ru/gipprp>

Трудовая девиация молодежи на примере группы стран

К. И. Фальковская

Российский государственный университет нефти и газа (Национальный исследовательский университет) имени И. М. Губкина, Москва, Россия

kseniafalk@mail.ru

Аннотация. Предпринята попытка оценить степень распространения трудовой девиации молодежи через специфические статистические показатели — и рассмотреть данные тенденции в региональном аспекте. Приводится теоретическое и статистическое обоснование значимости данного вопроса как проблемы, возникающей при формировании сбалансированного рынка труда и его стратегической устойчивости. На примере отдельных групп стран представлены более детальные оценки факторного формирования поведенческой девиации молодежи, сопоставленные с отдельными экономическими показателями развития экономики и рынка труда рассматриваемых стран. Приводятся корреляционные и регрессионные оценки выбранных для анализа показателей, чтобы точнее определить значимость проблемы трудовой девиации молодежи на региональных рынках труда. Делается вывод: трудовая девиация молодежи вызвана далеко не экономическими факторами, а проблема ее определения острее, чем можно предположить, и потому тем более важна для дальнейшего изучения.

Ключевые слова: рынок труда, рабочая сила, группа стран, молодежь, трудовая девиация

Для цитирования: Фальковская К. И. Трудовая девиация молодежи на примере группы стран // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2023. № 3 (39). С. 127—135. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2023-3-127-135> EDN: GIPPRP.

Original article

Labor deviation of youth on the example of a group of countries

K. I. Falkovskaya

Gubkin Russian State University of Oil and Gas (National Research University), Moscow, Russia

kseniafalk@mail.ru

© Фальковская К. И.

Abstract. The author attempts to evaluate the extent of the spread of youth labor deviation through specific statistical indicators and to consider these trends in the regional aspect. The theoretical and statistical substantiation of the importance of this issue as a problem in the formation of a balanced labor market and its strategic stability is given. Using the example of individual groups of countries, more detailed evaluations of the factor formation of behavioral deviation of young people are presented in comparison with individual economic indicators of the development of the economy and labor market of the countries under consideration. Correlation and regression estimates of the indicators selected for analysis are given in order to more accurately determine the significance of the problem of youth labor deviation in regional labor markets. It has been concluded that the labor deviation of young people is not only and not so much caused by economic factors, hence the problem of determining it is more acute than it was supposed to be and all the more important for further study.

Keywords: labor market, labor force, countries group, youth, labor deviation

For citation: Falkovskaya K. I. “Labor Deviation of Youth on the Example of a Group of Countries”. *Economic and Social Research* 3 (39) (2023): 127–135. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2023-3-127-135> EDN: GIPPRP.

Введение

Проблема трудовой девиации молодежи в отношении работы и профессионального обучения сегодня весьма остра и может быть вызвана различными факторами, такими как низкий уровень мотивации, несоответствие ожиданий и реальности, отсутствие перспектив на будущее, недостаточная информированность о возможностях образования и трудоустройства. Кроме того, социальные и экономические проблемы, а именно безработица, бедность, нестабильность в экономике, также могут повлиять на нежелание молодежи учиться и работать.

В общемировой практике молодежь, которая не учится и не работает, описывается показателем NEET (Not in Education, Employment nor Training), а соответствующая молодежная группа определяется как поколение NEET. NEET — это показатель, отражающий долю молодых людей в возрасте от 15 до 24 лет, которые не учатся, не работают и не проходят профессиональное обучение. Этот показатель служит важным индикатором социально-экономической ситуации в стране и мире и может быть использован

для того, чтобы оценить эффективность государственной политики в области занятости и образования. Высокий уровень NEET может свидетельствовать о проблемах в экономике и образовании, а также о недостаточной поддержке молодежи со стороны государства.

Сегодня поколение NEET — общемировое явление, и оно бросает вызов социальной и экономической политике. Исследователи изучают факторы, которые приводят к появлению этого поколения, — низкий уровень образования, экономическую нестабильность, социальную изоляцию и отсутствие возможностей для развития карьеры.

Один из основных способов борьбы с проблемой NEET — создание программ и инициатив, которые помогают молодым людям получить образование, навыки и опыт работы. Это могут быть программы поддержки для поиска работы, обучения и стажировок, а также социальные программы, направленные на улучшение здоровья и благополучия молодых людей.

Исследование проблемы

Исследователи продолжают изучать поколение NEET, чтобы лучше понимать причины и последствия этого явления и разрабатывать более эффективные стратегии для борьбы с этой проблемой.

Существует несколько моделей трудовой демотивации молодежи.

1. *Модель безысходности.* Молодые люди считают, что у них нет возможности получить работу с достойной зарплатой и перспективами на карьерный рост. Это лишает мотивации и ухудшает психологическое состояние.

2. *Модель несправедливости.* Молодые люди чувствуют, что к ним несправедливо относятся на рабочем месте — и это вызывает недовольство и ухудшает мотивацию.

3. *Модель непонимания.* Молодые люди часто не понимают, какую пользу они приносят своей работой и как она связана с целями компании. Из-за этого исчезает мотивация и пропадает понимание своей роли на рабочем месте.

4. *Модель отсутствия перспектив.* Молодые люди не видят перспектив для карьерного роста и развития в компании, что ухудшает мотивацию и не дает искать другие возможности.

Решение проблемы трудовой демотивации молодежи должно учитывать все эти модели и предоставлять молодым людям возможности для профессионального и личностного развития.

Трудовая демотивация (как один из факторов NEET) подразумевает чувство «профессионального отчаяния», направленное на рынок труда. С точки зрения статистики, данная категория молодежи не имеет работы, но может работать, однако не ищет работу. Причинами этого могут быть:

- незнание того, как и где искать работу;
- неспособность найти работу, соответствующую навыкам;
- ситуация, когда предыдущие поиски работы не привели ни к каким результатам;

- ощущение себя слишком молодым (молодой), чтобы найти работу;

- чувство, что в области поиска нет свободных рабочих мест.

В мире трудовую мотивацию и профессиональную ориентацию молодежи исследуют различные организации и ученые. Вот некоторые из них: Международная организация труда (МОТ), Всемирный банк, Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), Национальный институт труда и социальных исследований (НИТСИ), университеты и научные центры различных стран:

1) *МОТ* проводит исследования по трудовой мотивации и профессиональной ориентации молодежи в различных странах мира;

2) *Всемирный банк* публикует отчеты и исследования по трудовой мотивации и занятости молодежи в различных регионах мира;

3) *ОЭСР* исследует трудовую мотивацию и профессиональную ориентацию молодежи в странах — членах ОЭСР;

4) *НИТСИ* исследует трудовую мотивацию и занятость молодежи в России;

5) университеты и научные центры различных стран исследуют трудовую мотивацию и профессиональную ориентацию молодежи в различных областях знаний.

Нередко эксперты, оценивая данную часть молодежной страты, прибегают к термину «потерянное поколение», тем самым пытаясь привлечь особое внимание к проблемам формирования рабочей силы в молодежной среде, поскольку именно эта среда станет определяющей для дальнейшего развития рынка труда на национальном уровне.

В исследовании «Социально-демографические поколения современной России: воспроизводство и взаимодействие» Е. И. Иванова [1] анализирует причины и последствия потери мотивации и целей у молодежи и предлагает пути решения этой проблемы. Автор предлагает новые подходы к обучению, которые

помогут молодым людям найти важные именно для них интересы и цели, а также развить мотивацию и уверенность в своих силах. В изучении проблемы «потерянного поколения» также участвовали и другие авторы. Крис Миллер [2], в частности, анализирует проблемы NEET среди молодежи в разных странах мира. Он исследует, какие факторы могут привести к этому состоянию, а также какие последствия это состояние может иметь для общества в целом. Он также предлагает решения для тех, кто уже оказался в этой ситуации.

В то время как в других контекстах Организация Объединенных Наций определяет молодежь как лиц в возрасте от 15 до 24 лет, в рамках рассматриваемой проблематики формирования рабочей силы, которая включает на первом этапе систему «от школы к работе», под молодежью понимаются все лица в возрасте от 15 до 29 лет. Тем самым ООН признает, что некоторые молодые люди остаются в системе образования дольше, а также что подобные возрастные рамки позволяют дольше отслеживать начало трудовой деятельности молодых людей.

Показатели перехода от учебы к работе были разработаны в мировой практике (как правило, международными организациями — ООН, МОТ) для того, чтобы более подробно

Оценки проблемы

По данным статистики, коэффициент NEET в основных группах стран за последние 20 лет высок, сохраняется на прежнем уровне и находится в диапазоне от 10 % в ЕС, 20 % в Латинской Америке и до 30 % в Южной Азии (рис. 1).

Оценивая корреляционные показатели (см. табл. 1) общемировых тенденций к изменению коэффициента NEET по группам стран разного уровня социально-экономического развития, можно отметить, что существует слабая корреляционная зависимость между количеством молодежи из группы NEET и территорией ее проживания. Попадание молодых людей в данную группу во мно-

классифицировать пути перехода молодых людей на рынке труда. С помощью одного из подобных показателей молодежь делят на три группы — в соответствии с их этапом перехода от учебы к работе:

(I) человек прошел переход;

(II) человек находится в переходном периоде;

(III) переход еще не начался.

Успешный, качественный (с точки зрения процесса формирования рабочей силы) переход от образования к работе — важный аспект развития человеческого капитала.

Ключевые показатели оценки этого перехода — уровень занятости, удовлетворенность работой, уровень дохода и возможности карьерного роста. Другие факторы, которые могут повлиять на этот переход, включают в себя наличие рабочих мест, качество образовательных программ и профессиональных тренингов, а также уровень навыков и квалификации, требуемых работодателями. Если разработать эффективную политику занятости и программы профессиональной подготовки для поддержки людей в переходе от образования к работе, чтобы сделать этот переход успешным, это может улучшить экономические и социальные результаты для индивидуумов и общества в целом.

гом связано не столько с базовыми характеристиками рынка труда и общими трудовыми ожиданиями молодежи, сколько со специфической системой «учеба — работа», представленной на разных территориях, в разных макроэкономических регионах, в разных странах и требующей специфических, территориальных подходов к решению данной проблемы — *проблемы разбалансированности рынка труда на первичном этапе его формирования.*

В развитых странах (группы стран ОЭСР, ЕС, страны Центральной Европы и Балтии, Северной Америки) с наибольшей частотой встречается показатель NEET на

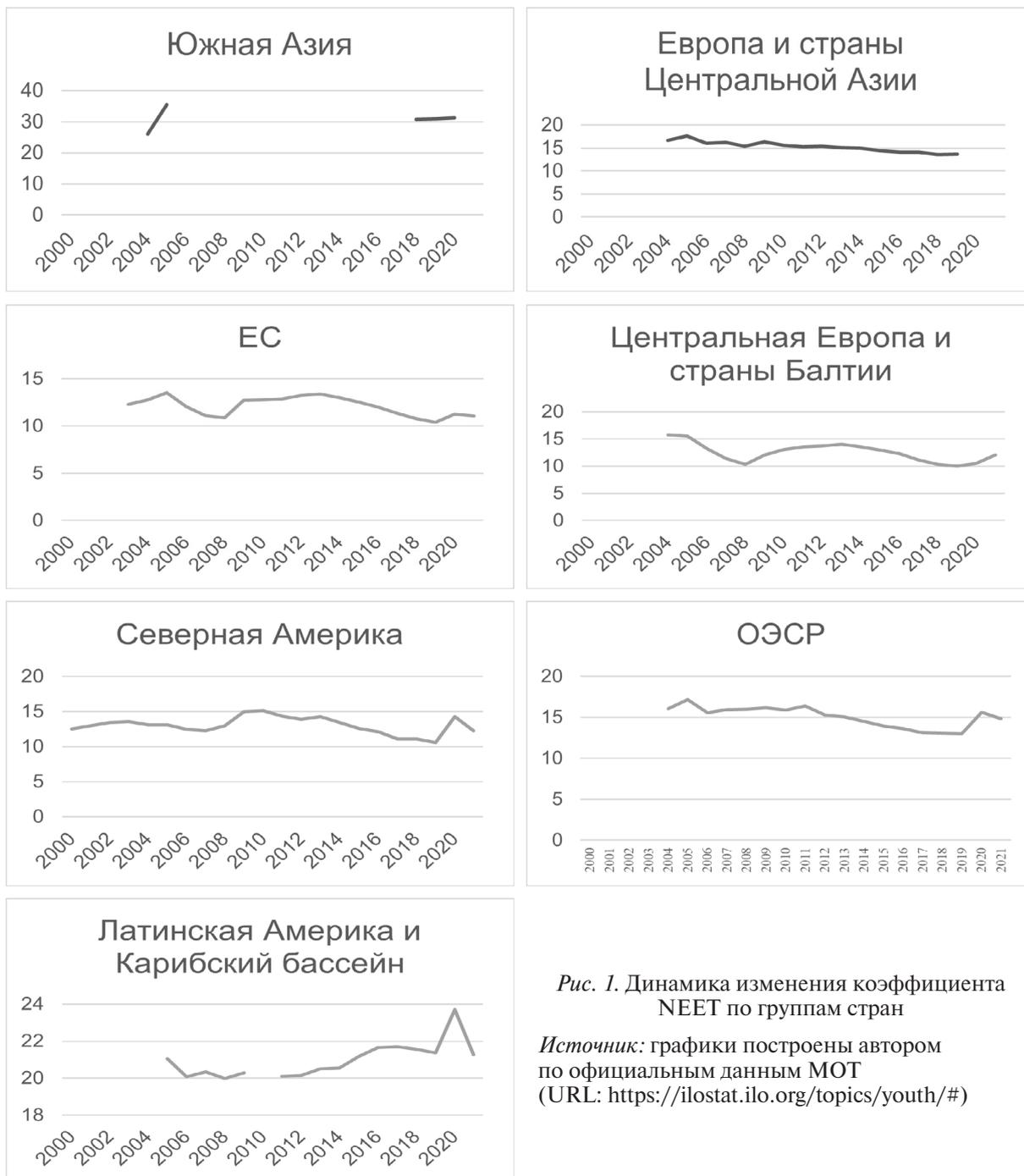

Рис. 1. Динамика изменения коэффициента NEET по группам стран

Источник: графики построены автором по официальным данным МОТ (URL: <https://ilostat.ilo.org/topics/youth/#>)

уровне 13,6 % (рис. 2), т. е. в развитых странах 13 человек из 100 демотивированы к труду и профессиональному образованию.

ОЭСР была создана в 1961 г. для координации экономической политики между странами-членами. В настоящее время ОЭСР объединяет 38 стран, в том числе США, Канаду, Японию, Австралию, Новую Зеландию и большинство стран Европы. Во всем мире

страны ОЭСР — наиболее развитые и процветающие. В них высокий уровень жизни, доходов, развитая инфраструктура, качественная медицинская помощь и образование. Большинство стран ОЭСР относятся к группе стран с высоким уровнем дохода (по классификации Всемирного банка). Страны ОЭСР также лидируют в области научных исследований и инноваций. Это связано с тем,

Таблица 1

Коэффициенты корреляционной зависимости показателей NEET по отдельным группам стран

Группы стран	ОЭСР	Северная Америка	Центральная Европа и страны Балтии	ЕС
ОЭСР	1			
Северная Америка	0,71	1		
Центральная Европа и страны Балтии	0,52	0,44	1	
ЕС	0,49	0,67	0,88	1

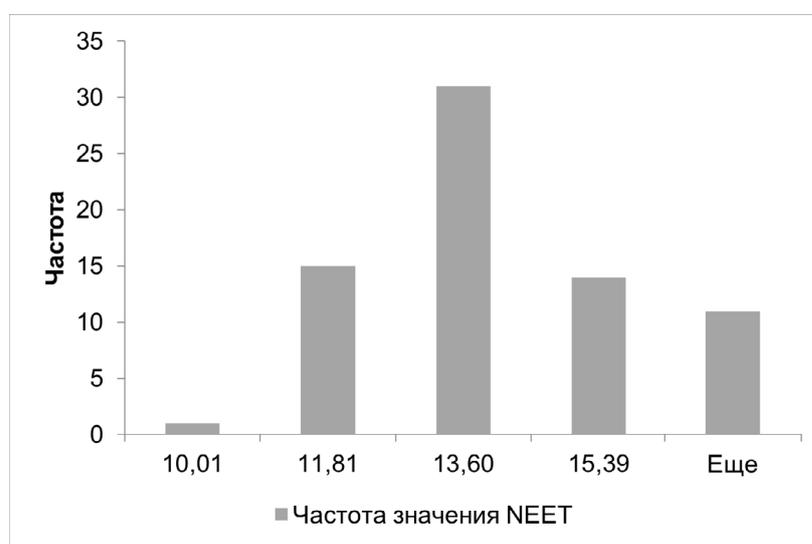

Рис. 2. Частотность распределения показателя NEET по отдельным группам стран

что они инвестируют значительные средства в научные исследования и разработки. Например, Япония — лидер в робототехнике, а США — в информационных технологиях. Страны ОЭСР также известны своими демократическими институтами и свободой прессы. В них сильные правовые системы и высокий уровень защиты прав человека. Это делает их привлекательными для бизнеса и инвесторов. Однако, несмотря на все свои достижения, страны ОЭСР также сталкиваются с рядом проблем. Например, им бросают вызов изменения климата, миграция и бедность. Кроме того, для многих стран ОЭСР актуальны такие проблемы, как старение населения и уменьшение рождае-

мости. Если подытожить, в целом страны ОЭСР — одни из самых развитых и процветающих в мире. В них высокий уровень жизни, развитая экономика и инфраструктура, а также сильные демократические институты. Однако они сталкиваются с вызовами и проблемами, которые требуют решения в ближайшем будущем.

Рынок труда в странах ОЭСР исследуют различные организации и учреждения, такие как сама ОЭСР, МОТ, Европейская комиссия и национальные институты статистики и экономических исследований. Также исследования проводят университеты и независимые исследовательские центры. Исследования рынка труда в странах ОЭСР показывают,

что там высок уровень занятости и низок уровень безработицы. Однако страны различаются между собой, и некоторые сталкиваются с проблемой неравенства на рынке труда.

Например, в США и Великобритании высокого уровня достигает неравенство доходов, а социальные права работников защищены недостаточно. В то же время в странах Скандинавии и Германии доходы распределяются более равномерно, а социальная защита работников достигает высокого уровня.

Исследования также показывают, что в странах ОЭСР различается оплата труда мужчин и женщин. Женщины в среднем получают за свою работу меньше, чем мужчины, и часто сталкиваются с проблемой прерывистой занятости из-за детей или ухода за больными родственниками.

Одним из вызовов для стран ОЭСР становится также растущая конкуренция на мировом рынке труда. В связи с этим многие страны ОЭСР прикладывают все больше сил к образованию и поддержке инноваций, чтобы обеспечить высокий уровень квалификации своих работников и сохранить свою конкурентоспособность.

В целом исследования рынка труда в странах ОЭСР показывают, что в них высокий уровень занятости и низкий уровень безработицы, но они сталкиваются с проблемами неравенства, с различиями в оплате труда и с конкуренцией на мировом рынке труда. Один из наиболее актуальных вопросов, связанных с рынком труда в странах ОЭСР, — проблема трудовой демотивации молодежи. Эта проблема возникает из-за нескольких факторов, таких как высокая безработица среди молодых людей, низкие зарплаты и отсутствие перспектив для карьерного роста. Исследования показывают, что многие молодые люди не видят смысла в том, чтобы работать за низкую зарплату и без перспектив карьерного роста. Они также часто сталкиваются с дискриминацией на рабо-

чем месте и несправедливыми условиями труда.

Для решения проблемы трудовой демотивации молодежи важно проводить социально-экономические реформы, направленные на улучшение условий труда и создание новых рабочих мест. Также необходимо организовывать обучение и тренинги для молодых людей, чтобы они могли развиваться профессионально и повышать квалификацию. Чтобы решить проблему трудовой демотивации молодежи, важно также создать условия для социальной мобильности и упростить доступ к образованию и здравоохранению. Это поможет молодым людям получить необходимые знания и навыки для успешной карьеры и наладить более хорошую жизнь в целом.

Так, в странах ОЭСР уровень показателя NEET за период 2004—2021 гг. изменился с 16 % до 14,8 % — при этом в период 2015—2019 гг. он значительно снизился до уровня 13 %. Уровень ВВП в этих странах за рассматриваемый период вырос практически в 2 раза — и составил немногим более половины мирового ВВП. Уровень безработицы изменялся волнообразно, достигая максимальных значений (8,4 %) в 2010 г. и минимальных (5,77 %) — в 2007 г.; в целом за рассматриваемый период он скорее сокращался: с 7 % в 2004 г. до 6 % в 2021 г. Охват школьным образованием составил в странах ОЭСР практически 100 %. При этом доля трудоспособного населения (15—64 лет) изменилась с 66,5 % в 2004 г. до 64,87 % в 2021 г.; налицо неуклонное уменьшение (см. табл. 2).

Регрессионный анализ отдельных показателей экономического развития и рынка труда стран ОЭСР (табл. 3) позволяет сделать ряд выводов.

В табл. 3 использованы статистические обозначения: R^2 — показатель оценки качества модели; R_{adj} — уточняющий показатель оценки качества модели; F — показатель оценки значимости зависимости; df — количество наблюдений в модели. Для каждой

Таблица 2

Отдельные показатели экономического развития и рынка труда
для стран ОЭСР за период 2004—2021 гг.

ОЭСР	Показатель NEET, %	ВВП, трлн \$	Уровень безработицы, %	Охват школьным образованием, доли	Уровень трудоспособного населения (15—64 лет), %
	Y	X_1	X_2	X_3	X_4
2004	16,0	35,57	7,1	0,99	66,5
2005	17,0	37,6	6,8	0,99	66,5
2006	15,5	39,6	6,2	0,99	66,6
2007	15,9	43,4	5,7	0,99	66,6
2008	16,0	46,1	6,1	0,99	66,6
2009	16,1	43,1	8,2	1,0	66,5
2010	15,8	45,2	8,4	1,0	66,5
2011	16,3	48,6	8,0	0,99	66,4
2012	15,2	48,6	8,0	0,99	66,3
2013	15,1	49,2	7,9	1,0	66,1
2014	14,5	50,2	7,3	1,0	65,9
2015	13,9	47,4	6,8	1,0	65,7
2016	13,6	48,3	6,4	1,0	65,6
2017	13,1	50,4	5,9	0,99	65,4
2018	13,0	53,3	5,4	1,0	65,2
2019	12,9	53,8	5,3	1,0	65,1
2020	15,6	52,5	7,1	1,0	64,9
2021	14,8	58,2	6,1	1,0	64,8

Таблица 3

Регрессионный анализ отдельных показателей экономического развития
и рынка труда стран ОЭСР

X_1	-2,99E-14 (7,09E-14)
X_2	0,522* (0,246)
X_3	-174,15 (136,0)
X_4	0,576 (0,64)
R^2	0,73
R_{adj}	0,65
F	8,36
df	16

* Показатель t -критерия Стьюдента говорит о значимости переменной X_2 при уровне значимости менее 0,05, т. е. данная зависимость выполняется в 95 % случаев.

переменной X рассчитаны коэффициенты, отражающие степень влияния данной переменной на итоговый результат модели.

Полученные данные регрессионного анализа позволяют сделать вывод о положительной связи между коэффициентом NEET и переменными X_2 (уровень безработицы) и X_4 (уровень трудоспособного населения). Особенной статистической значимостью обладает характер зависимости определяемой переменной и переменной X_2 , что подтверждается показателем критерия Стьюдента. Отрицательная и крайне слабая зави-

симость отмечается для переменных X_1 (ВВП) и X_3 (охват школьным образованием), что свидетельствует о слабом воздействии на формирование категории NEET общей экономической ситуации в обществе, а также общего уровня первичной образовательной подготовки.

Результаты регрессионного анализа показывают, что уровень безработицы и количество трудоспособного населения сильно влияют на категорию NEET, тогда как ВВП и покрытие начальным образованием воздействуют на эту же категорию слабо.

Заключение

Таким образом, среди ценностных предпосылок экономического поведения студенческой молодежи, направленных на формирование профессионального капитала, мы фиксируем не только и не столько экономические мотивы демотивации к труду и профессиональному образованию, сколько прочие мотивы, лежащие вне экономического пространства.

NEET — по сути, показатель трудовой девиации молодежи, — предопределяется в мотивационной системе студенческой молодежи преимущественно личностными и социальными факторами, но не факторами экономического характера.

Список литературы и источников

1. *Иванова Е. И.* Социально-демографические поколения современной России: воспроизводство и взаимодействие. М.: Амалданик, 2012. 431 с. EDN: TUDCNQ.
2. *Miller Ch.* The Struggle to Save the Soviet Economy: Mikhail Gorbachev and the Collapse of the USSR. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2016. 456 p.

References

1. Ivanova E. I. *Socio-Demographic Generations of Modern Russia: Reproduction and Interaction*. Moscow: Amaldanik, 2012. 431 p. (In Russian.) EDN: TUDCNQ.
2. Miller Chris. *The Struggle to Save the Soviet Economy: Mikhail Gorbachev and the Collapse of the USSR*. Chapel Hill: Univ. of North Carolina Press, 2016. 456 p.

Информация об авторе

Фальковская Ксения Игоревна — кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры стратегического управления ТЭК, Российский государственный университет нефти и газа (Национальный исследовательский университет) имени И. М. Губкина (Россия, 119991, Москва, Ленинский пр., 65).

Information about the author

Ksenia I. Falkovskaya — Cand. Sci. (Sociol.), Assoc. Prof., Associate Professor at the Department of Strategic Management of the Fuel and Energy Complex, Gubkin Russian State University of Oil and Gas (National Research University) (Russia, 119991, Moscow, Leninsky Ave., 65).

Статья поступила в редакцию 17.06.2023.

The article was submitted 17.06.2023.

ФИЛОСОФИЯ: МИР В ЧЕЛОВЕКЕ И ЧЕЛОВЕК В МИРЕ PHILOSOPHY: UNIVERSE IN HUMAN AND HUMAN IN UNIVERSE

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2023. № 3 (39). С. 136–143.

Economic and Social Research. 2023. No. 3 (39). P. 136–143.

Научная статья

УДК 122/129

doi: 10.24151/2409-1073-2023-3-136-143

<https://elibrary.ru/kktuad>

Трансгуманизм и постгуманизм: два пути навстречу постчеловеку

А. С. Белобрагина

Национальный исследовательский университет «МИЭТ», Москва, Россия

belobragina@gmail.com

Аннотация. Актуальность темы обусловлена присутствующей категориальной путаницей между понятиями «трансгуманизм» и «постгуманизм», а также важностью осмысления онтологического вектора развития идей, пришедших на смену классическому гуманизму. Выполнен сравнительный анализ философских концепций трансгуманизма и постгуманизма с точки зрения их исторических истоков, содержания, основного предмета, фокуса внимания, отношения к антропоцентризму, к человеку, к технологии и к их симбиозу. Основываясь на результатах сопоставления, сделан вывод о том, какая из рассматриваемых философских концепций сможет нивелировать угрозы цифрового мира и стать основой для коэволюции человека и технологий.

Ключевые слова: гуманизм, трансгуманизм, постгуманизм, цифровизация, цифровой гуманизм

Для цитирования: Белобрагина А. С. Трансгуманизм и постгуманизм: два пути навстречу постчеловеку // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2023. № 3 (39). С. 136–143. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2023-3-136-143> EDN: KKTUAD.

Original article

Transhumanism and posthumanism: two ways towards posthuman

A. S. Belobragina

National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia

belobragina@gmail.com

© Белобрагина А. С.

Abstract. The relevance of the topic is due to some categorial confusion between the concepts of “transhumanism” and “posthumanism”, as well as the importance of understanding the ontological vector of development of the ideas that came after humanism of the classical period. The author compares the philosophical concepts of transhumanism and posthumanism in terms of their historical origin, content, main subject, focus of attention, attitude to anthropocentrism, human, technology and their symbiosis. Based on the comparison results, the author has concluded which philosophical concepts of the two under consideration could level the threats of the digital world and become the basis of the co-evolution of man and technology.

Keywords: humanism, transhumanism, posthumanism, digitalization, digital humanism

For citation: Belobragina A. S. “Transhumanism and Posthumanism: Two Ways towards Posthuman”. *Economic and Social Research* 3 (39) (2023): 136–143. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2023-3-136-143> EDN: KKTUAD.

В эпоху высоких технологий и радикального биотехнологического развития человек всё чаще сталкивается с цифровым контролем и цифровым неравенством. При этом он теряет приватность и вынужден активно взаимодействовать с алгоритмами и программами или даже подчиняться им: возникают угроза цифрового тоталитаризма и морально-этические сложности взаимоотношений с искусственным интеллектом. Очевидно, что объективная реальность вынуждает человечество перестраиваться и делать шаг навстречу «постчеловеку». При этом, пишет А. Л. Крайнов, постнеклассическая философия «рассматривает человека не как творца и хозяина Вселенной, а как материал для экспериментов и различных трансформаций (трансгуманизм), либо переходный эволюционный вид, который стремится к постчеловеку (постгуманизм)» [3, с. 17]. В этом контексте особое значение приобретает осмысление данных философских течений и определение роли и места человека сегодняшнего дня и человека будущего во взаимоотношениях с наукой и техникой.

Способны ли принципы трансгуманизма и постгуманизма противостоять угрозам цифрового мира? Сможет ли одна из этих концепций стать философским фундаментом успешного симбиоза науки, техники и социума? Когда человек сможет добавить себе

префикс «пост»? В поисках ответов на поставленные вопросы в данной статье будут рассмотрены концепции трансгуманизма и постгуманизма с использованием общенаучных методов анализа и синтеза. Также будет проведено сопоставление полученного перечня общих и уникальных базовых характеристик каждой концепции с угрозами, актуальными для цифрового общества.

В академическом дискурсе бывает действительно сложно разграничить «постгуманизм» и «трансгуманизм». Категориальная путаница связана с использованием термина «постчеловек» в обеих концепциях, а также с многообразием трансгуманистических направлений (экстропианство, сингулярианство, гедонистический императив, демократический трансгуманизм, либертарианский и религиозный трансгуманизм и др.) [2, с. 46–47] и постгуманистических идей (философский, культурный и критический постгуманизм и др.) [5, с. 23]. Ситуация усугубляется разными взглядами исследователей на генеалогическое древо гуманизма.

Ответ на вопрос, является ли трансгуманизм ветвью постгуманизма и сохраняется ли у этих концепций связь с классическим гуманизмом, в современной научной литературе не однозначен. Так одни исследователи считают, что постгуманизм является трансгуманизмом, «доведенным до своего

предела» [4, с. 98], другие определяют трансгуманизм как аспект, составную часть концепции постгуманизма [6, с. 26]. Заметный вклад в теоретико-методологический анализ постгуманизма и трансгуманизма внесли зарубежные исследователи Ф. Феррандо и Н. Бостром, а также отечественные авторы Е. Г. Грибовод, И. В. Катерный, Д. М. Ковба, А. Л. Крайнов, А. И. Криман, Б. Г. Юдин и другие.

Своими корнями идеи трансгуманизма, как утверждает Ф. Феррандо, уходят в философскую традицию эпохи Просвещения, характеризующуюся стремлением к прогрессу и рациональности [5, с. 70]. Именно в этот период меняется сознание человека, теперь его мышление базируется на «принятии личной ответственности за создание лучшего будущего вместо того, чтобы надеяться или молиться о том, чтобы оно было осуществлено сверхъестественными силами, на разуме, технологии, научном методе и человеческом творчестве, а не на вере» [16, с. 4]. Термин «трансгуманизм» в научный оборот входит в 1957 г. благодаря трудам Дж. Хаксли [11, с. 17]. Закономерно, что на волну популярности идеи трансгуманизма попадают позже, в конце 1980-х — начале 1990-х гг., благодаря научно-технологической революции в области информационных технологий, биомедицины и становлению нанотехнологий.

Трансгуманизм, обладая префиксом «транс», символизирует переход человека на новую ступень эволюции, к стадии «постчеловека», который выходит за пределы человеческих возможностей, усовершенствуется и приобретает морфологическую свободу, т. е., по определению М. Мора, «возможность менять по собственному желанию форму тела» [12, с. 17]. Главными инструментами на пути к этой цели во всех направлениях трансгуманизма становятся наука и технологии вместе с критическими и креативными методами мышления. Информации, знаниям и технологиям отводится приоритетная роль в формировании социума.

Концепция трансгуманизма чаще всего рассматривается как эволюционная ступень в развитии гуманистических идей [2, с. 43], как «гуманизм, адаптированный к эволюции мира, полностью основанный на новейших технологиях, объединенных акронимом НБИК (нано, био-, инфо- когнитивные технологии)» [4, с. 101], как сохраняющий гуманистическое понимание человека «ультра-гуманизм» [14, с. 102]. Вместе с тем некоторые исследователи, в частности Б. Г. Юдин, убеждены, что трансгуманизм не может считаться гуманистическим мировоззрением, поскольку префикс «транс» «имеет значение “за-, пере-, через, по ту сторону”, т. е. в данном случае он говорит о *преодолении* гуманизма» [7, с. 197].

Один из первых теоретиков идей трансгуманизма, футуролог, заложивший принципы экстропианства, М. Мор отмечал, что трансгуманизм несет с собой «радикальные изменения в условиях нашего существования под влиянием различных наук и технологий, таких как неврология и нейрофармакология, нанотехнологии, искусственный сверхразум, космическая среда обитания» [13, с. 6] и позволит снять ограничения на продолжительность жизни людей. Мор и другие идеологи трансгуманизма верят в то, что мы можем и должны использовать научные и технологические достижения, чтобы превзойти ограничения нашего естественного состояния и стать более развитыми и мощными существами. Технология выступает, по словам Ф. Феррандо, «внешним источником, способным обеспечить человечеству место в постбиологическом будущем» [5, с. 77]. Так, Р. Курцвейл, известный американский изобретатель и популяризатор сингулярианства, считает, что человечество должно стремиться к достижению бессмертия и интеграции с технологиями, такими как искусственный интеллект и нанотехнологии. Н. Бостром пропагандирует исследование и разработку технологий для улучшения физических и умственных способностей человека, а также

создание этических рамок для использования этих технологий. Ф. Фукуяма, в свою очередь, указывает на то, что трансгуманизм ставит под угрозу равноправие людей: «Если мы начнем преобразовывать себя во что-то более совершенное, на какие права будут претендовать эти усовершенствованные существа и какими правами они будут обладать по сравнению с теми, кто остался позади?» [8, с. 42].

Нет смысла отрицать, что человечество будет эволюционировать, находясь под влиянием последующих достижений науки и техники, и этот процесс неизбежен. Но способны ли Homo sapiens выдержать сложности, которые принесет за собой переход на стадию «постчеловека» или любая другая эволюция? Большинство трансгуманистических концепций, за исключением демократического трансгуманизма (синтез трансгуманизма с акцентом на социальные проблемы общества и демократического подхода к принятию решений), как замечает Ф. Феррано, скорее уклоняется от необходимости признать социальные, политические и экологические последствия усовершенствования человека [5, с. 242]. Технология воспринимается исключительно как средство достижения цели — усовершенствование человека, изменение его биологической природы. В свою очередь, постгуманизм, в отличие от трансгуманизма, фокусируется на исследовании возможных последствий и перспектив влияния технологий на человека. Далее рассмотрим основные положения этой философской концепции.

Впервые на постгуманизм как новое явление обращает внимание И. Хассан в своей работе 1977 г. *Prometheus as Performer: Toward a Posthumanist Culture?* («Прометей как исполнитель: на пути к постгуманистической культуре?»). Он говорит о необратимом изменении природы человека, а также о необходимости переосмысления идей классического гуманизма в связи с его кризисом: «Вытеснит ли искусственный интеллект человеческий

разум, исправит ли его или просто расширит его возможности? Мы не знаем. Но одно мы знаем точно: искусственный интеллект, от самого скромного калькулятора до самого совершенного компьютера, помогает трансформировать образ человека, концепцию человеческого» [9, с. 846].

Современный постгуманизм отрицает идею о единственном и фиксированном определении человека и ставит под сомнение исключительность нашего существования, стирая грань между человеком и другим миром, изменяя его онтологический статус. Сторонники постгуманизма считают, что наша эволюция не завершена: люди и технология должны взаимодействовать, чтобы создать новые формы существования и новые представления о разуме и индивидуальности. Они исследуют взаимодействие между людьми, машинами и окружающей средой и предлагают новые подходы к вопросам их коэволюции.

Важно отметить, что постгуманизм не является единой концепцией, это широкое понятие, которое объединяет в себе множество авторских концепций и взглядов. Так, критический постгуманизм связан с работой литературного критика Н. К. Хейлз «Как мы стали постлюдьми? Виртуальные тела в кибернетике, литературе и информатике» [10]. Как отмечает Ф. Феррандо, «проведенная ею (Хейлз) критика бестелесных нарративов, утвердившихся в работах по кибернетике и информатике, проторила путь постгуманистическому подходу, укорененному в феминистских и постмодернистских практиках» [5, с. 57].

Истоки того, что принято считать культурным постгуманизмом, раскрываются в книге «Постчеловеческие тела», вышедшей в 1995 г. под редакцией Дж. Халберстам и А. Ливингстона. Авторы различных эссе в рамках этой книги обращаются к целому ряду литературных текстов и фильмов, чтобы продвинуть понимание постгуманизма, основанное на культурных проявлениях моральных взглядов на технологии [15].

Концепция философского постгуманизма, в свою очередь, призывает деконструировать уникальность человека, отказавшись от идеи антропоцентризма, любых дуализмов и иерархий. Ф. Феррандо определяет философский постгуманизм «в качестве пост-гуманизма, пост-антропоцентризма и пост-дуализма». При этом пост-антропоцентризм предполагает отказ от идеи антропоцентризма, а пост-дуализм — от каких-либо противопоставлений живое / неживое, человек / природа, свой / чужой, естественное / техническое и т. д.: «В контексте современного мышления философский постгуманизм представляет многообещающий подход осмысления настоящего, прошлого и возможных будущих, позволяющий отказаться от техноцентристских или линейных посылок» [5, с. 330].

Все перечисленные концепции постгуманизма формируют новые ценностные ориентиры, к которым можно отнести: критику антропоцентризма и формирование полицентричной картины мира, открытость к изменениям человеческой природы, отказ от уникальности человека и каких-либо привилегий по сравнению с другими субъектами бытия.

Исторические этапы формирования постгуманистической концепции в отечественной литературе подробно структурированы в исследовании Е. Г. Грибовод [1]. Автор предлагает следующую периодизацию: рождение идей постгуманизма из постмодернизма (середина XX — начало XXI в.), дробление и формирование разнообразных течений внутри постгуманизма (конец XX — начало XXI в.), концептуальное осмысление и закрепление постгуманизма и основных понятий, связанных с ним (начало XXI в.).

Обобщая вышесказанное, сформулируем перечень основных характеристик и принципов рассмотренных философских концепций.

Трансгуманизм:

• является неоднородным философским течением, объединяющим идеи исследова-

телей, не принимающих ограничения человеческой природы;

- считает основным предметом интересов и ключевыми факторами эволюционного прорыва науку и технологии;
- не разделяет области человеческого и технического;
- определяется как новый этап развития гуманизма;
- уходит своими философскими корнями в эпоху Просвещения;
- рассматривает человека как один из множества биологических видов;
- признает неотъемлемым право человека совершенствовать свои возможности с помощью современных технологий;
- верит в исключительно положительные последствия научно-технического прогресса;
- фокусируется на практической реализации возможных улучшений человека (цифровое бессмертие, совершенствование возможностей мозга, биохакинг, клонирование, биопротезирование и т. д.).

Постгуманизм:

- является объединением нескольких авторских концепций и взглядов мыслителей, убежденных в том, что эволюция человека не завершена: следующим этапом гипотетически станет появление постчеловека, получившегося в результате слияния человека и машины (киборгизация);
- считает основным предметом интересов деконструкцию понятия человека и пересмотр его модели;
- как и трансгуманизм, не разделяет области человеческого и технического;
- в отличие от трансгуманизма, не является продолжением классического гуманизма — критически осмысляет понятие антропоцентризма и роднится с постмодернизмом;
- концептуально оформился во второй половине XX в.;
- рассматривает человека как один из элементов биосферы;

- как и трансгуманизм, признает неотъемлемым право человека совершенствовать свои возможности с помощью современных технологий;

- осуществляет критическую рефлексию последствий научно-технического прогресса;

- фокусируется на исследовании возможных последствий и перспектив влияния технологий на человека.

Следовательно, трансгуманизм и постгуманизм во многом сходны, но при этом для них характерны разные философские истоки, диаметрально противоположное отношение к идеям классического гуманизма, разный фокус внимания в контексте осмысления взаимоотношений человека и технологий. Попробуем дать ответы на вопросы, сформулированные в начале статьи.

Способны ли принципы трансгуманизма и постгуманизма противостоять угрозам цифрового мира? Если в качестве основных угроз рассматривать цифровое неравенство, цифровой тоталитаризм и этические вопросы взаимоотношений человека и техники, то обе концепции частично сдерживают негативные последствия развития технологий, однако остается множество этических, юридических, экономических и социальных аспектов, которые требуют переосмысления и новых философских подходов. Теоретически одним из них сможет стать философия цифрового гуманизма, о которой сегодня всё чаще пишут в зарубежной научной литературе.

Сможет ли трансгуманизм или постгуманизм стать философским фундаментом успешного симбиоза науки, техники и социума? Опираясь на полученную сравнительную характеристику данных философских концепций, можно полагать, что идеи постгуманизма имеют для этого больше шансов. Критическое осмысление изменения человеческого бытия посредством технологий может уберечь человечество от фатальных ошибок, а деконструкция понятия человека будет способствовать построению

новой системы взаимоотношений в этом симбиозе.

Когда человек сможет добавить себе префикс «пост»? Ответ на этот вопрос дает Ф. Феррандо, отстаивая убеждение, что время прощаться с понятием «человек» еще не пришло, но при этом признавая: наступает «историческая эпоха “постчеловека”, которая (еще) не стала культурной революцией или природной эволюцией; скорее, речь о прирокультурной коэволюции» [5, с. 332—333]. В некотором смысле человек, разделяющий идеи деконструкции, уже сегодня может заявить о себе как о «постчеловеке», но основная трансформация, очевидно, впереди. Сегодня человечество находится на пороге экзистенциальных потрясений, а значит, необходим новый онтологический вектор развития идей, сменяющих классический гуманизм. Вопрос, какой дорогой идти навстречу «постчеловеку» и стоит ли вообще двигаться в этом направлении, остается открытым.

Список литературы и источников

1. *Грибовод Е. Г.* Этапы становления постгуманизма. К постановке проблемы // Дискурс-Пи. 2020. Т. 17. № 4 (41). С. 133—150. <https://doi.org/10.24411/1817-9568-2020-10409> EDN: NNZJKA.
2. *Ковба Д. М., Грибовод Е. Г.* Теоретические аспекты феномена трансгуманизма: основные направления // Дискурс-Пи. 2019. № 3 (36). С. 38—52. <https://doi.org/10.24411/1817-9568-2019-10303> EDN: LNMXNJ.
3. *Крайнов А. Л.* От гуманизма к постгуманизму: трансформация представлений о человеке // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23. № 1. С. 15—19. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-1-15-19> EDN: WEWZAM.
4. *Нико Э.* От трансгуманизма к постгуманизму: эволюция, подлежащая регулированию //

- Обозреватель. 2017. № 10 (333). С. 98—115. EDN: YMCJCY.
5. **Феррандо Ф.** Философский постгуманизм / пер. с англ. Д. Кралечкина; под науч. ред. А. Павлова. М.: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2022. 360 с.
 6. **Чукуров А. Ю.** Идеи постгуманизма в культурологической перспективе // Общество. Среда. Развитие. 2018. № 3 (48). С. 24—30. EDN: YOPPJZ.
 7. **Юдин Б. Г.** Гуманистические ценности в контексте трансгуманизма // Диалог культур: ценности, смыслы, коммуникации: материалы секцион. заседаний и дискуссий 13 Междунар. Лихачев. науч. чтений (16—17 мая 2013 г.). СПб.: С.-Петербург. гуманитар. ун-т профсоюзов, 2013. С. 196—200. URL: <https://www.lihachev.ru/chten/8338/8847/8848/> (дата обращения: 26.08.2023).
 8. **Fukuyama F.** Transhumanism // Foreign Policy. 2004. No. 144. P. 42—43.
 9. **Hassan I.** Prometheus as performer: towards a posthumanist culture? // The Georgia Review. 1977. Vol. 31. No. 4. P. 830—850.
 10. **Hayles N. K.** How We Became Posthuman: Virtual Bodies in Cybernetics, Literature, and Informatics. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1999. 364 p.
 11. **Huxley J.** New Bottles for New Wine. London: Chatto & Windus, 1957. 318 p.
 12. **More M.** Technological self-transformation: expanding personal extropy // Extropy. 1993. # 10 (vol. 4, no. 2). P. 15—24. URL: http://fenetic.net/irc/extropy/ext10_1.pdf (accessed: 26.08.2023).
 13. **More M.** Transhumanism: towards a futurist philosophy // Extropy. 1990. # 6. P. 6—12. URL: <http://fenetic.net/irc/extropy/ext6.pdf> (accessed: 26.08.2023).
 14. **Onishi B.** Information, bodies, and Heidegger: tracing visions of the posthuman // Sophia. 2011. Vol. 50. Iss. 1. P. 101—112. <https://doi.org/10.1007/s11841-010-0214-4>
 15. Posthuman Bodies / ed. J. Halberstam, I. Livingston. Bloomington; Indianapolis: Indiana Univ. Press, 1995. 276 p.
 16. The Transhumanist Reader: Classical and Contemporary Essays on the Science, Technology, and Philosophy of the Human Future / eds M. More, N. Vita-More. Hoboken, NJ: Wiley-Blackwell, 2013. 480 p. <https://doi.org/10.1002/9781118555927>

References

1. Gribovod E. G. “Phase of the Formation of the Posthumanism. To the Statement of a Problem”. *Diskurs-Pi = Discourse-P* 17.4 (41) (2020): 133—150. (In Russian). <https://doi.org/10.24411/1817-9568-2020-10409> EDN: NNZJKA.
2. Kovba D. M., Gribovod E. G. “Theoretical Aspects of the Phenomenon of Transhumanism: Main Directions”. *Diskurs-Pi = Discourse-P* 3 (36) (2019): 38—52. (In Russian). <https://doi.org/10.24411/1817-9568-2019-10303> EDN: LNMXNJ.
3. Kraynov A. L. “From Humanism to Post-Humanism: Transformation of Ideas of a Man in Philosophical Thought”. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika = Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy* 23.1 (2023): 15—19. (In Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-1-15-19> EDN: WEWZAM.
4. Nicod Eric. “From Transhumanism to Post-Humanism: Evolution to be Regulated”. *Obozrevatel’* 10 (333) (2017): 98—115. (In Russian).
5. Ferrando Francesca. *Philosophical Posthumanism*. London: Bloomsbury Academic, 2019. 296 p.
6. Chukurov A. Yu. “Ideas of Posthumanism in a Culturological Perspective”. *Obshchestvo. Sreda. Razvitie = Society. Environment. Development* 3 (2018): 24—30. (In Russian). EDN: YOPPJZ.
7. Yudin B. G. “Humanistic Values in the Context of Transhumanism”. *Dialog kul'tur: tsennosti, smysly, kommunikatsii: materialy sektsion. zasedaniy i diskussiy 13 Mezhdunar. Likhachev. nauch. chteniy (16—17 maya 2013 g.)*. St. Petersburg: St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions, 2013. 196—200. (In Russian). Available at:

- <https://www.lihachev.ru/chten/8338/8847/8848/> (accessed: 26.08.2023).
8. Fukuyama F. “Transhumanism”. *Foreign Policy* 4 (2004): 42—43.
 9. Hassan I. “Prometheus as Performer: Towards a Posthumanist Culture?”. *The Georgia Review* 31.4 (1977): 830—850.
 10. Hayles N. K. *How We Became Posthuman: Virtual Bodies in Cybernetics, Literature, and Informatics*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1999. 364 p.
 11. Huxley J. *New Bottles for New Wine*. London: Chatto & Windus, 1957. 318 p.
 12. More Max. “Technological Self-Transformation: Expanding Personal Extropy”. *Extropy* 10 (4.2) (1993): 15—24. Web. 26 Aug. 2023. <http://fenetic.net/irc/extropy/ext10_1.pdf>.
 13. More Max. “Transhumanism: Towards a Futurist Philosophy”. *Extropy* 6 (1990): 6—12. Web. 26 Aug. 2023. <<http://fenetic.net/irc/extropy/ext6.pdf>>.
 14. Onishi B. “Information, Bodies, and Heidegger: Tracing Visions of the Posthuman”. *Sophia* 50.1 (2011): 101—112. <https://doi.org/10.1007/s11841-010-0214-4>
 15. Halberstam Judith, Livingston Ira, eds. *Post-human Bodies*. Bloomington: Indiana Univ. Press, 1995. 276 p.
 16. More Max, Vita-More Natasha, eds. *The Transhumanist Reader: Classical and Contemporary Essays on the Science, Technology, and Philosophy of the Human Future*. Hoboken, NJ: Wiley-Blackwell, 2013. 480 p. <https://doi.org/10.1002/9781118555927>

Информация об авторе

Белобрагина Анна Сергеевна — аспирантка Института высокотехнологичного права, социальных и гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, пл. Шокина, 1).

Information about the author

Anna S. Belobragina — PhD Student at the Institute of High-Tech Law, Social Sciences and Humanities, National Research University of Electronic Technology (Russia, 12448, Moscow, Shokin sq., 1).

Статья поступила в редакцию 07.09.2023.

The article was submitted 07.09.2023.

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2023. № 3 (39). С. 144—152.

Economic and Social Research. 2023. No. 3 (39). P. 144—152.

Научная статья

УДК 330.101.5

doi: 10.24151/2409-1073-2023-3-144-152

<https://elibrary.ru/huyspl>

О подчинившемся и подчиняющем знании: перспективы расширения границ познания экономического субъекта

Часть 1

Д. Н. Варакин

Независимый исследователь, Москва, Россия

dnvarakin@gmail.com

Аннотация. Автор представляет анализ изученных в науке свойств знаний в социально-экономических системах. В ходе анализа устанавливается зависимость поведения общественно-экономической системы от информационно-знаниевой составляющей и обосновывается утверждение о необходимости вырабатывать знания для знаний, а также создавать собственную управленческую повестку без отрыва от общемировых практик и тенденций. В первой части исследования актуализируется проблематика, связанная с взаимодействием человека и знания, которое прямо и косвенно влияет на экономику, описывается общий взгляд на акт подчинения в экономике с помощью знаний. Предлагается определение менталитета социально-экономической системы, с ее когнитивными границами. В институционализме выделяется информационно-знаниевая составляющая, содержащаяся в установленной или не установившейся норме. Автор предлагает рассматривать случаи с отторжением знания от систем.

Ключевые слова: экономическое знание, социально-экономическая система, характеристика знания, свойства знания, подчинение, управление, сложность, конкуренция, менталитет, институционализм, устойчивость, расширение

Для цитирования: Варакин Д. Н. О подчинившемся и подчиняющем знании: перспективы расширения границ познания экономического субъекта (ч. 1) // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2023. № 3 (39). С. 144—152. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2023-3-144-152> EDN: HUYSPL.

Original article

Of subjugated and subduing knowledge: Prospects for expanding the boundaries of the economic subject cognition

Part 1

© Варакин Д. Н.

D. N. Varakin

Independent Researcher, Moscow, Russia

dnvarakin@gmail.com

Abstract. The author presents an analysis of the properties of knowledge studied in science in socio-economic systems. The analysis establishes the dependence of the socio-economic system behavior on the information and knowledge component and substantiates the claim that it is necessary to produce knowledge for knowledge's sake, as well as to create one's own management agenda, without disconnecting from global practices and trends. The first part of the study actualizes the problematics related to the interaction between human beings and knowledge, which directly and indirectly affects the economy, a general view of the act of subordination in the economy through knowledge is described. A definition of the socio-economic system mentality, with cognitive boundaries, is proposed. The information and knowledge component of institutionalism, which may be contained in an established or not yet established norm, has been allocated. The author proposes to consider separately the cases with knowledge detachment from systems in economics.

Keywords: economic knowledge, socio-economic system, knowledge characteristic, knowledge properties, subordination, management, complexity, competition, mentality, institutionalism, sustainability, expansion

For citation: Varakin D. N. "Of Subjugated and Subduing Knowledge: Prospects for Expanding the Boundaries of the Economic Subject Cognition. Pt. 1". *Economic and Social Research* 3 (39) (2023): 144—152. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2023-3-144-152> EDN: HUYSPL.

Живая вселенная, сама по себе, довольна и разумна.
Цель ее дать безмерное, никогда не прерывающееся благо.
Безмерно оно не только потому, что оно по времени
не имеет ни начала, ни конца, но и потому, что оно бесконечно
по распространению в пространстве, — даже, может быть,
и в силе, так как все будет возрастать.
К. Э. Циолковский,
«Причина космоса», Калуга, август 1925 г.

В наше время многие особенно говорят о явлениях взаимосвязи между знанием и интенсивностью, темпами экономического роста, благосостоянием народа. Глубоко переживают ученые за гармоничное существование человечества в технократической оболочке и в преобразованной экосреде, подходя к перспективам соединения прежнего человека с нарождающейся сферой нового социума. Частота и усердие в таких трудах вполне очевидны, поскольку изучению подлежит пере-

ход на следующий технологический уклад. Каждое новое «путешествие в будущее» человек всегда воспринимал с надеждой и опасением. Переходные периоды всегда «звучали громко», имели жертвы среди первооткрывателей, сопровождалась бурями в социальных преобразованиях, культурными и технологическими революциями. Последующий шаг в движении цивилизации был всегда связан с такой информационной компонентой, которая в высшей своей организации содержит

лишь хаос (как естественный порядок), почерпнув который человек сближал собственное развитие с «дыханием» Природы. В противоположность заранее очерченным траекториям для Жизни, с появлением проростков хаоса в ее структурах вдруг исчезает предначертанность. Помимо установленной вероятности и детерминизма в механически воспроизводящих алгоритмы явлениях возникает Случай. Идеи, соединяющие детерминизм, стохастику и хаос (ДСХ), прочно оформились в синергетике. Она, в частности, рассматривает случаи со смещенным равновесием в саморазвивающихся системах ($10^{10} - 10^{14}$ элементов), когда в их границы вторгается не только вероятность, но также тень хаоса (*Прим. автора:* к такого рода отголоскам «случайностей» в диалогах Природы можно отнести биологические черты человека: хаотичный узор складок на ладонях (топография ладони) или узор радужной оболочки глаз (трабекулярная сеть); а также деятельность человека: в бесконечности явлений в экономике — поиск оптимальной цены в непредсказуемой стихии рынка (для установления равновесия) или в целом природа научных открытий и движение научно-технического прогресса «бегом по краю пропасти» [8; 14; 18; 20].) Отсюда и человек, взявшийся за освоение хаоса и живущий на смене эпох, непременно встречает на своем пути многоликость явлений, содержащихся в самом основании мироздания. Работа с такими явлениями, в сущности, выражается всей историей цивилизации (историей накопления знаний), начиная от освоения слова и жеста, заканчивая выходом в открытый космос, расщеплением ядра, проектированием моделей цифрового двойника для уже освоенного мира. Покорение макро- и микромира всегда шло с использованием информации, являющейся для людей компасом, путеводной звездой, способной освещать дорогу ярче в те моменты, когда работа со знанием ведется активнее. Однако новые вершины всегда требовали от их покорителей дополнительной

оснастки и проявления осторожности, поскольку последующая высота в прогрессе — это риск не возвращаться с покоренных пиков.

Достаточно ли обладать информацией и знанием для того, чтобы обеспечивать себе преимущество на планете? И закладывает ли человечество основу для следующего «квантового скачка» в нематериальных приращениях, или нужно находить новые пределы роста, не ограниченные одной лишь формулой Д. С. Робертсона «цивилизация есть информация» [21], — стоит ли искать предел в чем-то, что не связано с прогрессом, за счет покорения новых знаний?

Постараемся увидеть различия в подходах использования знаний человеком: когда знание, подчиняясь, служило и когда с помощью знания осуществляли акт подчинения не природы, но порождаемых человеком составляющих экономики, общества и культуры, в целом берущих истоки из знаний.

Что можно считать актом подчинения в экономике?

Рассмотрение *подчиняющего знания* начнем с обобщающе-упрощенной формулировки о *знании подчинившемся*, это — квинт-эссенция всей человеческой деятельности в постижении и познании природы, ее сил и возможностей. Инструментами выработки подчиненного знания в современной экономике выступают: промышленная политика государства, стратегия отдельного предприятия, культурная оболочка общества, особенности управления человеческим капиталом и в целом научно-технический прогресс (НТП). В более общем значении подчинившееся знание можно представить в виде вместилища человеческой истории, содержащего противоречивые сущности внутри.

Помимо очевидных эффектов от «работы» знания в экономике и преобразовании его в непосредственную производительную силу стоит выделять более сложные явления. К ним можно отнести деятельность по *совершенствованию*

ванию организационно-экономического механизма [7] и то, что принято называть *работой со «стратегическим знанием»* [6]. В обоих случаях речь идет об экономике такого типа, когда простым лишь заимствованием и адаптацией знаний в широком смысле не будет обеспечиваться могущество страны-лидера, ее превосходство и безопасность не только в экономическом контексте [9].

Гармонизация систем. Наша идея о гармонизации систем связана с представлениями о содержащейся в каждой социально-экономической системе «абсолютной информации о себе», наряду с одновременным постижением этими же системами знания снаружи: аналоги микрокосмоса и макрокосмоса. Частные случаи гармонизации экономических систем можно представить на следующих примерах: импорт / экспорт институтов; успешное выполнение консалтингового проекта в управленческом консультировании, политическом, технологическом; процесс непрерывного обучения с приемопередачей знания; применение религиозных и духовных практик; осуществление промышленного или научного шпионажа; бенчмаркинг и другие случаи с элементами обмена нематериальными благами. Назовем *менталитетом* социально-экономической системы способность (неспособность) отторгнуть либо принять извне соответствующую нематериальную повестку и (или) структуру в своем эволюционном развитии. Принятие или отторжение во многом зависит от степени толерантности среды [17] и от того, насколько сильны исторические корни в принимаемой / отвергаемой стороне [2, с. 28, 74]. В принятии или непринятии «инородного знания» менталитетом системы содержится вопрос о способности системы быть системой или не быть вовсе.

Важность данного пункта о гармонизации экономических систем подкрепляется дополнительно и тем обстоятельством, что само управление — это информация и, стало быть, критическим становится управление

знанием для управления, т. е. *управление управленческим знанием*. С этим актуализируется проблематика выработки *знания для знаний*.

Покажем также акт подчинения с помощью знания на уровне микроэкономики. В работе по микроэкономике знаний [10] приводится мысль о *геноме знания*. Авторы предлагают в контурах микроэкономики определять геном предприятия через знаниевые сферы: ментальная, культурная, институциональная, когнитивная, технологическая, имитационная, историческая. Получится модель «матрешка» с семью информационными слоями, способная давать ответ на вопрос о том, что же такое предприятие. То есть, по мнению указанных авторов, информационно-знаниевой составляющей достаточно для того, чтобы не только иметь понятие об объекте управления, но и задавать вектор его развития (направлять ход его развития), намечать стратегические контуры, определять условия для мелких коррекций крупных преобразований с помощью явления *резонанса*. При появлении резонанса и с «настройкой систем друг на друга» представляется возможным осуществлять управление. Здесь передаваемое субъектом управления знание назовем знанием, *подчиняющим* объект управления.

Чтобы дополнительно объяснить акт подчинения с помощью знания, воспользуемся институциональной экономикой, подробно рассматриваемой в работах таких современных ученых, как Е. В. Попов, О. С. Сухарев, В. Л. Тамбовцев, Дж. Серл, Дж. Ходжсон, О. Уильямсон, Т. Эггертсон и др. Под социально-экономическим институтом будем понимать совокупность формальных правил и неформальных норм.

Мы выделяем в институционализме прежде всего важность информационно-знаниевой компоненты, содержащейся в уже установленной или еще не установившейся норме. Вместе с тем стоит отметить наличие так называемой генетической информации,

имеющейся в общественной системе (*прим. авт.*: подробно рассматривает С. Г. Кирдина в X-Y теории (например, см.: [14]). Представим формирование институтов во времени как процесс структуризации под «облучающим» информационным воздействием на объект управления, исходящим от субъекта. Предположим, «спускающиеся» на социально-экономическую систему «информационные пакеты» (решения) вызывают изменение логики мышления индивида, перемену в способах производства, смену способов хозяйствования, преобразование общества. В результате этого проходящий через систему информационный поток меняет не только информационные отношения внутри ее, но и заставляет *преобразовываться* материальные составляющие системы. Так, духовно-культурные изменения и новые социально-экономические отношения, приобретаемые или утрачиваемые права на частную собственность, концентрация и распределение капитала, НТП — сопровождают *реализовавшиеся ответвления* в историческом развитии. Потому институциональное строительство может напоминать следующую формулировку управления: когда ветер дует — трава склоняется. Здесь правитель — ветер, а народ — трава. Наиболее точно такая трактовка об управлении сформулирована в тексте «Лунь юя» (Лунь юй, XII, 19, цит. по: [16]): «Добродетель благородных мужей — ветер, добродетель маленьких людей — трава. Куда дует ветер, туда и склоняется трава» [15; 16].

Не случайно разрабатываемая промышленная политика в России также подвержена попытке если не экспортировать институты напрямую, то по крайней мере применять институциональный подход с «настройкой стимулов от владения» наряду с поиском

рациональности в использовании частных и государственных активов [6; 11]. Та же экономическая политика подвержена непрерывному поиску оптимальности в вопросах конкуренции и стратегии определения «помощи для слабого»¹ [19]. Конечно, выработка *внутренних основ* для долгосрочных горизонтов в планировании экономической и общественной жизни в таких попытках проектировать экономику учитывается, но горизонт зачастую не расширяется при возникновении «закамуфлированных методов управления» извне [12]. В сложных, матричных методах управления с использованием управляемого хаоса интеллектуальные центры не в состоянии определять внутренние интеллектуально-духовные стержни, не способны предложить собственную устойчивую практику. Предлагаемое «устойчивое знание» [4] лишь отчасти позволяет подходить к вопросам глобального эволюционизма и определять устойчивость для общественного развития. Трансцендентные составляющие и те, что относятся к эпистемологии в сугубо философском дискурсе, безусловно, должны учитываться экономистами. В упрощенном же образе, по нашему мнению, экономические институты можно определить как одну из форм «ветра» власти, ветра перемен (см. рисунок).

Принятие на вооружение «чужого» знания может рассматриваться как «интеллект-западня» [13] и предполагает дальнейший упадок собственной мировоззренческой мысли и ее неудобное положение в будущем. Научная организация труда (НОТ) вытеснена модными методами и подходами к управлению — «Шесть сигм», «TQM», «BSC», «Agile», «Регуляторная гильотина», «Лидеры России» — не в силу прогрессивности последних, а ровно по причине сложности

¹ *Аузан А. А.* Современные подходы к формированию промышленной политики [Электронный ресурс]: Доклад на Междунар. конф. по макроэкон. анализу и прогнозированию, посвящ. 85-летию со дня рождения акад. Ивантера В. В. и Яременко Ю. В., а также 35-летию основания ИИП РАН, 17.11.2020 // Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН: [сайт]. URL: <https://ecfor.ru/publication/konferentsiya-85-let-akademikam-ivanteru-v-v-i-yaremenko-yu-v-a-takzhe-35-let-osnovaniya-inp-ran/> (дата обращения: 12.09.2023).

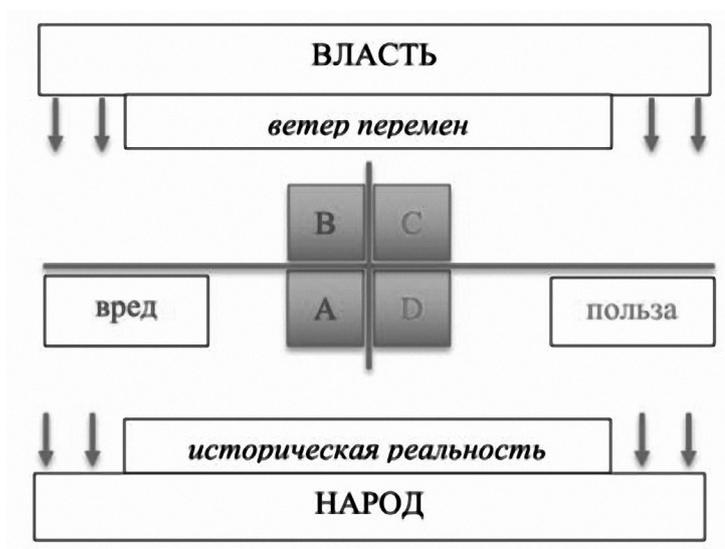
задачи — привести собственную управленческую школу к реалиям отечественной действительности. Занимаемая «у сильных» раз от раза часть теоретико-практического аппарата не оставляет шанса для появления собственных школ на *длительном* временном участке, а тем более для их развития по всему миру.

Помимо этого коммерциализация всего и вся очень слабо сочетается с современной экономикой ввиду огромной теоретической проблемы, связанной с оценкой воздействия знания на экономику: в одной среде и во времени оно применится и отобразится в бухгалтерских балансах, а в другое время и в другом месте — нет. Но это, однако, не означает, что знание обладает *нулевым эффектом* и что оно не оказало влияния на людей, культурную оболочку, институты, традицию, веру, способность критического мышления в человеке и его умение планировать и обустроить жизнь. Возникает довольно противоречивая картина. Как показано в статье о смене мирохозяйственных укладов с использованием технологических факторов [1, с. 93—131], России для сохранения собственного положения на экономической карте мира будущего требуется покорение новой технологической волны, что возможно с использованием знаниеинтенсивной деятельности. И как видно из многообразия работ о приоритетах социальной политики, основания для этого имеются. В частности, Всемирный банк высоко оценивает уровень человеческого капитала в России: на конец XX в. его уровень был оценен в 210 тыс. долл. на человека. В США он составлял 300 тыс. долл. на человека [3, с. 187—188]. Вместе с тем при такой несущественной разнице знания в российской экономике используются слабо, и занимаемые положения нашей страны — по уровню образования (34-е место), уровню производительности труда (50-е место), индексу знаний (43-е место) —

подтверждают это. А в рейтинге экономики знаний из 146 стран у России лишь 55-е место [3, с. 189]. Кстати, проблему увязки производства материальных благ с созданием нематериальных благ О. Т. Богомолов называл центральной². Ученый предлагал пересмотреть современные навигаторы в экономическом развитии и ввести новые. Ярким проявлением скудности «приборной панели» руководителей и их «слепоты» являются примеры, которые показывают активизацию в государственном управлении *иррациональных свойств* — в существующих знаниевых мирах — и одновременно запаздывающий характер системы по настройке на новые тонкие сигналы в управлении. Такая квантовая особенность знаний и другие свойства информации [5] способны буквально переворачивать действующие до настоящего времени устойчивые конструкции. Как результат, предлагаемый «знаниевый» рецепт благополучия не работает в Российской институциональной сингулярности — система отвергает новое знание. Такое можно наблюдать, например, когда одно и то же знание работает по-разному (см. рисунок): иногда с пользой для «агента перемен» (С), а иногда и во вред тому, кто активно продвигает «знаниевые рецепты» (В). В лучшие времена новая теория приводит к положительным результатам для всего народа (D), а в худшие — к губительным последствиям от таких экспериментов (А). Перспективу, как можно предположить, следует искать во взаимосвязях власти с народом, в неотделимости от получаемой исторической реальности ее решении по переменам, а также в учете свойств знаний и законов их развития.

По-видимому, «собственный путь» не во всех случаях должен быть линейно-поступательным с предсказуемым законом. Собственное не обязательно должно выражаться при помощи имеющихся ныне социально-экономических показателей, просматриваться

² Богомолов О. Т., Симчера В. Навигатор для президента // Завтра. 2012. № 9 (953). 29 февраля.

Взаимообусловленность в переменах для каждой из сторон информационного процесса

Источник: составлено автором

в аналитических срезах, содержатся в заключениях экспертов, поскольку сама работа по самосовершенствованию предполагает не всегда и не только учет видимых, осязаемых коммерческих благ. Но такие блага могут быть преобразованы из других благ, некоммерческих. (Прим. авт.: «Когда говорят: ритуал, ритуал, то разве говорят лишь о подношении яшмы и шелка? Когда говорят: музыка, музыка, то разве говорят лишь о колоколах и барабанах?» («Лунь юй», XVII, 11, цит. по: [16]).) Изложенное выше могло бы означать следующую мысль: *институциональное строительство* — это управление информационными потоками, воздействующими на формирование стереотипности, и прежде всего оно должно быть направлено на отыскание собственной логики мышления и отыскание чувствования, которые приведут к высоким результатам в общепризнанных мировых практиках и которые находятся не в отрыве от них. Знания оказываются слабо работающими именно по той причине, что они не обладают эндогенной природой, не пережиты изнутри; кажущаяся наполненность в показателях олицетворяет завуалированную пустоту и неспособность вырабо-

тать собственное знание, которое приносило бы пользу себе и обществу в долгосрочной перспективе.

По нашему мнению, успех применимости всякой теории и знания извне будет во многом определяться тем, насколько объект управления обладает способностью идентифицироваться и сопротивляться, насколько в нем сохранены или сгнили исторические корни. Принятие скрытой толерантности при внешнем управлении приводит лишь к потере эффективности в национальной экономике, в экономике фирмы и в каждом отдельном человеке. Потому так неуспешно выглядят попытки импорта «успешных» институтов для России — идущие извне и неадекватно лежащие на общественную ткань «устойчивые» институциональные траектории будут измолоты в жерновах той среды, где внутреннее будет сильнее внешнего. Представляется, что в учете передового международного опыта — наряду с умением адаптировать собственные разработки в области управления, настраивать на соответствующий лад — содержится больше потенциала, чем в *прямом копировании лучшего*.

Список литературы и источников

1. А(о)нтология ноономики: четвертая технологическая революция и ее экономические, социальные и гуманитарные последствия / [С. Д. Бодрунов, С. Ю. Глазьев, Дж. Гэлбрейт и др.]; под общ. ред. С. Д. Бодрунова. СПб.: ИНИР им. С. Ю. Глазьева, 2021. 387 с.
2. **Абалкин Л. И.** Проблемы современной России. М.: Ин-т экономики, 2011. 110 с.: табл.
3. **Аганбегян А. Г.** О приоритетах социальной политики / РАНХиГС. М.: Дело, 2020. 512 с.: ил.
4. **Варакин Д. Н.** Что такое устойчивое знание? // *AlterEconomics*. 2023. Т. 20. № 1. С. 127—151. <https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2023.20-1.7> EDN: JGZYAA.
5. **Варакин Д. Н.** Экономика знаний и организованность: монография. М.: Экономика, 2021. 335 с. EDN: VGOSCU.
6. **Дынкин А. А.** Инновационная динамика: глобальные тенденции и перспективы // *Инновационное развитие: экономика, интеллектуальные ресурсы, управление знаниями: монография / под ред. Б. З. Мильнера*. М.: ИНФРА-М, 2010. С. 63—81.
7. **Клейнер Г. Б., Пирогов Н. Л.** Главная задача — совершенствование организационно-экономического механизма развития российских предприятия // *МИР (Модернизация. Инновации. Развитие)*. 2018. Т. 9. № 2. С. 248—259. <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2018.9.2.248-259> EDN: XQYVHF.
8. **Курдюмов С. П.** Законы эволюции и самоорганизации сложных систем // *Философские аспекты информатизации: труды семинара*. М.: ВНИИ системных исследований, 1990. С. 61—82.
9. **Макаров В. Л.** Формирование экономики знаний: концепции и проблемы // *Инновационное развитие: экономика, интеллектуальные ресурсы, управление знаниями: монография / под ред. Б. З. Мильнера*. М.: ИНФРА-М, 2010. С. 11—25.
10. **Макаров В. Л., Клейнер Г. Б.** Микроэкономика знания: монография. М.: Экономика, 2007. 204 с. EDN: QSGSAB.
11. На пороге экономики знаний: (мировая практика научно-инновационного развития): монография / отв. ред. А. А. Дынкин, А. А. Дагаев. М.: ИМЭМО РАН, 2004. 214 с. EDN: QQFIYF.
12. **Некlessа А. И.** Культура смерти // *Азия и Африка сегодня*. 2006. № 2 (583). С. 3—11. EDN: HSXZZL.
13. **Осинов Ю. М.** Отечественная мировоззренческая мысль: наследие и перспективы. М.: МАКС Пресс, 2013. 43 с.
14. Очерки по экономической синергетике: посвящ. памяти Р. Н. Евстигнеева (1932—2017) и Л. П. Евстигнеевой (1935—2015) / отв. ред. В. И. Маевский, С. Г. Кирдина-Чэндлер, М. А. Дерябина. М.: Ин-т экономики РАН, 2017. 182 с. EDN: ZXOFAR.
15. **Переломов Л. С.** Конфуцианство и современный стратегический курс КНР. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 251 с. EDN: QOGVMF.
16. **Переломов Л. С.** Конфуций «Лунь юй»: исследования, перевод с китайского, комментарии. М.: Восточная литература, 1998. 588 с.: ил., табл.
17. **Пивоваров Д. В.** Толерантность и ненасилие // *Психологический вестник УрФУ: [сборник]*. Вып. 10. Екатеринбург: УрФУ им. Б. Н. Ельцина, 2013. С. 129—144. EDN: UMGJOX.
18. **Степин В. С.** Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность // *Вопросы философии*. 2003. № 8. С. 5—17. EDN: OOAUXX.
19. **Шаститко А. Е.** Зачем конкурентная политика, если есть промышленная? // *Экономическая политика*. 2014. № 4. С. 42—59. EDN: SJWFRX.
20. **Prigogine I.** *Les lois du chaos*. Paris: Flammarion, 1994. 125 p.
21. **Robertson D. S.** *New Renaissance: Computer and the Next Level of Civilization*. New York; Oxford: Oxford Univ. Press, 1998. 200 p.

References

1. Bodrunov S. D., Glaz'yev S. Yu., Galbrait J. et al. *A(O)ntology of Noonomics: Fourth Technological Revolution and its Economic, Social and Humanitarian Cost*. Gen. ed. S. D. Bodrunov. St. Petersburg: INIR im. S. Yu. Glaz'yeva, 2021. 387 p. (In Russian).
2. Abalkin L. I. *Problems of Modern Russia*. Moscow: In-t ekonomiki, 2011. 110 p., chart. (In Russian).

3. Aganbegyan A. G.; RANEPА. *About Priorities in Social Policy*. Moscow: Delo, 2020. 512 p., ill. (In Russian).
4. Varakin D. N. "What Is Stable Knowledge?". *AlterEconomics* 20.1 (2023): 127—151. (In Russian). <https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2023.20-1.7> EDN: JGZYAA.
5. Varakin Denis N. *Knowledge-Driven Economy and Orderliness*: monograph. Moscow: Ekonomika, 2021. 335 p. (In Russian). EDN: VGOSCU.
6. Dynkin A. A. "Innovative Dynamics: Global Trends and Prospects". *Innovatsionnoye razvitiye: ekonomika, intellektual'nyye resursy, upravleniye znaniyami*: monograph. Ed. B. Z. Mil'ner. Moscow: INFRA-M, 2010. 63—81. (In Russian).
7. Kleiner G. B., Pirogov N. L. "The Main Task is the Improvement of the Organizational and Economic Mechanism for the Development of Russian Enterprises". *MIR (Modernizatsiya. Innovatsii. Razvitiye) = MIR (Modernization. Innovation. Research)* 9.2. (2018): 248—259. (In Russian). <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2018.9.2.248-259> EDN: XQYVHF.
8. Kurdyumov S. P. "Laws of Evolution and Self-Organization of Large Systems". *Filosofskiye aspekty informatizatsii*: materials of the workshop. Moscow: VNII sistemnykh issledovaniy, 1990. 61—82. (In Russian).
9. Makarov V. L. "Formation of Knowledge-Driven Economy: Concepts and Problems". *Innovatsionnoye razvitiye: ekonomika, intellektual'nyye resursy, upravleniye znaniyami*: monograph. Ed. B. Z. Mil'ner. Moscow: INFRA-M, 2010. 11—25. (In Russian).
10. Makarov V. L., Kleiner G. B. *Knowledge-Driven Microeconomy*: monograph. Moscow: Ekonomika, 2007. 204 p. (In Russian). EDN: QSGSAB.
11. Dynkin A. A., Dagayev A. A., publ. eds. *On the Verge of Knowledge-Driven Economy: International Practice of Science and Innovation Development*: monograph. Moscow: IMEMO RAN, 2004. 214 p. (In Russian). EDN: QQFIYF.
12. Neklessa A. I. "Culture of Death". *Aziya i Afrika segodnya = Asia and Africa today* 2 (583) (2006): 3—11. (In Russian). EDN: HSXZZL.
13. Osipov Yu. M. *Russian Worldview Thought: Heritage and Perspectives*. Moscow: MAKS Press, 2013. 43 p. (In Russian).
14. Mayevskiy V. I., Kirdina-Chendler S. G., Deryabina M. A., publ. eds. *Outline of Economic Synergetics: In Memoriam of R. N. Evstigneyev (1932—2017) and L. P. Evstigneyeva (1935—2015)*. Moscow: In-t ekonomiki RAN, 2017. 182 p. (In Russian). EDN: ZXOFAR.
15. Perelomov L. S. *Confucianism and Modern Strategic Course of PRC*. Moscow: Izd-vo LKI, 2007. 251 p. (In Russian). EDN: QOGVMF.
16. Perelomov L. S. *Analects of Confucius: Studies, Translation from Chinese, Comments*. Moscow: Vostochnaya literatura, 1998. 588 p., ill., chart. (In Russian).
17. Pivovarov D. V. "Tolerance and Non-Violence". *Psikhologicheskiiy vestnik UrFU*, collection. Iss. 10. Ekaterinburg: Ural Federal Univ. n. a. B. N. El'tsin, 2013. 129—144. (In Russian). EDN: UMGJOX.
18. Stepin V. S. "Self Developing Systems and Post-Non-Classic Rationality". *Voprosy filosofii* 8 (2003): 5—17. (In Russian). EDN: OOAUXX.
19. Shastitko A. E. "Why Competition Policy, if There Is Industrial?" *Ekonomicheskaya politika = Economic Policy* 4 (2014): 42—59. (In Russian). EDN: SJWFRX.
20. Prigogine Ilya. *Les lois du chaos*. Paris: Flammarion, 1994. 125 p. (In French).
21. Robertson Douglas S. *New Renaissance: Computer and the Next Level of Civilization*. New York: Oxford Univ. Press, 1998. 200 p.

Информация об авторе

Варакин Денис Николаевич — кандидат экономических наук, независимый исследователь (Россия, Москва).

Information about the author

Denis N. Varakin — PhD in Economics, Independent Researcher (Russia, Moscow).

Статья поступила в редакцию 28.04.2023.

The article was submitted 28.04.2023.

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2023. № 3 (39). С. 153—161.

Economic and Social Research. 2023. No. 3 (39). P. 153—161.

Научная статья

УДК 101.1 + 1:316

doi: 10.24151/2409-1073-2023-3-153-161

<https://elibrary.ru/jupziz>

Влияние глобализации на формирование универсальных ценностей: социально-философский контекст

С. В. Дрожжина

*Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила
Туган-Барановского, г. Донецк, Россия*

dsw05@mail.ru

Аннотация. Рассмотрено влияние процессов глобализации на формирование универсальных (общечеловеческих) ценностей. Сформулирован вывод, что современная цивилизация переживает кризис базовых ценностей, при этом, с одной стороны, ценности меняются под влиянием глобализационных процессов, с другой стороны, сложившиеся ценности влияют на перспективы глобализации. Отмечено, что наиболее глубокая трансформация ценностных систем прослеживается в отдельных странах и регионах, которые, будучи охвачены социальными и политическими потрясениями, переживают кризис идентичности. На основе сравнительного анализа глобальных универсальных и традиционных ценностей российского общества показано, что формирование универсальных общечеловеческих ценностей возможно в контексте собственной национальной истории; глобальная солидарность граждан складывается, когда культурные и ценностные ориентиры тесно переплетены с принципами глобальной справедливости, с одной стороны, и национальным культурным наследием, с другой.

Ключевые слова: глобализация, культура, цивилизация, универсальные ценности, традиционные ценности, ценностные ориентации, ценностные системы

Для цитирования: Дрожжина С. В. Влияние глобализации на формирование универсальных ценностей: социально-философский контекст // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2023. № 3 (39). С. 153—161. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2023-3-153-161> EDN: JUPZIZ.

Финансирование: данное исследование проведено в рамках реализации финансируемой госбюджетной научно-исследовательской тематики «Экомир и социокультурные проблемы современности: концептуальное пространство экофилософии во взаимодействии фундаментального и прикладного в пространстве общества знаний» (FRRZ-2023-0003) (заключение комиссии РАН № 142023/1023030700034-5-6.3.1).

Original article

The impact of globalization on the formation of universal values: Social and philosophical context

S. V. Drozhzhina

Donetsk National University of Economics and Trade named after Mikhail
Tugan-Baranovsky, Donetsk, Russia

dsw05@mail.ru

Abstract. The author considers the impact of globalization processes on the formation of universal (common to humanity) values. The conclusion is formulated that modern civilization is experiencing a crisis of basic values, while, on the one hand, values are changing in response to globalization processes, on the other hand, established values affect the prospects of globalization. It is noted that the most profound transformation of value systems can be clearly traced in individual countries and regions that, being engulfed by social and political upheavals, are experiencing an identity crisis. Based on a comparative analysis of global universal and traditional values of Russian society, it has been demonstrated that the formation of universal values common to humanity is possible in the context of one's own national history; global solidarity of citizens is possible when cultural and value orientations are closely intertwined with the principles of global justice, on the one hand, and national cultural heritage, on the other.

Keywords: globalization, culture, civilization, universal values, traditional values, value orientations, value systems

For citation: Drozhzhina S. V. "The Impact of Globalization on the Formation of Universal Values: Social and Philosophical Context". *Economic and Social Research* 3 (39) (2023): 153–161. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2023-3-153-161> EDN: JUPZIZ.

Funding: this study has been carried out in framework of implementation of State-sponsored research and development area "Eco-world and socio-cultural problems of modernity: conceptual space of eco-philosophy in combination of the fundamental and the applied in space of knowledge-based society" (FRRZ-2023-0003) (RAS commission findings no. 142023/1023030700034-5-6.3.1).

Современным научным сообществом: философами, социологами и экономистами — глобализация чаще всего рассматривается в экономическом и социально-политическом ключе. Однако глобализация по своей сути является процессом многогранным и включает в себя не только всемирную политическую и экономическую интеграцию, но и повсеместную культурную и религиозную унификацию.

Глобализация стала новым планетарным горизонтом, который «взломал» такие существовавшие до сегодняшнего дня устойчивые понятия, как «культура» и «идентичность», поставил под сомнение укоренившиеся гуманистические ценности, общественные нормы, духовные и социальные традиции. Перед обществом встал очень сложный вопрос: как далеко в глобальном мире человечество может зайти в отречении

от своих духовных оснований, накопленных поколениями культурных достижений? От какой части из них мы можем отказаться, а что можем трансформировать таким образом, чтобы наше общество сохранило свои гуманистические ценности? Как сделать так, чтобы «старые» ценности перешли в категорию «новых» универсальных? Вопросы духовной жизни человека и ценностных ориентаций, лежащих в ее основе, всегда находились в проблемном поле социальной философии и философской антропологии. Каковы ценности — такова личность, а какова личность — таково общество. Именно поэтому проблема ценностей всегда выходит на передний план в переломные, кризисные периоды общественного развития. Очевидно, что для всего прогрессивного человечества XXI в. является именно таким периодом, характеризующимся нестабильностью, социальными сдвигами, тотальной социокультурной дезориентацией личности. Все эти процессы служат побудительными факторами и основными причинами, обуславливающими необходимость осмысления этих проблем.

Наше исследование опирается на работы российских, европейских, американских философов, историков, культурологов. В частности, в методологическую базу работы вошли исследовательские программы, выдвинутые М. М. Бахтиным, В. С. Библером, Х. С. Вильдановым, Н. И. Лапиным, В. П. Тугариновым, М. Б. Туровским (социально-философские и междисциплинарные контексты формирования ценностных систем); У. Беком, Р. Дарендорфом, М. Кастельсом, Дж. Кьеза, А. И. Костиным, В. А. Кутырёвым, В. М. Межуевым, А. С. Панариным, А. П. Федотовым, Дж. Фридманом, Ф. Фукуямой, Р. Л. Хайлбронером и С. Хантингтоном.

Вопросы, касающиеся процессов культурной интеграции и унификации, имеют дискуссионный характер и обсуждаются в широком диапазоне аспектов. Традиционно (и приоритетно) глобализация в сфере куль-

туры ассоциируется с развитием коммуникационных сетей, приводящим к выработке общего для всего человечества стиля жизни и унифицированных потребительских привычек. То есть под процессами культурной глобализации подразумевается сближение национальных деловых и потребительских культур: миграционные процессы, ключевой маркер глобализации, обуславливают взаимопроникновение стилей жизни, досуговых практик, моды и других элементов потребительской культуры, вместе с тем происходит и культурный обмен: литературой, кинематографическими произведениями и др.

Этот контекст культурной глобализации имеет одновременно позитивные и негативные последствия. Известно, что фундаментом существования и развития той или иной культуры служит система ценностей, которую можно рассматривать в качестве связующего элемента культуры, а потому именно она во многом порождает культурные нормы, стандарты, правила и традиции. В тесной взаимосвязи между собой ценности формируют единое поле локальной культуры; кроме того, ценности в значительной мере определяют векторы и приоритеты развития общества и культуры. Духовные (нематериальные) составляющие локальных культур народов, народностей, наций имеют во многом сходное, но при этом разное ценностное содержание. Тесное соприкосновение культур, обусловленное миграционными процессами, не всегда означает их взаимопроникновение — нередко имеют место культурные конфликты, разрешаемые через ассимиляцию или сегрегацию.

Человечество не имеет иного выхода, кроме разработки максимально полной и емкой стратегии, равно как оптимальных механизмов для ведения диалога, партнерства, а также сотрудничества государств, культур и цивилизаций в глобальном масштабе. В связи с этим, как справедливо отмечает В. М. Дианова, формирование совокупности

необходимых для общества и человека мировоззренческих позиций, активно способствующих взаимопониманию культур, а не их автономии, — важнейшая практико-ориентированная задача [5, с. 100]. Соответственно, в условиях глобализации высокую актуальность приобретает проблема взаимодействия тех обществ, которые имеют ярко отличающиеся друг от друга философские и культурные стандарты, и поиск таких ценностей, которые станут универсальными инструментами интеграции этих культур. В то же время нельзя не согласиться и с мнением И. Д. Каландии, который подчеркивал, что при существовании полисубъектной социальности и этничности (разнообразие уклада жизни индивида и общества не может быть описано в одной культурной парадигме) такой ход просвещения, согласно которому существует идеальная схема человеческих отношений, трудно назвать логичным и обоснованным [7].

Определим механизмы формирования универсальных ценностей в условиях глобальных процессов.

Известно, что эпицентром социокультурного строя цивилизации выступает система ценностей, которая во многом определяет ключевые особенности менталитета человека и его принадлежность к той или иной локальной культуре и цивилизации. В зависимости от содержания базового корпуса ценностей, в культурологической науке принято разделять цивилизации на относящиеся к восточному и западному типу; кроме того, выделяются так называемые *смешанные цивилизации* (яркий пример — Латинская Америка).

Содержание систем ценностей во многом обуславливается идеологическими, религиозными, а также этическими приоритетами и предпочтениями той группы, которая выступает создателем, ретранслятором и хранителем ценностной парадигмы. Система ценностей передается от одного поколения к другому с помощью таких инструментов,

как образование, воспитание, наука, искусство, литература, медиа. Система ценностей во многом обуславливает содержание межличностных, а также институциональных отношений в быту, политике, образовании, искусстве, культуре и во всех других сферах. Каждая ценность и их совокупность выполняют двойственную нормативную функцию: ценности ориентируют индивида в выборе социально одобряемой или приемлемой поведенческой стратегии и обеспечивают общественную и межкультурную интеграцию. Система ценностей также предопределяет содержание и формы взаимодействия между государствами и группами-носителями локальных культур, например этносами [15, с. 330—331]. Таким образом, система ценностей, которая является квинтэссенцией культуры, консолидирует и внутренне «цементирует» общество.

Система ценностей имеет дуалистическую сущность: будучи основой (ядром) всего социокультурного строя, она, с одной стороны, предопределяет отличия, которые существуют между цивилизациями, с другой — служит общей основой для диалога личностей, цивилизаций, культур, обеспечивая главнейшее свойство культуры — ее диалогичность. В этом контексте культуру можно рассматривать как целостный цивилизационный общечеловеческий феномен. По мнению Ю. В. Яковца, корпусу цивилизационных ценностей присуща циклическая динамика: на фоне смены цивилизации в ней наблюдаются фазы переворотов и кризисов, при которых одни ценности заменяются другими, иерархии ценностей также претерпевают существенные трансформации. В связи с этим человечеству необходимо отказаться от концепции столкновения цивилизаций и стремиться к разработке не новой, но инновационной концепции общечеловеческих, цивилизационных и этнонациональных *универсальных* (курсив наш. — С. Д.) ценностей, образующих всечеловеческие ценностные ориентиры и базис диалога цивилизаций.

В социальной философии ценностные ориентиры определяются как продукт цивилизационного культурного творчества, имеющий форму общественного идеала. Инновационные универсальные ценностные ориентиры, в этом аспекте, не являются новыми ценностями, речь в данном случае идет о ценностях, характерных почти для всех этносов и составляющих универсальные почти для всех цивилизаций компоненты общественных идеалов: понимание, терпимость, ответственность, солидарность, прощение.

Для более глубокого осмысления понятия универсальных ценностей обратимся к известным концепциям формирования социокультурного ядра цивилизации.

Как указывает П. Сорокин, конституирующие признаки цивилизации могут быть сформированы исключительно в социокультурной среде. В свою очередь, в соответствии с точкой зрения Ю. В. Яковца, каждая локальная культурная среда имеет ядро, во многом предопределяющее характер и специфику локальной цивилизации. Ядро культуры — это сфера духовного воспроизводства, которая включает в себя такие элементы, как мифология, религия, образование, наука и этика [15, с. 332]. В философской литературе неоднократно высказывалось суждение, что каждая из цивилизаций базируется на определенной духовной предпосылке, сакральной идее, первичном символе (ядро ядра культуры), вокруг которого формируется и развивается культурная модель. Так, А. Тойнби полагал, что в формировании цивилизационной идентичности ключевую роль играет религия: он утверждал, что при анализе эволюции современных европейских государств обнаружил в основе их генезиса религии; государственность европейских политических наций восходит к западной или восточной ветви христианства, государств Азии или Северной Африки — к исламу [12]. На основе этих рассуждений А. Тойнби сделал вывод, что религии и рели-

гиозным ценностям принадлежит основная роль в формировании социокультурного ядра цивилизации, и классифицировал цивилизации, выделив из общего числа православно-христианскую Восточноевропейскую, западно-христианскую, дальневосточную, индуистскую и православно-христианскую Российскую.

Однако первые цивилизации появились еще задолго до формирования религий, кроме того, есть цивилизации, которые на протяжении всей своей истории не имели четко выраженной религиозной модальности (Китай). Поэтому теория локальных цивилизаций А. Тойнби не получила однозначной оценки в научном сообществе. Так, одни исследователи вслед за Б. Л. Губманом положительно оценивают его теорию: «Наследие А. Тойнби призывает задуматься над взаимосвязью минувшего и современности, единством и многообразием культурно-исторического процесса, перспективами его будущего» [2, с. 59]. В то же время другие ученые не видят в концепции А. Тойнби исследовательского потенциала [4; 6; 11; 14]. Например, А. А. Ивин отмечает, что идеи А. Тойнби, применимые к анализу цивилизаций прошлого, ничем не могут обогатить исследовательский аппарат современного культуролога [6, с. 354]. Этнограф и философ Л. Н. Гумилёв в работе «Этногенез и биосфера Земли» также говорит о том, что А. Тойнби, относя Турцию и Византию к одной цивилизации, по всей видимости, руководствовался исследовательским волюнтаризмом [4, с. 215]. С этой оценкой соглашается и Ю. И. Семенов [11, с. 180].

В трактовке понятия «цивилизация» как А. Тойнби, так и О. Шпенглер использовали концепт «цивилизация-организм». Однако для обнаружения и анализа ценностных оснований цивилизации имеет смысл рассматривать цивилизационные общности, границы которых очерчиваются вокруг пространства непротиворечивого для всех людей, составляющих общность, понимания

содержания ключевых для цивилизации ценностей и идеалов. Такой подход гармоничен для понимания глобальных цивилизационных процессов XXI в., поскольку формирующаяся сегодня глобальная цивилизационная общность образует свою глобальную систему идеалов и ценностей. Как указывает А. А. Липкин, очертить границы цивилизационной общности можно, обнаружив ее духовное ядро, которое составляют общие для всех локальных культур нравственные и этические идеалы и ценности, раскрывающие смысл жизни, содержание добродетели, назначение человека [9]. Следует отметить, в частности, что европейская культура — органическая часть глобальной культуры, поскольку она абсолютно чужда всякой автохтонности, а природа ее величия и универсальности во многом восходит к ее диалогичности, полицентризму, полисемии: «Сам склад европейского мышления, — пишет Т. М. Фадеева, — дуалистичен, дихотомичен, исходит из наличия различных гетерогенных элементов: диалог при этом выступает в качестве снятия противоречий, продвижения проблемы на новый уровень развития» [13, с. 109].

Вместе с тем часть научного сообщества со скептицизмом относится к перспективам оформления глобальной культурной общности. Так, Л. Н. Гумилёв высказывал суждение, что единственным путем культурной глобализации является ассимиляция, этот процесс есть гибель локальных культур через стирание их уникальной специфики, и это стирание неизбежно приведет к гибели культуры как таковой [3, с. 258]. В этом же ключе рассуждал и знаменитый французский антрополог Кл. Леви-Стросс. Исследователь полагал, что мировая цивилизация как единая культурная общность немыслима, поскольку по своей природе она не может быть ничем иным, кроме как коалицией различных локальных культур. В связи с этим задача мирового сообщества состоит в том, чтобы всячески избегать партикуля-

ризма, руководствуясь пониманием невозможности всемирной культурной унификации [8, с. 312].

Имея в виду эти ограничения, мы считаем, что глобальная общность не подразумевает тотальной унификации; нам представляется, что общечеловеческие ценности — обобщенные цели и идеалы, которые исполняют роль фундаментальных социальных норм — не только возможны, но и сущи. Мы разделяем позицию по этому вопросу заведующей сектором прав человека Института государства и права РАН Е. А. Лукашевой, полагая, что среди постулируемых и разделяемых абсолютным большинством людей ценностей — равенство культур, вера в права человека, верховенство права, справедливость, свобода, культурный обмен, ненасилие, бережное отношение к окружающей среде, недопущение рабского труда и всех форм эксплуатации человека и природы [10, с. 29—30].

Проанализируем базовые ценности российской цивилизационной общности. В действующей сегодня Стратегии национальной безопасности РФ нашли закрепление те духовные и нравственные ценности, которые традиционны для нашей страны: приоритет духовной составляющей над материальной, служение Отечеству, семья, уважение прав и свобод человека и гражданина, справедливость, совесть, личное достоинство и иные. В Указе Президента РФ № 809 традиционные ценности: жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России, — кодифицируются в качестве нравственных ориентиров, на

основе которых формируется мировоззрение граждан РФ¹.

В этом же контексте обратимся к анализу пятиуровневой модели, образующей ценностный идеологический базис (пентабазис) российского общества, разработанной рабочей группой Администрации Президента России. Концепция основывается на социологических исследованиях А. Д. Харичева с соавторами, изложенных в статье «Восприятие базовых ценностей, факторов и структур социально-исторического развития России». Согласно анализируемой концепции, пентабазис российского общества состоит из следующих уровней и ценностей, являющихся основополагающими для соответствующего уровня: человек (созидание); семья (традиции); общество (согласие); государство (доверие к институтам); страна (патриотизм) [1].

Проведя сравнительный анализ общечеловеческих и традиционных российских ценностей, мы обнаруживаем, что несмотря на то, что российскому обществу в целом чужды ценности неолиберального толка (в частности, духовные ценности имеют приоритет над материальными), тот корпус ценностей, который оно исповедует, совпадает по своему основному содержанию с глобальным, общечеловеческим. Важно отметить, что Россия способствовала обогащению содержания глобальных ценностей, сегодня мыслящихся как общечеловеческие: инициировала или была в числе первых амбассадоров создания ряда ключевых институтов и норм международного права (Гаагский трибунал, Венская и Женевская конвенции, Совет безопасности ООН и др.); кроме того, Россия одной из первых в мире кодифицировала в национальных нормативных актах ряд норм, которые сегодня образуют ценностный базис прав человека (правовое

равенство мужчин и женщин, всеобщее избирательное право², ограниченный рабочий день и др.).

Подводя итог нашим рассуждениям, заключаем: базовые ценности представляют собой предельно обобщенные человеческие идеалы, сопряженные с ключевыми (витальными, социальными, смысложизненными) потребностями гражданина и человека; универсальные ценности являются культурным инвариантом базовых ценностей.

Список литературы и источников

1. Восприятие базовых ценностей, факторов и структур социально-исторического развития России (по материалам исследований и апробации) / А. Д. Харичев, А. Ю. Шутов, А. В. Полосин, Е. Н. Соколова // Журнал политических исследований. 2022. Т. 6. № 3. С. 9—19. <https://doi.org/10.12737/2587-6295-2022-6-3-9-19>. EDN: EGEABU.
2. *Губман Б. Л.* Западная философия культуры XX века: учеб. пособие для вузов. Тверь: ЛЕАН, 1997. 287 с.
3. *Гумилёв Л. Н.* Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации. СПб.: Кристалл; М.: Оникс, 2003. 608 с. (Вехи истории).
4. *Гумилёв Л. Н.* Этногенез и биосфера Земли. М.: АСТ: Астрель, 2006. 510 с.: ил.
5. *Дианова В. М.* Культурный плюрализм в условиях глобализации // Россия и Грузия: диалог и родство культур: сб. материалов симпозиума (Тбилиси, 3—6 сент. 2003). СПб.: С.-Петерб. филос. об-во, 2003. Вып. 1. С. 93—103. EDN: VDSFDT.
6. *Ивин А. А.* Философия истории: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по гуманит. специальностям и направлениям. М.: Гардарики, 2000. 525 с.: ил. (Disciplinae: D).

¹ Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей [Электронный ресурс]: Указ Президента Российской Федерации от 09 ноября 2022 г. № 809 // Президент России: [сайт]. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 29.06.2023).

² Для сравнения: равное избирательное право во Франции было введено в 1941 г., в Швейцарии — только в 1971 г.

7. **Каландия И. Д.** Система общечеловеческих ценностей в динамике и диалоге цивилизаций в условиях глобализации // Человек: соотношение национального и общечеловеческого: сб. материалов Междунар. симпозиума (г. Зугдиди, Грузия, 19—20 мая 2004 г.) / под ред. В. В. Парсвания. СПб.: С.-Петербург. филос. об-во, 2004. Вып. 2. С. 111—123.
8. **Леви-Стросс К.** Структурная антропология / пер. с фр. Вяч. Вс. Иванова. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. 510 с. (Психология без границ).
9. **Липкин А. И.** «Духовное ядро» цивилизационной общности // Синтез цивилизации и культуры: междунар. альманах / отв. ред. Ю. Пивоваров, Т. Тимофеев, Н. Шмелев. М.: ИНИОН РАН; Ин-т Европы РАН; Центр межкультур. исслед., 2004. Вып. 2. С. 307—337. EDN: OEXTQD.
10. **Лукашева Е. А.** Право и культура в современном мире // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2012. № 5. С. 26—42. EDN: RKXVCT.
11. **Семенов Ю. И.** Философия истории: Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней. М.: Современ. тетради, 2003. 775 с. (Научная библиотека «Современных тетрадей». Философия).
12. **Тойнби А. Д.** Исследование истории: возникновение, рост и распад цивилизаций: в 2 т. / пер. с англ. К. Я. Кожурина. М.: АСТ: Астрель, 2012. (Историческая библиотека).
13. **Фадеева Т. М.** Единая Европа: наследие и судьба // Вопросы философии. 1992. № 4. С. 108—117.
14. **Февр Л.** Бои за историю: [сб. ст.] / пер. А. А. Бобовича и др. М.: Наука, 1991. 629 с. (Памятники исторической мысли).
15. **Яковец Ю. В.** Глобализация и взаимодействие цивилизаций. М.: Экономика, 2001. 345 с.: табл.
16. **Каландия И. Д.** Система общечеловеческих ценностей (Based on Research and Testing Materials). *Zhurnal politicheskikh issledovaniy = Journal of Political Research* 6.3 (2022): 9—19. (In Russian). <https://doi.org/10.12737/2587-6295-2022-6-3-9-19> EDN: EGEABU.
2. **Gubman B. L.** *20th Century Occidental Philosophy of Culture: study guide for universities*. Tver: LEAN, 1997. 287 p. (In Russian).
3. **Gumilev Lev N.** *Rhythms of Eurasia: Epochs and Civilizations*. St. Petersburg: Kristall; Moscow: Oniks, 2003. 608 p. (In Russian). Vekhi istorii.
4. **Gumilev Lev N.** *Ethnogenesis and Biosphere of Earth*. Transl. from Russian. Moscow: Progress, [1990]. 382 p., ill.
5. **Dianova V. M.** “Cultural Pluralism under Conditions of Globalization”. *Rossiya i Gruzziya: dialog i rodstvo kul'tur: sb. materialov simpoziuma* (Tbilisi, 3—6 sent. 2003). Iss. 1. St. Petersburg: S.-Peterb. fil. ob-vo, 2003. 93—103. (In Russian). EDN: VDSFDT.
6. **Ivin A. A.** *Philosophy of History: study guide for university students of the humanities*. Moscow: Gardariki, 2000. 525 p., ill. (In Russian). *Disciplinae: D*.
7. **Kalandiya I. D.** “System of Universal Values During Runtime and in Dialogue of Civilizations under Conditions of Globalization”. *Chelovek: sootnosheniye natsional'nogo i obshchechelovecheskogo: sb. materialov Mezhdunar. simpoziuma* (g. Zugdidi, Gruzziya, 19—20 maya 2004 g.). Ed. V. V. Partsvaniya. Iss. 2. St. Petersburg: S.-Peterb. fil. ob-vo, 2004. 111—123. (In Russian).
8. **Levi-Strauss Claude.** *Structural Anthropology*. New York: Basic Books, 1974. 410 p.
9. **Lipkin A. I.** “ ‘Spiritual Core’ of Civilizational Entity”. *Sintez tsivilizatsii i kul'tury: international almanac*. Publ. eds Yu. Pivovarov, T. Timofeyev, N. Shmelev. Iss. 2. Moscow: INION RAN; In-t Evropy RAN; Tsentr mezhtsivilizats. issled., 2004. 307—337. (In Russian). EDN: OEXTQD.
10. **Lukasheva E. A.** “Law and Culture in Contemporary World”. *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossiyskoy akademii nauk = Proceedings of the Institute of State and Law* 5 (2012): 26—42. (In Russian). EDN: RKXVCT.
11. **Semenov Yu. I.** *Philosophy of History: General*

References

1. Harichev A., Shutov A., Polosin A., Sokolova E. “Reception of Basic Values, Factors and Structures [of] Socio-Historical Development of Rus-

- Theory, Main Problems, Ideas and Concepts from Ancient Times to the Present Day*. Moscow: Sovrem. tetradi, 2003. 775 p. (In Russian). Nauchnaya biblioteka "Sovremennykh tetradey". Filosofiya.
12. Toynbee Arnold J. *A Study of History*. Ed. D. C. Somervell. New abridg. ed. 2 vols. Oxford: Oxford Univ. Press, 1987.
13. Fadeeva T. M. "United Europe: Heritage and Destiny". *Voprosy filosofii* 4 (1992): 108—117. (In Russian).
14. Febvre Lucien. *Combats pour l'histoire*. Paris: A. Colin, 1953. 458 p. (In French).
15. Yakovets Yu. V. *Globalization and Interaction of Civilizations*. Moscow: Ekonomika, 2001. 345 p., chart. (In Russian).

Информация об авторе

Дрожжина Светлана Владимировна — доктор философских наук, профессор, ректор, Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского (Россия, 283048, Донецкая Народная Республика, г. Донецк, ул. Щорса, д. 31).

Information about the author

Svetlana V. Drozhzhina — Dr. Sci. (Philos.), Prof., Rector, Donetsk National University of Economics and Trade named after Mikhail Tugan-Baranovsky (Russia, 283048, Donetsk People's Republic, Donetsk, Shchors str., 31).

Статья поступила в редакцию 14.07.2023.

The article was submitted 14.07.2023.

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2023. № 3 (39). С. 162—168.
Economic and Social Research. 2023. No. 3 (39). P. 162—168.
Научная статья

УДК 101.9
doi: 10.24151/2409-1073-2023-3-162-168
<https://elibrary.ru/jwfmnlw>

Б. Н. Чичерин о государственной власти в России: социально-философский и политический смысл

В. В. Ксенофонов

*Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны
Российской Федерации, Москва, Россия*

kvvmtvoky173@mail.ru

Аннотация. В статье раскрываются социально-философские и политические взгляды Б. Н. Чичерина на сущность, содержание и эволюцию государственной власти в России. Опираясь на принцип единства исторического и логического, автор дает развернутую характеристику положений отечественного философа и правоведа о системе господствующей власти в российском обществе. Выявляются особенности ее функционирования, анализируются место и роль различных институтов государства в ней и доказывается необходимость их эволюционного изменения. Обосновывается когнитивный взгляд Б. Н. Чичерина на конституционную монархию в России, место и социальную роль народного представительства во властных структурах, особенности деятельности проецируемого Государственного совета в стране, функционирование политических партий и необходимость их связи с интересами народа.

Ключевые слова: Чичерин, государство, власть, конституционная монархия, народное представительство, политическая партия, право

Для цитирования: Ксенофонов В. В. Б. Н. Чичерин о государственной власти в России: социально-философский и политический смысл // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2023. № 3 (39). С. 162—168. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2023-3-162-168>
EDN: JWFMLW.

Original article

B. N. Chicherin on state power in Russia: socio-philosophical and political meaning

V. V. Ksenofontov

*Military University named after Prince Alexander Nevsky of the Ministry of Defense of the
Russian Federation, Moscow, Russia*

kvvmtvoky173@mail.ru

© Ксенофонов В. В.

Abstract. The author reveals socio-philosophical and political views of B. N. Chicherin on the essence, content, and evolution of state power in Russia. Based on the principle of historical and logical, the author provides a detailed description of the provisions of the Russian philosopher and jurist on the system of dominant power in Russian society. Its functioning features have been identified, the place and role of various state institutions have been analyzed and the need for their evolutionary change has been proved. The article substantiates B. N. Chicherin's cognitive view on the constitutional monarchy in Russia, the place and social role of the people's representation in power structures, the specifics of the activities of the projected State Council in the country, the functioning of political parties and the need for their connection with the interests of the people.

Keywords: Chicherin, state, government, constitutional monarchy, people's representation, political party, law

For citation: Ksenofontov V. V. "B. N. Chicherin on State Power in Russia: Socio-Philosophical and Political Meaning". *Economic and Social Research* 3 (39) (2023): 162—168. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2023-3-162-168> EDN: JWFMLW.

В когорте выдающихся отечественных мыслителей второй половины XIX в. достойное место занимает Б. Н. Чичерин (1828—1904) — философ, теоретик государства, правовед. Он был не только известным ученым, но и одним из лидеров либерально-западнического направления в общественном движении в России. В своих трудах «О народном представительстве», «Вопросы политики», «Философия права», «Вопросы философии» он аргументированно обосновал приоритетные проблемы состояния и перспективы развития российского государства. Ученый сформулировал свой политический принцип анализа общества и государства в достаточно лаконичной, но емкой по содержанию форме: «либеральные меры и сильная власть». Исходя из этой точки зрения, Б. Н. Чичерин разработал методы анализа таких важных проблем, как соотношение права и нравственности, место и роль политических партий в государстве, свобода личности и общества, разработал методы аксиологической оценки деятельности властных институтов, эволюционного перехода к конституционной монархии в России. Его социально-философские и политические взгляды на государство и его роль в обществе заслуживают внимания и в наше время.

Характерной особенностью методологии Б. Н. Чичерина является философия. На нее он опирается весьма своеобразно — применительно к диалектике, в частности к закону отрицания отрицания. Однако суть закона, основанного Г. Гегелем на принципе «тезис — антитезис — синтез», на одном отрицании, отечественный философ трактует через два отрицания, а не одно, как у немецкого философа. Если у Г. Гегеля представлена формула «семья — гражданское общество — государство», то Б. Н. Чичерин выдвигает формулу «семья — союз гражданский — союз церковный — государство». По мнению русского исследователя, государство сочетает в себе высший синтез противоположных начал, с одной стороны, а также высшее развитие представлений об общественных союзах в нем, с другой стороны. Более того, по мысли Б. Н. Чичерина, государство как субъект власти не подчиняет себе народные массы, а выступает в виде своеобразного института регуляции, учитывает самостоятельность и направление деятельности народа. «Государство, — отмечает философ, — как союз поколений, образующих единую духовную личность, является видимым, внешним выражением этого высшего порядка, который должен господствовать в мире, и которому

поэтому принадлежит верховная власть»¹ [4, с. 117].

Отечественный философ и правовед, раскрывая онтологический аспект в деятельности государства, подчеркивает, что государству подчинены все частные сферы деятельности и все отношения частного характера. Вместе с тем государство не поглощает их в своих интересах, а ведает совокупными интересами общества, куда «вливаются» и интересы частной деятельности, при этом сохраняя относительную самостоятельность.

Ученый, рассуждая о соотношении государственной и частной собственности, четко выделяет положение об их отличии: частное право направлено на интересы отдельных лиц, а государственное право направлено на реализацию интересов целого, т. е. всего общества. Б. Н. Чичерин, развивая свою идею в рамках этой взаимосвязи, делает вывод, что совокупность частных отношений, которые функционируют в границах государства и непременно ему подчиняются как субъекту интересов целого, представляет собой понятие общества. В таком сочетании (своеобразном союзе) государство выявляет позитивных проводников — для реализации целей, отвечающих интересам всего общества.

Как философ и правовед Б. Н. Чичерин ясно излагает свою позицию, высказывает мнение о соотношении таких важных категорий общественного бытия, как право и нравственность. Прежде всего он выступает против отождествления права и нравственности, подчеркивая их самостоятельное функционирование в системе общественных отношений. Между тем с гносеологической точки зрения он отмечает, что правовой закон и нравственный закон основываются на общем источнике — человеческой личности, действующей в обществе. При этом внутренняя свобода личности составляет область нравственности. А право, в свою очередь, по оценке философа, определяется

внешними действиями личности, «вытекающими» из человеческого общежития. Вместе с тем он подчеркивает, что право может дополняться нравственностью, в этой области юридически закон является недостаточным. В своих исследованиях Чичерин не только акцентировал внимание на соотношении права и морали в жизни российского общества, но и с особой озабоченностью подчеркнул роль нравственного императива в деятельности государственного служащего.

Русский философ, исследуя проблемы эффективности государственной власти, роли представительства в ней, состояние политической свободы в обществе, отмечает важность функционирования в стране политических партий. В связи с этим следует отнести его к тем немногочисленным ученым России, его современникам, кто прямо высказывал положения о политических партиях, которые, по нашему мнению, не потеряли актуальности и в современных условиях. Одно из таких положений Б. Н. Чичерина сводится к тезису о детерминизме той или иной политической партии в жизни общества. В этом вопросе идея ученого обращает внимание на политическую свободу в обществе, благодаря которой к участию в делах государства приходят разные объединения людей, концентрирующиеся вокруг партий.

Другое положение ученого сводится к мысли об устойчивости партии. Такое качество, как отмечает отечественный философ, зависит от того, насколько адекватно политическая партия выражает интересы народа, учитывает его потребности, от глубины ее срастания с историческим процессом.

Третье положение, характеризующее дееспособность политической партии в обществе, указывает на ее программу. Именно программа партии характеризует задачи и цель конкретной ее работы в массах, включая перспективу способности управлять государством.

¹ Здесь и далее цитаты из трудов Б. Н. Чичерина приводятся в современной орфографии.

При этом философ обращает внимание, во-первых, на то, что сплоченная партия может в своей деятельности направлять разрозненные стремления народа к позитивной общей цели.

Во-вторых, партии, которые не обладают консолидирующей идеей, отвечающей потребностям людей, ведут общество к хаосу и беспорядку.

В-третьих, в условиях политической свободы в обществе различные партии со своими программами должны пройти через сложные испытания в общественном развитии, добиться при этом определенной силы воздействия на массы и доказать свою способность управлять государством.

Русский ученый в своих трудах дал развернутую характеристику деятельности государства, его различным ветвям власти, отметил конструктивную роль народного представительства. Обосновывая свои взгляды, Б. Н. Чичерин подчеркнул, что стабильность и спокойствие в российском обществе достигается только при условии вхождения во властные структуры таких лиц, которые знают потребности и нужды народа. Он достаточно четко эту идею сформулировал в тезисе: «Главная задача конституционного правления состоит в том, чтобы из среды народа выставить для него руководителей» [3, с. 70]. Необходимо отметить, что философ в сжатой характеристике указал важные для такого лица качества: высокий уровень осознания ответственности народного представителя за свою деятельность перед народом; ясное понимание государственных интересов, служение всему обществу, а не его отдельным частям.

Реализацию народного представительства в российском государстве Б. Н. Чичерин аргументировал через необходимость целевой деятельности. А она, согласно его трактовке, выражает нравственное служение государственным интересам и народу страны. Вот почему, отмечает русский мыслитель, основная задача народного представительства

— в конкретной пользе обществу, приносимой для блага общества. Характеризуя решение этого вопроса, Б. Н. Чичерин делает заключение, положения которого сводятся к следующей логической структуре:

Первое. Для власти государства важно не только внимательно относиться к взглядам и оценкам народных представителей, но и реализовать их предложения в своей деятельности.

Второе. Власть различного уровня в России, солидаризируясь с мнением народного представительства, приобретает для себя новые силы и новые опоры. А это обстоятельство укрепляет единство между государством и народом.

Третье. Народное представительство во власти осуществляет действительный контроль общества в области государственного управления. Это означает, что лица, облеченные властными полномочиями, несут ответственность не перед монархом, а перед представителями народа.

Четвертое. Контроль народного представительства во власти способствует устранению необдуманных и нецелесообразных решений, которые представляют угрозу для страны, народа, навлекают бедствие. В связи с этим Б. Н. Чичерин с тревогой заключает: «Правительство, облеченное неограниченной властью, легко вовлекается в войны, истощающие казну и не находящие ни малейшего сочувствия в народе» [4, с. 58].

Следует подчеркнуть, что идея Б. Н. Чичерина о необходимости взаимодействия власти и народа актуальна и в условиях современного развития России. Об этом убедительно сказал Президент РФ В. В. Путин: «Сейчас мы видим, насколько активно и конструктивно проявляют себя граждане. Они не только ставят перед властью вопросы, — отметил он, — но и сами участвуют в их решении, в решении проблем» [2, с. 223]. Б. Н. Чичерин, раскрывая систему государственной власти в России, ее состояние и необходимость эволюции, обращает внимание на два

обстоятельства. Одно из них философ и правовед сводит к тому, что длительное время в России господствовала самодержавная власть, которая жестко использовала свои разнообразные институты для руководства народом. При этом он подчеркивает, что для обеспечения стабильности и общественного порядка в стране часто применялись полицейские и карательные меры. Другое обстоятельство, по оценке философа, вызвано изменяющимися условиями жизни, в которых находится российское общество. В новых условиях, считает он, необходим иной, чем прежде, подход к структуре и деятельности власти в стране. Суть нового устройства, утверждает Б. Н. Чичерин, — опираться на связь власти с интересами народа. Он подчеркивает: «Власть должна находить опору в мыслях и чувствах народа» [4, с. 645]. При этом русский философ обращает внимание на то, что важным условием действительной дееспособности власти в России выступает нравственная поддержка ее народом. Именно при таком условии государственная власть в стране может преодолеть острые противоречия в обществе и обеспечить ему надежную перспективу. Философ, акцентируя свою мысль на связи звена «власть и общество», утверждает положение о том, что власть, отрешенная от народа, не будет им поддержана, общество не приемлет отрешенной от него власти. Из этого положения Б. Н. Чичерин вывел суждение о реформировании власти в России путем перехода от самодержавия к конституционной монархии. Такой реформаторский путь, по его мнению, является идеальной для России формой государственного преобразования.

Отечественный мыслитель идею конституционной монархии обосновывает, опираясь в организационном и функциональном аспектах на три ветви власти: монархическую и две палаты, верхнюю и нижнюю. Б. Н. Чичерин характеризует сущность своей концептуальной позиции в отношении конституционной монархии, выдвигая ряд важных положений.

1. Конституционная монархия как феномен представляет собой гармонический синтез разнообразных типологий государства, а именно монархического, аристократического и демократического.

2. Конституция государства гарантирует каждому из трех обозначенных компонентов определенные права, а также конкретное участие в верховной власти. При этом все они обязаны во власти действовать солидарно, а не разрозненно, ради твердого обеспечения общей цели во благо народа.

3. Демократическое начало реализуется через выборное собрание; однако оно не должно в своих деяниях противопоставляться монарху как субъекту высшей власти и постоянных интересов государства.

4. Представители аристократии, существующие в обществе в большей или меньшей степени, составляют посредствующее звено между двух противоположных начал: между властью, которая опирается на право, и властью, ориентирующейся на свое понимание свободы. Такое состояние тождественно положению, при котором монарх предстает посредником между аристократией и демократией.

5. Конституционный порядок в обществе становится устойчивым не благодаря местному управлению, а благодаря общему духу, присущему русскому народу. Дело в том, что местная жизнь, если исходить из ее узкого круга, представляет мелочные интересы. В свою очередь централизация власти в форме конституционной монархии исправляет такой недостаток и указывает народу именно на его общие интересы, ради которых она функционирует.

Необходимо отметить, что Б. Н. Чичерин в своих воззрениях на идею конституционного развития власти в России был реалистом. Он взвешенно оценивал сложности реалий политической жизни в стране в условиях самодержавия. Поэтому, прогнозируя возможности реализации своей идеи, он отмечает, что конституционный путь России

зависит от того, насколько господствующая верховная власть найдет в этом общественную потребность, и только тогда она его реализует. «Но это — дело дальнейшего развития жизни», — заключает Б. Н. Чичерин [3, с. 74]. В связи с этим подчеркивает, что мысли и рассуждения Б. Н. Чичерина о конституционном пути развития России, о роли в ее жизни основного закона не потеряли своей значимости и в современных условиях. «Конституция, — отметил Президент РФ В. В. Путин, — соединила два базовых приоритета — высочайший статус прав, свобод граждан и сильное государство, подчеркнув их взаимную обязанность — уважать и защищать друг друга» [1, с. 131].

Свои взгляды на будущее политической жизни в России, а также положения о ее государственном устройстве Б. Н. Чичерин связывает с созданием Государственного совета. Именно в таком институте власти, по оценке философа и правоведа, произойдет органичное, а не внешнее соединение интересов общества и правительства. Совместное обсуждение нужд и интересов народа прекратит такое пагубное для российской действительности явление, как разобщение действующей власти с обществом.

Доминирующим критерием деятельности Государственного совета, с точки зрения отечественного ученого, должна быть справедливость. Чтобы достичь справедливости, он предлагает выбирать в такой институт власти представителей различных социальных слоев российского общества, в наиболее оптимальном варианте — по одному депутату от дворянства и по два от земства каждой губернии России. Такое соотношение, по оценке Б. Н. Чичерина, делает возможной согласованную деятельность депутатов Государственного совета и реальными — решения стоящих перед ним задач.

По ряду критериев, высказанных ученым, характеризуется направление деятельности Государственного совета. Прежде всего это решение насущных вопросов бытия

всего народа, а не отдельных групп или классов. Далее, лица, входящие в Государственный совет, должны обладать определенными интеллектуальными качествами, чтобы понимать и осознать позитивные цели, которые ведут к стабильности и порядку в России, не разрушают ее жизнеустройства, и бороться за них. Для того чтобы позитивные преобразования, выработанные Государственным советом, были осуществлены, они должны быть поддержаны верховной властью России. При этом весьма важно, как отмечает Б. Н. Чичерин, чтобы выборные представители от дворянства и земства не прислушались к либеральным точкам зрения в области государственного устройства, а отделились от них.

Русский ученый, сознавая сложности и противоречия в жизни России, понимал необходимость эволюционного развития страны, основанного на новых структурах власти, с опорой на право и справедливость как необходимость преодоления трудностей. «В настоящее время, — отмечал Б. Н. Чичерин, — насущная потребность состоит лишь в том, чтобы дружным союзом правительства и народа дать отпор разрушительным силам и создать центр, откуда можно было бы руководить общественным движением в России» [5, с. 538].

Таким образом, выдающийся отечественный философ и правовед Б. Н. Чичерин в своих трудах высказал и аргументировал ряд глубоких положений в области государственной власти, ее генезиса, сущности и специфики функционирования в России, охарактеризовал перспективы ее развития. Естественно, что время, а также характер и особенности внутренних и внешних факторов развития государственной власти России вносят свои коррективы во взгляды и в положения русского мыслителя. При этом некоторые из его концептуальных воззрений, характеризующих особенности государственной власти, остались в прошлом. Заметим, что интеллектуальная, прежде всего философская

и политическая, мысль Б. Н. Чичерина, положения о необходимости служения государственной власти народу внесли значительный вклад в развитие гуманитарных знаний его современности. Однако взгляды Б. Н. Чичерина на такие проблемы, как служение интересам народа, место и роль в жизни России политических партий, роль представителей народа в различных ветвях власти, нравственные качества руководителей властных структур, направленность и характер политики государства — именно сегодня заслуживают тщательного философского анализа и творческой преемственности.

Список литературы и источников

1. **Путин В. В.** Мысли о России. Президент о самом важном. М.: Центрполиграф, 2016. 190 с.
2. **Путин В. В.** Патриотизм — национальная идея России. М.: Книжный мир, 2017. 510 с. (Служить России).
3. **Чичерин Б. Н.** Задачи нового царствования // Антология мировой правовой мысли: в 5 т. Т. 5: Россия. Конец XIX — XX в. М.: Мысль, 1999. С. 66—74.
4. **Чичерин Б. Н.** О народном представительстве. [2-е изд.]. М.: тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1899. XXIV, 810 с.
5. **Чичерин Б. Н.** Философия права: [сборник]. СПб.: Наука: С.-Петербург. изд. фирма, 1998. 655 с. (Русская государственная мысль).

References

1. Putin V. V. *Thoughts about Russia. President on the Most Important*. Moscow: Tsentrpoligraf, 2016. 190 p. (In Russian).
2. Putin V. V. *Patriotism — National Idea of Russia*. Moscow: Knizhnyy mir, 2017. 510 p. (In Russian). Sluzhit' Rossii.
3. Chicherin B. N. "Responsibilities of New Tsardom". *Rossiya. Konets XIX — XX v.* Vol. 5 of *Antologiya mirovoy pravovoy mysl'i*. Moscow: Mysl', 1999. 66—74. (In Russian).
4. Chicherin B. N. *About Representation of the People*. 2nd ed. Moscow: tip. T-va I. D. Sytina, 1899. xxiv, 810 p. (In Russian).
5. Chicherin B. N. *Philosophy of Law*: collection. St. Petersburg: Nauka; S.-Peterb. izd. firma, 1998. 655 p. (In Russian). Russkaya gosudarstvennaya mysl'.

Информация об авторе

Ксенофонтов Владимир Владимирович — кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии и религиоведения, Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации (Россия, 123001, Москва, ул. Большая Садовая, 14; Волочаевская ул., 3).

Information about the author

Vladimir V. Ksenofontov — Cand. Sci. (Philos.), Senior Lecturer at the Department of Philosophy and Religious Studies, Military University named after Prince Alexander Nevsky of the Ministry of Defense of the Russian Federation (Russia, 123001, Moscow, Bolshaya Sadovaya str., 14; Volochaevskaya str., 3).

Статья поступила в редакцию 30.05.2023.

The article was submitted 30.05.2023.

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2023. № 3 (39). С. 169—174.

Economic and Social Research. 2023. No. 3 (39). P. 169—174.

Научная статья

УДК 165.12

doi: 10.24151/2409-1073-2023-3-169-174

<https://elibrary.ru/jpekoj>

Развитие философии управления в контексте современной рациональности

Н. Б. Ломакина

Национальный исследовательский университет «МИЭТ», Москва, Россия

krisyankin@yandex.ru

Аннотация. Проанализированы основные парадигмы философской рациональности и подходы, в которых она артикулирована. Рассмотрено место и роль субъекта и объекта в философских картинах мира, выстроенных в парадигмах современной рациональности. Проанализированы основные подходы к определению понятия, сущности, содержания, принципов коммуникативной рациональности. Рассмотрены основные тенденции развития философии управления в контексте современной рациональности. Проанализированы те из них, которые являются базовыми. Сделан вывод о том, что философия управления, изменяясь в контексте современной рациональности, позволяет получить более целостную и адекватную картину существующих представлений об управлении.

Ключевые слова: управление, рациональность, философия управления, постнеклассическая наука, трансдисциплинарность

Для цитирования: Ломакина Н. Б. Развитие философии управления в контексте современной рациональности // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2023. № 3 (39). С. 169—174. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2023-3-169-174> EDN: JPEKOJ.

Original article

Development of management philosophy in the context of modern rationality

N. B. Lomakina

National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia

krisyankin@yandex.ru

© Ломакина Н. Б.

Abstract. The main paradigms of philosophical rationality and the approaches in which it is articulated are analyzed. The place and role of the subject and object in the philosophical pictures of the world, built in the paradigms of modern rationality, are considered. The main approaches to the definition of the concept, essence, content, principles of communicative rationality are analyzed. The main trends in the development of management philosophy in the context of modern rationality are considered. Those of them that are basic are analyzed. It has been concluded that the philosophy of management, changing in the context of modern rationality, makes it possible to obtain a more holistic and adequate picture of existing ideas about management.

Keywords: management, rationality, management philosophy, post-non-classical science, transdisciplinarity

For citation: Lomakina N. B. “Development of Management Philosophy in the Context of Modern Rationality”. *Economic and Social Research* 3 (39) (2023): 169–174. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2023-3-169-174> EDN: JPEKOJ.

Философия управления не застывшее статичное знание, а живая, динамично развивающаяся философская дисциплина, реагирующая на изменения, происходящие в мире и науке. Естественно, такое значи-

тельное явление, как смена типа рациональности, оказывает на нее непосредственное влияние. Рассмотрим, как развивается философия управления в условиях современной рациональности.

Что представляет собой современная рациональность

Под научной рациональностью сегодня следует понимать целую философскую экосистему, комплекс взглядов, определенным образом связанных с историческими типами рациональности, что делает современную рациональность еще более богатой и многогранной, хотя и порождает определенные методологические проблемы. Классическая и неклассическая рациональность, на смену которым пришла постнеклассическая, не перестают существовать, но эти научные парадигмы в настоящее время применяются в отдельных ограниченных сферах.

В современной постнеклассической рациональности нашла свое отражение общенаучная тенденция (получившая распространение в рамках постнеклассической парадигмы и трансдисциплинарного подхода) расширения контекста научного анализа: исследователи рассматривают научную деятельность широко и многоаспектно, с учетом соотношения информации и знаний об

объекте с ценностно-целевыми структурами, увязывая внутринаучные цели с «внеаучными, социальными ценностями и целями» [10, с. 634–635].

Постнеклассическую картину мира формирует совокупность знаний, неразрывно связанных с субъектами (познающими и действующими) и их субъективными реальностями, а полную картину мира — взаимосвязь научных теорий, основанная на принципе «паутины концепций». Соответственно, в современной науке «направляющей» силой и своеобразным строительным материалом, благодаря которому разные научные теории и субъектные реальности могут выстроиться в концептуально увязанную сеть, служит знание. Это обстоятельство обеспечивает синергетический эффект «применения методологических принципов субъектности для задач субъектно-ориентированного конструирования саморазвивающихся полисубъектных сред» [5, с. 22–23].

Отношения субъектов и объектов в современной философии управления

Мировоззренческий и методологический поворот к субъекту и субъектности, являющийся одной из тенденций развития современной науки, характеризует философский конструктивизм. Познавательный интерес сторонников современного конструктивизма концентрируется на двух объектах: 1) на коммуникативных процессах между субъектами, формирующими реальность; 2) расширении свободы коммуницирующих субъектов, на формировании между ними партнерских отношений и на иных процессах, сопровождающих коммуникацию. Очень важно, что результирующим итогом достигнутого коммуницирующими субъектами взаимопонимания является их толерантность, свободное принятие субъектами плюрализма мнений и систем, изменяющихся в результате взаимодействия друг с другом. Отметим, что нацеленность на взаимопонимание и свободное принятие соответствует общемировому и общечеловеческому стремлению к ненасилию в любых его формах и любых сферах, в том числе в общении. Это стремление также находит отражение и в современной философии управления.

В поле исследований в области управления В. Е. Лепским был введен термин «полисубъектная среда» — среда, в которой осуществляется научное исследование и процесс

познания в целом, которая включает в себя «наряду с различными типами субъектов совокупность ценностей мирового культурного развития, и которая сама рассматривается как саморазвивающаяся система» [4, с. 18]. С помощью этой среды (в том случае, если субъект непосредственно контактирует с ней — и среда отражает весь спектр его действий) акцентируется субъектность познающего и уменьшается риск ее потери.

Несмотря на все увеличивающийся интерес к субъектам, объекты тоже «не сдают позиций», оставаясь значимыми элементами процесса познания. Так, В. С. Степин указывает, что «человекообразные саморазвивающиеся системы» — важные объекты познания: они всегда открыты, внутри них формируются особые информационные поля, содержащие параметры их связей с окружающей средой и обеспечивающие целостность системы. Примерами таких систем являются биологические объекты, а также сложные развивающиеся системы «человек — технико-технологическая система, плюс экологическая система, плюс культурная среда, принимающая новую технологию» (в частности, определенным образом устроенные компьютерные сети, предполагающие участие человека) и другие [9].

Применяемые методы и подходы

Анализируя возможности управления такими системами, ученые обращаются к потенциалу синергетического и субъектно-ориентированного подходов, к принципам управления сложностью, гуманистическим вариантам философского конструктивизма и прочим новым теоретическим методам: ученые работают над приведением этих подходов к «общему знаменателю», поиском на базе современной рациональности объединяющих эти методы методологических парадигм. Однако интеграции методологий препятствует их сложность и гетерогенность.

В этой связи приобретают все большую актуальность управленческие проблемы, для решения которых необходимо выйти за границы конкретных сформированных дисциплин; растет необходимость в специалистах, обладающих знаниями о специальных социогуманитарных технологиях и способных вывести субъект знания в трансдисциплинарное поле, оснастив его надлежащим набором инструментов [3, с. 394]. Таким образом, трансдисциплинарный подход становится базовым в рамках постнеклассической рациональности, что, с одной стороны, открывает

перед учеными новые перспективы, а с другой — ставит перед ними ряд теоретических, методологических и практических проблем.

Отметим, что тенденция смягчения методологии (одним из привычных терминов постнеклассической рациональности стал термин «мягкая методология») находит свое отражение и в области социального управления. Классические методы и инструменты уступают место мягким формам управления, в частности, «управлению через среду» — выстраиванию условий для развития управляемой системы: посредством создания хаоса, через социальные сети, с помощью применения «мягкой силы», через управление механизмами функционирования среды. Мягкие методологии применяются во всех сферах управления, в том числе в политике и экономике. «Мягкая сила»: ценности, традиции, культурные нормы, просвещение, пропаганда, — позволяет субъектам власти взаимодействовать друг с другом и оказывать влияние на всех участников политических и экономических отношений, не применяя насилие в его традиционных формах (военное насилие, террор, экономическое и внешнеэкономическое принуждение к труду и др.). В последние десятилетия также возрастает значимость полисубъектного управления. Его механизм описан В. А. Лефевром: субъекты оказывают влияние друг на друга, помогая друг другу определиться с целями и поиском оптимальных решений, обмениваясь идеями, содействуя в личностном и профессиональном росте [6].

В современной науке широко применяется социальное моделирование; при

построении моделей отдельных элементов социальных систем исследователи прибегают к методологическому потенциалу деловых игр, в которых группы экспертов осуществляют коллективную и индивидуальную рефлексию, находясь в рамках игровых условий, организованных как «человекомерная среда». Очевидно, что практики использования моделей «субъект — полисубъектная среда» и «человекомерные саморазвивающиеся среды» предполагают, что управление посредством среды обладает существенными преимуществами по сравнению с другими методологиями, поэтому для специалистов главными объектами изучения в области управления становятся культура, ценности, способы целеполагания, сборки-разборки макросубъектов и прочие.

Наш анализ показывает, что современная рациональность не является неизменной, статичной, закрытой. Сфера рационального расширяется, вбирая в себя элементы иррационального, неявного, граничащего с рациональным. Так, Л. А. Микешина считает, что такое расширение сферы рационального вызвано обращением «к феномену жизни» и оно «осуществляется постоянно в любом познании и должно быть также признано законной процедурой в научном познании в целом» [7]. Расширению границ рациональности также способствуют всё большее сближение естественных и социально-гуманитарных наук (как в областях исследования, так и в методологии), характеризующее становление и развитие постнеклассической науки, а также диалог культур.

Роль коммуникативной рациональности в современной философии управления

Рассуждая о трансформациях современной рациональности, невозможно обойти тему коммуникативной рациональности. Это понятие возникло относительно недавно, но оно активно рефлексировается научным сообществом. Так, В. Н. Порус, изучая коммуникативную рациональность

в разрезе эпистемологического подхода, характеризует ее как одну из разновидностей рациональности, формирующуюся в условиях коммуникативных актов [8]; И. Т. Касавин, в свою очередь, утверждает, что данный тип рациональности «описывается нормами, признанными и принятыми на

основе согласия» [2, с.14]. В ходе коммуникативного процесса субъект стремится вступить в связь с другими субъектами, действуя в поле определенных социальных правил (коммуникативной рациональности), чтобы повлиять как на партнеров по коммуникации, так и на сами правила.

Коммуникативная рациональность — это гибкая система положений и норм, способствующих взаимопониманию участников коммуникации. Этот феномен представляет собой трансформирующуюся в зависимости от конкретной культурно-исторической ситуации совокупность правил. Гибкость правил (в их основе всегда лежат рациональные интересы участников коммуникации, на базе которых вырабатываются, обосновываются и вводятся в оборот эффективные средства и способы взаимодействия) делает коммуникативную рациональность матрицей, в которой всегда поддерживаются благоприятные для коммуникации условия: даже при наличии различных мнений и контекстов ее участники могут прийти к рационально мотивированному согласию при конструировании смыслов.

Коммуникативная рациональность — «земное», «бытийное» понятие, но при изучении процесса поиска объективного знания в контексте человеческого бытия это понятие обретает новые смыслы. Так как человеческий мир концентрируется в основном вокруг человекоразмерных объектов, научный поиск в этой области также ориентирован в большей степени на философию жизни, нежели на онтологию [1, с. 8]. Эта «человекоразмерность» вписывается в современные понятия о рациональности.

Анализируя изложенное, можно заключить, что рациональность изменяется под воздействием новых способов и методов, рассматриваемых в философии управления. В то же время философия управления значительным образом трансформируется в контексте современной рациональности.

Список литературы и источников

1. **Даниелян Н. В.** Научная рациональность: монография / М-во образования Российской Федерации, Московский гос. ин-т электронной техники (технический ун-т), Московский пед. гос. ун-т. М.: Изд-во МГОУ, 2010. 198 с. EDN: QWYNEP.
2. **Касавин И. Т.** Коммуникация и творчество // Философия науки. 2012. Т. 17. № 1. С. 7—24. EDN: TNINUV.
3. **Лепский В. Е.** Становление субъектно-ориентированного подхода в контексте развития представлений о научной рациональности // Наука и социальная картина мира: к 80-летию академика В. С. Степина / под ред. В. И. Аршинова, И. Т. Касавина. М.: Альфа-М, 2014. С. 392—420.
4. **Лепский В. Е.** Технологии управления в информационных войнах (от классики к постнеклассике). М.: Когито-Центр, 2016. 160 с. EDN: YLUSJR.
5. **Лепский В. Е.** Экономическая кибернетика саморазвивающихся сред (кибернетика третьего порядка) // Управленческие науки. 2015. № 4. С. 22—33. EDN: VPNGJF.
6. **Лефевр В. А.** Конфликтующие структуры. М.: Высшая школа, 1967. 86 с.
7. **Микешина Л. А.** Философия познания: Проблемы эпистемологии гуманитарного знания. М.: Канон-плюс, 2009. 560 с.
8. **Порус В. Н.** Рациональная коммуникация как проблема эпистемологии // Эпистемология и философия науки. 2008. Т. 17. № 3. С. 57—70. EDN: NDAHJH.
9. **Степин В. С.** Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность // Вопросы философии. 2003. № 8. С. 5—17. EDN: OOAUXH.
10. **Степин В. С.** Теоретическое знание: структура, историческая эволюция. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 774 с.

References

1. Daniyelyan N. V. *Scientific Rationality*: monograph. Ministry of Education of the Russian Federation, Moscow State Institute of Electronic Technology (Technical University), Moscow Pedagogical State University. Moscow: Moscow Region State University Publ., 2010. 198 p. (In Russian). EDN: QWYNEP.
2. Kassavin I. [T.] “Communication and Creativity”. *Filosofiya nauki = Philosophy of Science* 17.1 (2012): 7–24. (In Russian). EDN: TNINUV.
3. Lepskiy V. E. “Development of the Subject-Oriented Approach in the Context of the Development of Ideas about Scientific Rationality”. *Nauka i sotsial'naya kartina mira: K 80-letiyu akademika V. S. Stepina*. Eds V. I. Arshinov, I. T. Kasavin. Moscow: Al'fa-M, 2014. 392–420. (In Russian).
4. Lepskiy V. E. *Management Technologies in Information Wars (from Classics to Post-Nonclassics)*. Moscow: Kogito-Tsentr, 2016. 160 p. (In Russian). EDN: YLUSJR.
5. Lepskiy V. [E.] “Economic Cybernetics of the Self-Developing Environments (the Third Order Cybernetics)”. *Upravlencheskiye nauki = Management Sciences* 4 (2015): 22–33. (In Russian). EDN: VPNGJF.
6. Lefevr V. A. *Conflict Structures*. Moscow: Vysshaya shkola, 1967. 86 p. (In Russian).
7. Mikeshina L. A. *Philosophy of Cognition: Problems of Epistemology of Humanitarian Knowledge*. Moscow: Kanon-plyus, 2009. 560 p. (In Russian).
8. Porus V. N. “Rational Communication as a Problem of Epistemology”. *Epistemologiya i filosofiya nauki = Epistemology & Philosophy of Science* 17.3 (2008): 57–70. (In Russian). EDN: NDAHJH.
9. Stepin V. S. “Self Developing Systems and Post-Non-Classic Rationality”. *Voprosy Filosofii* 8 (2003): 5–17. (In Russian). EDN: OOAUXX.
10. Stepin V. S. *Theoretical Knowledge: Structure, Historical Evolution*. Moscow: Progress-Traditsiya, 2003. 774 p. (In Russian).

Информация об авторе

Ломакина Наталья Борисовна — ассистент Института высокотехнологичного права, социальных и гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, пл. Шокина, 1).

Information about the author

Natalia B. Lomakina — Teaching Assistant at the Institute of High-Tech Law, Social Sciences and Humanities, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Shokin sq., 1).

Статья поступила в редакцию 14.08.2023.

The article was submitted 14.08.2023.

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2023. № 3 (39). С. 175—184.

Economic and Social Research. 2023. No. 3 (39). P. 175—184.

Научная статья

УДК 00.101.1:355.133.4

doi: 10.24151/2409-1073-2023-3-175-184

<https://elibrary.ru/hyqosv>

Военная организация как социальная среда развития личности военнослужащего в современной России

А. В. Наумов¹, К. Г. Борисов²

¹ Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия

² Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны
Российской Федерации, Москва, Россия

¹ AVNaumov@fa.ru

² mosol185@gmail.com

Аннотация. Раскрывается место и роль военной организации в России как социальной среды для развития личности военнослужащего в ходе его военно-профессиональной деятельности. Особо отмечено, что военная организация по сути своей обладает ресурсами для становления и развития личности военнослужащего, для формирования необходимой направленности его сознания и мировоззрения. Обращено внимание на то, что в деятельности офицера принципиальна степень его взаимодействия с подчиненным, их позитивно ориентированная внутренняя и внешняя направленность на достижение целей, поставленных перед ними организацией. Указанное взаимодействие представляет собой своеобразное формирование — сплав общекультурных, профессиональных и личностных ценностей, которые могут проявляться как позитивно, так и негативно. Авторы обосновывают положение о том, что реальные успехи в формировании личности военнослужащего армии России в военно-профессиональной деятельности напрямую определяются уровнем развитости и позитивной направленности отношений в социальной среде.

Ключевые слова: социальная организация, социальная среда, военная организация, развитие личности военнослужащего, военно-профессиональная деятельность, боевой опыт, целеполагание, сознание военнослужащего, ценности военной службы, цели военной службы, военно-профессиональные качества, духовное развитие, духовность

Для цитирования: Наумов А. В., Борисов К. Г. Военная организация как социальная среда развития личности военнослужащего в современной России // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2023. № 3 (39). С. 175—184. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2023-3-175-184> EDN: HYQOSV.

Original article

Military organization as a social environment of serviceman's personality development in modern Russia

A. V. Naumov¹, K. G. Borisov²

¹ *Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia*

² *Military University named after Prince Alexander Nevsky of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia*

¹ AVNaumov@fa.ru

² mosol185@gmail.com

Abstract. The authors reveal the place and role of the military organization in Russia as a social environment for the development of the personality of a serviceman in the course of his military professional activity. It is especially noted that the military organization inherently has the resources for the formation and development of the personality of a serviceman, the formation of his orientation of consciousness and worldview. Attention is drawn to the fact that in the activities of an officer, the degree of interaction between him and his subordinate, their positively oriented internal and external orientation towards achieving the goals set for them by the organization, is of fundamental nature. This interaction is a kind of formation of an alloy of general cultural, professional and personal values, which can have both positive and negative forms of their manifestation. The authors have substantiated the position that real successes in the formation of the personality of a serviceman of the Russian army in military professional activity are directly determined by the level of development and positive orientation of relations in the social environment.

Keywords: social organization, social environment, military organization, serviceman personality development, military professional activity, combat experience, goal-setting, consciousness of a serviceman, military service values, military service goals, military professional qualities, spiritual development, spirituality

For citation: Naumov A. V., Borisov K. G. "Military Organization as a Social Environment of Serviceman's Personality Development in Modern Russia". *Economic and Social Research* 3 (39) (2023): 175—184. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2023-3-175-184> EDN: HYQOSV.

Актуальность рассмотрения вопроса военной организации как социальной среды для развития личности военнослужащего в современных условиях вновь привлекает к себе внимание со стороны органов военного и политического руководства, общественности и научного мира: не секрет, что важность развития личности военнослужащего как профессионала своего дела, патриота своей страны исторически доказана

и характеризуется объективными закономерностями и условиями, необходимыми для успешного сохранения и функционирования как военной организации, так и государства.

Вопросы совершенствования военной организации России были поставлены в ходе выступления Президента РФ В. В. Путина на расширенном заседании коллегии Министерства обороны. В частности, Верховный

главнокомандующий отметил: «Огромный боевой опыт получили наши части в ходе этой спецоперации. Задача Министерства обороны, Генерального штаба, как я уже сказал, — тщательно проанализировать этот опыт, максимально быстро систематизировать его и включить в программы и планы обучения личного состава, подготовки войск в целом и поставки в войска необходимой техники»¹.

В ходе того же расширенного заседания коллегии министр обороны С. К. Шойгу предложил увеличить численность Вооруженных Сил РФ до 1,5 млн чел., поэтапно повысить нижнюю планку призывного возраста с 18 до 21 года, создать новые военные округа, реорганизовать старые военные подразделения и создать новые¹.

Нельзя не согласиться с тем, что совершенствование Вооруженных Сил РФ предопределяет необходимость не только *количественно* увеличить численность личного состава, но и в первую очередь, кардинально улучшить *качество* кадров. Их совершенствование в значительной мере зависит от того, насколько военные специалисты овладеют необходимыми знаниями и навыками в процессе боевой и учебно-боевой деятельности и смогут ли умело использовать их в бою.

Ресурс, обеспечивающий развитие личности военнослужащего, качественную подготовку его к вооруженной защите Отечества, заложен как в самой военной организации с ее спецификой, структурой и принципами функционирования (с одной стороны), так и (с другой стороны) в людях, которые участвуют в деятельности этой уникальной социальной организации.

Термин «организация» применяется к социальным объединениям достаточно долго, но в процессе эволюции общества он

также преобразовывался и наделялся дополнительными смыслами. Социум любого государства предполагает общественные институты разной направленности (образовательной, политической, экономической, социальной, промышленной), которые значительно (или, по крайней мере, в той или иной степени) влияют на его жизнедеятельность и развитие.

Данный термин употребляется для обозначения как некоей деятельности, так и полученных вследствие нее результатов. «Организация» предполагает такие категории, как созидание чего-либо, а также объединение членов общества для достижения определенных целей, для разрешения текущих задач. Кроме того, под организацией понимают и некие общественные институты, деятельность которых направлена на регулирование жизненного цикла политической, экономической, образовательной, социальной систем. Таким образом, суть любой организации (позднелат. *organisio* — сообщаю стройный вид) — определенное упорядочение системы, которое осуществляется для достижения определенных поставленных целей.

В поле социальной психологии термин «организация» обозначают групповое объединение индивидов — неотъемлемый компонент общественной системы. Каждая группа формируется в социуме посредством определенного характерного признака, который отличает ее от остальных групп.

Под организацией необходимо понимать некую общность двух и более членов общества, у которых коррелируются приложенные усилия, направленные на достижение общей цели. В данном случае цель выступает *базисом организации* — и ее члены регулируют свою деятельность для достижения цели. Согласно исследователям В. Б. Ионкину, А. И. Китову, Е. И. Кузьминой, Э. П. Утliku,

¹ Заседание коллегии Министерства обороны [Электронный ресурс]: 21 декабря 2022 г. // Президент России: портал. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/70159> (дата обращения: 05.09.2023).

военная организация представляет собой систему, которая упорядочена и деятельность которой направлена на получение результативности посредством достижения поставленных целей [5].

Чтобы регулировать поведенческие проявления *членов военной организации*, командир отдает приказы, ориентирующие их на разрешение конкретных задач. Таким образом, военная организация становится системой, деятельность которой направлена на достижение поставленных целей. Для этого служат такие элементы данной организации, как определенные нормы, границы, помогающие ее членам быть готовыми к выполнению боевых задач, а также к обеспечению способности воинской части быть готовой к военным действиям.

Организация военного типа действует по определенным правилам — и все осуществляемые в соответствии с ними процессы подразумевают обязательную определенную цель. Таким образом формируется целенаправленность, которая предполагает единую для всех участников цель [7].

Безусловно, такая цель становится базисом для деятельности организации — и характеризуется конкретностью, устойчивостью. Цель обуславливает поведение каждого члена военной организации, которое направлено на достижение результата. То, насколько совместно будут действовать военные, определяет функционирование всей организации, ее успешность, способность и возможность достичь необходимого результата. Кроме того, данной системе необходимо уметь урегулировать конфликты, которые возникают при взаимодействии с внешней средой. Когда все эти факторы учитываются, то военная организация становится оплотом — и ее невозможно расколоть [6].

Каждая организация военного направления имеет, как правило, одну общую фундаментальную цель, которая служит основой

для формирования всей структуры данной организации — подразделений определенного назначения, штабов, специализированных служб и т. п. Такая цель сама может иметь структуру, в которую включены подцели и соответствующие задачи. Чтобы у военнослужащего формировалась определенная (необходимая) ментальность, в организации присутствует режим, регламентировано и налажено несение службы, внедрены и приняты к исполнению специфические правила бытовой жизни, проводится образовательная деятельность, присутствует определенная коммуникация.

Таким образом, в военной организации сама ее структура и принципы действия несут в себе ресурс для организованного взаимодействия людей, направленного на достижение поставленных целей. Потому развитие личности военнослужащего, начиная с его становления, необходимо увязать с развитием и совершенствованием самой организации как социальной среды.

В научном поле *личность* рассматривается с разных точек зрения и в разных подходах, но важным элементом, объединяющим их, оказываются социальные качества личности, которые могут развиваться в процессе ее жизнедеятельности в контакте с внешней общественной средой, с которой она взаимодействует. Таким образом, окружающее общество включает в себя следующие элементы: ценностные ориентации, установленные нормы поведения, дифференциацию ролевых моделей, систему взаимоотношений, ритуалы. Все они интегрируются в структуру личности человека и становятся частью его естества. Чтобы человек мог развиваться как личность, ему необходимо приобщаться к социуму, к его культуре, ценностным ориентирам: это позволяет взаимодействовать с представителями социума, выстраивать с ними взаимоотношения и вести совместную деятельность. Посредством этого личность не только расширяет свой

внутренний мир, но и вносит определенный вклад в развитие всего общества.

Целесообразность изучения развития личности воина обусловлена тем, что ее характеристики относятся к объекту управления в военно-социальных организациях; тем, что возможно выбрать подход к определению личности воина и нужную трактовку понятия «развитие личности», а также определить формы и области данного развития. Рассматривая вопрос о развитии личности воина, необходимо четко представлять себе результат данного развития, т. е. обозначить цель данного развития.

Человек, исполняющий роль военнослужащего, вовлечен в определенную систему деятельности, которая предполагает наличие норм, порядка и установленных границ. Для этого ему необходимо обладать специфическими особенностями характера, а также иметь социально ориентированную позицию. Человек военного долга обладает рядом умений и навыков в области военного дела, владеет знаниями о взаимодействии с оружием и о военной технике. Кроме того, он морально устойчив в процессе несения службы, а также ответственен в исполнении своих профессиональных обязанностей [3].

Характерными чертами людей военной профессии можно назвать некоторые нравственные и патриотические качества характера: ценности, внутреннюю мотивацию к деятельности, определенные механизмы поведенческих реакций. Такой человек выступает целостным субъектом (с точки зрения физиологических и психологических характеристик): как воин, он интегрирован в систему — и, несмотря на это, остается индивидуальной личностью.

Воин — основной защитник государства и народа, который наряду с другими коллегами несет службу, умеет владеть оружием, понимает боевые задачи и владеет знаниями для их разрешения. Безусловно, каждый военнослужащий является отдельной индиви-

дуальной личностью со своим внутренним миром. Характерная особенность его личности — стремление, предполагающее совокупность жизненных и военных целей, на которые он ориентирован, а также ценностные социальные ориентации, которыми он руководствуется, неся военную службу [5].

Сложность подчинения целей и интересов личности интересам и целям военной организации зачастую кроется в противопоставленности командира и подчиненного, возникающей из самой сути субъектно-объектных отношений. «Я» и «Другой», эта существующая оппозиция одного к другому, не нова и пронизывает большинство сфер человеческой деятельности, начиная от нередких конфликтов родителей и детей, старших и младших, обучающихся и обучающихся. Тем более эта ситуация усугубляется тем, что сущность военной организации прописана в ее основополагающих документах — уставах, приказах, наставлениях, т. е. руководящих документах, определяющих своего рода программы, правила поведения, которые (в начале — лишь формально), отражаясь в сознании индивида, т. е. через текст документа, должны передать правила взаимоотношений, условия совместной деятельности военнослужащих. Однако такие слова, как, например, «уважение», «долг» и «обязанность», «дисциплина», — на самом деле обобщения, зачастую скрывающие существенные признаки и, следовательно, сущность таких явлений в воинской среде, что скорее всего приводит индивида-призывника к привычному или обыденному пониманию смысла данных номинализаций, а потому призывник может рассматривать их лишь в контексте своего социального опыта. Так, например, понятие «долг карточный» может оказаться для него более осознанным и привычным, чем понятие «долг воинский», так как карточному долгу предшествовал ряд жизненных ситуаций, в которые был вовлечен призывник; «уважение» и «авторитет»

молодой человек может ассоциировать с насилием и агрессивностью и т. д.

Развитие личности и ее связь с социальной организацией в рамках обучения предполагает рассматривать этот процесс как наделение смыслом понятий и суждений, определяемых уставами, приказами и другими руководящими документами, принятыми в организации, в процессе передачи практического опыта эффективного поведения в данной организации, подкрепленного внутренней социальной средой воинских коллективов и социальной средой организации в целом [2].

Если в военной организации будет отсутствовать должная социальная среда, соответствующая уставам, целям и предназначениям вооруженных сил, — скорее всего, произойдет замещение и подмена понятий, идеалов, норм, способов общения и поведения; яркий пример этого — проникновение уголовной среды в воинскую, когда отношения между военнослужащими начинают строиться «по понятиям». Существующие в обществе ценностные ориентиры (например, богатство, роскошь и т. д.) могут заменять ценности воинского труда: в таком случае целью службы в армии станет обеспечение себя материальными благами и т. д. Всё это может взаимно дополняться и создавать сложный комплекс ценностных установок, приводящий к различного рода последствиям, в том числе противоправным.

Когда же военная организация отстаивает свои ценности, основанные на многовековом опыте ратного труда, она становится по-настоящему действенным институтом — и так участвует в формировании здорового общества. Для этого необходимо, чтобы выполнялись хотя бы следующие условия:

- военная организация имеет четкую структуру, позволяющую эффективно отвечать на вызовы времени;
- военная организация имеет исторически сложившиеся ценности, вобравшие

в себя и опыт предыдущих поколений, и современный, передовой боевой опыт, при этом высшая ценность в ней — защита Отечества;

- организацией управляют люди, разделяющие ее ценности, способные передать опыт, привить внутриорганизационную культуру, обучить.

Сегодня (как уже ранее отмечалось в выступлении Президента РФ В. В. Путина на расширенном заседании коллегии Министерства обороны)¹ существует острая необходимость реализовать знания и навыки военнослужащих, в первую очередь командиров и начальников, получивших богатый опыт боевых действий и способных передать свои знания, навыки и умения в процессе обучения, воспитать подчиненных и сформировать у них отношение к выполнению обязанностей военной службы, привить им ценности ратного труда, дать понимание своей роли, развить их личность.

С учетом сказанного выше возможно предположить, что модель развития личности, связанная с обучением программам поведения и привитием новых ценностей (таких, как ценности ратного труда, ценности защиты Отечества, патриотизма, верности воинскому долгу) в военно-социальной организации, может реализоваться на практике так.

Компетентный руководитель, планируя программу обучения подчиненного, прежде всего должен определить уровень развития военнослужащего и его готовность к дальнейшему совершенствованию. Существует стратегия обучения подчиненного, которая заключается в четырех этапах развития его личности как личности воина.

В первую очередь руководитель с помощью собственных знаний, практических навыков и умений показывает, как необходимо действовать, используя при этом принцип «действуй, как я». В этом случае основной мотивацией солдата станет нацеленность

на успех, т. е. позитивная сила. Такая система основывается на том, что человек экспериментирует в различных видах деятельности, ошибается и приобретает опыт. Таким образом в процессе он учится разными способами решать ту или иную поставленную задачу — и при этом может даже не осознавать, что регулярно делает выбор. Такой способ действия представляется первостепенным в структуре сознания личности. Чтобы скорректировать результат, индивид руководствуется тем, чего добивается в итоге: получилось ли достичь необходимого или нет. Посредством таких шагов человек учится разрабатывать стратегию своих действий, приобретает необходимый навык.

У подчиненного появляется привычка выполнять операции следом за командиром — и он осознает себя субъектом процесса, когда сознательно отождествляет себя с ведущим (командиром). При этом командиру достаточно простых примеров убеждения и внушения, в которые необходимо «вплетать» поведенческое осознание человека: «Если ты выполнил норматив по стрельбе на “удовлетворительно”, ты погиб, твое подразделение погибло! Если на “отлично” — ты жив, ты уничтожил всех врагов, ты спас свое подразделение, вы выполнили свою задачу. Ты молодец! Ты можешь гордиться собой».

Данный (первый) уровень — это начало становления вчерашнего призывника, стартовая точка в процессе обучения. И командир должен воспринимать солдата как такового с его недостатками и ошибками. Когда солдат выполняет различные задачи, командир должен уметь объективно оценивать подчиненного. Для успешного обучения необходимо, чтобы обязательно выполнилось важнейшее условие: командир должен сам неукоснительно следовать всем уставным положениям, полноценно вкладываться в обучение, придерживаться принципа

«действуй, как я». На завершающей стадии данного уровня военнослужащий адаптируется к новому положению, закрепляется в нем (а оно становится ресурсным состоянием) и достигает готовности к дальнейшему обучению.

Второй уровень предназначен для того, чтобы отшлифовать знания, полученные ранее, чтобы увеличить их количество, а также приобрести новые навыки.

Военнослужащий на этом этапе освоил ряд навыков (они уже интегрированы в его практику), но теперь в процессе деятельности ему необходимо овладеть и более сложными навыками, что требует дополнительной тренировки. Потому что его попытка регулирует командир, а он сам оценивает себя и выбирает те действия, которые дают нужный результат. С помощью регулярных повторений военнослужащий повышает свой профессиональный уровень — и так достигает успеха.

Мотивация военнослужащего основывается на принципах, лежащих в основе успешного обучения. Это:

- достижимость;
- ориентация на успех;
- поведенческая конкретность (нужно знать, что делать и как);
- кратковременность (нужно использовать то время, за которое занятие не успевает наскучить, пока само дело еще остается интересным);
- низкий риск (то, что происходит у человека внутри, зависит от его знаний).

Компетентный командир может вывести подчиненного на *третий уровень*. Это *уровень зрелости*, период группового сплочения. Когда восприятие солдата достигает уровня «мы» и включает в себя идентификацию с подразделением, когда связанность членов подразделения высока, участники процесса мотивированы на то, чтобы действовать совместно с подразделением.

Такой опыт дает военнослужащему (как члену подразделения) ощутить безопасность

и личную значимость, сформировать идентичность.

Посредством обучения военнослужащий становится специалистом в своей области, не останавливается на достигнутом и продолжает совершенствовать навыки и получать новые знания. Важным пунктом в обучении для него становится способность анализировать свои действия объективно, в некоторых случаях — с опорой на мнение старших по званию. Накапливая опыт успеха и неудач, военнослужащий применяет его к текущей деятельности — и учитывает ошибки, совершенные ранее. Его задача — не просто достичь успешного результата, но сформировать для себя *стратегии*, которыми необходимо руководствоваться. В процессе боевых и учебно-боевых действий военнослужащему важно как синтезировать наработанные алгоритмы, так и использовать новые для себя приемы. Военнослужащий уже приобретает собственный профессиональный стиль и умеет задействовать все свои знания и навыки.

В своем поведении он достигает осознания, у него структурируются воинские ценности: «Я готов лично. Я готов действовать в подразделении. Я могу гордиться собой. Я могу гордиться своим подразделением. Я горжусь своим полком, в котором обучаюсь!»

Третий уровень — это уже *этап боевого слаживания*, с полевыми выходами и учениями. Если задачи третьего уровня удастся решить успешно, в процессе боевого слаживания создаются предпосылки для достижения *четвертого уровня*. Его характерная черта: подчиненный начинает осознавать, что способен «заменить ведущего» — командира. Так военнослужащий ощущает перспективу для роста — и его уровень самооценки повышается.

Процесс становления военнослужащего, организованный таким образом, в итоге создаст существенные предпосылки для того, чтобы воин (как личность) видел и считал

себя частью коллектива, социальной среды (в данном случае, военной организации). Это заложит базу для того, чтобы на основе ценности военной службы сформировать в сознании воина новые качества. Такое сознание будет направлено на достижение общих целей, которые встроились бы в систему отношений и ценностей, лежащих в основе организации и ее культуры.

Другими словами, теперь такой человек видит свое поведение, способности, убеждения, ценности и себя самого внутри более крупной системы, частью которой он является, — и это видение наделяет окончательным значением социальные роли и мотивы его поведения, его мировоззрение как таковое, что в целом и формирует личность воина.

Особое место в формировании личности воина занимают духовное развитие: в мировоззрении воина оно дополнит его практический опыт, профессиональные качества, взгляды, составляющие фундамент личности, — ценностями общечеловеческими, такими как любовь к Родине, справедливость, милосердие и порядочность. Это всегда было и остается отличительной чертой русского воина — и, в свою очередь, органично коррелирует с высокими ценностными ориентациями социума, его духовными и культурными основами.

Следующий этап развития личности военнослужащего,двигающегося в этом направлении, предполагает *выход на новый уровень* — к осознанию таких основополагающих человеческих аспектов бытия, как духовность, нравственность, мораль, норма, образованность, красота и добропорядочность.

Особое внимание необходимо уделить нравственному воспитанию — наиболее сложному по существу и содержанию аспекту воспитания военнослужащего. Данное воспитание помогает сформировать у военного определенные нравственные качества личности, которые базируются на духовных

ценностях. Поскольку речь идет о военной профессии, категория *нравственности* предполагает честь воина и его следование традициям. Нравственность подразумевает осознанный выбор человека в пользу тех духовных ценностей, на которые он ориентируется в своей деятельности [1]. Понятие *воинской чести* — собирательное; оно отсылает к сакральным качествам личности. В первую очередь сюда включены верность своему делу, чувство долга, проявление мужества, самоотверженность. Военный отличается высоким уровнем нравственности в том случае, когда он соблюдает традиции своей организации, всегда готов исполнить долг перед Отечеством, осознает важность соблюдения установленных правил и руководствуется ими в своей деятельности [4].

Подводя итог сказанному выше, можно с уверенностью подтвердить тезис: военная организация как социальная среда может сформировать человека, индивида, если будет развивать его как личность и как воина, реализовывать это в процессе обучения и воспитания, прививая значимые профессиональные и общечеловеческие социальные качества, формируя сознание и мировоззрение нового уровня.

Список литературы и источников

1. *Алексеев С.* Этика // Энциклопедический словарь / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефронь. Т. XLI. [Полутомъ 81]: Эрданъ — Яйценошеніе. СПб., 1907. С. 146—164.
2. *Бейтсон Г., Бейтсон М. К.* Ангелы страшатся / сокр. пер. с англ. В. Котляра. М.: Технологическая школа бизнеса, 1994. 216 с.
3. Военная энциклопедия: в 8 т. Т. 4. М.: Воениздат, 1999. 583 с.
4. Воинский (военный) дух // Военная энциклопедия: в 18 т. / И. Д. Сытинъ. Т. VII / под ред. В. О. Новицкаго и др. СПб.: Т-во И. Д. Сытина, 1912. С. 2—6.
5. *Кузьмина Е. И., Ионкин В. Б.* Психология военного управления: учебное пособие для курсантов высших военно-учебных заведений Министерства обороны Российской Федерации / под общ. ред. А. Г. Караяни; М-во обороны РФ, Военный ун-т. М.: Изд-во СГУ, 2009. 365 с.
6. Общая теория права и государства: учебник / под ред. В. В. Лазарева. М.: Юристъ, 1994. 367 с.
7. Управление организацией: учебник / под ред. А. Г. Поршнева, З. П. Румянцевой, Н. А. Саломатина. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2000. 669 с.

References

1. Alexeev S. "Ethics". *Entsiklopedicheskiy slovar'*. By F. A. Brockhaus, I. A. Efron. Vol. XLI. [Half-vol. 81]. Erdan — Yaytsenoshenie. Saint Petersburg, 1904: 146—164. (In Russian).
2. Bateson Gregory, Bateson Mary Catherine. *Angels Fear: Towards an Epistemology of the Sacred*. New York: Macmillan, 1987. 224 p.
3. *Military Encyclopedia*. Vol. 4. Moscow: Voenizdat, 1999. 583 p. 8 vols. (In Russian).
4. "Military (War) Spirit". *Military Encyclopedia*. By I. D. Sytin. Vol. VII. Ed. V. Th. Novitskiy et al. Saint Petersburg: Tovarishchestvo I. D. Sytina, 1912. 2—6. 18 vols. (In Russian).
5. Kuz'mina E. I., Ionkin V. B.; Ministry of Defense of the Russian Federation, Military University of the Russian Ministry of Defense. *Psychology of Military Management: textbook for Cadets of Higher Military Educational Institutions of the Ministry of Defense of the Russian Federation*. Ed. A. G. Karayani. Moscow: Izdatel'stvo Sovremennogo gumanitarnogo universiteta, 2009. 365 p. (In Russian).
6. Lazarev V. V., ed. *General Theory of Law and State: textbook*. Moscow: Yurist, 1994. 367 p. (In Russian).
7. Porshnev A. G., Rumyantseva Z. P., Salomatin N. A., eds. *Management of the Organization: textbook*. 2nd ed., rev. and suppl. Moscow: INFRA-M, 2000. 669 p. (In Russian).

Информация об авторах

Наумов Александр Владимирович — кандидат философских наук, старший преподаватель Департамента гуманитарных наук, Финансовый университет при Правительстве РФ (Россия, 125167, Москва, Ленинградский пр-т, д. 49/2).

<https://orcid.org/0009-0005-8174-3950>

Борисов Константин Геннадьевич — слушатель факультета руководящего состава органов военно-политической работы, Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации (Россия, 123001, Москва, ул. Б. Садовая, 14).

Information about the authors

Alexander V. Naumov — Cand. Sci. (Philos.), Senior Lecturer at the Department of Humanities, Financial University under the Government of the Russian Federation (Russia, 125167, Moscow, Leningradsky ave., 49/2).

<https://orcid.org/0009-0005-8174-3950>

Konstantin G. Borisov — student at the Faculty of the Leadership of the Bodies of Military-Political Work, Military University named after Prince Alexander Nevsky of the Ministry of Defense of the Russian Federation (Russia, 123001, Moscow, B. Sadovaya str., 14).

Статья поступила в редакцию 07.07.2023.

The article was submitted 07.07.2023.

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2023. № 3 (39). С. 185—196.

Economic and Social Research. 2023. No. 3 (39). P. 185—196.

Научная статья

УДК 1:316.3

doi: 10.24151/2409-1073-2023-3-185-196

<https://elibrary.ru/kglkzq>

Преобразование современной институциональной архитектоники в России под влиянием идеальных факторов Часть 1

Н. Н. Равочкин

*Кузбасская государственная сельскохозяйственная академия, г. Кемерово, Россия
Кузбасский государственный технический университет им. Т. Ф. Горбачева,
г. Кемерово, Россия*

nickravochkin@mail.ru

Аннотация. Обосновывается основной тезис о целесообразности понимания идеальных факторов как комплексных детерминант, способных оказывать существенное влияние на социальное бытие. Показано, что не только материальные условия, но также идеи, когнитивные установки, фреймы и ценности способны объективировать программы социальных преобразований. Отмечается, что в современном обществе ведущее место отводится именно институтам, от интерпретативных и регулятивных возможностей которых зависят шансы государств выйти на желаемую эволюционную магистраль развития. Продемонстрировано, что идеальные факторы представляют собой перманентно пополняющуюся базу, мотивирующую (детерминирующую) акторов, осуществляющих институциональные преобразования, к преодолению ограниченной рациональности. Фиксируя внимание на идеях, автор отмечает их проективную сущность, поскольку их реализация на практике репрезентирует модель института, которая неминуемо отличается от первоначального идеального замысла. Автор утверждает, что модель института преломляется через полноту и точность восприятия заложенных смыслов, их интерпретацию и особенности контекста, где она воплощается.

Ключевые слова: идеи, общество, институты, гражданское общество, гармонизация отношений.

Для цитирования: Равочкин Н. Н. Преобразование современной институциональной архитектоники в России под влиянием идеальных факторов (ч. 1) // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2023. № 3 (39). С. 185—196. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2023-3-185-196> EDN: KGLKZQ.

Original article

Transformation of modern Russian institutional architectonics under the influence of ideal factors Part 1

N. N. Ravochkin

Kuzbass State Agricultural Academy, Kemerovo, Russia

Kuzbass State Technical University named after T. F. Gorbachev, Kemerovo Russia

nickravochkin@mail.ru

Abstract. The author substantiates the main thesis of the expediency of comprehending ideal factors as complex determinants that can have a significant impact on social life. It is shown that not only material conditions, but also ideas, cognitive attitudes, frames and values are able to objectify the programs of social transformations. It is noted that in modern society the leading place is given to institutions, on the interpretive and regulatory capabilities of which the chances of states depend on entering the desired evolutionary highway of development. It has been demonstrated that the ideal factors constitute a constantly replenishing base of the actors carrying out institutional transformations that motivates (determinates) them for overcoming the limited rationality. Focusing on the ideas, the author notes their projective essence, as their implementation in practice represents a model of an institution that inevitably differs from the original ideal design. The author states that a model of institution is refracting on the completeness and accuracy of the perception of the inherent meanings, their interpretation and the specifics of the context where it is embodied.

Keywords: ideas, society, institutions, civil society, relations harmonization

For citation: Ravochkin N. N. “Transformation of Modern Russian Institutional Architectonics under the Influence of Ideal Factors. Pt. 1”. *Economic and Social Research* 3 (39) (2023): 185—196. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2023-3-185-196> EDN: KGLKZQ.

На современном этапе развития научной мысли возрастает актуальность обращения к воздействию идеальных факторов на социальное бытие и находящиеся в его пространстве различные структуры. Что же представляют собой идеальные факторы? Ранее мы отмечали, что среди многих представителей научного сообщества, обративших внимание на «идеационный поворот» в обществоведении, укоренилось мнение, что к идеальным факторам следует относить прежде всего сами идеи, а также когнитивные установки, фреймы и ценностные ориентации. В самом деле, руководствуясь материалистическими

объяснениями при осмыслении социальных трансформаций, исследователи все чаще отдаляются от четкого и ясного понимания их глубинных причин, что очевидным образом подразумевает критическую ревизию фундаментальных оснований. Увеличение числа исследований влияния идеальных переменных на процессы государственного строительства подтверждает как нельзя лучше обозначенный тренд, а предпринятые на постсоветском пространстве попытки «задвинуть» идеальные факторы на второй план в итоге не обрели успеха. Таким образом, именно интеллектуальная деятельность и ее

результаты, представленные в форме идей как ментальных конструкторов, пополняют методологический инструментарий дополнительными возможностями [7; 8; 9; 12; 13; 16; 20; 23].

Исторический аспект развития институциональной архитектуры любого государства может быть представлен в виде сменяющих друг друга идей и их уникальных сочетаний, воплощенных в тех или иных эмпирических контекстах. Локомотивами институциональных преобразований выступают различные акторы и влиятельные субъекты, а результат — учреждение института на конкретном этапе преобразований и последующее выявление векторов его бытия в определенном социуме — отражает жизнеспособность тех или иных идей, которые со временем могут предстать в модифицированном виде, сохраняя при этом свой ядерный смысл. Это в очередной раз позволяет говорить о трансграничности и трансисторичности как сущностных характеристиках идей [18; 20].

Необходимо отметить, что идеи сами-по-себе нейтральны. Направленность изменений зависит от риторики субъектов, интерпретирующих идеи и затем направляющих их в социум и его сферы. На трансформацию заложенных в ментальные конструкторы смыслов, которые воспринимаются и «схватываются» акторами, большое влияние оказывают когнитивные установки, фреймы и ценностные ориентации. Именно они существенно конституируют жизненные миры субъектов, что сказывается в первую очередь на интересующей нас специфике деятельности субъектов и на операционализации связанных с нею ключевых понятий [11; 18; 21].

Прагматизм и эволюционизм используются нами в качестве наиболее значимых оснований любого современного общества и в первую очередь — функционирующей в нем институциональной архитектуры. Нерациональный подход рациональных акторов к использованию ресурсов институциональных преобразований напрямую указывает на вероятность риска превращения

интересующих нас структур в фетиш, что неминуемо приведет к разрывам и нивелирует возможность адекватных ответов на вызовы современности [10; 18; 23]. «Ограниченная рациональность» любого субъекта социальных преобразований — это диспозиционная предпосылка, которая выводится после проверки «абсолютной рациональности» общественной практикой. Идеальные факторы здесь — это перманентно обновляемый ресурс, к которому акторы могут апеллировать в целях разрешения злободневных проблем, в частности в целях создания конкурентоспособной и эффективной институциональной архитектуры. Всё это позволяет вывести общество на новый уровень функционирования. Отсюда следует, что идеальные факторы можно рассматривать как валидные основания, заложенные в построение и трансформацию институциональной архитектуры [15].

С учетом обстановки, которая сложилась в современной мировой системе, целесообразно, по нашему мнению, соотносить идеальные факторы так, чтобы они могли способствовать институциональным преобразованиям в части гармонизации национальных отношений. Это направление представляется значимым как в многонациональном и мультикультурном российском обществе, так и на глобальном уровне, в общепланетарном масштабе. Первостепенным является вопрос о том, каков идеальный замысел, т. е. как именно достигается и поддерживается гармонизация национальных отношений с учетом функционала многочисленной группы социальных институтов. Отвечая на него, мы обозначаем плюрализм вариантов и направляем субъектов институциональных преобразований к «перенастройке» полномочий и ремоделированию наличной институциональной архитектуры. Анализ идей в таком ракурсе есть диагностика, которая показывает, насколько эффективно институты используют предоставляемые им ресурсы. На этом основании

уже можно «прорисовать» векторы институциональных трансформаций, чтобы корректировать регламентацию в части интересующих взаимодействий между участниками общественных отношений, с учетом особенностей разных культур, национальностей, религий и иных, обладающих конфликтогенным потенциалом [20; 25].

Идеальные факторы в своей совокупности репрезентируют желаемые образы различных институтов. В ходе институциональных преобразований в обществе эти феномены интерпретируются как «социальная материя», поскольку «она представлена и дана нам в форме объективной реальности, специфика конструирования которой в первую очередь детерминирована самой человеческой деятельностью» [7, с. 38]

Когнитивные особенности и фреймы акторов неотделимы от «ценностных оснований социокультурной действительности, детерминирующих функционирование различных институтов и структур содержащимися, воспринятыми и реализованными на практике идеальными конструктами» [11, с. 17]. Минимизация детерминант, негативно и разнонаправленно влияющих на процессы институциональных преобразований, сопряжена с тем, насколько полно будет воспринято содержание идей и насколько максимально адаптировано их содержание к параметрам эмпирического контекста. В конечном счете мы придем к созданию координируемой институциональной архитектуры с четко обозначенной зоной ответственности. На практике это позволит грамотно распределить функциональные обязанности, разгрузив другие структуры, избежать дублирования выполняемых функций, а то и пересмотреть актуальность нынешних.

Далее под «идеальными факторами» мы будем понимать преимущественно идеи. Это вполне справедливо, так как идеи многократно подтверждали свой потенциал не только в аспектах описания обществ, но и в конструи-

ровании социальной реальности: «Интеллектуальные конструкты закрепляют необходимые смыслы и создают те или иные ситуации, прямо указывая на целесообразность анализа идей на обширном эмпирическом материале и обещая получение нетривиальных выводов и установление новых причинно-следственных связей» [20, с. 69].

Справедливо полагать, что общий взгляд на российский социум покажет нам широкий перечень институтов, способствующих гармонизации национальных отношений и поддерживающих эффективную и взаимовыгодную для участников интеракций форму отношений. Начнем с рассмотрения природы институтов, которые можно сгруппировать по сферам общественной жизни — в классической четырехчастной структуре отнести к экономической, политико-правовой, социальной и духовной сферам. При этом большинство институтов из тех, которые оказывают гармонизирующее воздействие на национальные отношения, самоочевидным образом принадлежит к политико-правовой сфере. Будучи ограниченными объемом исследования, рассмотрим институты только данной сферы, поскольку они занимают центральное место в развитии современной цивилизации. В монографии [20] мы последовательно доказали это. Первенство политико-правовых институтов среди остальных элементов социальной архитектуры обуславливается «их инструментальными возможностями в объяснении достигнутого государствами успеха и / или решении возникающих и имеющихся проблем, которые проявляются в их доминирующей роли в определении правомерности присутствия тех или иных акторов в общественной жизни и практической реализации их возможностей, а также заложенном в институтах богатом функционале: осуществлении управления всеми другими сферами общественной жизни на основе концентрации легитимной власти и соответствующих полномочий и использования монополии

на распределение ресурсов, установление общих правил и норм с обязательным введением санкций за их неисполнение, а также обеспечение транзита и трансфера власти» [20, с. 14].

Особняком среди выбранных нами для исследования институтов стоит гражданское общество, которое в реалиях сетевой модели становится также и новым ключевым актором. Анализ идейных оснований гражданского общества по материалам работ современных теоретиков (К.-О. Апель, Х. Арендт, Дж. Роулз, Ю. Хабермас) проясняет понимание его природы и сути. Основной акцент сделан на коммуникативных способностях субъектов, благодаря которым все участники взаимодействия стремятся к диалогу и достижению консенсуса по самым разным социально значимым вопросам. Ю. Хабермас (см.: [6]) предлагает использовать для этого ресурсы эмпирико-аналитических и историко-герменевтических наук, поскольку первые гарантируют контроль за поступками людей, тогда как вторые улучшают взаимопонимание между субъектами национальных отношений. К.-О. Апель выдвигает положение о значимости условий, свободных от общественного давления, для формирования идеального коммуникативного сообщества. Дж. Роулз выдвигает гипотезу о высокой значимости законов, которые могли бы регулировать взаимные права и свободы граждан, а также процесс распределения благ. При этом становится возможным учитывать интересы всех членов общества. Х. Арендт дополняет представленную логику положением о коммуникативной природе политического действия, целью которого становится формирование такого коммуникативного действия, которое оказывается несовместимым с насилием [3; 20].

В современном дискурсивном мире речь является одним из наиболее действенных средств снижения социального напряжения. Резонно заметить, что подобная версия толкования гражданского общества позволяет

переформатировать социальность, построить ее на идеях равноправия, свободы и отсутствия давления со стороны властных структур. Заметим, что на уровне отдельных государств давление реализуется в рамках государственных структур, которые в классическом либертарианстве воспринимаются как единственный субъект, правомочный осуществлять принуждение. Если же эксплицитно положение представленной логики на международный уровень, то напрашивается вывод, что мировой порядок может быть определен через постоянную готовность государств к диалогу, к осознанному снижению напряжения, вызванного взаимоисключающими, а порой и вовсе доходящими до антагонизма интересами, — с целью не допустить доминирования отдельных стран над остальным миром, поддержать баланс политических сил. В сухом остатке получается, что практическая реализация представленных выше инструментов (в рамках конкретной ситуации) открывает возможности для должного преобразования социальных отношений с учетом интересов и прав человека и для снижения конфликтности в отношениях представителей различных групп [20].

В научной литературе распространено мнение о том, что в состав участников гражданского общества входит всё многообразие некоммерческих организаций, часто называемых «третьим сектором», рядоположенных органам государственной власти и коммерческим организациям. Именно он, этот некоммерческий сектор, представляет, конституирует один из элементов сложного механизма снижения социальной напряженности в российском обществе: например, оказывает гуманитарную помощь в условиях межэтнических конфликтов и иных, негативно воздействующих на консолидацию населения. Некоммерческие организации могут быть приняты и как источник социальных инноваций, список которых перманентно пополняется управленческими, образовательными и иными средствами и технологиями,

которые, при критическом отношении и с условием адаптации к конкретным задачам, вполне могут быть использованы на практике — в рамках реализации государственной и муниципальной политики¹.

В самом деле, для решения одной, нескольких или всех проблем гармонизации взаимоотношений достаточно взглянуть на признаки гражданского общества, чтобы определить его потенциал в российской институциональной архитектонике. Обращают на себя внимание такие признаки, как: *социальная направленность, автономность от государства, гражданственность* (умение учитывать интересы других и общества в целом), *добросовестность участия и связей*. Представленные признаки, или сущностные характеристики, суть не что иное, как кристаллизация стержневых смыслов, заложенных и развиваемых теоретиками политической мысли на протяжении длительного периода, — смыслов, которые закладываются в основу привлекательных для целевых групп модусов будущего и тем самым обозначают траектории будущих социальных трансформаций.

Для нас важен другой факт: всё это действительно позволяет судить о существовании богатого функционала, направленного на улучшение условий бытия множества групп и снижение социального напряжения, что в конечном счете дает России перспективу выхода на эволюционную магистраль¹ (см. также: [20]). Это обусловливается реализацией технологий социальной инноватики и управления, способствующих достижению гражданского и национального согласия. Данное положение фундируется пониманием гражданского общества как формы автономного существования индивида. Будучи подданным, человек отчужден от власти бюрократии, он подчинен и обла-

дает исключительно этими свойствами. Однако благодаря включенности индивида в определенные группы и сообщества интересантов, которые обладают ярко выраженной диалоговой природой, согласием, взаимным доверием и надеждами на справедливость, по убеждению И. А. Кумкина, возникает возможность формирования объединений независимых и самостоятельных граждан, которые могут противостоять монополии государственной власти [5].

Усилиями гражданского общества национальные отношения гармонизируются через идеи о свободах человека и достижении и последующем обеспечении отношений и принципов равенства. Нормой становится тотальное подчинение субъектов договорным отношениям. Более того, как считают некоторые современные исследователи, гражданское общество есть результат созревания идеалов, компромиссов и толерантности, диалоговой формы взаимодействия и мировоззренческого плюрализма. Следовательно, идейный фундамент гражданского общества в его классическом европейском варианте требует адаптации под современные контекстуальные реалии, главным образом через признание ценностей мультикультурализма и политического плюрализма [14; 17; 19; 22; 24; 25].

В связи с этим представляется справедливым положение о том, что современные реалии предполагают сообразование институциональных преобразований идеям и нормам культурного плюрализма, с соответствующей реальной (а не декларативной) поддержкой всех этносов. В частности, в теорию права Б. М. Маркова заложена важная идея солидарности, которая на практике способна обеспечить гармонию общественного развития [6]. Без преувеличения, такой конструкт аутентичный, поскольку, полагает

¹ Роль институтов гражданского общества в системе межнациональных отношений [Электронный ресурс] // Обучающие семинары по реализации государственной национальной политики в субъектах РФ: [сайт] / ФАДН России; МГУ им. М. В. Ломоносова. URL: <http://seminars.spa.msu.ru/wp-content/uploads/2.2-lecture.pdf> (дата обращения: 09.08.2023).

М. И. Билалов, «ориентиром российских народов должно быть гражданское общество нового формата — общество экономики знаний и высоких технологий, умелого сочетания коммунитаристского подхода в экономике, культуре в противовес абсолютизации западной либеральной традиции, многопартийности непрозападных партий с реальными политическими платформами, мировоззренческого плюрализма с мощной общественной идеологией, основанной на отечественных ценностях» [3, с. 132]. Именно ориентир на ценности, нормы и принципы существования как элемент национальной институциональной архитектуры определяет саму возможность формирования гражданского общества внутри российского государства, а также возможность репрезентации и продвижения этого ориентира на международной арене.

Идея согласованности может быть провозглашена в качестве идеала института гражданского общества — как краеугольный камень гармонизации национальных отношений. В этой идее утверждается, как мы видим, возможность формирования особых социальных условий, при которых реализуется право этносов на самоопределение без внешнего принуждения со стороны как отдельного государства, так и международного сообщества. Отсюда правомерно полагать, что конструктивный потенциал института гражданского общества в функции снижения социального напряжения раскрывается тогда, когда он действительно мотивирует (детерминирует) субъектов национальных отношений в их интенциях достичь состояния самодостаточности.

Как и любой серьезный замысел социальных изменений, институциональные преобразования неразумно проводить без учета опыта других стран в области взаимодействия и сотрудничества органов государственной власти и третьего сектора. Вдумчивый компаративистский анализ и критическое переосмысление успеха других государств

способны спроектировать такую систему взаимодействий, которая бы обеспечила стабильность межэтнических отношений. Основные показатели эффективности могут быть достигнуты, например, путем повышения уровня лояльности этнических лидеров, а также через практики межэтнической медиации. Примером последней является то, что благодаря некоммерческим и иным организациям на всех уровнях общественной жизни России открываются широкие возможности эффективного разрешения вопросов, связанных с адаптацией различных этносов, народностей и наций и предупреждением соответствующих конфликтов. Аналогичным образом появляются шансы на преодоление этнических стереотипов, в основном благодаря просветительской деятельности: уже сегодня организуется множество разнонаправленных проектов. Уместной представляется мысль А. В. Бедрика с соавторами о том, что «развитие гражданского потенциала регулирования межэтнических отношений выступает необходимым условием повышения эффективности мероприятий реализуемых в стране государственных программ в сфере национальной политики» [2, с. 207]. Формирование гражданского потенциала обусловливается здесь использованием потенциала известных гражданских институтов.

В институционально ориентированных исследованиях выделяются четыре разновидности таких гражданских установлений¹: (1) организации, которые являются формой внутриэтнической интеграции (солидарности) членов (национальные, культурные и прочие автономные организации и центры); (2) коллективные субъекты, призванные укреплять общегражданскую идентичность, реализовывать патриотическое воспитание, обеспечивать межэтническое согласие; (3) общественные консультативные структуры при органах государственной и муниципальной власти; (4) религиозные и конфессиональные организации, гармонизирующие межэтнические

отношения благодаря единству ценностей вероисповедания [2].

На наш взгляд, представленный перечень социальных установлений хоть и не претендует на полноту и универсальность, но вполне состоятелен в качестве теоретической базы, требуемой для достижения приоритетных национальных целей, а также реализации основных принципов соответствующих направлений государственной политики. Наряду с этим обращаем внимание и на то, что гражданский потенциал следует связать с комплексом общественных инициатив, которые в концентрированном виде могут быть направлены на гармонизацию социального порядка. При этом включение подобного комплекса активностей носит планируемый и принципиальный характер, поскольку наличие реестра общественных объединений, декларирующих свое присутствие и участие в сфере межнациональных отношений, резонно было бы дополнить практиками различных видов интегрирующей и гармонизирующей деятельности.

Другим важным институтом, который позволяет гармонизировать и поддерживать в стабильном состоянии национальные отношения, можно считать политические элиты общества. При этом на первый план выдвигается ряд идей о разрешении большей части межнациональных конфликтов гуманными способами, с привлечением ресурсов дипломатии и в целях практического воплощения принципов справедливости. Самоочевидно, что такие инструменты не только задают векторы развития политической коммуникации, но и выступают идейным базисом ее регулярного пересмотра. Главная роль здесь принадлежит отечественному институту современного политического истеблишмента, который, считают В. В. Бубликов и А. С. Морщакова, не просто может, но и должен выполнять сопряженные функции, в реалиях актуальной социальной повестки содействовать укреплению взаимных связей

между этносами и формированию устойчивого межнационального диалога, причем делать это на регулярной основе, взамен дискретным практикам, предпочитаемым большинством субъектов [4]. Такой диалог способствует сохранению самодостаточности разных субъектов национальных отношений — как на внутренней, так и на международной арене.

Активное участие института политических элит в регулировании межнациональных отношений отражается в перечне задач, среди которых значимыми представляются: (1) ведение разъяснительной работы с национальными общественными организациями и анклавами, каждая из которых выступает равным и достойным уважительного отношения субъектом политической и межкультурной интеракции; (2) подготовка рекомендаций по совершенствованию нормативной базы, регламентирующей национальные отношения, — рекомендаций, которые определяют возможность сохранения и защиты национальных интересов, культур, а также существенным образом влияют на формирование каналов коммуникации между ними; (3) нормативное закрепление основ гармонизации национальных отношений. Например, в Российской Федерации подобные отношения регламентируются рядом нормативно-правовых актов, которые определяют деятельность государственных органов и органов местного самоуправления в сфере государственной национальной политики, а также обеспечивают их взаимодействие с институтами гражданского общества.

Итак, мы видим, что ведущая магистраль, которую прорабатывают политические элиты государства, — формальная, именно поэтому их решения становятся источником формирования нормативно-правовой базы. Реализация этих идей на практике фактически позволяет увидеть степень соответствия артикулируемых инициатив и продиагностировать их воплощение, чтобы дать четкое

понимание, какого курса придерживаются властные акторы. Следовательно, эффективность регламентации национальной политики внутри страны и за ее пределами репрезентирует ответственность истеблишмента перед многочисленными целевыми группами с разными ожиданиями. По большому счету, полагают О. А. Артюхин и А. А. Крицкая, потенциал, реализуемый политическими элитами, может детерминировать следующие проекты: (1) обеспечение создания этнически нейтральных силовых структур с четко определенными полномочиями и кругом обязанностей; (2) формирование всесторонней, точной и непредвзятой информации о конфликте, если таковой имеет место; (3) реализация максимально строго юридически обоснованного преследования нарушителей межнациональных отношений; (4) снижение градуса напряженности в условиях активной фазы конфликтов [1]. Даже приведенных функций, возложенных на институт политических элит, достаточно для понимания, насколько значимыми могут оказаться принимаемые на государственном уровне решения, имеющие целью гармонизировать национальные отношения и затем поддерживать работоспособность и полезность многочисленных субъектов этих сложных интеракций.

Список литературы и источников

1. *Артюхин О. А., Крицкая А. А.* Некоторые идеологические направления исламского радикализма и экстремизма в контексте актуализации в Северо-Кавказском регионе // Противодействие идеологии экстремизма и терроризма в молодежной среде (отечественный и зарубежный опыт): сб. материалов Межрегион. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Ростов н/Д, 21 апр. 2017). Ростов н/Д.: ЮРИУФ РАНХиГС, 2017. С. 268—274. EDN: YLYPWX.
2. *Бедрик А. В., Бинева Н. К., Дюжиков С. А.* Гражданский потенциал регулирования межэтнических отношений в современном российском обществе // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2018. № 4. С. 206—210. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2018-1-4-206-210> EDN: YQOSRN.
3. *Билалов М. И.* Глобальное гражданское общество как цивилизационный ориентир России // Век глобализации. 2018. № 2 (26). С. 126—139. <https://doi.org/10.30884/vglob/2018.02.10> EDN: XZFGQH.
4. *Бубликов В. В., Морцакова А. С.* Институты и механизмы обеспечения межнациональной гармонии в региональном социуме // Региональное развитие: электрон. науч.-практ. журн. 2016. № 4 (16). Ст. 1. EDN: WKGCVN.
5. *Кумкин И. А.* Гражданское согласие как основание идеологии общества переходного периода // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия: Философия. Социология. 2008. Т. 21 (60). № 1. С. 355—363.
6. *Марков Б. М.* В поисках другого // Вовлечение другого: очерки политической теории / Ю. Хабермас. М.: Наука, 2001. С. 5—44.
7. *Равочкин Н. Н.* Детерминационные и объяснительные возможности идей (ч. 1) // Гуманитарные и социальные науки. 2021. № 3. С. 35—43. <https://doi.org/10.18522/2070-1403-2021-86-3-35-43> EDN: UNYNEQ.
8. *Равочкин Н. Н.* Детерминационные и объяснительные возможности идей (ч. 2) // Гуманитарные и социальные науки. 2021. № 4. С. 69—79. <https://doi.org/10.18522/2070-1403-2021-87-4-69-79> EDN: WAKKWU.
9. *Равочкин Н. Н.* Детерминационные и объяснительные возможности идей (ч. 3) // Гуманитарные и социальные науки. 2021. № 5. С. 26—31. <https://doi.org/10.18522/2070-1403-2021-88-5-26-31> EDN: IBRGAI.
10. *Равочкин Н. Н.* Зависимость эффективности воплощения идей от рациональности акторов // Kant. 2021. № 3 (40). С. 169—173. <https://doi.org/10.24923/2222-243X.2021-40.31> EDN: RKAXCM.

11. **Равочкин Н. Н.** Значение когнитивных установок и ценностных ориентаций в процессах интерпретации и реализации социальных идей // *Abyss* (Вопросы философии, политологии и социальной антропологии). 2021. № 4 (18). С. 14—26. EDN: MLJTJN.
12. **Равочкин Н. Н.** Идеационный поворот и осмысление детерминационного значения идей в институциональных исследованиях (ч. 1) // *Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке*. 2022. Т. 11. № 1А. С. 148—164. <https://doi.org/10.34670/AR.2022.20.96.020> EDN: YKLDNP.
13. **Равочкин Н. Н.** Идеационный поворот и осмысление детерминационного значения идей в институциональных исследованиях (ч. 2) // *Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке*. 2022. Т. 11. № 2А. С. 205—231. <https://doi.org/10.34670/AR.2022.87.49.033> EDN: VZQNNА.
14. **Равочкин Н. Н.** Идеи как технологии управления социальными процессами // *Вестник Тверского государственного университета*. Серия: Философия. 2021. № 2 (56). С. 68—79. <https://doi.org/10.26456/vtphilos/2021.2.068> EDN: AIBJGE.
15. **Равочкин Н. Н.** Инструментальная роль идей в преодолении ограниченной рациональности акторов современного общества // *Манускрипт*. 2021. Т. 14. № 6. С. 1165—1170. <https://doi.org/10.30853/mns210202> EDN: LXMNGV.
16. **Равочкин Н. Н.** Логика развития социальных идей: обращение к концепции А. О. Лавджоя // *Научное мнение*. 2021. № 9. С. 10—16. https://doi.org/10.25807/22224378_2021_9_10 EDN: AFKTSV.
17. **Равочкин Н. Н.** Нелинейная динамика процессуального мира // *Экономические и социально-гуманитарные исследования*. 2021. № 1 (29). С. 62—71. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2021-1-62-71> EDN: EHPVOC.
18. **Равочкин Н. Н.** Обретение новых смыслов классическими социальными идеями // *Известия Тульского государственного университета*. Гуманитарные науки. 2021. № 3. С. 148—159. <https://doi.org/10.24412/2071-6141-2021-3-148-159> EDN: OAXXTU.
19. **Равочкин Н. Н.** Переход современного мира к экспертократии: социально-философский анализ // *Гуманитарные и социальные науки*. 2022. Т. 90. № 1. С. 22—27. <https://doi.org/10.18522/2070-1403-2022-90-1-22-27> EDN: FZQKKT.
20. **Равочкин Н. Н.** Роль идей в становлении и трансформации политико-правовых институтов: теоретико-методологические и прикладные аспекты: монография. Кемерово: КузГТУ, 2021. 258 с. EDN: LTJLMY.
21. **Равочкин Н. Н.** Роль операционализации понятий для понимания, идентификации и практической реализации социальных идей // *Вестник Калмыцкого университета*. 2021. № 3 (51). С. 158—166. <https://doi.org/10.53315/1995-0713-2021-51-3-158-166> EDN: IWRZKE.
22. **Равочкин Н. Н.** Трансформация рациональности в цифровую эпоху // *Искусственные общества: электрон. науч.-образ. журн*. 2022. Т. 17. № 2. Ст. 11. EDN: СЕТРJK. URL: <https://artsoc.jes.su/s207751800019817-7-1/> (дата обращения: 09.08.2023).
23. **Равочкин Н. Н.** Фетишизация социальных институтов // *Бюллетень социально-экономических и гуманитарных исследований*. 2022. № 13 (15). С. 132—141. https://doi.org/10.52270/26585561_2022_13_1_5_132 EDN: FSSQWZ.
24. **Равочкин Н. Н.** Философские основания современного республиканизма // *Гуманитарные и социально-экономические науки*. 2021. № 2 (117). С. 8—13. <https://doi.org/10.18522/1997-2377-2021-117-2-8-13> EDN: HJVWBL.
25. **Равочкин Н. Н.** Философские основания современных социальных институтов: мультикультурализм // *Вестник Армавирского государственного педагогического университета*. 2021. № 4. С. 152—161. EDN: BAKENF.

References

1. Artyukhin O. A., Kritskaya A. A. “Some Ideological Movements of Islamic Radicalism and Extremism in the Scope of Actualization in the North-Caucasian Region”. *Protivodeystviye ideologii ekstremizma i terrorizma v molodezhnoy srede (otekhestvennyy i zarubezhnyy opyt): sb. materialov Mezhrregion. nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uchastiyem* (Rostov n/D, 21 apr. 2017). Rostov on Don: South-Russian Institute of Management of RANEPa, 2017. 268—274. (In Russian). EDN: YLYPWX.
2. Bedrik A. V., Bineeva N. K., Dyuzhikov S. A. “Civil Potential of Regulating Inter-Ethnic Relations in the Modern Russian Society”. *Gosudarstvennoye i munitsipal’noye upravleniye. Uchenyye zapiski = State and Municipal Management. Scholar Notes* 4 (2018): 206—210. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2018-1-4-206-210> EDN: YQOSRN.
3. Bilalov Mustafa I. “Global Civil Society as Civilizational Guide for Russia”. *Vek globalizatsii = Age of Globalization* 2 (26) (2018): 126—139. (In Russian). <https://doi.org/10.30884/vglob/2018.02.10>
4. Bublikov V. V., Morshchakova A. S. “Institutions and Mechanisms for Ensuring Interethnic Harmony in the Regional Society”. *Regional’noye razvitiye = Regional Development* 4 (16) (2016): 1. (In Russian). Web. 7 Sep. 2023. EDN: WKGCVN.
5. Kumkin I. A. “Civil Consent as Claim on the Basic Ideology Intermediate Stage Society”. *Uchenyye zapiski Tavricheskogo natsional’nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya = Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Sociology. Pedagogy. Psychology* 21 (60).1 (2008): 355—363. (In Russian).
6. Markov B. M. “In the Quest of Other”. *Vovlecheniye drugogo = The Inclusion of Other: Studies in Political Theory*. By Jürgen Habermas. Moscow: Nauka, 2001. 5—44. (In Russian).
7. Ravochkin N. N. “Determination and Explanatory Ideas Possibilities (Pt. 1)”. *Gumanitarnyye i sotsial’nyye nauki = The Humanities and Social Sciences* 3 (2021): 35—43. (In Russian). <https://doi.org/10.18522/2070-1403-2021-86-3-35-43>
8. Ravochkin N. N. “Determination and Explanatory Ideas Possibilities (Pt. 2)”. *Gumanitarnyye i sotsial’nyye nauki = The Humanities and Social Sciences* 4 (2021): 69—79. (In Russian). <https://doi.org/10.18522/2070-1403-2021-87-4-69-79>
9. Ravochkin N. N. “Determination and Explanatory Ideas Possibilities (Pt. 3)”. *Gumanitarnyye i sotsial’nyye nauki = The Humanities and Social Sciences* 5 (2021): 26—31. (In Russian). <https://doi.org/10.18522/2070-1403-2021-88-5-26-31>
10. Ravochkin N. N. “Ideas Implementation Efficiency Dependence on Actors Rationality”. *Kant* 3 (40) (2021): 169—173. (In Russian). <https://doi.org/10.24923/2222-243X.2021-40.31>
11. Ravochkin N. N. “Role of Cognitive Attitudes and Value Orientations in the Processes of Interpretation and Implementation of Social Ideas”. *Abyss (Voprosy filosofii, politologii i sotsial’noy antropologii) = Abyss (Studies in philosophy, political science and social anthropology)* 4 (18) (2021): 14—26. (In Russian). EDN: MLJTJN.
12. Ravochkin N. N. “The Ideational Turn and the Understanding of the Determinative Meaning of Ideas in Institutional Studies (Pt. 1)”. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke = Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being* 11.1A (2022): 148—164. (In Russian). <https://doi.org/10.34670/AR.2022.20.96.020>
13. Ravochkin N. N. “The Ideational Turn and the Understanding of the Determinative Meaning of Ideas in Institutional Studies (Pt. 2)”. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke = Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being* 11.2A (2022): 205—231. (In Russian). <https://doi.org/10.34670/AR.2022.87.49.033>
14. Ravochkin N. N. “Ideas as Social Process Management Technologies”. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya = Vestnik Tver State University. Series: Philosophy* 2 (56) (2021): 68—79. (In Russian). <https://doi.org/10.26456/vtphilos/2021.2.068>

15. Ravochkin N. N. “Instrumental Role of Ideas in Overcoming Bounded Rationality of Modern Actors”. *Manuskript = Manuscript* 14.6 (2021): 1165—1170. (In Russian). <https://doi.org/10.30853/mns210202>
16. Ravochkin N. N. “Logic of the Development of Social Ideas: A. O. Lovejoy’s Conception”. *Nauchnoye mneniye = The Scientific Opinion* 9 (2021): 10—16. (In Russian). https://doi.org/10.25807/22224378_2021_9_10
17. Ravochkin N. N. “Procedural World Nonlinear Dynamics”. *Ekonomicheskiye i sotsial’no-gumanitarnyye issledovaniya = Economic and Social Research* 1 (29) (2021): 62—71. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2021-1-62-71>
18. Ravochkin N. N. “Classical Social Ideas New Meaning Finding”. *Izvestiya Tul’skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnyye nauki = Bulletin of Tula State University. Series Humanities* 3 (2021): 148—159. (In Russian). <https://doi.org/10.24412/2071-6141-2021-3-148-159>
19. Ravochkin N. N. “Modern World Transition to Expertocracy: Socio-Philosophical Analysis”. *Gumanitarnyye i sotsial’nyye nauki = The Humanities and Social Sciences* 90.1 (2022): 22—27. (In Russian). <https://doi.org/10.18522/2070-1403-2022-90-1-22-27>
20. Ravochkin N. N. *Role of Ideas in the Rise and Formation of Political and Legal Institutions: Theoretical and Methodological and Applicative Aspects*: monograph. Kemerovo: KuzSTU, 2021. 258 p. (In Russian).
21. Ravochkin N. N. “The Role of Operationalization of Concepts in the Process of Understanding, Identification and Practice”. *Vestnik Kalmytskogo universiteta = Bulletin of Kalmyk University* 3 (51) (2021): 158—166. (In Russian). <https://doi.org/10.53315/1995-0713-2021-51-3-158-166>
22. Ravochkin N. N. “Rationality Transforming in the Digital Age”. *Iskusstvennyye obshchestva = Artificial Societies* 17.2 (2022): 11. (In Russian). Web. 31 Aug. 2023. <<https://artsoc.jes.su/s207751800019817-7-1/?sl=en>>.
23. Ravochkin N. N. “Fetishization of Social Institutions”. *Byulleten’ sotsial’no-ekonomicheskikh i gumanitarnykh issledovaniy = Bulletin Social-Economic and Humanitarian Research* 13 (15) (2022): 132—141. (In Russian). https://doi.org/10.52270/26585561_2022_13_15_132
24. Ravochkin N. N. “Philosophical Foundations of Modern Republicanism”. *Gumanitarnyye i sotsial’no-ekonomicheskiye nauki = The Humanities and Social Sciences* 2 (117) (2021): 8—13. (In Russian). <https://doi.org/10.18522/1997-2377-2021-117-2-8-13>
25. Ravochkin N. N. “The Philosophical Foundations of Modern Social Institutions: Multiculturalism”. *Vestnik Armavirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = The Bulletin of Armavir State Pedagogical University* 4 (2021): 152—161. (In Russian). EDN: BAKENF.

Информация об авторе

Равочкин Никита Николаевич — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры педагогических технологий, Кузбасская государственная сельскохозяйственная академия (Россия, 650056, Кемеровская обл., г. Кемерово, ул. Марковцева, д. 5); профессор кафедры истории, философии и социальных наук, Кузбасский государственный технический университет им. Т. Ф. Горбачева (Россия, 650000, Кемеровская обл., г. Кемерово, ул. Весенняя, д. 28).

Information about the author

Nikita N. Ravochkin — Doctor of Philosophy, Professor, Assoc. Prof., Professor at the Educational Technologies Department, Kuzbass State Agricultural Academy (Russia, 650056, Kemerovo region, Kemerovo, Markovtseva str., 5); Professor at the History, Philosophy and Social Sciences Department, Kuzbass State Technical University named after T. F. Gorbachev (Russia, 650000, Kemerovo region, Kemerovo, Vesennaya str., 28).

Статья поступила в редакцию 29.07.2023.

The article was submitted 29.07.2023.

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2023. № 3 (39). С. 197–208.

Economic and Social Research. 2023. No. 3 (39). P. 197–208.

Дискуссионная статья

УДК 1:316 + 37.062

doi: 10.24151/2409-1073-2023-3-197-208

<https://elibrary.ru/ikkazd>

**Необъяснимое и непознанное в зеркале общественного сознания:
к дискуссии о качестве советского образования
Часть 1. Архаический застой как следствие специфики
образовательной системы**

Т. В. Растимешина¹, Ю. В. Лункина²

^{1, 2} Национальный исследовательский университет «МИЭТ», Москва, Россия

¹ rast-v2012@yandex.ru

² TolkoYa@yandex.ru

Аннотация. Приводится концептуальный анализ природы феномена, который, с точки зрения авторов, наблюдается в общественной жизни современной России. Предложен термин «архаический застой», описывающий рассматриваемое явление. Не отрицая всей сложности природы архаичности, авторы выдвигают гипотезу о том, что многие архаические паттерны являются производными советской системы образования.

Ключевые слова: архаичность, архаизация, общественное сознание, образовательная система, футуральная устремленность, образовательная среда, технократизм, авторитаризм, выученная беспомощность

Для цитирования: Растимешина Т. В., Лункина Ю. В. Необъяснимое и непознанное в зеркале общественного сознания: к дискуссии о качестве советского образования. Ч. 1: Архаический застой как следствие специфики образовательной системы // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2023. № 3 (39). С. 197–208. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2023-3-197-208>
EDN: IKKAZD.

Article open for discussion

**The unexplainable and the unknown in the mirror of public conscience:
towards discussion about quality of Soviet education
Part 1. Archaic standstill as an effect of educational system specificity**

T. V. Rastimeshina¹, Yu. V. Lunkina²

^{1, 2} National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia

¹ rast-v2012@yandex.ru

² TolkoYa@yandex.ru

© Растимешина Т. В., Лункина Ю. В.

Abstract. The authors provide conceptual analysis of nature of a phenomenon that is, in the authors' opinion, observed in social life of modern Russia. They suggest a term "archaic standstill" describing the phenomenon under study. With due regard to the complexity of the nature of archaism, the authors have advanced a hypothesis that many archaic patterns are derived from Soviet educational system.

Keywords: archaism, archaization, public conscience, educational system, direction towards future, education environment, technocratism, authoritarianism, learned helplessness

For citation: Rastimeshina T. V., Lunkina Yu. V. "The Unexplainable and the Unknown in the Mirror of Public Conscience: towards Discussion about Quality of Soviet Education. Pt. 1. Archaic Standstill as an Effect of Educational System Specificity". *Economic and Social Research* 3 (39) (2023): 197—208. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2023-3-197-208> EDN: IKKAZD.

Введение

Нередко приходится слышать споры двух групп ученых: апологетов советского образования, активно поддерживающих миф о его фундаментальности, основательности и наукоориентированности, и реформистов, полагающих, что образовательная система должна подвергаться реформированию и модернизации, поскольку она, сопрягая традиции и инновации, тем не менее ориентирована на развитие человеческого капитала и удовлетворение растущих человеческих потребностей в *будущем*, т. е. имеет футуральную устремленность.

Представители второй группы исследователей выступают противниками консервативных идей (понимая консервативное преимущественно в прямом — этимологически обусловленном — смысле: как стремление к консервации, неизбежно приводящее к архаизации).

Солидаризируясь со второй группой ученых, мы тем не менее не преследуем цели принять участие в этой расширенной дискуссии. Наша цель в первую очередь связана с рекомбинацией социального эффекта архаизации общественного сознания. Однако методологической основой предпринятой

нами рекомбинации служит идея, которую так или иначе разделяет подавляющее большинство ученых и практиков: *образование имеет свое пролонгированное, долгосрочное и обладающее свойством кумулятивности социоматериальное воплощение во взаимодействии индивидов и институтов.*

Зафиксируем содержательный аспект того явления, которое ученые называют архаизацией, хотя в России имеет смысл использовать термин «архаический застой»: архаизация или откат к архаичным представлениям и ценностям имеет место в социально-политической компоненте общественного сознания, тогда как ряд паттернов и нарративов (именно они находятся в центре нашего внимания) остаются относительно стабильными последние 20 лет. Так, социолог А. Панченко отмечает: «От исследования к исследованию половина совершеннолетних жителей России (курсив наш. — Т. Р., Ю. Л.) отвечает в опросах, что верит в духовных целителей и прорицателей; порядка 40 % — в знаки и гороскопы, влияющие на судьбу человека; треть населения признается, что верит в существование НЛО»¹. Уже в 2022 г. 35 % опрошенных

¹ *Пипия К., Панченко А.* Мракобесие и отвага [Электронный ресурс] // Левада-центр: Аналитический центр Юрия Левады: [сайт]. 24.04.2019. URL: <https://www.levada.ru/2019/04/24/mrakobesie-i-otvaga/> (дата обращения: 11.07.2023). Настоящий материал (информация) произведен и распространен иностранным агентом АНО «Левада-центр» либо касается деятельности иностранного агента АНО «Левада-центр».

россиян выражали уверенность, что Солнце вращается вокруг Земли, и 44 % были убеждены, что продукты с ГМО могут стать причиной онкологических заболеваний². Согласно другим опросам, 53 % россиян верят и «скорее всего верят» в жизнь после смерти, 57 % — в царствие небесное, 52 % — в религиозные чудеса, 52 % — в сглаз и порчу (данные на 2020 г.)³. Все эти данные свидетельствуют, прежде всего, о несформированности у половины россиян научной картины мира, о том, что ткань картины мира только местами имеет научную структуру, эта ткань не плотна, залатана архаическими заплатками обыденных, мифологических по своей сути, пещерных представлений о природе вещей и рвется там, где тонка. В частности, тонким местом оказались представления россиян об эпидемиях, сути и значении прививки, проявившиеся в крайне низкой вовлеченности жителей РФ в вакцинацию против новой коронавирусной инфекции: в то время как в США, стране весьма консервативной и религиозной, были привиты 17,31 % населения, а в Израиле — 56,24 %, доля получивших прививку в России, где вакцина стала доступна еще в декабре 2020 г.,

составляла всего 3,05 % (данные на весну 2021 г.)⁴.

Социальное явление архаизации и архаического застоя общественного сознания россиян — объект нашего анализа — имеет крайне сложную природу: его причинный корпус образуют множество факторов. Поэтому мы далеки от мысли о том, что архаизация и архаический застой, отмечаемые и на концептуальном, и на эмпирическом уровне, восходят исключительно или даже в первую очередь к проблемам советской средней и высшей школы. Вместе с тем, на наш взгляд, возрождение в общественном сознании первобытных архетипов, реинкарнация и консервация всех мыслимых идолов пещер (от ксенофобии всех видов до патриархального мракобесия) должны бы выбивать (но не выбивают) из рук поклонников образовательной системы СССР самый важный тезис: о качестве советского образования. Поскольку если оно было таким качественным, сегодня основу общества и его управленческого класса должны составлять люди, которые по определению не могут верить, что онкологические заболевания заразны, а Солнце обращается вокруг Земли.

Технократизм и авторитаризм советской образовательной системы и архаический застой

Советское образование претендовало на фундаментальность, но не давало ни целеполагающих ориентиров, ни методологического инструментария в отношении обращения с новым, стихийным, непривычным, непознанным и кажущимся принципиально непознаваемым. Не поддающееся осмыслению и конвертированию в формулу или

теорему игнорировали и отрицали; советский школьник не был знаком с тем, что такое гипотеза и в чем заключается смысл ее выдвижения. Между тем непознанное неоднородно, в частности, мистика и эзотерика — не одно и то же. Но различать их и осмыслять, применяя различные инструменты анализа непознанных явлений, в школе не научили.

² Почему необходимо просвещение, или Снова о распространенных заблуждениях [Электронный ресурс] // ВЦИОМ: Официальный сайт. 02.08.2022. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/pochemu-neobkhodimo-prosveshchenie-ili-snova-o-rasprostranennykh-zabluzhdeniyakh> (дата обращения: 11.07.2023).

³ Вера в сверхъестественное [Электронный ресурс]: обзор «Левада-центра» // Левада-центр: Аналитический центр Юрия Левады: [сайт]. 28.10.2020. URL: <https://www.levada.ru/2020/10/28/vera-v-sverhestestvennoe/> (дата обращения: 11.07.2023). Настоящий материал (информация) произведен и распространен иностранным агентом АНО «Левада-центр» либо касается деятельности иностранного агента АНО «Левада-центр».

⁴ Коронавирус [Электронный ресурс]: статистика. URL: <https://yandex.ru/covid19/stat> (дата обращения: 07.05.2021).

На наш взгляд, степень влияния советского образования на такое состояние мышления постсоветских людей установить затруднительно, если вообще вероятно. Вместе с тем, если мыслить концептуально, есть возможность обоснованно предположить, какие именно особенности советской образовательной системы вносят вклад в архаизацию общественного сознания. Как нам представляется, наиболее существенными атрибутами советской системы образования, оказывающими это пролонгированное действие, являются технократизм, авторитаризм, отчужденность от человека и человеческого, отсутствие ориентации на вовлечение и включение, субъект-субъектной ориентированности и коммуникации. В настоящей статье мы рассмотрим технократизм и авторитаризм, в следующей — те особенности, которые также влияют на обстановку в современном российском обществе: приводят к взаимному отчуждению людей, институциональному и межличностному недоверию, иными словами, погружают современного человека в состояние экзистенциального одиночества и отчужденности от источников света знаний и тепла коммуникации.

Технократический подход к образованию

В последние несколько десятилетий в научной литературе (как в России, так и, что особенно важно, за ее пределами) активно дискутируется проблема отрицательного влияния технократической парадигмы на общественное сознание [8; 19; 21]. Технократические идеи высказывал еще в XIX в. выдающийся ученый К. А. Сен-Симон. Он понимал под технократией систему планирования и рационального порядка, в которой общество (в лице управляющего класса) определяло бы свои потребности и организовывало бы факторы производства для их удовлетворения [12]. Технократические идеи в управлении активно разрабатывал русский ученый и философ-утопист А. А. Богданов [3] и многие другие ученые во всем мире. Технократическая парадигма неоднородна

по своему содержанию, однако все ее составляющие так или иначе основываются на презумпции ценности полезных, имеющих прикладное значение знаний, а также измеримости знания и результатов обучения количественными методами.

Технократическое мышление, согласно М. Хайдеггеру [17], имеет и иные атрибутивные характеристики. Ему присущи:

1) строгая детерминированность условиями, в которых оно осуществляется (в отличие от осмысляющего мышления, нацеленного на проникновение в смысл и суть познаваемого явления);

2) целесообразность (тогда как осмысляющее мышление — картезианское — является сущностью человека, а не его инструментом для достижения целей);

3) прагматизм и вульгарная прогностическая нацеленность;

4) абсолютизация количественных методов исследования, отказ от качественных методов.

Уже на заре XX в. многие мыслители, в том числе русские, увидели в экспансии технократии вызов и угрозу для культуры и цивилизации [4; 5; 10]. Однако несмотря на эти опасения, технократическая идеология и даже религия в XX в. захватила мир. Она определяла развитие образования на различных полюсах биполярного мира: и в Советском Союзе, и в США, и во многих других странах, от Германии до ЮАР. В результате, констатирует С. В. Колычева, «сегодня технократизация общества является трагической данностью прогрессивных тенденций, которая постепенно становится способом постижения мира и способом бытия человека» [7, с. 32].

Доминирование технократического подхода к образованию и обучению приводило к тому, что многие молодые — и далее взрослые — люди оказались не подготовленными к жизни и принятию ответственных решений в реальном мире, прежде всего в связи с тем, что они не получали действенных

инструментов анализа сложных, в первую очередь социальных, явлений, привыкли мыслить догмами, шаблонами, стереотипами, формулами или лозунгами; а значит, у них не формировалась способность к принятию самостоятельных разумных решений и тем более не было готовности отвечать за свои решения и их последствия. Этот навык, если и сформировался, мог проявить себя в достаточной степени лишь в типичных ситуациях и крайне слабо — в условиях повышенной неопределенности.

Мы оставляем за границами наших рассуждений чудовищный урон, который технократическое обучение наносило мотивационным или волевым характеристикам человека. Но отметим, что именно на советской, до мозга костей технократической, образовательной и всей командно-административной системе управления социумом лежит ответственность за формирование пресловутой *выученной беспомощности* человека и социума, поскольку контроль за познавательной деятельностью (ее целями, качеством, содержанием) — базовым видом деятельности человека — когда-то в детстве был насильственно отчужден у юного школьника. В связи с этим мы не видим ничего удивительного в том, что затем при малейших проблесках сомнений уже взрослый человек с готовностью делегировал ответственность за принятие решений кому-то более умному, авторитетному, *обладающему властью, наделенному полномочиями*: учителю, пионервожатому, класснику, начальнику. Политологи и социологи в сотнях исследований (см., напр.: [6; 9; 15; 16; 18; 20]) отмечают роль выученной беспомощности в формировании других феноменов политической культуры постсоветского общества: электоральной пассивности, патернализма, подданничества, вождизма и т. п.

Чуть менее очевидно, но, на наш взгляд, несомненно прослеживается связь между

технократическим диктатом и бытовой, проявляющейся в частной жизни, выученной беспомощностью постсоветского человека: в случае болезни, экономического кризиса или колебания валютного курса он готов верить свое здоровье или доверить пенсионный вклад любым посредникам (от «Сбербанка» до астролога и шамана), только чтобы снизить до минимума свою ответственность за лечение, учение, трудоустройство или инвестицию. Представляется, что в этом одна из причин уязвимости выдающихся технических умов, способных вычислять интегралы без помощи ручки и бумаги или калькулятора, перед мошенниками, обещающими чудеса (зарядку воды от телеэкрана, исцеление на расстоянии и т. п.).

Безусловно, технократическая образовательная парадигма имеет несколько изводов: знаниевая, трансляционная, авторитарно-догматическая, манипулятивная. Но все их объединяет бинарность, дискретность, монологичность формируемого мышления и оценок. В связи с этим, сталкиваясь с непознанным или чрезмерно сложным (в английском языке для описания состояния мира с 1980-х гг. активно используется термин «VUCA-мир»⁵), жертвы технократического образования применяют «техническую экстраполяцию» (Г. Марсель [11]): прибегают для объяснения сложного многомерного явления к самому простому и доступному из известных им шаблонов. На наш взгляд, именно этим стремлением к стереотипизации и вульгаризации сложных явлений, с одной стороны, и привычкой к упрощению любой казуальности до примитивной персоналистской парадигмы («...Если звезды зажигают — значит — это кому-нибудь нужно» (В. В. Маяковский), «это кому-то выгодно» (Quid prodest)), с другой, может быть объяснена склонность постсоветских людей к конспирологии и приверженность различным теориям заговоров.

⁵ VUCA-мир — понятие, описывающее непредсказуемую, быстро меняющуюся среду: volatility (англ.) — изменчивость, uncertainty (англ.) — неопределенность, complexity (англ.) — сложность, ambiguity (англ.) — неоднозначность [22].

Несмотря на презрительное отношение технарей и носителей «полезного» технического знания к « витающим в облаках» (а по сему крайне бесполезным) гуманитариям, унаследованное современным российским обществом от советского времени (и активно подпитываемое современной технократической иерархией ценностей и мнений и организацией государственного управления), один из парадоксов современного социума в том, что именно представители технических и так называемых точных областей знания и профессиональной деятельности значительно чаще, чем так называемые гуманитарии, являются членами сект или выказывают веру в шаманизм, заряженную воду и пр. Нам представляется, что объективно догматический характер технического знания и трансляционная модель преподавания (закон Ома по определению крайне сложно осмыслить в критическом или творческом ключе, поэтому техническое обучение нередко сводилось и сводится к решению стандартных задач с применением формул и стандартных же методов решения) делают именно физиков, а, как это ни парадоксально, не лириков-гуманитариев более уязвимыми по отношению к травматизации неизведанным, неизвестным, непостижимым, неожиданным. Поэтому именно технари подвержены угрозе срыва адаптации и болезненной реакции на такие травмы, как смена политического курса, экономический кризис, рост цен, изменение состава семьи, тяжелая болезнь, увольнение и пр.

Техническое и технократическое образование не предполагает анализа сущности явлений, проникновения в их сложную природу, выявления многогранных и многоуровневых — не исключительно иерархических или причинно-следственных — связей между явлениями. В этом отношении гуманитарное (даже осуществляемое в технократическом ключе) образование имеет в качестве предмета социальные процессы, не описываемые простыми формулами (социология, полито-

логия), непредсказуемые результаты и последствия человеческих решений и действий (история), артефакты, тексты, контексты, символы, подтексты и интерпретации (науки о культуре и искусстве). Соответственно, гуманитарии владеют в качестве образовательного результата такими терминами, как волатильность, непредсказуемость, многомерность, амбивалентность, сложная детерминированность, и таким инструментарием, как выдвижение и обсуждение гипотез, управление процессами в условиях повышенной неопределенности, управление рисками, социальное прогнозирование, критический анализ, — благодаря чему более гибко и, как это ни парадоксально, рационально могут реагировать как на критические или рутинные жизненные ситуации, так и на социальные явления и кризисы.

Техническое (технократическое) мышление стремится к конкретизации и анализу, гуманитарное — к синтезу и абстрагированию. Абстрагирование, согласно выводам антропологов и нейропсихологов [2; 13], — более сложная мыслительная операция, чем анализ и конкретизация. Так, маленький ребенок без труда видит разницу между яблоком и грушей, тогда как единство их природы оказывается ему явлено, а затем очевидно только на более поздних этапах когнитивного развития. Соответственно, когда в течение многих лет мышление и сознание подвергаются технократическому прессингу и шаблонированию, их носитель неизбежно испытывает трудности в осмыслении масштабных и неосозаемых явлений, таких как пандемия, урбанизация или изменения климата. И там, где необходимо применить научное воображение и абстрагирование, он прибегает к таким когнитивным уловкам, как отрицание, примитивизация, конспирологическое объяснение. Существенно травмированный и лишенный воображения технарь испытывает ужас суеверного дикаря перед явлением, которое не описано в знакомом учебнике и не интерпретировано

знакомым авторитетом; ему легче объяснить пандемию злоумышлением китайцев, а вакцинацию — фармацевтическим лобби (китайцы и аптекари — понятные, легко вообразимые конкретные субъекты; умысел — понятная объяснительная формула), нежели вообразить сложное глобальное многоаспектное явление — всемирную эпидемию мутирующего вируса — и тем более попытаться прогнозировать его развитие.

Отрицание человеческой произвольности, творческого вдохновения, интуиции, прозрений, самоотречения, подвига, сведение мотиваций человеческих действий к простым формулам (вроде «это всё за деньги» (М. М. Панин) или «это всё придумал Черчилль в 18-м году» (В. С. Высоцкий)), интерпретация любых поступков в вульгарно-рационалистической, а не гуманистической парадигме также было одним из важных признаков и социальных эффектов технократического образования. Поэтому не удивительно, что всё, что не вписывается в эту плоскостную вульгарно-рационалистическую картину мира, либо отрицается, либо интерпретируется сквозь призму самых простых объяснительных конструкций. Например, благотворительность, альтруизм и даже социальное предпринимательство оказываются для общественного сознания непостижимыми или воспринимаются как воровство и проявление прагматического замысла. Напротив, насилие и несправедливость, злоупотребления властью, корысть в рационалистической парадигме расцениваются как нормальные явления повседневности.

Выражение «мы это проходили» часто означало, что обучаемые прошли (хорошо если прочли), например, текст и предельно просто расставили акценты (интерпретировав сюжет сквозь призму политической позиции автора). На этом изучение художественного произведения завершалось. Вот один из примеров. Историю о горячем сердце Данко слышали все, кто учился в советской школе. То, что история эта не само-

стоятельная, что она входит в произведение Максима Горького «Старуха Изергиль», узнать не трудно, но не все дают себе труд это узнавать, и по собственной воле в зрелом возрасте перечитывают произведения из школьной программы тоже далеко не все. Если наугад спросить окончивших школу 40 или более лет назад, кто и зачем наступил ногой на гордое сердце, ответ «не знаю» с большой вероятностью окажется одним из самых частых (хотя можно предположить и то, что в юности, впервые прочитав об этом поступке безымянного осторожного человека, многие были огорчены или возмущены). Только редкий читатель отмечает и помнит, что смысл и мотив этого поступка сложен и неоднозначен, что наступивший не преследовал злого умысла и не был корыстен, он просто *боялся чего-то*. Автор не уточняет, чего, но можно предположить — например, лесного пожара: сырые болотистые места благодаря подвигу Данко остались позади, а сухая лесная подстилка загорается легко. То есть в битве альтруиста и прагматика победил прагматик, но всё же мотивация его действия сложна, тонка и не может быть объяснена исключительно наличием прагматического целеполагания.

Авторитарная организация образовательной системы

Еще одной особенностью советской системы образования была авторитарная организация всей этой системы и образовательной среды. Можно с некоторыми оговорками (главная: управление государственной образовательной системой по своей природе предполагает построение конструкции, основанной на административно-командных принципах) утверждать, что авторитаризм (в отличие от всемирно распространенного технократизма) является отличительной чертой, характерной для советской образовательной системы.

Министерство просвещения управляло образовательной системой с технократических позиций (количество и направленность

образовательных учреждений и количество обучаемых в них слушателей соотносились исключительно с потребностью страны в квалифицированных кадрах) и в рамках единой административно-командной системы. Базисом внутренней организации образовательных учреждений также была строгая, почти армейская иерархия и авторитарная диктатура. Любые проявления свободомыслия (от причесок учениц и оформления классной комнаты до содержания урока) система нещадно подавляла. Многие (если не все), кто учился в советской школе, могут вспомнить страх и трепет перед тем или иным учителем, поскольку он (она) кричал (-а) на учеников, и унижения, которым подвергались те, кто осмеливался модернизировать хоть один из элементов школьной формы.

Тем не менее мы выступаем сторонниками школьной формы, полагая приучение к порядку, опрятности, дисциплине важным элементом воспитания. Но подчеркиваем, что в Советском Союзе авторитарный диктат был доминирующим стилем преподавания дисциплин, в том числе гуманитарных. Именно авторитаризм и привычка к заучиванию и воспроизводству догм порождают неспособность постсоветских людей к восприятию новых данных, к критическому осмыслению новых гипотез и научных положений. Постсоветский хорошист, как утопающий за соломинку, будет цепляться за однажды заученное, отрицать открытия, инновационные тенденции и социальные изменения, в любом бытовом споре приводить аргументы и факты, заученные в школе, потому что их достоверность якобы подтверждена опытом. Здесь также, как правило, не присутствует синтез и абстрагирование, и попытки визави апеллировать к общему и абстрактному уверенный в своей правоте хорошист агрессивно отвергает с позиций «да у нас в гаражах вообще всё не так». В то же время он приветствует и признает технические инновации: доверие к ним обуславливается их материальной природой и явленной

чувственному восприятию очевидной, лежащей на поверхности утилитарной «полезностью».

В позднее советское время авторитарный диктат относительно редко принимал форму тоталитарной деспотической власти учителя над учеником, вместе с тем авторитаризм как форма властных иерархических взаимоотношений подразумевает, что подчиненный (учащийся) с большим трудом может выстроить личную границу-контакт; в качестве защитной реакции подчиненному остается конструировать внутри своей личности некую скорлупу (раковину), в которой он мог бы пребывать в относительно комфортном и безопасном ментальном состоянии. Ежедневно советский школьник испытывал сложные переживания: сомнения в отношении содержания того, что доктринировал учитель с позиций авторитарного диктата, неспособность выразить эти сомнения, страх перед осмеянием, осуждением или наказанием. Как правило, внутренний конфликт разрешался в пользу конформизма, вынужденного смирения и признания бессмысленности попыток самовыразиться. Как ни парадоксально, подавление самостоятельности и внутреннего критицизма, сужение границ-контактов до критического объема внутреннего личностного пространства и необходимость избегания вечного внутриличностного конфликта порождают так называемую авторитарную личность (Т. Адорно [1]), среди свойств которой — авторитарное подчинение, авторитарная агрессия, антиинтрацепция, склонность к суевериям, приверженность стереотипам, злоупотребление властью до проявлений «жесткости», деструктивность, цинизм и проективность [14]. Нарушение личностных границ, в свою очередь, было причиной следующих когнитивных нарушений: подчинение чужому мнению и восприятие его как собственного; гипертрофированный конформизм; отказ от принятия решения, перекладывание ответственности («всё не так однозначно»); неискренность

(привычка к двоемыслию); отождествление себя и значимых других. Эти особенности и породили знаменитые «колебания граждан вместе с линией партии»: по мнению граждан, есть большие начальники, которые знают, что и как, а мы не знаем и никогда не узнаем. Все эти качества, если вду-

маться, являются свойствами незрелой личности, так и не вставшей на позицию ответственного «взрослого». На социальном уровне описанные особенности рожают феномены «спирали молчания», «страха изоляции», сверхконформизма и патернализма.

Заключение

В 2020 г. Россию, как и другие страны мира, поразила эпидемия новой коронавирусной инфекции SARS-CoV-2 (COVID-19). Одновременно на постсоветском пространстве распространилась еще одна эпидемия — вспышка пещерного мракобесия: несформированность научного мировоззрения, отсутствие привычки к абстрагированию от повседневного, избегание таких сложных мыслительных операций, как работа с глобальным и воображаемым, на которые наложился страх за свою жизнь, усыпили разум и пробудили чудовищ. Чудища имели разный облик: часть граждан отрицала само наличие вируса, отказывалась использовать средства персональной защиты, не желала вакцинироваться, распространяла слухи о «жидком чипировании» и иным образом проявляла активно-агрессивное мракобесие; другая часть демонстрировала вопиющее легкомыслие по отношению к своему здоровью, пренебрежение к своей жизни, а заодно и окружающих. Протест против введения QR-кодов был единственным примером гражданской солидаризации в то время, когда в других странах граждане поддерживали действия правительств, а протестовали против них только маргинальные сообщества: в Израиле — хасидские районы, в США и Италии — необразованное население южных территорий.

В сказке, излагающей одну из версий создания Келлской книги, мальчик-послушник, будущий иллюстратор этой рукописи,

храбро заявлял: «Истинному христианину не страшно воображаемое» (True Christian has no fear of imaginary things)⁶. Действительно, религии должны учить неофитов отличать подлинные чудеса от мнимых. Однако подготовка к встрече с неизведанным — задача, в первую очередь, системы светского образования. Именно истинно образованному человеку, независимо от вероисповедания, не должна быть страшна встреча с новым и непознанным.

Наше исследование показало, что советская система образования не справилась с этой задачей. Она сформировала общество догматиков, неспособных к коллективному научному мышлению. Догматизм, светский или религиозный, не помог его носителям при встрече с необъяснимым. Полная закрытость сознания для кажущегося иррациональным, отрицание его (мол, вся эта эпидемия вымышленная) были одной из двух полярных позиций. На другом полюсе оказались пассивность, подчинение и иррациональная покорность «судьбе», продемонстрированные частью религиозных общин (члены которых посещали службы в переполненных храмах) и пенсионерами (рассуждавшими в духе: «Пойду сделаю прививку, всё равно скоро умирать, зато подарочек от мэра Москвы получу»).

Во всем спектре поведения взрослых россиян проявили себя и недоверие, и агрессия, и двоемыслие, и склонность к суевериям, и приверженность стереотипам, и цинизм,

⁶ «Тайна Келлс» (“The Secret of Kells”, анимационный фильм, реж. Н. Туми, Т. Мур, Ирландия, Бельгия, Франция, 2009).

и гипертрофированный конформизм, и отказ от ответственности, — все те паттерны индивидуального и общественного сознания, которые в значительной степени являются производными эффектами технократизма и авторитаризма советской образовательной системы.

Список литературы и источников

1. **Адорно Т.** Исследование авторитарной личности / [пер. с нем. М. Н. Попова, М. В. Кондратенко]. М.: Астрель, 2012. 473 с. (Philosophy).
2. **Бажанов В. А.** Абстрагирование и абстракции в оптике нейронауки // Эпистемология и философия науки. 2021. Т. 58. № 2. С. 6—18. <https://doi.org/10.5840/eps202158222> EDN: FGFKAD.
3. **Богданов А. А.** Тектология: всеобщая организационная наука: в 2 кн. / редкол.: Л. И. Абалкин (отв. ред.) и др. М.: Экономика, 1989. Кн. 1. 304 с. (Экономическое наследие).
4. **Графский В. Г.** Государство и технократия: историко-критические исследования. М.: Наука, 1981. 289 с.
5. **Дюкло Ж.** Голлизм, технократия, корпоративизм: пер. с фр. М.: Прогресс, 1964. 147 с.
6. **Кадникова О. В., Бабкина Н. А.** Становление феномена выученной беспомощности и его влияние на современное общество // Вектор экономики. 2019. № 11 (41). С. 118. EDN: ICTAAS.
7. **Кольчева С. В.** Технократизм как причина кризиса гуманистической культуры // Омский научный вестник. 2006. № 6 (41). С. 31—34. EDN: HDVQFW.
8. **Кунафин М. С.** Технократический и экологический стереотипы мышления и поведения: философский и социально-психологический анализ: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.01. Уфа, 1991. 17 с.
9. **Локосов В. В.** Патерналистские настроения массового сознания: мифы и реальность // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2011. № 1 (89). С. 29—33. EDN: MNQLWH.
10. **Максимов С. В.** Нечистая, неведомая и крестная сила / соч. С. В. Максимова. СПб.: т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1903. [2], IV, 526, III с. (Этнографическое бюро кн. В. Н. Тенишева).
11. **Марсель Г.** Опыт конкретной философии / [пер. с фр. В. П. Большакова, В. П. Визгина]. М.: Республика, 2004. 222 с. (Мыслители XX века).
12. **Сен-Симон К. А. де.** Избранные сочинения. Т. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. 468 с.
13. **Фатклисламов Ф. Н.** Абстрагирование как метод познавательной деятельности: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.01. Казань, 1990. 168 с.
14. **Флусова В. С.** Исследование влияния степени религиозности на социальные установки отношения к аутистам в православной среде // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2014. Т. 7. С. 195—202. EDN: RZONWN.
15. **Хрушкова К. А.** Выученная беспомощность как социально сформированный феномен // Психология XXI века: вызовы, поиски, векторы развития: сборник материалов Всероссийского симпозиума психологов с международным участием (Рязань, 09—10 апр. 2020). Рязань: Академия права и управления ФСИН, 2020. С. 633—638. EDN: JWELDQ.
16. **Циринг Д. А.** Выученная беспомощность и жизненные события // Вестник Института психологии и педагогики. 2003. № 1. С. 155—159. EDN: SJTGCF.
17. **Heidegger M.** The Question Concerning Technology, and Other Essays. Reissue ed. New York: Harper Perennial, 2013. 224 p. (Harper Perennial Modern Thought).
18. **Learned Helplessness, Welfare and the Poverty Cycle** / ed. K. L. Heitkamp. New York: Greenhaven Publ., 2019. 176 p.
19. **Moatti A.** Alterscience: Postures, dogmes, idéologies. Paris: Odile Jacob, 2013. 334 p.
20. **Peterson C., Maier S. F., Seligman M. E. P.** Learned Helplessness: A Theory for the Age

of Personal Control. New York; Oxford: Oxford Univ. Press, 1993. 359 p.

21. **Servier J.** L'idéologie. Paris: Presses universitaires de France, 1982. 126 p.
22. **Stiehm J.** The U.S. Army War College: Military Education in a Democracy. Philadelphia: Temple Univ. Press, 2002. VIII, 260 p.

References

1. Adorno Theodor. *Studien zum autoritären Charakter*. Leipzig: Suhrkamp, 1995. 512 S. (In German).
2. Bazhanov Valentin A. "Abstraction through the Lens of Neuroscience". *Epistemologiya i filosofiya nauki = Epistemology & Philosophy of Science* 58.2 (2021): 6—18. (In Russian). <https://doi.org/10.5840/eps202158222> EDN: FGFKAD.
3. Bogdanov A. A. *Tectology: General Organizational Science*. Publ. ed. L. I. Abalkin et al. Book 1. Moscow: Ekonomika, 1989. 304 p. 2 books. (In Russian).
4. Grafskiy V. G. *State and Technocracy: Historical and Critical Studies*. Moscow: Nauka, 1981. 289 p. (In Russian).
5. Duclos Jacques. *Gaullisme, technocratie, corporatisme*. Paris: Editions Sociales, 1963. 200 p. (In French).
6. Kadnikova O. V., Babkina N. A. "Formation of the Phenomenon of Learned Helplessness and its Impact on Modern Society". *Vektor ekonomiki = Vector Economy* 11 (41) (2019): 118. (In Russian). EDN: ICTAAC.
7. Kolycheva S. V. "Technocracism as the Cause of Crisis of Humanistic Culture". *Omskiy nauchnyy vestnik = Omsk Scientific Bulletin* 6 (41) (2006): 31—34. (In Russian). EDN: HDVQFW.
8. Kunafin M. S. *Technocratic and Ecological Patterns of Thinking and Behavior: Philosophical and Socio-Psychological Analysis*: Extended Abstract for the Cand. Sci. (Philos.) Dissertation. Ufa, 1991. 17 p. (In Russian).
9. Lokosov V. V. "Paternalist Sentiment in Mass Consciousness: Myths and Reality". *Uchenyye zapiski Rossiyskogo gosudarstvennogo sotsial'nogo universiteta = Scientific Notes of the Russian State Social University* 1 (89) (2011): 29—33. (In Russian). EDN: MNQLWH.
10. Maksimov S. V. *Evil Spirit, Unbeknownst Force and Good Heavens*, work by S. V. Maksimov. St. Petersburg: t-vo R. Golike i A. Vil'borg, 1903. [2], iv, 526, iii p. (In Russian). Etnograficheskoye byuro kn. V. N. Tenisheva.
11. Marcel Gabriel. *Essai de philosophie concrète*. Paris: Gallimard, 1999. 368 p. (In French).
12. Saint-Simon C.-H. de. *Œuvres choisies: précédées d'un essai sur sa doctrine*. T. 1. Bruxelles: Van Meenen, 1859. cxii, 264 p. (In French).
13. Fatklislamov F. N. *Abstracting as Cognitive Activity Method*: Diss. for the Cand. Sci. (Philos.). Kazan, 1990. 168 p. (In Russian).
14. Flusova V. S. "Research on the Influence of Religiousness on Social Attitudes towards Out-Groups in the Orthodox Religious Environment". *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedeniye = The Bulletin of Irkutsk State University. Series: Political Science and Religion Studies* 7 (2014): 195—202. (In Russian). EDN: RZONWN.
15. Khrushkova K. A. "Learned Helplessness as Socially Formed Phenomenon". *Psikhologiya XXI veka: vyzovy, poiski, vektory razvitiya: sbornik materialov Vseros. simpoziuma psikhologov s mezhdunar. uchastiyem* (Ryazan', 09—10 apr. 2020). Ryazan: Academy of Law Management of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2020. 633—638. (In Russian). EDN: JWELDQ.
16. Tsiring Diana A. "Learned Helplessness and Life Events". *Vestnik Instituta psikhologii i pedagogiki* 1 (2003): 155—159. (In Russian). EDN: SJTGCF.
17. Heidegger Martin. *The Question Concerning Technology, and Other Essays*. Reissue ed. New York: Harper Perennial, 2013. 224 p. Harper Perennial Modern Thought.
18. Heitkamp K. L., ed. *Learned Helplessness, Welfare and the Poverty Cycle*. New York: Greenhaven Publ., 2019. 176 p.
19. Moatti Alexandre. *Alterscience: Postures, dogmes, ideologies*. Paris: Odile Jacob, 2013. 334 p. (In French).

20. Peterson C., Maier S. F., Seligman M. E. P. *Learned Helplessness: A Theory for the Age of Personal Control*. New York: Oxford Univ. Press, 1993. 359 p.
21. Servier Jean. *L'idéologie*. Paris: Presses universitaires de France, 1982. 126 p. (In French).
22. Stiehm J. *The U.S. Army War College: Military Education in a Democracy*. Philadelphia: Temple Univ. Press, 2002. viii, 260 p.

Информация об авторах

Растимешина Татьяна Владимировна — доктор политических наук, доцент, главный редактор журнала «Экономические и социально-гуманитарные исследования», Национальный исследовательский университет «МИЭТ» (Россия, 124498, г. Москва, пл. Шокина, д. 1).

Лункина Юлия Валентиновна — магистр издательского дела, редактор журнала «Известия высших учебных заведений. Электроника», Национальный исследовательский университет «МИЭТ» (Россия, 124498, г. Москва, пл. Шокина, д. 1).

Information about the authors

Tatiana V. Rastimeshina — Dr. Sci. (Polit.), Assoc. Prof., editor-in-chief at the academic journal “Economic and Social Research”, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Shokin sq., 1).

Yulia V. Lunkina — MS in Publishing, editor at the academic journal “Proceedings of Universities. Electronics”, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Shokin sq., 1).

Статья поступила в редакцию после доработки 22.07.2023.

The article was submitted after updating 22.07.2023.

**ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ СИСТЕМА КООРДИНАТ: ОБРАЗОВАНИЕ,
ВОСПИТАНИЕ, РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕКА**
**PEDAGOGICAL COORDINATE SYSTEM: EDUCATION, UPBRINGING,
HUMAN DEVELOPMENT**

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2023. № 3 (39). С. 209—215.

Economic and Social Research. 2023. No. 3 (39). P. 209—215.

Научная статья

УДК 372.881.1

doi: 10.24151/2409-1073-2023-3-209-215

<https://elibrary.ru/kiguyd>

К вопросу об обучении коллокациям японского языка на начальном уровне

И. Р. Нурғалиев

Московский городской педагогический университет, Москва, Россия

ilnaznurgaliev@mail.ru

Аннотация. Рассмотрены основные проблемы обучения студентов устойчивым выражениям (коллокациям) иностранного языка. Проанализирована специфика преподавания (на начальном уровне изучения языка) тематических модулей, связанных с коллокациями японского языка. Произведен сравнительный анализ, выявлены преимущества и недостатки различных методик и технологий обучения коллокациям японского языка. Высказано предположение, что изучение коллокаций должно базироваться на контекстуальном подходе с применением текстовых корпусов. Предложены методологические подходы к интегрированию текстовых корпусов в процесс обучения коллокациям японского языка на начальном этапе его изучения.

Ключевые слова: обучение коллокациям, японский язык, языковой корпус, методика обучения, начальный уровень

Для цитирования: Нурғалиев И. Р. К вопросу об обучении коллокациям японского языка на начальном уровне // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2023. № 3 (39). С. 209—215. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-3-209-215> EDN: KIGUYD.

Original article

Revisiting the teaching of Japanese collocations at elementary level

I. R. Nurgaliev

Moscow City University, Moscow, Russia

ilnaznurgaliev@mail.ru

© Нурғалиев И. Р.

Abstract. The author considers main problems of teaching students stable expressions (collocations) of a foreign language. The specifics of teaching (at the elementary level of language learning) thematic modules related to Japanese language collocations are analyzed. A comparative analysis is made, the advantages and disadvantages of various methods and technologies of teaching Japanese collocations are revealed. It has been suggested that the study of collocations should be based on a contextual approach using text corpora. Methodological approaches to the integration of text corpora into the process of teaching Japanese collocations at the elementary level of its study are proposed.

Keywords: teaching collocations, Japanese language, language corpus, teaching methodology, elementary level

For citation: Nurgaliev I. R. "Revisiting the Teaching of Japanese Collocations at Elementary Level". *Economic and Social Research* 3 (39) (2023): 209—215. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-3-209-215> EDN: KIGUYD.

Введение

По мере развития методик обучения иностранным языкам актуализируется проблема и необходимость обучения студентов устойчивым выражениям (коллокациям). Коллокации составляют значительную часть речи носителей языка: в детстве люди усваивают не отдельные слова, а целостные устойчивые лексико-грамматические сочетания. То есть обучение иностранному языку, когда обучающемуся часто приходится учить большое число отдельных лексических единиц, не соответствует природе его естественного усвоения. Заучивание отдельных слов порождает следующую проблему: обучающийся, имеющий значительный пассивный словарный запас, нередко оказывается не в состоянии адекватно оперировать изученной лексикой, создает ошибочные сочетания, которые не существуют в речи носителей языка.

Обучение японскому языку сопряжено с этой проблемой в особенно высокой степени, поскольку оно предполагает изучение иероглифики. Многие обучающиеся концентрируются на запоминании произношения иероглифов (если не знать, как читается иероглиф, сложно понять смысл текста), тогда как представление о функционировании слов у студентов остается обрывочным: обучающийся заучивает значения слов,

но не умеет правильно употреблять их в речи. Р. Лью удалось подсчитать количество ошибок, совершаемых студентами на разных этапах изучения японского языка. На начальном этапе ошибки в коллокациях составляют 15—22 % всей речи обучающихся, у студентов среднего уровня количество ошибок возрастает до 18—25 %, и только студенты продвинутого уровня начинают ошибаться меньше (в 7—10 % случаев) [8, с. 69]. Поэтому очень важно на начальных этапах обучения акцентировать внимание обучающихся на использовании устойчивых выражений.

Любое обучение коллокациям базируется на лексическом подходе, идеи которого пронизывают все теоретические и методические работы, посвященные этой теме. Стоит отметить, что обучение коллокациям не предполагает изучения «правил». Как справедливо отмечает В. В. Ключихин, «...ученые пришли к консенсусу, что не существует правил формирования коллокаций» [3, с. 76]. Поэтому любое изучение идиом и устойчивых грамматических конструкций связано с формированием у обучающихся знаний, навыков и умений, необходимых для выявления и запоминания иноязычных коллокаций и оперирования ими.

Основные методики обучения студентов коллокациям иностранных языков

Развитие методик, связанных с обучением коллокациям иностранных языков, несколько десятилетий назад проходило в двух основных направлениях. Первое направление было связано с расширением у обучающихся *коллокационной осведомленности*. А. А. Багарян рассматривает коллокационную осведомленность как «ознакомительные знания» — элемент языковой компетенции, представляющий собой базовую информацию о лексике, грамматике, фонетике, сочетаемости, синтаксисе языка [2, с. 9]. В то же время некоторые исследователи (например, Я. Ин и М. О’Нил) полагали, что обучение коллокациям должно идти по пути формирования не просто осведомленности, а полноценного «знания коллокаций» (*collocational knowledge*) [11].

Эти походы сегодня непротиворечиво интегрированы: расширение коллокационной осведомленности является первым этапом процесса формирования «коллокационной компетенции» — знания коллокаций и умения ими пользоваться [5, с. 51]. По утверждению Ю. Г. Седёлкиной, компетентностная модель лежит в основе обучения иностранным языкам во многих странах,

в том числе в России [5], и сегодня существует международный консенсус ученых по поводу того, что формирование коллокационной компетенции является вторым и наиболее важным этапом обучения студентов языковым коллокациям [1; 5].

Ю. Г. Седёлкина справедливо отметила, что коллокационная компетенция тесно связана с тремя другими языковыми компетенциями: социолингвистической, функциональной и коммуникативной. В свою очередь, Л. Б. Алексеева предложила следующее определение: «Коллокационная компетенция представляет собой способность сочетать лексические единицы согласно нормам изучаемого языка, базирующаяся на знании коллокаций и речевых навыках их употребления во всех видах речевой деятельности» [1, с. 11—12]; ученый подчеркнула, что коллокационная компетенция входит в лексическую компетенцию [1, с. 13]. Однако нам представляется важным, что коллокация — это лексико-грамматическая единица языка, и, сводя ее исключительно к лексической категории, мы можем упустить грамматические особенности некоторых коллокаций.

Формирование коллокационной компетенции как методическая проблема. Технологии контекстного обучения

Обучающиеся, по наблюдениям Б. Лауфер, как правило, не осознают важность знания коллокаций [7]: они представляют лексику изучаемого языка как состоящую из отдельных лексем и не хранят в памяти цельные лексические сочетания. Поэтому необходимо, считает А. А. Багарян, прежде чем говорить о формировании у обучающихся соответствующей компетенции, расширить их коллокационную осведомленность [2, с. 5]. Научив студентов пользоваться справочниками и словарями, сформировав навыки самостоятельной словарной работы, преподаватель может перейти к работе над коллокационной компетенцией.

Формирование коллокационной компетенции при обучении японскому языку российских студентов представляет ряд трудностей, поскольку не существует отечественных методических пособий, которые могли бы помочь преподавателям и студентам. Соответственно, необходимо опираться на разработки японских авторов.

Одна из наиболее известных технологий обучения устойчивым лексическим сочетаниям японского языка — «технология, способствующая категоризации кокуррентных слов» — разработана Ю. Миёси [9; 10]. Эта технология тестировалась на примере изучения студентами коллокаций «глагол + существительное».

Автор исходила из идеи, что глагол, сочетаясь с определенными существительными, образует семантическое поле. Студенты, изучая, с какими существительными сочетаются глаголы, конструируют собственное представление об этих семантических полях и могут категоризировать коокуррентные для этого глагола слова. Так, коокуррентными с глаголом «терять» (失⁵) являются существительные «жизнь» (命), «семья» (家族) и «собственность» (財産), которые можно объединить понятием «очень важное»: естественно употреблять глагол «терять» в тех случаях, когда речь идет о потере чего-то важного, ценного, дорогого. Поэтому словосочетание «потерять 10 иен», с точки зрения носителя языка, не является верным: 10 иен не соответствуют масштабу потери, которую подразумевает глагол. Автор технологии отмечает, что ее применение способствует развитию памяти студентов за счет того, что в ходе изучения коллокаций обучающиеся глубоко осмысливают семантику глаголов и слов, входящих в их семантическое поле [9, с. 104].

Вместе с тем автор технологии полагает, что она должна дополняться технологией запоминания коллокаций без категоризации устойчиво употребляемых с глаголом существительных. Заметив, что при освоении родного языка носители языка не делают сознательного усилия для категоризации тех или иных слов, Ю. Миёси предположила, что обучающиеся смогут принимать решение и о правильности употребления той или иной коллокации, запоминая отдельные примеры словосочетаний.

Тестирования показали, что технология категоризации эффективна: студенты быстро усваивают сочетаемость глаголов и существительных, начинают проявлять больший интерес к изучению лексики и семантики японского языка. Технология имеет и ряд других преимуществ. Во-первых, она позволяет обучающимся строить устойчивые ассоциативные связи между словами япон-

ского языка. Во-вторых, это несложная технология, которую можно применять на всех уровнях обучения японскому языку. Создание устойчивых ассоциативных групп для конкретных лексем японского языка представляется нам возможным и на начальном уровне: даже самые простые глаголы входят в ряды сочетаний, которые можно объединить в отдельные категории и тем самым помочь обучающимся систематизировать знания о японском языке и перейти к применению изученных коллокаций в речи. В-третьих, изучение сочетаемости слов может начинаться не с устойчивых выражений, а со свободных часто употребляемых сочетаний. Это способствует обогащению активного словарного запаса и совершенствованию речевых навыков обучающихся.

Дж. Ким [6, с. 72–73] описывает принятое С. Цюй исследование обучения студентов, чьим родным языком был китайский, коллокациям японского языка. В рамках исследования С. Цюй разработана методика контекстного изучения коллокаций. Ее суть заключается в том, что студентам предлагается высказать предположение о значении коллокации, угадав его в контексте. В эксперименте приняли участие 42 студента: экспериментальная группа с контекстным обучением коллокациям и контрольная группа, которой преподаватель сам разъяснял значение коллокаций. Промежуточные и итоговые тестирования показали, что результаты усвоения коллокаций в экспериментальной группе были значительно лучше, чем в контрольной.

Основные идеи контекстуального подхода С. Цюй перекликаются с идеями Ю. Миёси: в их работах предлагается изучать коллокации в определенном (узком или более широком) контексте; применение обеих технологий приводит к активизации когнитивных процессов обучающихся. Однако Дж. Ким справедливо отмечает, что эти технологии не безупречны и имеют ряд недостатков [6, с. 72]. Так, при обучении через контекст

обучающийся встречается с большим корпусом незнакомой лексики, что усложняет для студента задачу выведения значения коллокации из контекста. Нам также представляется, что такого рода методики недостаточно валидны: для эксперимента отобрано лишь незначительное число коллокаций, поэтому технологии сложно будет реализовывать в обучении иностранному языку на постоянной основе.

На наш взгляд, для изучения коллокаций в контексте, поиска примеров употребления, категоризации кокуррентных слов, извлечения лингвостатистической информации могут быть использованы текстовые корпуса. Многие исследователи не поддерживают использование корпусов на начальном этапе обучения языкам, поскольку: представленные в корпусах примеры обычно сложны; в корпусе нередко представлены нерелевантные примеры / тексты; работа с корпусом не способствует формированию речевых навыков и умений; обучающиеся не обладают навыками интерпретации данных; для работы с корпусом у студента должны быть сформированы базовые языковые компетенции, а также компетенции пользователя компьютерных программ и сервисов [4].

На наш взгляд, текстовый корпус — это лишь база данных, формируемая конкурданс-программами или компьютерными сервисами, которая должна использоваться в работе со студентами только после того,

Выводы

Таким образом, можно утверждать, что обучение коллокациям так или иначе должно базироваться на контекстном обучении с применением текстовых корпусов. Для того чтобы педагогический потенциал контекстного обучения с применением корпусов был реализован в максимальной степени, корпуса должны применяться выборочно; дан-

как сгенерированный компьютерной программой корпус будет обработан и адаптирован преподавателем [4, с. 180]. Такой подход позволит избежать большинства проблем, неизбежно возникающих при использовании в индуктивном и проблемном обучении (которое лежит в основе корпусного подхода) «готовых» неадаптированных текстовых корпусов.

Одним из недостатков применения корпусного подхода на начальном этапе обучения иностранным языкам специалисты считают информационную избыточность текстовых корпусов: помимо колоссального объема языковой информации многие корпуса содержат много статистической информации, а избыток данных нередко пугает и демотивирует обучающихся. На наш взгляд, этой проблемы также можно избежать, применяя специализированные корпусные программы. Так, *Hinoki Project: Natsume* — это корпусный онлайн-инструмент, который позволяет изучать лексическую и грамматическую сочетаемость слов. На данном ресурсе слова сгруппированы по падежам и частоте употребления; другой информации ресурс не содержит, поэтому количество информационного шума, который потенциально мог бы помешать обучающемуся, минимально; этот ресурс очень прост в использовании и может применяться в качестве справочника на этапе расширения коллокационной осведомленности обучающихся.

ные, содержащиеся в корпусе, должны быть адаптированы преподавателем к педагогической задаче, решаемой на занятии, и возможностям студентов. Методика обучения коллокациям японского языка на начальном уровне с опорой на контекстное обучение — новое направление исследования, которое обладает большой перспективой развития.

Список литературы и источников

1. **Алексеева Л. Б.** Методика формирования коллокационной компетенции у студентов неязыковых факультетов в процессе обучения английской научной речи: автореф. дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2011. 25 с.
2. **Багарян А. А.** Методика расширения коллокационной осведомленности студентов языковых факультетов: Английский язык: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Тамбов, 2004. 18 с.
3. **Клочихин В. В.** Формирование коллокационной компетенции обучающихся на основе электронного лингвистического корпуса // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2019. Т. 24. № 179. С. 69—80. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2019-24-179-69-80> EDN: YZESFF.
4. **Нурғалиев И. Р., Евдокимова М. Г.** Возможности использования лингвистического корпуса в обучении иностранному языку на начальном этапе // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Педагогика и психология. 2022. № 1 (58). С. 176—183. <https://doi.org/10.26456/vtppsyped/2022.1.176> EDN: EKJFBG.
5. **Седякина Ю. Г.** Использование фоносемантических лексических комплексов в обучении иноязычной речи: На материале английского языка: дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2006. 219 с.
6. **Kim J.** The effect of instruction on the collocation learning of Korean learners who are native speakers of Japanese: From the comparison between contextualized instruction and decontextualized instruction // Japanese Language Education. 2015. No. 50. P. 71—80. (На яп. яз.).
7. **Laufer B.** Focus on form in second language vocabulary learning // EUROSLA Yearbook / eds S. H. Foster-Cohen et al. Vol. 5. Amsterdam: John Benjamins Publ., 2005. P. 223—250. <https://doi.org/10.1075/eurosla.5.11lau>
8. **Liu R.** The relationship between the use of noun-verb collocations by Japanese language learners and their Japanese proficiency: An analysis of YNU written language corpus // Journal of Japanese Language Teaching. 2017. Vol. 166. P. 62—76. https://doi.org/10.20721/nihongokyoiku.166.0_62
9. **Miyoshi Y.** An experimental study of the effects of teaching Japanese intermediate verbs in collocations: Having learners categorize the words that co-occur with the verbs // Journal of Japanese Language Teaching. 2011. Vol. 150. P. 101—115. https://doi.org/10.20721/nihongokyoiku.150.0_101
10. **Miyoshi Y.** An experimental study of the effects of teaching words in collocations // Journal of Japanese Language Teaching. 2007. Vol. 134. P. 80—89. (На яп. яз.).
11. **Ying Y., O'Neill M.** Collocation learning through an 'AWARE' approach: Learner perspectives and learning process // Researching Collocations in Another Language / eds A. Barfield, H. Gyllstad. London: Palgrave Macmillan, 2009. P. 181—193. https://doi.org/10.1057/9780230245327_14

References

1. Alekseeva L. B. *A Technique of Collocational Competence Formation in Students of Non-Language Faculties in the Process of Teaching English Scientific Speech*: Extended Abstract of Cand. Sci. (Ped.) Diss. St. Petersburg, 2011. 25 p. (In Russian).
2. Bagaryan A. A. *A Technique of Expanding Collocation Awareness of Students of Language Faculties (English)*: Extended Abstract of Cand. Sci. (Ped.) Diss. Tambov, 2004. 18 p. (In Russian).
3. Klochikhin V. V. "Development of Collocational Competence of Students on the Basis of Electronic Linguistic Corpus". *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Tambov University Review: Series Humanities* 24.179 (2019): 69—80. (In Russian). <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2019-24-179-69-80> EDN: YZESFF.
4. Nurgaliev I. R., Evdokimova M. G. "Possibilities of Using Linguistic Corpus in Foreign Language Acquisition at the Beginner's Level". *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo*

- universiteta. Seriya: Pedagogika i psikhologiya* 1 (58) (2022): 176—183. (In Russian). <https://doi.org/10.26456/vtspyped/2022.1.176> EDN: EKJFBG.
5. Sedelkina Yu. G. *The Use of Phonosemantic Lexical Complexes In Teaching Foreign-Language Speech: On the Material of English*: Diss. for the Cand. Sci. (Ped.). St. Petersburg, 2006. 219 p. (In Russian).
6. Kim Jiyong. “The Effect of Instruction on the Collocation Learning of Korean Learners Who Are Native Speakers of Japanese: From the Comparison between Contextualized Instruction and Decontextualized Instruction”. *Japanese Language Education* 50 (2015): 71—80. (In Japanese).
7. Laufer Batia. “Focus on Form in Second Language Vocabulary Learning”. *EUROSLA Yearbook*. Eds Susan H. Foster-Cohen, María del Pilar García Mayo, Jasone Cenoz. Vol. 5. Amsterdam: John Benjamins Publ., 2005. 223—250. <https://doi.org/10.1075/eurosla.5.11lau>
8. Liu Ruili. “The Relationship between the Use of Noun-Verb Collocations by Japanese Language Learners and Their Japanese Proficiency: An Analysis of YNU Written Language Corpus”. *Journal of Japanese Language Teaching* 166 (2017): 62—76. https://doi.org/10.20721/nihongkyoiku.166.0_62
9. Miyoshi Yuko. “An Experimental Study of the Effects of Teaching Japanese Intermediate Verbs in Collocations: Having Learners Categorize the Words that Co-Occur with the Verbs”. *Journal of Japanese Language Teaching* 150 (2012): 101—115. https://doi.org/10.20721/nihongkyoiku.150.0_101
10. Miyoshi Yuko. “An Experimental Study of the Effects of Teaching Words in Collocations”. *Journal of Japanese Language Teaching* 134 (2007): 80—89. (In Japanese).
11. Ying Yang, O’Neill Marnie. “Collocation Learning through an ‘AWARE’ Approach: Learner Perspectives and Learning Process”. *Researching Collocations in Another Language*. Eds Andy Barfield, Henrik Gyllstad. London: Palgrave Macmillan, 2009. 181—193. https://doi.org/10.1057/9780230245327_14

Информация об авторе

Нурғалиев Илназ Рамилович — ассистент кафедры японского языка Института иностранных языков, аспирант кафедры французского языка и лингводидактики Института иностранных языков, Московский городской педагогический университет (Россия, 129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный пр-д, 4).

Information about the author

Ilmaz R. Nurgaliev — Teaching Assistant at Japanese Language Department of Institute of Foreign Languages, post-graduate student at French Language and Linguodidactics Department of Institute of Foreign Languages, Moscow City University (Russia, 129226, Moscow, Vtoroy Selskohoziastvenny proezd, 4).

Статья поступила в редакцию 13.06.2022.

The article was submitted 13.06.2022.

ИНФОРМАЦИЯ INFORMATION

Владимиру Александровичу Беспалову — 65 Vladimir Aleksandrovich Bespalov is 65 years of age

In the year 2023, Vladimir Aleksandrovich Bespalov, Dr. Sci. (Eng.), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Rector of National Research University of Electronic Technology since 2016, winner of Presidential Award in Education and RF Government Award in Science and Technology, decorated with Order of Friendship, member of Presidium of Presidential Council for Science and Education, celebrates his 65th birthday.

В 2023 г. отмечает 65-летие Беспалов Владимир Александрович, доктор технических наук, член-корреспондент РАН, ректор Национального исследовательского университета «МИЭТ» с 2016 г., лауреат премии Президента РФ в области образования и Правительства РФ в области науки и техники, кавалер ордена Дружбы, член Президиума Совета по науке и образованию при Президенте РФ.

Профессор В. А. Беспалов — специалист в области физики и технологии гетероструктур, элементной базы, микро- и нанoeлектроники, устройств микросистемной техники, автор и соавтор более 200 научных работ, из них 5 монографий и 50 авторских свидетельств.

В годы работы проректором по научной и инновационной деятельности Владимир Александрович опубликовал в соавторстве ряд статей и книг, посвященных различным аспектам инновационного предпринимательства, принципам создания инновационной инфраструктуры наукоградов и организации высокотехнологичных кластеров. На посту ректора Национального исследовательского университета Владимир Александрович продолжает уделять внимание развитию производственной и инновационной инфраструктуры вуза, справедливо полагая такую инфраструктуру неотъемлемой частью подготовки специалистов для цифровой экономики будущего.

Поздравляем Владимира Александровича с юбилеем, желаем позитивной энергии и успехов на благо российской науки и образования!

Памятные и знаменательные даты Memorable and remarkable dates

The list of landmarks and significant dates of world and Russian history.

События в июле — сентябре 2023 года

5 июля 1793 г. (230 лет назад) родился *Павел Иванович Пестель* — русский дворянин, декабрист, глава Южного тайного общества и автор его политической программы — документа «Русская правда» (1823), предлагавшегося в качестве основы будущей Конституции государства Российского. До наших дней сохранились пророческие слова Пестеля, прозвучавшие перед казнью: «Что посеял, то и взойти должно и взойдет впоследствии непременно».

16 июля 1748 г. (275 лет назад) ученый-энциклопедист (физик и астроном, историк и филолог) *Михаил Ломоносов* впервые сформулировал «всеобщий естественный закон» — закон сохранения материи.

19 июля 1898 г. (125 лет назад) родился *Герберт Маркузе* — немецкий и американский философ и социолог, критик классического марксизма и советского марксизма-ленинизма. Маркузе не верил в руководящую роль рабочего класса, так как общество потребления развращает всех и рабочий класс в первую очередь. В книге «Одномерный человек» он рассуждал о современном бесклассовом обществе, далеком от коммунизма. Единственной силой, способной на революцию, Маркузе признавал маргиналов, которым нечего противопоставить системе, кроме тотального неприятия ее ценностей.

24 июля 1828 г. (195 лет назад) родился *Николай Гаврилович Чернышевский* — русский писатель, философ, литературный критик и революционный демократ. Мирозрение Чернышевского сложилось под влия-

нием работ классиков немецкой философии, английской политической экономии и французского утопического социализма.

19 августа 1923 г. (100 лет назад) скончался *Вильфредо Парето* — итальянский экономист и социолог, один из основоположников теории элит. Парето разработал несколько теорий, названных его именем: статистическое Парето-распределение и Парето-оптимум. Эти теории нашли широкое применение в области народного хозяйства и во многих научных дисциплинах.

23 августа 1943 г. (80 лет назад) советская Красная армия разгромила немецко-фашистские войска в *битве на Курской дуге*. Курская битва, длившаяся 49 дней, закрепила коренной перелом в ходе Великой Отечественной войны.

26 августа 1728 г. (295 лет назад) родился *Иоганн Ламберт* — немецкий физик, философ, математик и астроном. Ему принадлежит идея универсального языка знаков (так называемая семиотика). В 1764 г. Ламберт издал обширное философское сочинение по вопросам критической философии, заслужившее одобрение Иммануила Канта.

5 сентября 1568 г. (455 лет назад) родился *Томмазо Кампанелла* — итальянский философ-утопист и писатель, считавшийся «передовым бойцом» современной ему положительной науки и выступавший в защиту Галилея. Среди творений Кампанеллы — знаменитая утопия «Город Солнца», изображающая в форме романа идеальную страну. Население этого города-государства ведет «философскую жизнь в коммунизме», т. е.

имеет всё общее, не исключая и жен. Уничтожение собственности, по мнению Кампанеллы, уничтожает и многие пороки: исчезает всякое самолюбие и развивается любовь к общине.

Даты, отмечаемые ежегодно

12 августа — Международный день молодежи.

21 августа — Международный день памяти и поминовения жертв терроризма.

29 августа — Международный день действий против ядерных испытаний.

1 сентября — День знаний.

13 сентября 1853 г. (170 лет назад) родилась *Софья Львовна Перовская* — русская революционерка, одна из руководителей группы «Народная воля», совершившей убийство императора Александра II. Перовская стала первой женщиной в России, казненной по политическому процессу.

5 сентября — Международный день благотворительности.

8 сентября — Международный день грамотности.

21 сентября — Международный день мира.

28 сентября — Международный день всеобщего доступа к информации.

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ New books

Books on pedagogic science, urban economy, historical and cultural studies edited recently in Moscow and city of Glazov.

Захарищева М. А. Борис Петрович Есипов: от организатора народного образования до выдающегося дидакта / М. А. Захарищева, И. А. Голубева. — Глазов : Глазовский государственный педагогический институт имени В. Г. Короленко, 2023. — 68 с. — ISBN 978-5-93008-401-6. — EDN MJJHMF.

Авторы, преподаватели Глазовского государственного педагогического института доктор педагогических наук М. А. Захарищева и старший преподаватель кафедры педагогики и психологии И. А. Голубева, посвятили издание жизненному пути и трудам своего выдающегося земляка Бориса Петровича Есипова (1894—1967), без которого невозможно представить отечественную педагогику второй трети XX в. Борис Есипов относится к тому поколению отечественных ученых, которое закладывало основы советской педагогики в послереволюционный период. Он прошел путь от сельского учителя до крупного ученого-педагога с мировым именем, труды которого — а их насчитывается свыше 150 — и спустя десятилетия после его смерти не только не утратили актуальности, но до сих пор в значительной степени определяют развитие современной дидактики.

Книга включает в себя анализ деятельности Б. П. Есипова как организатора народного образования в городе Глазове, подборку научных статей, посвященных разным периодам его жизни, а также комплекс практических заданий. Адресована студентам и преподавателям педагогических вузов.

Ильина И. Трансформация подходов к развитию «умного города» / Ирина Ильина, Мичинага Коно ; с иллюстрациями Марии Киржаковой. — Москва : Издательский дом

Высшей школы экономики, 2023. — 245, [1] с., [12] л. цв. ил — ISBN 978-5-7598-2579-1.

В монографии представлены результаты исследования проблем развития «умных городов» в контексте социально-экономических процессов в административных, промышленных, торговых и культурных центрах России и других стран. Рассмотрены предпосылки возникновения и развития «умных городов», их роль в технологической революции, этапы «умной» трансформации городов, связь с устойчивым развитием и новыми стандартами качества жизни. Отдельный раздел посвящен созданию «умных городов» с нуля. Рассмотрены международные и российские показатели оценки мегаполисов, управляемых в соответствии с анализируемой в книге концепцией благоустройства социального и экономического пространства.

Издание предназначено для научных работников, специалистов в области экономики городов; преподавателей и студентов вузов, а также для всех интересующихся проблемами «умного» устойчивого развития городов.

Макаревич Э. Ф. Вдохновляющий яд литературы. Как художественные произведения влияли на судьбу России и СССР : Пушкин, Достоевский, Толстой, Шолохов, Чехов, Булгаков, Солженицын, Евтушенко, Хемингуэй и другие / Э. Ф. Макаревич. — Москва : URSS : Ленанд, 2023. — 519 с. — ISBN 978-5-9710-9280-3.

Автор исследует влияние литературы и искусства на людей власти, на принимаемые ими решения. Яд литературы — та правда, которая может и убить, и вдохновить. Таким ядом пропитаны стихи и поэмы А. С. Пушкина,

в свое время им «отравились» декабристы и славянофилы. Этим ядом сочатся творения великих художников П. Пикассо и С. Дали и великого писателя США Э. Хемингуэя, на которого ФБР завело дело оперативной разработки. Это яд литературы А. И. Солженицына, литературное противоядие к которому искала политическая контрразведка КГБ. Это яд булгаковских «Дней Турбиных», подтолкнувший И. В. Сталина к имперской идее, и яд толстовской пьесы «Живой труп», запрещенной американцами к постановке в контролируемой ими зоне поверженной нацистской Германии. В этом «семействе» литературных ядов — пьеса А. Корнейчука «Фронт», поддержанная И. В. Сталиным, но возмущившая его генералов и маршалов, недостаточно талантливо сражавшихся с врагами Отечества. Без прикрас описывается источающая яд литературная программа холодной войны XX в., созданная профессорами Гарварда в союзе с ЦРУ. А яд образа российского капиталиста, безжалостно представленный А. П. Чеховым в своих рассказах

и пьесах, заставляет иными глазами взглянуть на современный капитализм.

Книга будет полезна культурологам, филологам, историкам и всем интересующимся социологией литературы.

Черных С. С. Нации и национализм : История и современность / Сергей Сергеевич Черных. — Москва : URSS: Ленанд, 2023. — 200 с. — ISBN 978-5-9710-8290-3.

Издание посвящено проблемам, связанным с осмыслением различных аспектов национализма и его концептуализации в современном социально-философском дискурсе. Автор рассматривает ключевые тенденции развития наций в эпоху Модерна, которые привели к формированию различного рода представлений о национализме как многомерном феномене глобальной политики и культуры.

Книга адресована специалистам в области социальной и политической философии, социологии, истории и других дисциплин, а также всем читателям, интересующимся вопросами современного гуманитарного знания.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ FOR THE AUTHORS

The section contains the current rules on the design of materials submitted to the editing office.

(Правила оформления рукописей
действуют с 1 сентября 2022 г.)

ВНИМАНИЕ! Для публикации статьи в журнале автор оформляет подписку на 2 номера журнала. Онлайн-подписка оформляется по каталогу «Пресса России». Ссылка на каталог: <https://www.pressa-ru.ru/cat/1/edition/t80114/>

Научный журнал «Экономические и социально-гуманитарные исследования» публикует на русском языке оригинальные и обзорные статьи.

Основные рубрики:

- экономические науки;
- философские науки;
- социологические науки;
- политические науки;
- исторические науки;
- педагогические науки;
- психологические науки.

В редакцию предоставляются:

- 1) текст статьи (подписанный всеми авторами, допускается электронная подпись в формате pdf), включая список авторов, название, аннотацию, рисунки, таблицы, библиографический список;
- 2) анкеты авторов (см. бланк анкеты на сайте журнала; адрес сайта: <http://esgi-miet.ru/>);
- 3) рекомендации кафедры; сопроводительное письмо на официальном бланке (для сторонних организаций).

Ориентировочный объем публикаций: для статьи — не менее 8—10 страниц текста (от 20 000 до 40 000 знаков); материалы объемом менее 6 страниц текста (12 000 знаков) рассматриваются как краткие сообщения.

Материал для публикации должен быть собран в один файл с названием **Фамилия_ИО_Название статьи**.

Внимание! Все поступающие материалы проходят проверку в программе «Антиплагиат». Оригинальность текста: не менее 78 %; самоцитирование не более 10 %; цитирование не более 20 %.

Оформление первой страницы статьи: индекс УДК; название статьи; инициалы, фамилия автора; название учреждения, где выполнена работа; аннотация на русском и английском языках; ключевые слова. Далее следует текст статьи. (*Подробнее см.:* шаблон оформления статьи на сайте журнала. Адрес сайта: <http://esgi-miet.ru/>)

Содержание статьи должно соответствовать тематическому направлению и научному уровню журнала, обладать определенной новизной и представлять интерес для широкого круга читателей.

Авторам настоятельно рекомендуется структурировать текст статьи: выделить вводную часть, описание материалов и методов исследования (изложение теоретических основ, обзор основных теорий), результаты и их обсуждение, сделать выводы.

Аннотация (описательная) предоставляется *на русском и английском языках*, должна включать характеристику исследования с освещением его основных вопросов: предмет, основные гипотезы, результаты и выводы. Рекомендуется использовать отработанные клише: рассмотрены, изучены, представлены, проанализированы, обоснованы, показаны и др. Объем аннотации — до 150 слов.

Ключевые слова или словосочетания должны отвечать тематике исследования, соответствовать тематике статьи. Приводятся *на русском и английском языках*, отделяются друг от друга запятой, в конце точка не ставится.

Рисунки дополнительно предоставляются в отдельных файлах; они должны быть черно-белыми или в градациях серого. *Векторные рисунки* предоставляются в любом из форматов pdf; eps; ai. *Растровые рисунки* (фотографии) — в любом из форматов jpeg; tiff; png; psd. Разрешение 300 точек на дюйм, ширина рисунка ≤ 160 мм.

При выборе **единиц измерения** следует руководствоваться утвержденной системой единиц физических величин (см. ГОСТ 8.417-2002).

Географические названия должны соответствовать атласу последнего года издания.

В тексте **ссылки на цитируемую литературу** даются в квадратных скобках. Список литературы и источников оформляется в порядке алфавита фамилий авторов и (или) первых слов названий (слово за словом). Источники на иностранных языках располагаются в конце списка и выстраиваются в соответствии с латинским алфавитом.

Рекомендуется использовать не более 15 (опубликованных) литературных источников для оригинальной статьи, не менее 30 источников для обзорной статьи.

Библиографическое описание оформляется согласно ГОСТ Р.7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

Необходимо указать:

- для *книг*: фамилию и инициалы автора (курсивом), полное название книги, место издания, издательство, год, том или выпуск, ссылку на конкретные страницы;
- для *периодических изданий*: фамилию и инициалы автора (курсивом), название статьи, название журнала, год издания, том, номер, страницы публикации;
- для *материалов конференций, школ, семинаров*: фамилию и инициалы автора, название доклада, время и место проведения конференции (мероприятия), название конференции (мероприятия), город, издательство, год, страницы публикации;
- для *электронных ресурсов*: фамилию, инициалы автора, название, год, номер (если есть), URL, дату обращения.

Список авторов и сведений о них должен содержать:

- информацию о каждом авторе для публикации (на русском языке) — фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, место работы (полное название организации), занимаемая должность, почетные звания и т. п.;
- e-mail для публикации в интернете. Необходимо также предоставить контактную информацию (не для публикации) — телефон, адрес электронной почты. В статье, подготовленной несколькими авторами, следует указать ответственного за прохождение статьи, для аспирантов — научного руководителя. Все сведения должны соответствовать указанному в авторской анкете.

Требования к оформлению текста: шрифт Times New Roman, кегль 14, интервал полуторный, выравнивание по ширине, поля 2 см, отступ 1,25.

Для форматирования текста не следует использовать повторяющиеся пробелы и знаки табуляции. Необходимо различать дефис (-), знак «минус» (—) и тире (—). Нумерация рисунков и таблиц сквозная. Единственная таблица, единственный рисунок не нумеруются. Мелкие формулы выполняются в текстовом редакторе, а крупные в редакторе формул. Использование аббревиатур предполагает расшифровку.

Решение о публикации или отклонении рукописи принимается редколлегией по результатам анонимного рецензирования.

Рукописи, не соответствующие указанным требованиям, редакцией не рассматриваются.

Статьи направлять по адресу:

124498, Москва, пл. Шокина, д. 1, МИЭТ, редакция журнала «Экономические и социально-гуманитарные исследования».
E-mail: esgi.miet@yandex.ru

Подписной индекс 80114

Подписаться на журнал можно по объединенному каталогу «Пресса России» в любом отделении Почты России, обратившись к оператору

ISSN 2409-1073

9 772409 107000 >